

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

2007

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ИСТОРИЯ И

ИСТОРИКИ

2007

Историографический вестник

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
А.Н. САХАРОВ

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 930
ББК 63.2
И90

Издание основано в 1965 году,
возобновлено в 2001 году

Редакционная коллегия:

М.Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Р.А. КИРЕЕВА, Л.П. КОЛОДНИКОВА,
Д. СВАК, Л.А. СИДОРОВА (составитель и ответственный секретарь),
В.В. ФОМИН

Рецензенты:

доктор исторических наук в.Г. КОШКИДЬКО,
доктор исторических наук в.М. ЛАВРОВ

История и историки : историографический вестник / Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 1965–.

2007 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – 2009. – 372 с. – ISBN 978-5-02-036987-0 (в пер.).

В книге рассматривается широкий круг проблем, находящихся в центре внимания современных исследователей. Интерес вызывают статьи, посвященные изучению различных вопросов истории России от седой древности до XXI в. Среди них своей полемической направленностью выделяются темы: исторические истоки Руси и происхождение имени «Русь», содержание и эволюция предмета историографии, проблемы адаптации и интеграции этнических меньшинств на современном этапе. Представлено творчество и жизнь историков Б.И. Сыромятникова, Н.Л. Окунева. Продолжены мемориальные публикации в рубрике «Вспоминая наших учителей и коллег», в которую вошли статьи о С.Г. Агаджанове и Ю.И. Кораблеве. Публикуются новые материалы по истории отечественной исторической науки: письма М.С. Корели, в.И. Герье, в.В. Шульгина, в.А. Маклакову.

Для историков, преподавателей общественных наук и широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-226

ISBN 978-5-02-036987-0

- © Учреждение Российской академии наук
Институт российской истории РАН, 2009
- © Сидорова Л.А., составление, 2009
- © Коллектив авторов, 2009
- © Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание «История и историки. Историографический вестник» (разработка, оформление), 1965 (год основания), 2001 (год возобновления), 2009
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2009

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

*

В.И. Меркулов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РУСИ

По историческим источникам с глубокой древности известно огромное количество упоминаний и свидетельств о Руси. В то же время этот документальный материал осмыслен далеко не в полной мере (многие ценные источники даже не переведены на русский язык). Иной раз кажется, что официальные историографы боятся вводить в научный оборот новые документы, предпочитают тиражировать устоявшиеся исторические схемы. Боятся зачастую и новых постановок проблем, способных изменить существующий взгляд на события прошлого. В этом заключается главная причина того, что первостепенная для отечественной истории проблема – проблема начала и становления Руси – так же далека от своего решения, как и три столетия назад, когда она была впервые поставлена в науке. В итоге исторические оценки принципиально не меняются веками, а заблуждения все больше укореняются в сознании не только любителей истории, но и самих историков.

Пренебрежение научными проблемами тем временем привело не только к забвению родной истории, но и стало одним из тех трагических факторов, которые подвели население России к критической черте. «Остановить депопуляцию народа, – пишет И.В. Власова, – можно только тогда, когда в первую очередь в мышлении народа проявится новое самосознание, произойдет восстановление «украденной памяти» и «государственного инстинкта» в его историческом, географическом, психологическом аспектах, характерного для народа на протяжении тысячелетия, в течение которого были хозяйственно освоены 21 млн кв. км земель и создано государство»¹. И ключевым моментом нового самосознания должно стать осмысление истоков русской истории, возможное на богатом историческом материале.

Средневековые европейские авторы переводили названия «Русь», «Россия» то как «Ройсен» (Reussen), «Руссия», «Ругия» или «Рутения». По наблюдениям М.Н. Тихомирова, в собственно рус-

ских источниках формы «Росия» и «Россия» появляются с XV в., постепенно утверждаясь в следующем столетии². Византийские авторы называли русов «росами», и позднее имя Россия укрепилось вместе с преемственностью от Восточной Римской империи. Однако академик О.Н. Трубачев указывал на то, что греческое написание можно интерпретировать и как Руссия³.

Существует мнение, что первоначальное родовое имя древних русов звучало «рузи» или «ружи». При этом представляется логичным, что мягкий звук «с» появился под влиянием славянских языков, а исконный «русский» вариант звучал приблизительно «Ружь» или «Рузь». Русы начали контактировать со славяноязычным населением на Балтике не ранее VI–VII вв. До этого времени (да и после в неславянских источниках) русов называли **rugi** и **ruteni** (**rutini**). А.В. Назаренко в свое время проанализировал группу из пяти этниконов, оканчивающихся на -gozi из «Баварского географа» и признал, что Ruzzi – это «одно из древнейших упоминаний имени «русь»⁴.

Получается, что руги – это название русов в германских языках, где слог «gi» мог заменять произносимое сочетание «жи». Рутены (**rutini**, **ruteni**, **rutheni**) – латинизированный вариант написания имени русов, употребляемый через слог «ti» (**te**, **the**), читаемый как «ци». Это название является самым близким латинским искажением имени «русины» (**ruszeni**), которое доносят до нас летописи и «Русская Правда». До недавнего прошлого кое-где на Западе еще называли русских «рутенами», а русские земли – Рутенией (особенно области Карпатской Руси). Но почему же переводчики с латыни (или с языков, подвергшихся ее влиянию) всегда пишут именно «рутены», а не «русы» (русины), т.е. не переводят правильно? Мы же не оставляем неизменным немецкое **Deutsch** при переводе на русский язык и не пишем «народ дойч», а переводим это слово как «немцы», «немецкий народ». Также **Deutschland** не переводится как «страна дойч», а только Германия.

Перед нами вовсе не праздный вопрос – мол, каждый пишет так, как ему больше нравится. Ругов или рутенов никогда не существовало в реальности! Эти названия из письменной традиции должны правильно переводиться на современный русский язык как «русы». Приведенные факты свидетельствуют о том, что германо- и латиноязычные хронисты воспринимали на слух имя «русы» (рузи, ружи) и «русины», фиксируя его в соответствии с грамматическими особенностями своего письма, т.е. «руги» или «рутены».

В противном случае получается нелепица. Известный исследователь балтийских древностей А.Ф. Гильфердинг считал ругов германцами, а русов – славянами⁵. Ему вторил другой не менее име-

нитый ученый г. Ловмянский, который также полагал, что русы не были изначально идентичны ругам, и отождествление произошло будто бы позднее в славянских пределах, в Киеве, но не в славянской среде. Имя *Ruthenia*, по его мнению, также появилось в восточнославянской среде⁶. Не ясно только, как латинское написание могло возникнуть у славяноязычных?!

Но зачастую под прикрытием «научной» путаницы скрывались конкретные политические замыслы, как это было, например, в трагические времена геноцида карпатских русинов австро-венгерскими властями. Тогда была выдвинута «теория», что русские в Закарпатье – это не русские, а некий другой народ – «рутены». При этом правительство Австро-Венгрии преследовало цель разобщить русский народ и лишить Российской империю верного союзника в лице карпатских русинов. Итог этой псевдонаучной фальсификации хорошо известен – десятки тысяч русских мучеников в Талергофе и Терезине⁷.

Достаточно давно существует точка зрения, что Ругией, Русией или Росией называли только Киевскую Русь⁸. Сторонники данной версии приводят в доказательство тот факт, что в хрониках княгиню Ольгу называли «*regina Rugorum*», т.е. **королева ругов**. Позднее Даниил Галицкий в договоре с Тевтонским орденом был назван «*primus rex Ruthenorum*». И так далее. Но эти факты скорее доказывают, что и русы, и руги, и рутены – это вариации названия одного народа. А шла ли речь о Киевской Руси или о какой-либо другой Русской земле, в данном случае не столь важно. Профессор А.Г. Кузьмин первым серьезно осмыслил этимологическое родство имени «Русь» и производных от него написаний (руги, роги, рузы, руцы, рутены), сделав вывод, что *русы разных областей Европы оказываются родственниками*⁹.

Отметим, что в исторической литературе существует также широко распространенное заблуждение рассматривать географическое название Русь (или понимать Русь только как географическое название) без связи с родовым именем¹⁰. Но «Русью» летописи называли и народ, и государство; в каком смысле было употреблено это слово, в каждом конкретном случае можно определить только из контекста. «Род русский» полностью отождествлялся с русским государством, Русью.

Другое заблуждение, известное в историографии, – это оригинальная гипотеза о Руси, как о профессионально-социальном термине. С.А. Гринёв полагал, что русы были военно-конным сословием славян. Он считал, что само название Русь дали этим всадникам готы, немного исказив слово «конь». Отсюда произошли наименования «*Russ*», «*Reuter*» и позднее «*Ritter*»¹¹. Немногим позднее

профессор в.А. Брим озвучивал подобную версию с норманистской расстановкой акцентов. Он считал, что слово «Русь» скандинавское и в переводе обозначает «дружина»¹². Но ни в первом, ни во втором случае такая трактовка ничего не проясняет, хотя уже давно подмечено, что термин «Русь» близок по значению к военной тематике. Если согласиться, что в этимологической основе названия Русь лежит воинская терминология и оно близко к обозначениям различных оттенков красного цвета (традиционного для воинства), то почему оно не могло обозначать воинственный род, претендовавший на власть и могущество. Алые паруса кораблей, красные плащи и щиты, дорогие мечи – отличительные признаки внешнего облика русов, которые неоднократно упоминаются в источниках, указывая на силу и знатность.

Название Русь известно по всей Европе. Традиционно «русскими» считались южнобалтийские земли, остров Рюген и часть Поморья. «Русская земля» (Ругиланд) существовала на Дунае во время Великого переселения народов, ее связывают с государством короля Одоакра, свергнувшего последнего римского императора. В Восточной Европе имя «Русь», помимо Поднепровья, было известно в Прикарпатье, Приазовье и Прикаспии. Область «Рузика» входила в состав Вандальского королевства в Северной Африке.

Но все же русской «прародиной» была южная Прибалтика, где исторические источники указывают на четыре географических центра Руси. Их условно определил А.Г. Кузьмин¹³. Во-первых, имеются в виду варяжские земли (Вагрия), располагавшиеся в Мекленбургской области, откуда по летописной легенде был призван князь Рюрик и «вся Русь». Во-вторых, «русским» традиционно считался остров Рюген с примыкающим к нему побережьем. В-третьих, провинция Роталия и Вик с островами Эзель и Даго. И, наконец, выделяется «Русь» в устье Немана и Западной Двины, откуда некоторые авторы также выводили Рюрика.

Очевидно, что перечисленные центры были в определенной степени самостоятельными. Вполне вероятно, что они возникали и переживали расцвет не в одно время. Но все вместе они так или иначе связывались в источниках с вендами и вандалами. Притом, что легенда об общем происхождении бытовала у всех северных народов.

Римский историк Тацит писал: «В древних песнопениях, – а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, – они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн – прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами,

все прочие – истевонами. Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы марсы, гамбрии, свебы и вандилии, и что эти имена подлинны и древние»¹⁴.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что Тацит пишет о «германцах»; он причислял к последним все народы, «которые сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими», в том числе венедов¹⁵. Вандалы, с которыми венеды были в близком родстве (или оба названия вообще относились к одной группе народов) также традиционно считаются «германцами» (разумеется, не в смысле современных немцев). Но сам Тацит вкладывал в это название вполне определенный смысл, для него «германцы» – это родственники, родственные народы (от лат. *germanus* – родной). И *только в этом значении* отнесение вендо-вандальской группы племен к «германцам» может считаться оправданным.

Наиболее ранние сведения о происхождении народов, племен и отдельных родов содержались в эпосе, этногенетических преданиях, мифах. Начиная со Средневековья, авторы исходили из библейской легенды о происхождении народов. По «Повести временных лет» варяги, свеи (шведы), урмане (норвежцы), готы, русь, агляне (англы), фризы, венеды и некоторые другие происходили от колена Иафета¹⁶. Летописец указывает как раз на «германское» родство, перечисляя именно те народы, которые составляли основу северной антропологической группы, ареал которой охватывал побережье Северного и Балтийского морей.

Но по различным генеалогическим источникам собственно «русский» вопрос проистекает из вендо-вандальских древностей. Несмотря на то что в современной науке проблема вандалов ставится скорее в области истории Древнего мира или Средних веков, что логично при отношении к вандалам как к «варварам-германцам», участвовавшим в разрушении Римской империи. При этом определенная подмена все же происходит в том смысле, что зачастую «варварские» народы считаются предками современных германоязычных народов, а не всех народов северного антропологического ареала вне зависимости от принадлежности к языковой группе.

В то же время наши сведения о вандалах очень скудны. Имя вандалов-силингов сохранилось в названии Силезия, горный массив, разделяющий Силезию и Богемию, носил название «вандальских гор». Возможно, вандальский род силингов остался на Балтике, когда во второй половине II в. н.э. вандалы-асдинги начали движение с берегов Одера на юг, приняв участие в маркоманской войне. Позднее вандалы воевали с Римом в Подунавье, хотя ранее лишь

эпизодически участвовали в военных конфликтах. Судьба вандалов-асдингов сложилась столь же трагически, как и у многих других народов, активно участвовавших в Великом переселении народов. Тогда как вандалы-силинги либо вернулись в ходе переселений обратно к южно-балтийской прародине, либо вовсе не покидали ее, положив начало вандальской традиции в истории Мекленбурга.

По легенде вандалы вели свое происхождение от мифического короля Антура I, который был женат на богине Сиве. Позднее Сиву, как покровительницу плодородия и жизни, особенно почитали варяги, ее главное святилище находилось в Ратцебурге в Вагрии.

В 1521 г. Николай Маршалк опубликовал свою знаменитую генеалогию мекленбургского правящего дома, которая восходила к III в. до н.э., к первому вандальскому королю Антуру. Маршалк свидетельствовал о том, что в XV–XVI вв. в некоторых местностях Мекленбурга еще сохранялись вандальские обычаи, которые иначе назывались вендскими¹⁷. Впоследствии его данные подтверждал советник мекленбургского герцога Иоанна Альберта I (1555–1591) Андреас Мюлий, который считался последователем Маршалка¹⁸. А немногим позже – ректор Бернхард Латом¹⁹. Напомним, что к предкам мекленбургских правителей, согласно некоторым источникам, принадлежал Рюрик с братьями, Гостомысл и другие варяжские короли и князья.

Себастьян Мюнстер в своей «Космографии» 1544 г. говорил, что население Мекленбургского герцогства составляли венды, вандалы, герулы и ободриты²⁰. Королем вандалов на Балтике был Вислав, который считался прямым предком Радегаста, последнего короля вандалов и основателя династии королей вендов и ободритов. в.Н. Татищев трактовал его имя как Вышеслав или Вечеслав²¹.

Интересно, что по некоторым родословиям братом Вислава был легендарный «король герулов и ругов» Одоакр, низложивший императора Ромула Августула. Иероним Хеннинг, полностью отождествляя генеалогии ругов и герулов, возводил их именно к Одоакру²². Другие авторы вели род Одоакра от вождя гуннов Аттилы. Кстати, имя Вислав встречается в вендо-ободритских генеалогических таблицах вплоть до 1325 г. Последний князь Вислав III был известным в Северной Германии миннезингером, с его смертью прервалась древняя «русская» династия на острове Рюген, который отныне вошел в состав Померанского герцогства.

Остров Рюген занимал особое место на Балтике. Вне сомнения, это был значительнейший религиозный и политический центр, о котором сохранилось немало свидетельств. Известность острова была столь велика, что о языческом святилище на рюгенском мысе Аркона писали даже арабские авторы: «У них [русоволосых варваров]

есть храм на высокой горе. Он очень удивителен своей постройкой, кладкой, разнообразием красок, помещенными в нем драгоценными камнями и изображениями восходов солнца, устроенных в окнах, сделанных в этом храме»²³. После этого по тексту списка следует описание страны Варанк (Вагрии?), близкой по своему географическому расположению к острову Рюген.

Отдельное значение может иметь изучение Руси на юго-восточном побережье Балтики. На нее обращали внимание многие хронисты и историки. У Адама Бременского Пруссия граничит с Руссией, те же данные находим у Титмара Мерзебургского. Петр Дюсбургский помещал в устье Немана страну Руссию. В Житии св. Ромуальда устье Немана также названо Руссией, а король этой области – Нетимер – королем русов. О том, что даже в XVI в. Неманская область называлась Русью, свидетельствует приписка к Житию св. Антония Сийского. Эти источники приводил Н.М. Костомаров, также обращая внимание на то, что варяжские имена из договоров Руси с греками близки к прибалтийским²⁴.

О Карпатской Руси интересные сведения сообщает польский хронист Матвей Меховский. В 1517 г. он опубликовал в Кракове «Трактат о двух Сарматиях», где подробно описывал земли, населенные русским народом: «Ограничена Руссия – с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром (Niestr); с востока Танаисом, Меотидами и Таврическим островом; с севера – Литвой, с запада – Польшей. ... У Сарматских гор живет народ русский (Ruthenorum), во главе которого стоят знатные люди из поляков... Столица Рутении – укрепленный город Львов с двумя замками – верхним и нижним»²⁵.

По сей день великорусы и русины, значительно удаленные географически друг от друга, именуют себя «русскими», на основании чего можно предположить, что общее самоназвание уходит корнями в глубокую древность. Матвей Меховский указывал на земли, откуда происходили русины: «[Рассказ о немецком завоевании винделиков (вандалов. – в.М.) в Поморье]. Тем не менее до сего дня винделики и славы остаются в тех местах около Любека, Росток, Мисны, но не в городах, а в селах и деревнях, особенно те, что называются сарбы и винды. Остаются еще и старые имена поляков и винделиков в названиях мест, замков и городов: (...) и Любек и Росток и Мекельсбург (Мекленбург. – в.М.)»²⁶.

Письменная традиция, восходящая от вендо-вандальской древности к Руси, пока далеко не в полной мере исследована в исторической литературе. Тем не менее изучение вендо-вандальской группы на южном побережье Балтийского моря может дать богатый материал для существенного пересмотра научных положений, причем не

только в области истории северогерманских земель, но, что намного важнее, в изучении начальной русской истории.

Будучи включенными в ареал северной этнокультурной общности, венды и вандалы не были «славянского» происхождения, что позволяет несколько иначе взглянуть на проблему «балтийских славян» в свете начала Руси. Однако отдельной проблемой остается и соотношение вендо-вандалов с «германцами».

К сожалению, положения типичной для современной науки методологии, различающей народы по культурно-языковым, а не по культурно-антропологическим признакам пока не позволяют приблизиться к решению этих важных вопросов. Хотя очевидно, что в этнической истории языковой фактор явно вторичен по отношению к антропологическому происхождению. В то же время, есть все основания концептуально связывать истоки Руси с вендо-вандальской группой племен, населявшей некогда южно-балтийское побережье. Дело лишь за будущими комплексными исследованиями, в ходе которых должна быть создана точная реконструкция событий древнейшей русской истории.

Со времен Великого переселения народов осколки Руси были разбросаны по Европе, чтобы однажды вновь соединиться в славной истории будущей России и заложить основы русско-немецкого добрососедства вопреки всем историческим недоразумениям. «Ничто так не объясняет настоящее, – говорил Полибий, – как знание прошлого...».

¹ Власова И.В. Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е годы / Русские. М., 1997. С. 140.

² Тихомиров М.Н. О происхождении названия «Россия» // Вопр. истории. 1953. № 11. С. 94.

³ Трубачев О.Н. Русский – российский. История двух атрибутов нации // Рязанский Ежегодник. 2000. С. 36.

⁴ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 26–31, 41.

⁵ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М., 1994. С. 34.

⁶ Ловмянский г. Руссы и руги // Вопр. истории. 1971. № 9. С. 47, 51.

⁷ Ваврик в.Р. Терезин и Талергоф. М., 2001.

⁸ См. например: Кур А.А. Из истинной истории наших предков // Молодая гвардия. 1994. № 1. С. 237.

⁹ Кузьмин А.Г. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 137–138.

¹⁰ Алейников в.Е. Исторические регионы Руси. Новая концепция. Минск, 1994. С. 38–58.

¹¹ Гринёв С.А. Была ли конница у древних руссов? Киев, 1895. С. 10, 16.

¹² Брим в.А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Исторический сборник. 1923. № 1. С. 5–10.

¹³ Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? М., 1993. С. 4.

- ¹⁴ *Корнелий Тацит*. *Анналы*. Малые произведения. История. СПб., 1993. С. 338.
- ¹⁵ Там же. С. 355–356.
- ¹⁶ Новгородская IV летопись. Полное Собрание Русских Летописей. М., 2000. Т. IV, ч. I. С. 2 (далее – ПСРЛ).
- ¹⁷ *Lisch G.C.F. König Kruto und sein Geschlecht // Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde*. Schwerin, 1848. S. 3.
- ¹⁸ *Mylius A. Chronica von der ersten Anknft der Hertzoge zu Mecklenburg*. Lipsiae, 1600.
- ¹⁹ *Latomus B. Genealochronicon Megapolitanum d.i. eine Historische Beschreibung der Stammbäume u. Blutverwandnisse aller Meckl. Könige, Herzöge, Fürsten u. Herren auch Frauen u. Fräulein, auch aller Affinitäten oder Schwägerschaften*. 1610.
- ²⁰ *Sebastian Münster. Cosmographie*. Basel, 1556.
- ²¹ *Татищев в.Н.* История Российская с самых древнейших времен. СПб., 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 16.
- ²² *Henninges M.H. Theatrum genealogicum*. Magdeburg, 1598. Т. 4. S. 957.
- ²³ *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Книга тахлис ал-асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар. М., 1971. С.108. Сам источник восходит к концу XIV в., список XV в., но речь идет о событиях не ранее конца XI в. Автор благодарит за указание на этот источник Е.С. Галкину.
- ²⁴ *Костомаров Н.* Русская республика. М., 1994. С. 19, 20.
- ²⁵ *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 95.
- ²⁶ Там же. С. 75.

В.В. Фомин

НОРМАНИСТСКАЯ ВЕРСИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИМЕНИ «РУСЬ» И ЕЕ НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

В объяснении принципиально важного для отечественной истории варяго-русского вопроса наша наука продолжает жить давно отвергнутыми идеями шведской донаучной историографии XVII в., создавшей в силу политических причин, направленных на установление господства Швеции в Восточной Прибалтике и на отбрасывание России от Балтийского, Баренцева и Белого морей, норманскую теорию. Зарождению этой теории способствовала и выросшая из средневековых мифов многовековая вера шведов в исключительную роль своей родины в судьбе человеческой цивилизации, и по этой причине ведших отсчет ее истории от всемирного потопа, рассматривавших Швецию в качестве матери-прародительницы многих народов и выдававших сына Иафета Магога за праотца и первого короля шведов и готов, и твердо убежденных в том, что «уже Гомер и Орфей воспевали» их предков¹. Как констатировал в 1802 г. А.Л. Шлецер, в XVII в. в Швеции «почти помешались на том, чтобы распространять глупые выдумки, доказывающие глубокую древ-

ность сего государства и покрывающие его мнимою славою, что называлось любовью к отечеству»². Наконец, норманизм был вызван к жизни сильнейшими антирусскими настроениями высшего шведского общества, емко выраженными в 1615 г. королем Густавом II Адольфом: «Русские – наш давний наследственный враг»³.

Шведские историки XVII в., в массовом порядке рассуждая о принадлежности варягов русских летописей, активно участвовавших в построении Древнерусского государства, к представителям своей народности, в подтверждение данного тезиса выдвинули доказательства, обычно приписываемые Г.З. Байеру, Ю. Тунманну и А.Л. Шлецеру, сочинения которых по варяго-русской тематике выходили в 1735–1809 гг. Так, именно они отождествили варягов с византийскими «варангами» и «верингами» саг, слово «варяг» объявили древнескандинавским, за скандинавские выдали имена русских князей. Они же обратили внимание на финское название Швеции Ruotsi и стали вести речь о якобы существующей лингвистической связи между именем «Русь» и Рослагеном (частью береговой полосы шведской области Упланда напротив Финского залива). Ю. Буре (ум. 1652 г.) выводил финское слово ruotsalainen – «швед» – от древних названий Рослагена Rohden и Rodhzlagen, считая при этом, что название Рослаген произошло от ro – «грести» и godher – «гребец», а И.Л. Локций (ум. 1677 г.) переименовал гребцов и корабельщиков Рослагена в роксолан, т.е. русских. В целом, как подводил черту крупнейший норманист XIX в. А.А. Куник, «в период времени, начиная со второй половины 17 столетия до 1734 г. (в 1735 г. в “Комментариях Петербургской Академии наук” была опубликована статья Байера “De Varagis”. – В.Ф.) шведы постепенно открыли и определили все главные источники, служившие до XIX в. основой учения о норманском происхождении варягов-руси»⁴.

И эта «основа учения о норманском происхождении варягов-руси», заложенная посредством приемов, не имевших к науке отношения, но ставших в ней нормой, представляет собой смесь домыслов и фантазий, порожденных комплексом национального самовосхваления и неприятием русских. Так, в книге «История о великом княжестве Московском», вышедшей в 1614–1615 гг. на шведском языке в Стокгольме и в 1620 г. с дополнениями и исправлениями на немецком в Лейпциге, «первый», по характеристике Куника, норманист П. Петрей выводил имя «варяги» из названия «области Вартофта, в Вестер-Готландии» и «области Веренде, в Смаланде», откуда мог бы быть родом «главный вождь» варягов, называемый по месту рождения «Вернер, и от того варяг, а его дружинники-варяги». Особой разницы нет, уверял он, и между именами первых русских князей и шведскими именами, ибо «русские не могут правильно

произносить иностранные слова, особенно когда произносят собственные имена». В связи с чем Рюрик «мог называться у шведов», например, Эрик, Синеус Сигге, Трувор Туре (в 1734 г. А. Скарин в «Исторической диссертации о начале древнего народа варягов» уточнил, под влиянием разговоров о Рослагене, из какого района Швеции прибыли Рюрик, Синеус и Трувор: он объяснил их имена как имена выходцев именно из Упланда – Rörekr, Siggeir, Tuares). Сопоставление псковских и новгородских гербов со шведскими дворянскими гербами привело Петрея к выводу, что среди последних «есть несколько сходных с вышеназванными гербами: из этого верно можно заключить, что эти трое братьев пришли из Шведского государства». Параллельно с тем он говорит о «варварской, отвратительной и бесстыдной жизни и природе» русских правителей, что «москвитяне по природе чрезвычайно грубы, распушены и невежливы в своих нравах, ухватках и разговорах...»⁵.

В 1675–1698 гг. профессор медицины О. Рудбек в трехтомной «Atlantica» отождествил древнюю Швецию с Атлантидой Платона и отвел ей центральное место в древнегреческой и древнерусской истории, а для демонстрации верности последней посылки с такой вольностью переиначивал русские слова в скандинавские, что был подвергнут уничтожающей критике даже со стороны норманистов. В 1768 г. и в начале XIX в. А.Л. Шлецер, ведя речь о «снах», «галлюцинациях» и этимологическом произволе «шутника, начитанного дикаря» Рудбека, заметил, что «сходство в именах, страсть к словопроизводству – две плодovitейшие матери догадок, систем и глупостей», и доходчиво проиллюстрировал суть этой «страсти»: слово «поднимают на этимологическую дыбу и мучают до тех пор, пока оно как будто от боли не издаст из себя стона или крика такого, какого хочет жестокий словопроизводитель» («Неужто даже после всей той разруги, – предупреждал он уже ученых XVIII в., – которую рудбекианизм учинил, пройдясь по древним векам, вы все еще не устали творить из этимологий историю, а на простом, может быть, случайном совпадении слов выстраивать целые теории?»). В 1773 г. Г.Ф. Миллер иронизировал, что Рудбек «умел тотчас сделать» из Ладоги «Алдогу», после чего «Аллдейгаборг». Рудбек своими словопроизводствами, основанными «на одном только внешнем сходстве звуков», возбуждал, отмечал в 1856 г. С.М. Соловьев, «отвращение и смех в ученых...»⁶. Но подобное словопроизводство оказалось весьма заразительным, и оно буквально захлестнуло труды соотечественников Рудбека. Так, специалист в области древней истории Э.Ю. Биорнер, рассуждая в 1743 г. о варягах, «героях скандинавских», убеждал в том, что «все главные русские области украсились шведскими названиями»: Белоозеро – на самом деле это Биелсковия

или Биалкаландия, Кострома – замок Акора и крепость Акибигдир, Муром – Мораландия, Ростов – Рафестландия, Рязань – Ризаландия, Смоленск – Смоландия⁷ (остается добавить, что в европейской науке термином «рудбекианизм» принято обозначать баснословные рассуждения).

Итоги развития шведской историографии в полном объеме продемонстрировал в середине XVIII в. шведский поэт и королевский историограф О. Далин в многотомной «Истории шведского государства», вышедшей, с незначительным разрывом в годах, в Швеции и Германии. Как ее представлял в 1756 г. немецкой публике переводчик И.К. Денерт, «книга сия была принята в отечестве своем с таким уважением, о каковом может быть нигде не ведают. Знатные и простые, ученые и неученые нашли в ней любовь к истине, образ ума, рассудок, искусство в толковании и выражении всего того, что токмо могло заключать в себе новое и изящное». Такая всенародная любовь к творению Далина, написанному по заказу официальных властей, объяснялась очень просто: в его основу автор положил посылку, давно так ласкающую слух его сограждан: «...мы, как шведы, должны благодарить творца за преимущество пред многими другими, которого нам не единый народ оспоривать не может». Исходя из этой посылки, он уверял, что шведы под именем «варягов» находились на службе византийских императоров со времени Константина Великого, что с приходом норманнов «как бы новый мир восприял в России свое начало...», что русское – «Гольмгардское» – государство «состояло под верховным начальством» Швеции. Имена первых русских князей Далин, разумеется, отнес к скандинавским (Олег-Олоф, Игорь-Инге, Святослав-Свендослав, Владимир-Вальдемар, Ярополк-Гаральд), ибо, говорил он в унисон с Петреем, «наши скандинавские⁸ имена часто искажены были».

Причину, по которой русские называли шведов «варягами», автор видел в том, что они, плохо выговаривая две согласные буквы, всегда выпускают первую, в связи с чем вместо сверигов (*sverige*) произносили «варяги», «варети». Название Roslagen он выводил от го, Ruder – «грести, гребло или весло». Но говоря, что «финны всю Швецию именуют иногда Рослагеном, поелику она к ним весьма близко лежит...», отметил, сославшись на Снорри Стурлусона, что «еще в 13 веке Рослаген, или пятая часть древней Швеции, называлась Сиа-Ландией»⁹, т.е. поморской землей (Sialand). Манера рассуждений и система доказательств Далина вызвали неприятие самих же норманистов. Так, Г.Ф. Миллер дважды – в 1761 и 1773 гг. – указал, что он был неправ, употребив «в свою пользу эпоху варяжскую, дабы тем блистательнее учинить шведскую историю...», и что его заключения зиждутся «на одних только вымыслах...». А.Л. Шлецер,

ведя в первых годах XIX в. речь о «смешных глупостях», писавших о России иностранцев, в качестве примера привел *«Далинов роман о Голмгордском царстве»*, в котором начальная история Руси *«переделана на выворот»*. Несколько позже Н.М. Карамзин говорил «о всех нелепостях ученого Далина», о его склонности «к баснословию»¹⁰.

«Нелепости» и «баснословия» норманской теории вообще вскрыл в 1749–1750 гг. в ходе обсуждения диссертации Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» М.В. Ломоносов, при этом акцентируя внимание на такой принципиальной ущербности норманской теории, изначально лишаящей ее всякой убедительности, что «имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано». Вместе с тем он отметил и другой ее изъян, столь же принципиального свойства, что «едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали»: как это «два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвались новым, не от них происшедшим, но взятым от чухонцев». И говоря об исторических примерах перехода имени победителей на побежденных, на которые ссылался Миллер, Ломоносов заключил: «Пример агличан и франков... не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но всех от чухонцев!»¹¹ (действительно, как то показывает мировая история, «имя страны может восходить либо к победителям, либо к побежденным, а никак не к названиям третьей стороны»¹²).

Правомерная критика Ломоносовым норманской теории была проигнорирована ее сторонниками. Более того, непреклонная вера в норманство варягов заставляла их постоянно подпитывать эту теорию новыми домыслами и возрождать давно забытые. В 1774 г. швед Ю. Тунманн, основываясь на разработках своих соотечественников, впервые в науке заявил, что русское государство создали скандинавы¹³. Этот тезис затем повторил немец А.Л. Шлецер, усилив его точно таким же априорным допуском, что до прихода скандинавов восточные славяне пребывали в состоянии полнейшей дикости¹⁴. С тех пор данный тезис стал краеугольным камнем норманизма. Эти же ученые «огранили» еще один краеугольный камень норманской теории, превратив его в главный ее бриллиант. Тунманн, констатируя, что шведы никогда не именовали себя русами, вопреки этому факту выводил из финского названия Швеции «Ruotsi» славянскую форму «русь», уверяя, что шведов восточные славяне стали именовать «русью» посредством финнов, так как у славян, отдаленных от моря, были затруднительны отношения со шведами, в связи с чем их настоящее имя не скоро сделалось им известным¹⁵.

Шлецер, в свою очередь, вдохнул новую жизнь в другой аргумент шведских историков XVII в. – в Рослаген, считая, что из этого названия образовались финское «Ruotsi» и славянская «Русь». Но при этом он отметил, что летопись различает шведов и руссов (коих среди восточных славян «было очень немного»), ибо «*варяги* есть имя *общее*, заключающее в себе множество *видов*, как то: *шведы, норвеги, англичане, датчане*, а *руссы* составляют пятый онаго вид!». Проводя мысль о Рослагене как родине руси, Шлецер встал на путь отрицания исторического бытия черноморской (понтийской) руси, нападавшей на Византию задолго до призвания варягов и их прихода в Киев, многочисленные известия о которой сокрушали норманскую теорию, и отнес ее к «неизвестной орде варваров», не принадлежавшей к русской истории¹⁶ (в «Опыте анализа русских летописей», изданном в 1768 г., ученый, понимая под варягами норманнов, в руси видел именно понтийскую русь и сближал ее с хазарами¹⁷). Н.М. Карамзин своей «Историей государства Российского», чрезвычайно популярной в России и Западной Европе, закрепил в сознании русского и зарубежного читателя идею Шлецера, что в Швеции «одна приморская область издавна именуется *Росскою*, Ros-lagen», откуда родом и была русь¹⁸.

Вместе с тем в науке, в том числе и среди норманистов, начала нарастать волна несогласия с доводами, которые уже ассоциировались только с именами Тунманна и Шлецера. В 1814 г. ученик последнего Г. Эверс, заметив, что проблему варягов затмевает «ложный свет» произвольной этимологии, указал на очень позднее появление названия Рослаген (а оно стало прилагаться к прибрежной части Упланда Роден лишь к XVI в.¹⁹), после чего резонно сказал: «...и потому ничего не может доставить для объяснения русского имени в 9 столетии». К этим словам он также правомерно добавил, что «беспримерным и неестественным мне кажется, чтоб завоевывающий народ переменял собственное имя на другое, употребляющееся у соседа, и сообщил сие принятое имя основанному им государству»²⁰. В 1816 г. немецкий ученый Г.Ф. Голлман подчеркнул, что слово *Ruotsi*, **которым финны именуют Швецию**, «столь не сходно со словом *руссы*, что на нем никак нельзя основаться», и что в Повести временных лет (далее – ПВЛ) нигде не сказано о выходе русов именно из Скандинавии. В 1825 г. М.П. Погодин отмечал, что летопись различает шведов и русь и что Рослаген «ничего не доказывает» в пользу того, что они шведы, в связи с чем от него должны отказаться. В 1827 г. С. Руссов напомнил, что «во всей Скандинавии, т.е. в Дании, Норвегии и Швеции ни по истории, ни по географии нигде не значится области под названием *Руссии*»²¹.

В 1827–1828 и 1839 г. Г.А. Розенкампф, ссылаясь на свидетельство скальда XIII в. Снорри Стурлусона, у которого отсутствует название Рослаген, и отмечая, что берега Упландии в старину именовались Sialand, Seeland (поморская земля), установил, что слова Ruotsi и Рослаген, «кажется, не доказывают происхождения, ниже отечества руссов». Rodslagen (т.е. корабельный стан), продолжал он далее, производно от godhsi–гребцы, причем буква *d* в произношении слова Rodslagen «почти не слышна», а затем ее вовсе выпустили, так что оно стало звучать как Roslagen, и что еще в XIII в. термин godhsi употреблялся в смысле профессии, а не в значении имени народа. Поэтому, подытоживал исследователь, вооруженные упландские гребцы–«ротси» не могли сообщить «свое имя России», в связи с чем, поражался он, «еще удивительнее, что Шлецер мог так ошибиться и принимать название военного ремесла за *имя народа*» (и высказал предположение, что «неужели он был введен в заблуждение Локцием... который в своем переводе, или лучше сказать парафразе, всегда вместо *гребцов*... писал Roxolani») ²². Убедительность доводов Розенкампфа была настолько очевидна, что с ними согласились норманисты, но при этом все равно продолжая цепляться за созвучия. Так, в 1829 г. Н.А. Полевой, говоря, что ни имени варягов, ни имени руси, ни области Варяжской или Русской «не находилось в Скандинавии», настаивал на том, что скандинавы «называли себя Русь, именем, не означавшим ни страны, ни народы», и что это имя восходит к наименованию «гребцов и воинов в лодках: последние именовались руси или роси. Отчего весь Упландский берег, где было одно их главных морских становищ, получило название Рослагена (места сборища руссов)» ²³.

В 1842 г. Н.В. Савельев-Ростиславич отметил, что в слове «Rod's-lagen» буква *s* не принадлежит корню «Rod», а есть знак родительного падежа, и потому «корабельный стан» (Rod's-lagen) не мог сообщить своего имени Руси ²⁴. В 1844 г. норманист А.А. Кунник, осознав полнейшую бесперспективность дальнейшего увязывания имени «Русь» с Рослагеном, стал убеждать, что посредством финского названия Швеции Ruotsi имя «Русь» восходит к шведскому слову godsen–«гребцы» (от roder–«весло», «гребля»), которое прилагалось к жителям «общины гребцов» – Рослагену, и что население этой части береговой полосы могло называться «Rodhsin» (от Rôdhs), «Rookarlar (wörtlich Rudermänner)» (подчеркивая при этом, что и по сей день житель Рослагена насмешливо именуется Rôspigg) ²⁵. В 1845 г. Савельев-Ростиславич, говоря, что новгородцы, зная собственное имя шведов, «совсем не имели нужды употреблять чухонское прозвище руси, если б имя русь в самом деле финского происхождения», задал вопрос: разве могли варяги, если

их считать шведами, переменить свое настоящее имя «сvei» на финское прозвище Ruotsi? Указывая, что название Рослаген стало известно значительно позже эпохи Древнерусского государства, он вновь констатировал, что, по причине принадлежности буквы *s* в слове «Rod's-lagen» родительному падежу, Rod's-lagen не мог дать имя «Русь», которого сам не имел²⁶.

В 1846 г. норманист М.П. Погодин заметил, что Шлецер, выводя из Рослагена варяго-русь и объясняя Рослаген финским названием шведов «руотси», «впал сторяча в противоречие с самим собою»: шведы начали называть себя росами, услышав данное имя от финнов, следовательно, дома они так себя не именовали, а это означает, что шли они не из Рослагена. Соглашаясь с Розенкампом, что Рослаген первоначально имел нарицательное значение «стан гребцов», высказал предположение, что это нарицательное имя «впоследствии стало именем собственным». В конечном итоге историк весьма неутешительно для норманизма произнес: «Кто были именно варяго-русь, и где они жили – не решено до сих пор с достоверностью, и едва ли когда-нибудь будет решено, за недостатком сведений. Я не считаю даже этого вопроса слишком важным...». Видя, что с позиций норманской теории нельзя объяснить и имя «Русь», Погодин начал проводить мысль, что вопрос «откуда происходит имя варягов-руси» – «вопрос также любопытный, но не более!». Но при этом, оставаясь не просто верным своим воззрениям, а будучи одним из самых ярких защитников норманизма, «ультранорманистом», как его титуловали уже в XIX в. уверял, что «принесено ль имя руси было норманнами, или только усвоено? Основателями государства в том и другом случае остаются норманны! Вот в чем главное!»²⁷.

Наиболее консервативная часть норманистов не обращала внимание на возражения оппонентов и единомышленников. Так, П.С. Савельев в 1847 г. утверждал, что слово Русь есть славянская форма Ruossi, Ruotsi, коими доселе приморская чужь называет Швецию и шведов. И свою правоту он подтверждал «выводами сравнительной филологии». Во-первых, слово «Русь» совершенно чуждо славянским языкам, которые не знают собирательных собственных имен народов и стран с «ь» и женского рода, но которые принадлежат исключительно финскому миру, где мягкое окончание «i» **везде перешло в мягкое славянское «ь» (подобно тому, как Suomi в сумь)**. Во-вторых, северо-восточные славянские наречия не терпят двугласных, характерных для финнов, в связи с чем слитный звук «iu» не может выражен в них иначе, как долгой гласной «y». В-третьих, что названия Ruossi, Ruotsi знакомы шведам, ибо производны от древнешведского Rods, Rodhs (во множественном числе Rodsin – «гребцы»), и что так издревле именовался Roslagen

(жители которого называются Roslagsbo, Rooskarla, Rospigg). И как заключал Савельев, при переходе к финнам слово Rods, по требованию основных законов финского языка, должно было изменить глухое скандинавское «o» на двугласную «uo», твердую согласную «d» в «t» и получить мягкое окончание собирательных собственных имен на «i», так что финское Ruotsi совершенно тождественно скандинавскому Rods²⁸. Но подобные разглагольствования, вытекающие из «выводов сравнительной филологии», ведомой «скандинавским догматом», не устраивают даже норманистов самого крайнего толка. К примеру, М.П. Погодин, говоря в 1847 г., что «результаты Шлецеровы теперь уже ничего не значат...», публично отпустил ему, так сказать, научные грехи: «а за шведов с руотси и Рослагеном, за его понятия о вставках, за понтийских руссов, и пр. и пр. – прости его Господи!»²⁹.

Слова Погодина свидетельствовали о глубоком кризисе норманской теории, и этот кризис заставил пойти на кардинальную ревизию ее основных положений. Прежде всего это коснулось судьбы черноморской (понтийской) руси, которую Шлецер в большой досаде вычеркнул из русской истории. Но тенденциозность его вывода очень скоро продемонстрировал Г. Эверс, который, рассуждая, что «естественнее искать руссов при Русском море (Черном. – *В.Ф.*), нежели при Варяжском (Балтийском. – *В.Ф.*)», доказал существование южной Руси в дорюриково время (в ней он увидел хазар, от которых русские приняли свое имя)³⁰. И этот факт начали учитывать норманисты, хотя скандинавский догмат, априори принятый ими за абсолютную истину, неудержимо толкал их, по словам С.А. Геденова, «иногда и бессознательно»³¹, смотреть на русскую историю только через его призму, а значит, продолжать порождать эфемерные конструкции. Так, Н.М. Карамзин, отвергнув отрицание Шлецером понтийской руси, утверждал, что скандинавские «россияне» появились на юге в связи с приходом Аскольда и Дира в Киев³². В 1823 г. И.С. Фатер, обращая внимание на «столь очевидно бытие росов» на юге, предложил понимать под ними остатки готов, проживавших на северных берегах Черного моря, среди которых разместились значительные колонии варягов-норманнов, ставших прозываться русью. При этом он подчеркнул, что Нестор «сказал весьма ясно, что сии варяги зовутся русью, как другие шведами, англянами: следственно, русь у него отнюдь не шведы»³³.

В 1850-х–1860-х гг. С.М. Соловьев, исходя из сведений арабских и византийских авторов, заключил, что «название “русь” гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями». Не находя тому

объяснения со стороны норманской теории, ученый высказал мысль об отсутствии этнического содержания в термине «русь», полагая, что он, как и имя «варягов» на западе, являлся общим названием дружин на востоке, «означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским». Этническое содержание слова «варяги» Соловьев стал отрицать под воздействием М.В. Ломоносова и понимал под варягами не какой-то конкретный народ, а европейские дружины, «составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых», «сбродную шайку искателей приключений». И как резюмировал наш выдающийся научный авторитет, «если, по признанию самых сильных защитников норманства, влияние варягов было более наружное, если такое наружное влияние могли одинаково оказать и дружины славян поморских... то ясно, что вопрос о национальности варягов-руси теряет свою важность в нашей истории»³⁴ (в атмосфере господства норманской теории эти слова означали, помимо воли самого ученого, призыв прекратить дискуссию об этносе варягов и руси и принять в качестве «священного» догмата тезис о их норманстве).

В 1860 г. Н.И. Костомаров отметил, что финское название шведов, «коль скоро оно не взято из языка скандинавского, никак не могло перейти на Киев, хотя бы там и в самом деле поселились скандинавы», и привел мнение шведа Линдстрема, который «ясно доказал», что название Русь не было свойственно в древности скандинавам и что название Рослаген появилось не ранее конца XIII в., а прежде этот участок береговой полосы именовался Sjöland³⁵. В 1862–1863 гг. С.А. Геденов, говоря, что норманизм основан на мнении о скандинавском начале имени «Русь», доказал «случайное сходство между финским Ruotsi, шведским Рослагеном и славянским русь...», которое соблазняет исследователя, уже предубежденного в норманстве варягов-руси (свое отношение к «этимологическим случайностям и созвучиям», на которых возводят русскую историю, он выразил мыслью, что «лингвистический вопрос не может быть отделен от исторического; филолог от историка»). Сославшись на Паррота, сказавшего, что если бы Шлецер знал настоящее значение слова Roots (хребет, ребро), то не вздумал бы опираться на его созвучие с Рослагеном, историк согласился с предлагаемым им толкованием наименования Швеции Ruotsi как «страна утесов». Обратив внимание на то, что горные лопаи в Швеции именуют шведов исключительно Taro, Tarolats (купец) или Laddelats (обитатель страны), а себя Ruothi и Ruotteladz, он предположил, что, когда шведы отеснили лопаей к северу и заняли их места, «имя Ruothi, Ruot-

teladz перешло у эстов и финнов (под формами **Roots, Ruotsi**) на новых поселенцев приморского Шёланда, как у греков скифское имя на разные, друг друга из Черномории вытеснявшие племена...».

Гедеонов также показал, что «генетическое шведское русь не встречается, как народное или племенное, ни в одном из туземных шведских памятников, ни в одной из германо-латинских летописей, так много и так часто говорящих о шведах и о норманнах». При этом им было подчеркнuto, что норманисты не могут объяснить «ни перенесения на славяно-шведскую державу финского имени шведов, ни неведения летописца о тождестве имен свеи и русь, ни почему славяне, понимающие шведов под именем руси, прозывающие самих себя этим именем, перестают называть шведов русью после призвания», ни почему «принявшие от шведов русское имя финские племена зовут русских славян не русью, а вендами *Wänälaiset?*», в связи с чем им следует отказаться от изобретенного «*Rôdhs*, да и то еще под несуществующею у норманнов грамматической формой». Рассматривая изложенную в посмертно изданной книге (1848 г.) версию норманиста И.Ф. Круга, не бравшего во внимание связь имени «Русь» с финским **Ruotsi**, историк заметил, что он, тем самым, осознал «случайность его созвучия со славянским русь», а затем, касаясь собственного предложения Круга, сказал, что «едва ли кто поверит, чтобы славяне, ближайшие соседи шведов, заняли от греков, с которыми еще не вступили в сношения, ими новоизобретенное для этих шведов имя 'рѡѥ – красные». По мнению Гедеонова, «беспримерному», «этническому несклоняемому» греческому 'рѡѥ «соответствует только одна собирательная, славянская форма русь», одинаковая в единственном и множественном числе, что не характерно для германо-скандинавских языков, а это означает, что греки заимствовали 'рѡѥ только из языка славян³⁶.

В 1862 г. А.А. Куник, назвав опровержение Гедеоновым связи Рослагена с русской историей «совершенно справедливым», добавил, что имя «*Rorgr*», «*Roden*» (вместо чего сейчас употребляется *Roslagen* – общество гребцов) шведы в XVII в. приняли за имя роксолан (русских) по плохому знанию своего древнего языка, что ввело в заблуждение самого Куника. Через два года он сделал показательное признание, что норманнская школа «обанкротилась» со своим Рослагеном, в связи с чем должна позаботиться, как Куник ставил четкую задачу перед ее сторонниками, «вновь открыть «природных шведских россос» (в 1878 г. ученый повторил, что «сопоставление слов *Roslagen* и Русь, *Rôd* является делом невозможным уже с лингвистической стороны»)»³⁷. В 1864 г. М.П. Погодин, также соглашаясь с Гедеоновым, что «посредством финского названия для Швеции Руотси и шведского Рослагена объяснять имени Русь нельзя, нельзя и

доказывать ими скандинавского ее происхождения», заключил, что «Ruotsi, Rodhsin, есть случайное созвучие с Русью...». После чего он вновь сказал, тем самым еще раз подтвердив безуспешность попыток с позиций норманизма объяснить название Руси, что откуда происходит это название, где русь жила первоначально – «открытое поле для догадок», и что «имя Русь с своим происхождением есть вопрос только любопытный, а не основной». Но при этом с характерной для норманистов безапелляционностью говоря, что «для меня очень просто и ясно: было племя норманское русь, которое в 838 году посылало послов в Царьград (Бертинские летописи), в 844 г. нападало на Севилью (Ахмед-эль-Катиб), в 862 году призвано словенами в Новгород (Нестор)»³⁸.

В начале 1870-х годов Д.И. Иловайский, констатируя, что никакой Руси в Скандинавии источники не знают, напомнил, что от связи Рослагена и общества godhsin (гребцов) с Русью уже отrekliсь, после исследования С.А. Гедеонова, сами норманисты³⁹. В 1872 г. норманист К.Н. Бестужев-Рюмин нашел «странным», чтобы скандинавы называли «себя именем, данным им финнами», и что едва ли название народа происходит от «общины гребцов»⁴⁰. В 1874 г. норманист Н. Ламбин, с восхищением ведя речь о Гедеонове, разгромившем «победоносную доселе» норманскую теорию, которая, как он сам уже признает, доходит «до выводов и заключений, явно невозможных, – до крайностей, резко расходящихся с исторической действительностью», вместе с тем утверждал, что «никакого народа русь никогда и нигде не бывало, и ниоткуда к нам не приходило...», что варяжские князья «привели с собою «всю русь», то есть всю дружину, называвшуюся русью (Rôds), как назывался и самый род княжеский», и что Нестор выдал эту скандинавскую морскую дружину за особый народ «варяжского племени»⁴¹.

Под воздействием критики А.А. Куник в 1875 г. аннулировал свое объяснение Руси от godsen-«гребцы», выдвинутое в 1844 г. Ибо, перечислял он признаки его научной несостоятельности, «в 17-м столетии следующее место в Упландском законнике: «Rôdhs-ins ûtskyldir» шведы перевели неправильно: tributa Rφxolanogum (русских) вместо Rôslagiae, и этим долго вводили других в обман», и что «в Rôdhs-ins буква s не основная согласная... а только знак родительного падежа... как мною дознано было уже в 1846 г.» (но на данное обстоятельство обратил внимание четыремя годами ранее Н.В. Савельев-Ростиславич). Следовательно, заключал Куник, «по грамматическим причинам, необходимо отказаться от всякой мысли о генетической связи между формой множ. ч. Rôskarla, Rôdsmjn, Ruodspiggana, Rôspigg-ar... и формой 'rôç (да финским собирательным именем Rôts-i)». И указал, стремясь все также объяснить имя

«Русь» из германских языков, на возможную его связь с эпическим прозвищем черноморских готов II–III вв. Hreidhgotar (в древнейшей форме Hrôthigutans – «славные готы», где основной первоначальной шведской – или гото-шведской? – формой «могла быть Hrôdhs», якобы слышимой и в финском Ruotsi и в славянском русь), и что уже во времена Тацита финские племена «от Курляндии до Ботнического залива» называли шведов Rôts-i. И также как Шлецер Куник заявил, что арабские, византийские, русские и западноевропейские свидетельства о присутствия руси на берегах Черного моря в дорюриково время, которые стали принимать во внимание даже некоторые норманисты, «положительно не выдерживают критики», а в 1877 г. охарактеризовал их как «несостоятельны полностью»⁴².

В 1876 г. С.А. Гедеонов, не без улыбки говоря, что Куник «является ныне с новооткрытым (пятым или шестым, по порядку старшинства) мнимонародным, у шведов IX века именем русь», резюмировал: «С лингвистической точки зрения, догадка г. Куника замечательна по ученой замысловатости своих выводов; требованиям истории она не удовлетворяет». После чего он констатировал, что «ни самовольное предположение Погодина о каком-то, никому в мире неизвестном шведском племени русь в IX в., ни указания г. Куника на мнимую связь этого небывалого племени с гредготами Эрманнарика не спасут норманской теории от противоречий и несообразностей». А в отношении слов Погодина, что для него «очень просто и ясно: было племя норманское русь...», историк совершенно верно сказал, «только едва ли помирится наука с этим уж чересчур незатейливым способом решать силой аксиоматического приговора один из самых трудных и сложных вопросов всемирной истории»⁴³. В 1880 г. Д.И. Иловайский, указав, что филологические толкования – это «самый скользкий путь для всех толкователей», заметил по поводу конструкции Ruotsi-Русь: «Можно ли придумать комбинацию более наивную и менее серьезную! Тут не выходит главного: как же сами-то русские славяне стали называть себя русью? Откуда, из каких источников видно, что новгородцы познакомились с норманнами через финнов?»⁴⁴.

В последних десятилетиях XIX в. норманисты, стремясь во что бы то ни стало вплести византийские известия о черноморской Руси в свои схемы и тем самым спасти их, возродили готскую теорию Фатера. Е.Е. Голубинский предложил под черноморскими русами понимать норманнов, в первой половине IX в. (до 839 г.) появившихся в Причерноморье и слившихся там с остатками готов, а затем активно действовавших на Черном море. Позже в Новгороде осели другие норманны, основавшие там русское княжество во главе с Рюриком. В.Г. Васильевский, проанализировав жития святых Стефана

Сурожского и Георгия Амастридского, содержащие известия о черноморских походах руси, и установив, что эти памятники написаны в первой половине IX в., сделал вывод о несомненном знакомстве византийцев с русами до 842 г. Не придерживаясь взгляда на очень раннюю колонизацию норманнами Восточной Европы от Балтики до Черного моря, исследователь отождествил причерноморскую русь с тавроскифами, а тех с готами, готаланами и валанготами, проживавшими в Крыму. Варяги-норманны, придя позднее в этот район, перемешались с готами и приняли их язык как церковный (при этом он не скрывал, что готская теория «при современном положении вопроса... была бы во многих отношениях пригоднее норманно-скандинавской») ⁴⁵.

В 1892 г. норманист Ф.А. Браун, на лингвистическом материале показав несостоятельность версии А.С. Будиловича, выводящей слово «Русь» из готского языка и этнически отождествляющей русь с готами, внушал противникам норманской теории, что она «давным давно... стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими» (при этом вопреки известным фактам утверждая, что скандинавы «сами называли себя» русью). По его словам, «отвергать основное положение норманистов может только человек либо вовсе незнакомый с древнегерманскими языками, либо закрывающий глаза перед очевидными фактами. Русское государство, как таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будет напрасным, праздным путем». Хотя, как он тут же подчеркивал, вопрос о происхождении наименования «Русь» является одним из «слабейших пунктов норманской позиции...», и если бы ее противникам удалось доказать его нескандинавское происхождение, «то они этим поколебали бы самую основу норманизма, и сторонникам его пришлось бы начать работу сначала» ⁴⁶ (т.е. ни при каких обстоятельствах не признавать своей неправоты, а продолжать делать все, чтобы, если вспомнить наказ Куника своим сторонникам после фиаско с Рослагеном, «вновь открыть “природных шведских россов”»). Тогда же В.З. Завитневич заметил, что филологические данные представляют в объяснении происхождения слова «Русь» «весьма шаткую почву...» и что оно может быть объяснено «только на почве строго исторической». Касаясь «догадки», что имя это образовалось от гребцов-rodhsi, он заключил, «что только мысль, совершенно потерявшая веру в возможность отыскать хотя сколько-нибудь серьезное решение данного вопроса, может найти успокоение в подобной аргументации», так как «между фактом призвания варягов и памятниками, в которых упоминаются названные гребцы, лежит промежуток времени почти в 400 лет». А «заслугу» готской теории Завитневич видел

в том, что в поисках истоков имени «Русь» она взгляд перевела с севера на юг⁴⁷.

В 1899 г. Браун, ведя речь о попытке Куника связать имя «Русь» с godsen-«гребць» посредством финского Ruotsi, сказал, что против этой догадки говорит «столько соображений, как по существу, так и с формальной точки зрения, что сам автор ее впоследствии отказался от нее». В отношении же его предложения выводить Русь от эпического прозвища черноморских готв Hreidhgotar отметил, что «в обсуждении того, каким образом прозвище готв, хотя бы в сокращенной форме, могло перейти к финнам и славянам для обозначения скандинавской династии, он не входит». Идею Куника, продолжает далее Браун, «развил в новом направлении» Будилович, исторически и этнологически ставя русь в связь с готами, а ее имя «с готской основой hrǫþh, «слава», пытаясь, таким образом, заменить «норманскую» теорию «готскою», не выдерживающей «критики ни с исторической, ни с лингвистической точки зрения». И хотя Браун выразил твердую уверенность в том, что именно в финском наименовании шведов ruotsi «кроется разгадка всего вопроса», он вместе с тем констатировал, «что название Русь не нашло удовлетворительного объяснения ни со стороны норманистов, ни со стороны их противников»⁴⁸. По причине чего в среде норманистов, прямо не занимавшихся варяго-русской проблемой, стали раздаваться голоса, что вопрос о происхождении имени «Русь» не содержит, как выразился В.О. Ключевский, «ключа к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни»⁴⁹. И ученый говорил, что русь «имеет изменчивое значение, то географическое, то племенное, то сословное: под ним разумеются и Киевская земля в тесном смысле, и пришлые варяги в отличие от туземных славян, и высший класс, собравшийся вокруг киевского князя, без различия племенного происхождения» («военно-торговая аристократия», состоявшая «из вооруженных промышленников туземных и заморских», т.е. скандинавов, которые и помогли образоваться этому классу)⁵⁰. Мысль Ключевского развивали затем и те историки, например, Л.В. Падалко в 1911 г., которые, считая варягов норманнами, в руси видели славян, их высшее сословие, и полагавшие, что данный термин эволюционировал от социального значения к географическому, а затем к политическому, перейдя от правящей части населения на всех «управляемых» (выводя имя «русь» от рокс-алан, Падалко говорил о существовании уже во второй четверти IX в. Черноморско-Азовской Руси)⁵¹.

Но если Ключевский, как ранее И.Ф. Круг и М.П. Погодин, был способен отказаться брать во внимание созвучие Руси и Ruotsi, то совершенно по-иному рассуждали ученые, стремившиеся выдать это

созвучие за тождество. Осознав несостоятельность исторических доказательств, которые до того были приоритетными в норманской теории, на первый план они выдвинули доводы лингвистические, вольно обращаясь с ними. А.А. Куник, подводя в 1875 г. безрадостный итог изысканиям норманистов, а значит, и собственным, признал, что невозможно «разрешить варяго-русский вопрос чисто историческим путем, решение его выпадает на долю лингвистики, в области которой, так же как в математике, не могут играть роли ни софизмы, ни сентиментальности» (опыт самого Куника, желавшего во что бы то ни стало «открыть “природных шведских россов”» и с этой целью выдвинувшего в 1844–1875 гг. несколько версий происхождения имени «Русь», демонстрирует как раз обратное). Вслед за Куником Ф.А. Браун в 1892 г. сказал, что «центр тяжести норманской теории лежит» не в показаниях источников (иными словами, она не имеет в них никакой опоры), а в данных лингвистики, причем ее «лучшие» доказательства он видел в норманистской интерпретации летописных личных имен и «русских» названий днепровских порогов⁵². Какое отношение имела к науке интерпретация, например, последних, показал в 1814 г. Г. Эверс. Констатируя, что «неутомимый Дурич» объяснил их из славянского, также счастливо», как и Ю. Гунманн из скандинавского, а И.Н. Болтин из венгерского, он заметил: «Наконец, может быть найдется какой-нибудь словоохотливый изыскатель, который при объяснении возьмет в основание язык мексиканский». Затем И.Г. Нейман, говоря в 1825 г., как заставляют звучать «русские» названия порогов по-скандинавски, заключил, что этот результат уже «по необходимости брать в помощь языки шведский, исландский, англо-саксонский, датский, голландский и немецкий... делается сомнительным»⁵³.

Слова Куника о лингвистике как о якобы самой объективной области в разрешении варяго-русского вопроса тут же услышала скандинавская наука. В 1876 г. датский лингвист В. Томсен прочитал в Оксфорде лекции о происхождении русского государства (в виде отдельной книги они были изданы в 1877–1919 гг. в Англии, Германии, Швеции, России, Дании), цель которых была жестко задана им в самом начале: он брался доказать, что «племенем, которое основало в IX в. русское государство, и к которому первоначально применялось имя руси, были действительно норманны или скандинавы, родом из Швеции». Убеждая в истинности этой посылки, ученый признал, во-первых, что скандинавского племени по имени русь никогда не существовало и что скандинавы «не называли себя русью». Во-вторых, что нет «никакой прямой генетической связи» между Рослагеном, как географическим именем, и Ruotsi-Русью, ибо (в данном случае его мнение, как высокопрофессионального

специалиста в области языкознания, имеет важное значение, хотя оно и не ново) первый слог имени Roslagen не именительный, а родительный падеж древнешведского слова *gor-er* «гребля», «судоходство», «плавание», да к тому же название Roslagen появляется слишком поздно, «чтобы быть принятым в соображение» (в древности эта часть местности именовалась Roper, Ropin). Но, как тут же внушал Томсен, название Русь образовалось от Ruotsi (а эта форма, в свою очередь, от Roper). По его мнению, надуманность которого он и не думал скрывать, шведы, ездившие к финнам, «могли назвать себя, – не в смысле определения народности, а по своим занятиям и образу жизни, – *gors-menn* или *gors-karlar*, или как-нибудь в этом роде, т.е. гребцами, мореплавателями». Со временем в Швеции это слово якобы обратилось в имя собственное, которое финны – в первой его части – приняли за название народа. Восточные славяне, познакомившись со шведами через посредство финнов, отделявших их от моря, дали скандинавам то имя, которое узнали от соседей. И Ruotsi перешло в их язык в форме Русь точно также, повторял он давно уже сказанное, как к ним перешло финское Suomi в форме Сумь – звук *uo* или *ô*, которого нет в славянском языке, заменился звуком *u* (*y*), а греки заимствовали имя «Русь»- ῥῶς, видимо, через хазар, и что точно таким же путем его усвоили арабы⁵⁴.

По сей день на Западе варяго-русский вопрос излагают по Томсену «как проблему давно и окончательно решенную»⁵⁵. Его звезда как авторитетнейшего специалиста в данной области взошла на волне нарастающего интереса в Западной Европе к русской истории, к России в целом. И весьма кстати пришлось его сочинение об истоках российского государства, к началу 1870-х годов преодолевшего кризис, вызванный проигранной Крымской войной, и переживавшего эпоху великих реформ, экономически и политически его укреплявших, и тем самым усиливающих его вес на мировой арене. Подобная ситуация заставила многих европейцев, желавших лучше разобраться в России современной и занять правильную позицию по отношению к ней, заглянуть в ее прошлое и разгадать загадку ее начала. Но сделать это было сложно, так как западноевропейская историография, кроме труда А.Л. Шлецера «Нестор», охватывающего историю Руси от призвания варягов по 980 г., ничем более, по сути, не располагала. Причем 5-томный многостраничный «Нестор», вышедший в 1802–1809 гг., справедливо казался западноевропейскими учеными сильно устаревшим. Поэтому очень небольшая по объему книга Томсена, кратко и популярно излагающая концепцию норманизма, была принята ими за «новое слово» в науке. Она импортировала им еще и тем, что была написана в весьма динамичном и категорично-утвердительном тоне, коим они сами любили порас-

суждать о русской истории, абсолютно совпадала с их взглядами на характер истории России вообще, и что всю «ненаучность» позиций русских антинорманистов-«патриотов» объясняла «национальным фанатизмом», мешающим им принять очевидную для всех истину о иноземном происхождении имени русского народа и «неприятный» для них факт основания Древнерусского государства скандинавами (которых, подчеркивал Томсен, на Руси «было сравнительно так мало...») ⁵⁶.

И тогда на Западе мало кто знал (да знает и сейчас), что книга Томсена не представляет собой, как говорили в 1880 г. А.М. Кубарев и Д.И. Иловайский, «чего-либо самостоятельного...», а есть «самое поверхностное повторение мнений и доводов известных норманистов, преимущественно А.А. Куника», причем в силу «своей отсталости» он, отмечал Иловайский, повторяет такие доказательства последнего, которые тот уже снял. В 1931 г. норманист В.А. Мошин констатировал, что Томсен, «своим авторитетом» канонизировав норманскую теорию в Западной Европе, внес «в изучение вопроса мало такого, что не было бы ранее замечено в русской науке, в особенности в трудах Куника». В 1957 г. польский историк Х. Ловмянский, утверждая, что именно Томсен придал «наиболее законченную форму» норманской теории, вместе с тем заметил, что его работа «не внесла в дискуссию ни новых аргументов, ни новых источников...» ⁵⁷. Томсен, во многом руководствуясь работой Куника «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen» («Призвание шведских родов финнами и славянами». Bd. I–II. SPb., 1844–1845), видимо, не был в курсе, что в 1862 г. автор отказался, под воздействием блестящей критики Гедеонова, от большинства ее положений, сказав, что «я должен теперь первую часть своего сочинения объявить во многих местах несоответствующею современному состоянию науки, да и вторую часть надобно, хоть в меньшей мере, исправить и дополнить» (эти же слова Куник повторил в 1875 г.) ⁵⁸. В целом же, Томсен лишь озвучил при помощи Куника идеи Тунманна и Шлецера, точнее, в той их редакции, в какой они были сформулированы в трудах российских «ультранорманистов» первой половины XIX в. – О.И. Сенковского, С. Сабина, М.П. Погодина (как и эти ученые, он говорил о бытовании на Руси «скандинаво-русского», «варяжского наречия» ⁵⁹, следы которого, при всем на то желании, Шлецер не смог найти и в чем честно признался ⁶⁰).

Томсен принял идею Куника по поводу происхождения названия «Русь» потому, что, как пояснил Ф.А. Браун, «скандинавские собственные личные имена, встречающиеся в древнерусской истории, повторяются частью преимущественно, частью исключительно в тех областях средней Швеции, на которые указывает гипотеза Ку-

ника», т.е. в Упланде⁶¹. Но как русские имена превращали шведские историки начала XVII – середины XVIII в. посредством, по образному выражению А.Л. Шлецера, «этимологической дыбы» в скандинавские, уже говорилось. Как это затем проделывал Г.З. Байер и его подражатели, равно оценили и антинорманист М.В. Ломоносов, и норманист В.О. Ключевский. Согласно замечанию первого, Байер, «последуя своей фантазии», имена русских князей «перевертывал весьма смешным и непозволительным образом, чтобы из них сделать имена скандинавские». По словам Ключевского, «впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе»⁶². Несостоятельность посылки норманистов о якобы скандинавской природе многих имен ПВЛ продемонстрировал наш современник, историк А.Г. Кузьмин. Отметив весьма сложный, полиэтнический состав древнерусского именослова – славянский, иранский, иллиро-венетский, подунайский, восточнобалтийский, кельтский и другие компоненты, он установил, что в нем «германизмы единичны и не бесспорны», а норманская интерпретация, которая сводится лишь к отысканию приблизительных параллелей, а не к их объяснению, противоречит материалам, «характеризующим облик и верования социальных верхов Киева и указывающим на разноэтничность населения Поднепровья»⁶³.

При самом благожелательном отношении к работе Томсена ряд известных западноевропейских языковедов конца XIX – начала XX в. либо вовсе, либо в частности не принял рассуждения своего коллеги по поводу имени «Русь», но при этом выступал пропагандистом мнения о его скандинавском происхождении. Так, в 1886 г. словак Ф. Миклошич в «Этимологическом словаре славянских языков», изданном в Вене на немецком языке, остался верен старой идее, что русь – это, «возможно, имя шведского племени, с которым финны состояли в особенном контакте»⁶⁴. В 1903 г. немец Й. Маркварт, не сомневаясь, что имя «русь» образовалось из финского Ruotsi, подверг критике мысль Томсена о том, как оно перешло к византийцам, считая, что те не могли заимствовать его через хазар, потому что «в тюркских языках нет слов начинающихся плавными *r* и *l* (вследствие чего русское имя у восточных народов получило формы Orus, Urus, Wyrus, Oros и т.п.)», а «одновременное появление имени *oi* 'рѡс у греков и *rūs* у арабов опровергает предположение об образовании этого термина от *oi* 'рѡс Иезекиля». Сам ученый связал греческое *oi* 'рѡс с народом Hrōs, названным Захарием Ритором (VI в.) в числе северокавказских народов, и с росомонами готского историка Иордана (VI в.), видя в них герулов, которых помещал на берегу Азовского моря и возвращение которых в Скандинавию и на датские острова стимулировало данов, а затем шведов «предпри-

нимать экспедиции по изведанным уже путям к Черному морю...». По его убеждению, форма Ros (греческая $\rho\acute{\omicron}\delta\varsigma$, сирийская $\text{Hr}\acute{o}s$), бытовавшая на Азовском побережье до IX в., была перенесена на викингов, явившихся на Черное море в качестве разбойников и торговцев, по причине их совершенного сходства с герулами происхождением, внешностью, разбойническим образом жизни и семейными обычаями (вместе с тем он допускал, что под $\text{Hr}\acute{o}s$ можно понимать и собственно викингов, с очень давних времен проникших в Причерноморье «в качестве торговцев рабами и пушниной») ⁶⁵ (в 1906 г. Ю.А. Кулаковский заметил, что теория Маркварта «исходит из стремления отыскивать имя Руси среди германских племен, что весьма проблематично», но в ней «заслуживает внимания прикрепление племени Русь к Меотиде», где, вероятно, и следует «искать родину тех, кому мы обязаны именем «Русь»» ⁶⁶).

В 1915 г. швед Р. Экблом выявил несостоятельность версии Томсена о происхождении имени «Русь» от древнего названия Рослагена Rorag , так как его предположение, что в составных словах с начальным $\text{g}\ddot{o}\text{r}s$ - содержится форма родительного падежа $\text{g}\ddot{o}\text{r}(\text{er})s$, не соответствует действительности, ибо форма родительного падежа от $\text{R}\ddot{o}\text{rag}$ должна звучать как $\text{R}\ddot{o}\text{rag}$, что абсолютно не совместимо с $\text{g}\ddot{o}\text{r}s$ -. По Экблomu, основой Ruotsi стало существительное $\text{g}\ddot{o}\text{r}\text{er}$ («дорога, или путь, где можно грести на веслах», «морской проход с небольшой глубиной») в родительном падеже $\text{g}\ddot{o}\text{r}(\text{er})s$, от которого возникла форма $\text{g}\ddot{o}\text{r}(\text{r})s$, давшая начало составным словам с $\text{g}\ddot{o}\text{r}s$ -, означавшим не «гребцов» и «лодочников», как считал Томсен, а прибрежное население, жителей $\text{g}\ddot{o}\text{r}\text{rag}$, в связи с чем термин $\text{R}\ddot{o}\text{r}(\text{r})$ in означал место поселения $\text{g}\ddot{o}\text{r}s\text{maen}$ и $\text{g}\ddot{o}\text{r}s\text{byggjar}$ ⁶⁷ (как заметил в 1947 г. соотечественник Экблома лингвист и историк Е. Хьерне, трудно предположить, чтобы название какой-то части суши, а также людей, там живущих, могло возникнуть от слова, имевшего значение «пролив», «фарватер»). В 1958 г. шведский языковед С. Экбу сказал в отношении составных слов, будто бы происшедших из формы родительного падежа gors от слова gorag , что «мы были достаточно долго в трясине гипотез. Нам неизвестно, существовали ли подобные составные слова в VII или VIII вв., и мы не можем решительно утверждать, что подобные составные слова в это время могли быть переданы через прибалтийско-финское $*r\ddot{o}tsi$ » ⁶⁸).

Сочинение Томсена было восторженно принято российскими норманистами. Возобладала в их кругах и его интерпретация происхождения имени «Русь». И в придании этой интерпретации статуса бесспорного научного факта, от которого прежде всего и следовало теперь «танцевать», огромную роль сыграли выдающиеся филологи начала XX в. В 1904–1919 гг. академик А.А. Шахматов говорил, что

русь – это древнейший слой шведов (который он характеризовал, по сравнению с очень скромными оценками Шлецера и Томсена, как «несметные полчища скандинавов»), вначале обитавших на Северо-Западе Восточной Европы, а около 840 г. основавших Киевское государство. К ним затем присоединились новые выходцы из Скандинавии, известные уже как варяги, и которые, подчинив себе южную Русь, восприняли ее имя (как и вошедшие в состав этого государства восточнославянские племена). Представляя скандинавов в качестве «могучего бродильного элемента», возбудившего «брожение» финнов и славян, ученый заключал, что русское государство возникло «в результате по крайней мере двукратно отраженных экспедиций северных народов, снаряженных ими для овладения Царьградом...». «Главный» и «решающий», по его характеристике, довод в пользу предложенной им схемы, являющейся повтором теории двух колонизационных потоках норманнов в Восточную Европу, состоял в ссылке на труд датского лингвиста, что до сих пор западные финны называют Скандинавию «Русью-Ruotsi» (только в отличие от него он полагал, что к арабам это имя перешло, возможно, посредством восточных славян).

Коснувшись мнения Й. Маркварта, что финское Ruotsi было бы передано в русском языке скорее через Ручь, чем через Русь, Шахматов утверждал, что в древнерусском языке «звуки ц и ч были известны только как палатальные; для передачи ts (с) непалатального естественно было употребить звук s» (но вместе с тем признал, что «диалектически могла быть известна передача Ruotsi и через Ручь...»). При этом он категорично подчеркивал, что «нас может не интересовать этимология имени Русь; этимология этого имени, какова бы она не была, не может поколебать того положения, что финны и славяне называли скандинавов Русью»⁶⁹. Эти слова, довольно странно звучащие в устах лингвиста, служат, как и в приведенных выше случаях с М.П. Погодиным, прямым признанием беспочвенности норманистских объяснений имени «Русь». А.Г. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» (1910–1914 гг.), отмечая, что, «несмотря на многочисленные попытки», еще не объяснено название «Русь», вместе с тем сказал по Томсену, что его выведение их финского Ruotsi (сокращенное каких-либо древнешведских *rops-menn или *rops-karlar; древнешведское ropar – «руль», т.е. «плаватель», «мореплаватель») «следует считать наиболее вероятным», и что через какое-то тюркско-татарское посредничество имя «Русь» перешло в арабское Rūs и греческое οἱ ῥῶς⁷⁰. Зарождавшаяся в дореволюционное время марксистская историография в лице М.Н. Покровского также проводила мысль, что восточные славяне называли шведов «Русью», заимствовав это имя от финнов,

и что финское название «Руоцы» или «Рузер» происходит от древнешведского *rother*, означавшего «греблю», «морскую поездку»⁷¹.

Причиной принятия российскими исследователями этимологии слова Русь в версии Томсена был не только их норманизм. Норманистами были и Погодин, и Куник, но они, во-первых, обладая критическим чутьем и научной принципиальностью, отказывались от идей, которые отжили свой век, во-вторых, дистанцировались от них под воздействием блестящей аргументации оппонентов. Но таких ярких оппонентов у норманской теории к концу XIX в. уже не было, в связи с чем новая генерация ее сторонников, полагая, что данный вопрос бесповоротно решен в пользу норманнов, начала весьма упрощенно смотреть на качественную сторону своих доводов. Труд Томсена (как и норманизм в целом) стал выглядеть совершенно незыблемым еще и потому, что шведские ученые, мнению которых благоговейно внимали наши специалисты, нашли ему якобы новые обоснования. В 1914 г. в монографии «Швеция и Восток» Т.Ю. Арне произвольно, как это когда-то делали его соотечественники XVII–XVIII вв., трактуя материал в пользу скандинавов (в данном случае археологический), выдвинул теорию норманской колонизации Руси, утверждая, что в X в. в ней повсюду «расцвели шведские колонии». Эту теорию он развивал в 1917 г. в сборнике своих статей «Великая Швеция», именуя так Древнерусское государство. В 1915 г. славист Р. Экблом, побуждаемый выводами Арне и также, как он, ведомый чувством национального самолюбования и норманизмом, убеждал, что названия от корня рус- и вар- (вер-) Новгородской земли являются доказательством расселения скандинавов в данном регионе (при этом профессионального лингвиста несколько не смутило отсутствие в Швеции такого рода топонимов)⁷².

В послеоктябрьский период авторитетнейшие российские ученые СССР и эмиграции, будучи совершенно уверенными в достоверности норманской теории, преподносили эту уверенность в качестве абсолютной истины. Так, эмигрант Ф.А. Браун утверждал в 1925 г., что «время “варягоборства”, к счастью, миновало...». В 1928 г. советский историк А.Е. Пресняков в сборнике, посвященном памяти В. Томсена, година со дня кончины которого была превращена у нас в чествование норманизма, констатировал, что последний прочно вошел «в инвентарь научной русской истории». Его соотечественник Ю.В. Готье категорично сказал в 1930 г., что антинорманизм «принадлежит прошлому» и что «варяжский вопрос решен в пользу норманнов». В 1931 г. эмигрант В.А. Мошин говорил, что «относительно варягов теперь уже почти нет разногласий» – именно так называли скандинавов, и что против норманизма «теперь уже нельзя спорить»⁷³. И незыблемость своей посылки они подтверждали в

первую очередь лингвистическими данными, при этом каждый раз демонстрируя, что с их помощью можно, по примеру О. Рудбека, без затруднений создать любую конструкцию и доказать любое положение. По причине чего они, в особенности эмигранты Е.Ф. Шмурло, Ф.А. Браун, А.Л. Погодин, Н.Т. Беляев, В.А. Мошин, М. Фасмер, стали навязывать науке аргументы, от которых отказались их кумиры, крупнейшие историки и лингвисты А.А. Куник, М.П. Погодин и даже В. Томсен, и параллельно с тем создавать новые, а также развивать идеи Т.Ю. Арне и Р. Экблома.

В 1920 г. ведущий историк СССР М.Н. Покровский в «Русской истории в самом сжатом очерке», многократно затем переиздаваемой, отмечал, что «Русь» – это прозвище, «которое финны дали шведам, приезжавшим в Финляндию через Балтийское море». Тогда же академик С.Ф. Платонов увязал «русские» географические названия к югу от озера Ильменя со скандинавами. В 1922 г. Е.Ф. Шмурло, говоря, что скандинавов «наши предки называли Русью, русскими...» и что «название людей, дружинников перенесено было потом на страну», убеждал в правильности этой мысли тем, что «история дает не один пример того, как чужое имя людей усваивалось страной, в которой они появлялись: славянская Болгария заимствовала свое имя от тюркских болгар, французская Нормандия – от скандинавских норманн; иберо-романская Андалузия – от германцев-вандалов» (при этом считая, что в русской жизни норманны «сыграли роль фермента: дрожжи заквасили муку и дали взойти тесту»). В 1923 г. В.А. Брим выдвинул теорию о независимом существовании на севере и на юге сходных названий «русь» и «рос». Придерживаясь гипотезы, что русью назывались варяжские дружины вообще, а не какое-то скандинавское племя, он поставил имя «Русь» в прямую связь с древнешведским *dröt* (толпа, дружина), которое, по его оценке, «строго» отвечает славянскому «Русь» и финскому «Ruotsi». Ибо при переходе в финский язык древнескандинавское долгое *ō* перешло в дифтонг *uo*, а *dr* изменилось в *r*. В связи же с тем, что конечное *t* не могло перейти в *ts*, то в словах женского рода типа *dröt* очень рано возникла, кроме обычной формы родительного падежа *drotar*, новая форма *drots*. И от этой формы образовалось слово *drötsmenn* – дружинник, при заимствовании которого вторая часть его выпала, что и привело к возникновению имени «Ruotsi». Прибывшая на Днепр северная русь оживила на юге старую традицию вокруг термина «Рось», которое появилось там «очень рано» и которое держалось, вероятно, и как народное имя, «покрывая собою сменившие последовательно друг друга мелкие народности у Черноморья». В конечном итоге, имя «Рось» «закрепилось за племенем, властвовавшим в Киевском

государстве, за племенем случайно носившим похожее название «Русь». Византийцы, стремясь связать «новое с древним», отождествили «Рось» с библейским «רֹסֶס», в результате чего появилась терминология «Русь-Россия»⁷⁴.

В 1925 г. Ф.А.Браун охарактеризовал как «простое недоразумение» принципиальной важности факт, лишаящий норманскую теорию права выступать в качестве даже рабочей гипотезы, что «народа “Русь” в Швеции никогда не было». Объяснение такому «прискорбному пробелу» он видел в том, что первые записи появляются в Швеции лишь в XIII в., когда, по его мнению, воспоминания о событиях IX–X вв. давно уже позабылись. Считая, что имя «Русь» «не может объяснено удовлетворительно» ни из русского, ни из финского, ни из шведского, ни из какого-то другого языка и что «оно могло возникнуть только как бы на перекрестке, в точке скрещения двух или трех языков», Браун уверял, что Русь – это Ruotsi, на финский лад переделанное наименование шведской области Rother, Rothin, Рослаген, жители которого «звались – да они и сами называли себя – «rothskarlar» или rothsmen, т.е. «людьми из Roth’a», roth’цами...». Вышедшие из этой области торговцы завязали связи с финнами, которые переделали ее название в Ruotsi (страна) и Ruotsalaiset (ее жители), а восточные славяне, переняв их имя от соседей финнов, приспособили его к родному языку, в результате чего получилась «Русь». И «очень рано, – подытоживал Браун, – имя “Русь” из термина этнического превращается в термин политический» (когда дружина руссов сплотилась вокруг новгородского князя, а за нею и организованная ею славянская масса, с которой она стала быстро сливаться), по причине чего шведов, наезжавших на Русь, но постоянно живших на своей родине, начинают именовать варягами. Норманны, убеждал лингвист, выступили «центром политической кристаллизации» восточных славян, не умевших или не успевших организовать, и вел речь о «многолюдных скандинавских поселениях», «густой сетью» покрывавших «весь край до Ильменя, заходя и за это озеро, на что указывают и многочисленные следы имен “Руси” и “варягов” в географической номенклатуре этой области», и говорил, ссылаясь на жития святых Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, свидетельствующие о активных действиях руси на Черном море, этнос которых они не раскрывают, что викинги доходили до него «уже в первой половине IX века»⁷⁵.

В 1925 г. А.Л. Погодин предположил, исходя из другого своего предположения о наличии в Швеции достаточно значительной по численности и влиянию группы людей (или племени) родов, возможность непосредственного – без участия финнов – перехода от древнешведского gods в Русь через промежуточное Рудсь, ибо

«славянам не было нужды заимствовать этот термин от менее культурной древнефинской среды, так как славяне сами были знакомы со скандинавами». При этом он подчеркивал, что «финская форма с группой согласных *ts (Ruotsi)*... не является основной. Существование параллельных диалектических вариантов *Ruossi, Ruohti, Ruotti, Ruovvi* и древней литературной формы *Ruotzi* указывает на первоначальное сочетание *ps*, которое при переходе к славянам вряд ли бы вызвало появление *c (s)*, а вероятнее образовало бы *ч* или *ц*». И имя «Русь», заключал Погодин, могло появиться у восточных славян в готский период, в IV–V вв. Но не может быть и речи, что из шведского источника произошло и имя «рось», так как германское имя не могло быть заимствовано в двух вариантах, а шведское долгое *ō* не могло в русском языке создать звук *о*. Отсюда «понятно, почему в греческой форме *ῥῶς* явилось долгое *ō̄* вместо долгого *ō* шведского оригинала, но совершенно непонятно, почему в греческой форме выпал из заимствованного шведского слова *gods* звук *d* перед *s*»⁷⁶. В 1929 г. Н.Т. Беляев, соглашаясь «с возможностью» перехода *gods* в Русь без содействия финнов, вместе с тем не принял «основную» посылку Погодина о существовании в Швеции никогда небывалых в ее истории родсов. Убедившись в справедливости заключения С.А. Гедеонова о полнейшем отсутствии у шведов имени Рюрик, отчего норманская теория зависала в воздухе, Беляев возобновил в науке разговор, начатый в 30-х–40-х годах XIX в. дерптским профессором Ф. Крузе, о тождестве летописного Рюрика с Рориком Фрисландским, якобы приглашенным новгородцами для отражения набегов викингов. С этим датчанином в Новгород прибыли фризы, проживавшие многочисленной колонией в шведской Бирке, самоназвание которых – «*fr̄ēsa*» или «*fr̄ēsen*» – перешло, посредством финнов, в язык восточных славян как имя «Русь»⁷⁷.

В том же 1929 г. В.А. Мошин утверждал, что «до сих пор остается неизблемым, недавно вновь сформулированное акад. Шахматовым, воззрение об образовании имени «*русь*» из финского термина *Ruotsi*...». Касаясь версии А.Л. Погодина, он заметил, что слово «*gods*» «в скандинавском языке не было этническим термином, а имело значение профессии, и потому трудно допустить, чтобы два народа – финны и славяне – независимо друг от друга образовали племенное имя от одного и того же слова, означавшего профессию некоторых представителей этого племени». В отношении идеи о происхождении *Ruotsi* от *Roslagera*, в основе которого лежит, как принято считать, *goper-гребля*, Мошин напомнил вывод Г.А. Розенкампа, «что слово *godhsin* – гребцы даже в XVIII-м веке имело значение профессии и никогда не употреблялось в значении племенного термина, который мог бы вызвать образование финского и

русского термина Ruotsi – Русь». Мнение Р. Экблома по поводу происхождения имени «Русь» исследователь назвал «оригинальным и интересным», и поддержал, «не вдаваясь в обсуждение вероятности метаморфозы шведского *drotsmenn в славянский термин «русь», мысль В.А. Брима «о происхождении термина Русь-Россия из двух культурных областей», так как «нет оснований предполагать, что славяне могли заимствовать финский дифтонг в двух видах, тем более, что форма с *o* встречается на юге России, где славяне не были соседями финнов, и следовательно, не могли непосредственно от них заимствовать имя Рось».

По словам Мошина, «гипотеза Томсена о том, якобы греческая форма создалась под влиянием хазар, оперирует с неизвестным ингредиентом – предполагаемой хазарской формой», и что если даже предположить присутствие в последней «вокализации с *O*, все же неясно, откуда явилась у хазар эта вокализация, а также и причина исчезновения в хазарской и византийской форме звука *ð* перед *c* в случае, если эти формы образовались из шведского слова *rods*» (вокализация с *o*, отмечал он, сохранена венграми – «*Orosz*», жившими «в Хазарии» в VIII–IX вв., и монголами – «*Oros*», обитавшими на той же территории в позднейшее время)⁷⁸. В 1930 г. советский ученый Ю.В. Готье утверждал, что русь в своем основном и наиболее древнем смысле обозначала одно из шведских племен (историческое бытие которого отрицал даже В. Томсен), и что норманны «для инертного и пассивного славянского населения... были тем возбуждающим и вызывающим брожение элементом, который было необходимо привить ему для перехода... к более развитым общественным формам». И в том же бездоказательном стиле, как и пятью годами ранее, Браун рассказывал, что жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского свидетельствуют о появлении в первой половине IX в. шаек норманнов на Черном море и опустошении ими малоазиатского берега⁷⁹.

В 1931 г. В.А. Мошин, хотя и говорил о «неоспоримости» лингвистического факта, что финны называют шведов русью и что финское Ruotsi произошло от какого-то скандинавского слова (от него же, вероятно, и Roslagen), но вместе с тем сказал, что происхождение термина «русь» «нельзя еще считать окончательно выясненным», и привел факты, которые не согласуются с норманнской версией: «Несклоняемость греческой формы *οί ῥῶς*; отсутствие звука *ð*, если греческая форма произошла непосредственно из скандинавской... двойственность термина Русь-Россия». И фоном к его рассуждениям звучали характерные для тех лет слова, что норманскую колонизацию в Восточной Европе доказывают остатки скандинавских поселений IX–X вв., которые «густой сетью

покрывают целый край к югу» от Ладожского озера до Ильменя, что к югу от него «целая область кишит скандинавскими поселениями, рассеянными по всем важнейшим водным путям, идущим от Ильменя»⁸⁰. Тогда же языковед М. Фасмер, ведомый теорией Арне о норманской колонизации Руси и работами, в которых она «кишит скандинавскими поселениями», «открыл» многочисленные следы пребывания викингов в Восточной Европе. Традиционно увидев эти «Wikingerspuren» в именах князей и дружинников, в «русских» названиях днепровских порогов и т.д., к ним он прибавил еще 118 топо- и гидронимов Восточной Европы (в несколько раз больше, чем насчитал Экблом)⁸¹.

В 1932 г. А.Л. Погодин заключил, что выводы Экблома и Платонова вытекают из «неправильной» гипотезы, «что всюду, где мы встречаем географические названия, восходящие к слову Русь, мы имеем остатки древнейшей варяжско-русской колонизации». Указав, что система подсчета Фасмера не соответствует ряду важных методологических требований, констатировал: «...случайность и произвол» в толковании названий «с помощью древнесеверных имен и названий бросается в глаза на каждом шагу». Рассмотрев схему Брима drôt-drôtsmen-drôtsi, **отметил, что он не привел никаких доказательств действительного существования сокращенного drôtsi**. Не сомневаясь в шведской основе имени «Русь», заимствованной славянами «не через финское посредство, а непосредственно от Руси», ученый резюмировал, что в вопросе происхождения названия Русь «мы никогда не выйдем из гранич чисто субъективных попыток объяснения, которые лишены силы действительной убедительности»⁸². Советский историк Б.Д. Греков в 1936 и 1939 гг. убеждал, что северная русь вышла из «Рослагена»⁸³. В 1937 г. А.Л. Погодин предложил понимать под «внешней Русью» труда византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» все тот же Рослаген⁸⁴ (в 1932 г. он, высоко оценивая наследие А.А. Куника⁸⁵, почему-то проигнорировал его заключение, что норманская школа «обанкротилась» с Рослагеном).

Несмотря на тотальное господство норманизма в умах представителей советской и эмигрантской науки в их рядах все же раздавались голоса, опротестовавшие версию о скандинавской природе имени «Русь». Так, в 1924 г. В.А. Пархоменко заострял внимание, во-первых, на том, что «ни исторически, ни географически имя “Русь” не имеет никакой связи с территорией постоянного поселения скандинавов», во-вторых, что нам неизвестны момент и обстоятельства возникновения названия у финнов шведов «руотси» и что «оно могло возникнуть, например, в XI в., когда скандинавы широкой волной вливались на восточнославянские территории и вместе с восточным славянством,

так сказать в рядах его», впитали в себя это «старое библейское имя», данное нам византийцами не позже середины IX столетия. Усомнившись в достоверности теории Брима, он заключил, что «вопрос о скандинавском происхождении имени “Русь” обследован до последней возможности и в конце концов привел ученых к стене, разбить которую нельзя остроумными гипотезами»⁸⁶. В 1934 г. Е.А. Рыздзевская напомнила, «что название Русь с норманнами эпохи викингов генетически не связано и что они у себя на родине так не назывались, достаточно убедительно доказывается отсутствием всяких следов этого термина, как своего, в др.-сев. сагах... и особенно в рунических надписях». После чего она правомерно заключила: «Что у финнов шведы – Ruotsi, и каково происхождение этого названия – вопрос другой...». Вместе с тем Рыздзевская сказала, что работа М.Фасмера, посвященная поиску «*Wikingerspuren*» в восточноевропейской топонимике, вызывает «принципиальные возражения», так как «почти все построено на предполагаемых заимствованиях от скандинавов в IX–XI в.». Через пять лет она, вновь подчеркнув, что «термин «Русь» – во всяком случае, не скандинавский. Эпоха викингов его не знает...», отметила: «...Но “Русь” из “Ruotsi” **небезупречно в фонетическом отношении**», и что с первой половины IX в. корень «рус»-«рос» тесно связан «с югом, с относящейся к нему географической и этнической терминологией, при полном отсутствии его в таких районах северной полосы нашей страны, как Приладожье и Верхнее Поволжье»⁸⁷.

В 1943 г. крупнейший представитель эмиграции Г.В. Вернадский также напомнил коллегам, что «никакого племени русов не было известно в Скандинавии и не упоминается в скандинавских сагах», что «единственная зацепка» норманистов Рослаген – «это название провинции, а не племени», и что от Рослагена отказался А.А. Куник, обратившись к шведскому слову *rodsen* (гребцы), Говоря, что версия Куника нашла поддержку лингвистов, Вернадский усомнился, что в соответствии с законами лингвистики возможна «такая трансмутация» **ruotsi в Rus**. «Возможно ли в действительности, – задавался резонным вопросом ученый, – что скандинавы, пришедшие на Русь, взяли себе имя в той форме, которая была искажена финнами, встретившимися им на пути?». И если имя «русь» произошло от искаженного финского *ruotsi*, то как объяснить, завершал Вернадский свои рассуждения, что это название – в форме «рось» – «было известно византийцам задолго до прихода варягов в Новгород?». Сам же он полагал, что имя «русь»-«рось», существовавшее в Южной Руси, по крайней мере с IV в., принадлежало рухс-асам (светлым асам), или роксоланам, и связывал с ними народ *Hrōs* Захария Ритора, а также рокасов и росомонов Иордана, и что «значительно *рухс* могло на некоторых местных диалектах звучать

как *рос*, *росс* или *русь*, в свете чего могут быть поняты источники греческого ρῶς и славянского русь». Варяги-шведы, обосновавшись в Азовско-Северокавказском регионе к середине VIII в., приняли название русов от этого аланского племени⁸⁸.

Критика Вернадским скандинавской этимологии имени «Русь» не могла быть услышанной в зарубежной историографии, где безраздельно она царила, и где особенную роль в ее закреплении, кроме В. Томсена, сыграли датчанин А. Стендер-Петерсен и наш эмигрант М. Фасмер. В 1920-х–1960-х годах первый из них, задавая тон в разработке варяго-русского вопроса, свел его к тому, что на Руси, куда шведы шли «беспрерывно», было создано «норманно-русское государство», в котором весь высший слой был представлен только скандинавами, и где «даже был создан особый смешанный варяго-русский язык». Окончательное решение вопроса о происхождении термина «Русь» ученый видел в «особенном достижении» норманизма – теории Куника, усовершенствованной Томсеном и покоящейся на двух «предположениях». Во-первых, «термин *Русь* так или иначе восходит к названию шведского поморского края *Roslagen*, или, вернее, к более древней форме этого названия, а именно *Rōper*». Во-вторых, от этого названия возникло старинное наименование гребцов (моряков) «*rōps-karlar*, *rōps-mæn*, *rōps-buggiar*», от первой части которого финны образовали краткую форму *Rōtsi* (нынешнее *Ruotsi*), передав ее затем «русским славянам» (и обозначала она не шведов вообще, а лишь тех, кто осел «на земле в непосредственном соседстве со славянами»). Но тут же пояснил, что в данной теории «есть, однако, один серьезный недочет», указанный в 1915 г. шведским лингвистом Р. Экбломом. И для ликвидации этого «недочета» исследователь принял «гениальную» гипотезу Экблома, «что термины типа *rōps-buggiar* образованы от род. падежа *rōp(er)s* имени существительного, *rōper*, обозначающего «пролив между островами, защищенное место для плаванья», и что первые шведы, встретившись с финнами, «называли себя в отличие от других севеожителей проливов», *gōds-karl*. После чего он заключил, не скрывая гипотетического характера своих утверждений, что «получившееся из этих предпосылок финское **Rōtsi* приняло среди славян форму имени собирательного женского рода *Русь*...».

Стендер-Петерсен категорично отверг теорию о «невероятном слиянии двух однозвучных этнически-политических терминов, слияние *Руси северной* с *Русью южной*...». Выступил он и против «недоказательного сопоставления термина *Русь* с разными топонимическими и гидронимическими названиями типа *Ръсь*, *Рось*, *Русь*, *Рус(с)а*, *Рша* (т.е. *Орша*)» и т.п. (антинорманисты, как Гедеонов, до сих пор производят этот термин от подобных речных названий, то-

гда как норманисты, например, Эблом – «нисколько не с большим правом – производят речные названия от термина *Русь*»). Отметил Стендер-Петерсен и «чисто лингвистическую недопустимость сопоставления термина *Русь* с именем иранского народа *роксолан*», ибо, если даже допустить, что это имя состоит из двух этимологических элементов рухш- и аланы, «то и в таком случае мы ожидали бы на русской почве встретить форму *рушь*, а не *русь*»⁸⁹. М. Фасмер в своем знаменитом «Этимологическом словаре русского языка», увидевшем свет в 1950-х гг. на немецком языке и прочно (на полном на то основании) вошедшем в арсенал зарубежных и советских специалистов, возводил Русь посредством *Ruotsi* к древнеисландскому «*Rypsmenn* или *Rypskarlar* «**гребцы**», «**мореходы**», **которое сближается со шв. Roslagen**». При этом говоря, что «не оправдано сближение» Руси с *Hreidgotar* А.А. Куником, с *hrfdgr* А.С. Будиловичем и с *drôt* В.А.Бримом⁹⁰.

Советская наука, декларируя свой якобы принципиальный антинорманизм, вначале отрицала скандинавскую этимологию имени «Русь», но затем капитулировала перед нею. Такая метаморфоза объясняется тем, что «советский антинорманизм» на деле являлся норманизмом: наши ученые, приняв в 30-х годах марксистскую концепцию начала Древнерусского государства, согласно которой оно возникло благодаря лишь социально-экономическому развитию восточнославянского общества и без всякого участия варягов, сохранили основополагающий тезис норманизма о их скандинавской природе. И выдавая свою позицию за истинный антинорманизм, всю борьбу с норманской теорией они свели к отстаиванию нескольких тезисов. Во-первых, как можно более негативно характеризовать эту теорию: она и «лженаучная», и «реакционная», и «порочная», и «клеветническая» и т.п. (даже «густопсовая», как выразился в 1949 г. В.В. Мавродин⁹¹); во-вторых, что скандинавы «стояли на более низкой стадии общественного и культурного развития, чем восточные славяне», в связи с чем не могли принести на Русь ни более высокой культуры, ни государственности; в-третьих, практически единодушно отрицался историзм Сказания о призвании варяжских князей; в-четвертых, русь считалась поднепровским, славянским племенем⁹² (иногда она признавалась, как это, например, полагал С.В. Юшков вслед за В.О. Ключевским и Л.В. Падалко, некой социальной группой, возникшей в среде славян во второй половине VIII в. и включавшей в себя профессиональных воинов, купцов, ремесленников, жителей городов, а затем скандинавов, и которая взимала дань с менее развитых в культурном отношении славян⁹³).

Сомневающимся в сути подобного «антинорманизма» внушалось, что проблема этноса варягов не имеет никакого отношения

к марксистской концепции начала государственности у восточных славян. Были ли они «скандинавами или другим иноземным народом, – разъяснял, например, признанный авторитет тех лет в области варяжского вопроса И.П.Шаскольский, – все равно не ими было создано государство в восточнославянских землях», по причине чего «незачем стало доказывать, что варяги не были скандинавами...»⁹⁴. Но несмотря на столь глубочайшее заблуждение, ученые СССР вместе с тем хорошо понимали важность тесной связи этимологии имени «Русь» «с вопросом, – как заметил в 1947 г. М.Н. Тихомиров, – о происхождении государства и русского народа»⁹⁵. Эту же связь прекрасно осознавали и их западноевропейские коллеги, так как доказывая связь имени «Русь» со скандинавами, они стремились, акцентировал внимание в 1960-х годах И.П. Шаскольский, «сделать неизбежным вывод, что Древнерусское государство было названо по имени норманнов, так как оно было создано норманнами»⁹⁶. По этой причине советские исследователи не могли оставить без внимания скандинавскую трактовку имени «Русь», при этом воспроизводя не только аргументы антинорманистов прошлого (прежде всего С.А. Геденова), но и сомнения норманистов в истинности защищаемой ими версии.

В 1942 г. Л.С. Тивериадский отмечал, «что возникает целый ряд недоуменных вопросов», почему летописец различает шведов и русь? Почему «славяно-шведское государство приняло не собственное имя шведов, а имя, которым их называли финны?». Напомнив, что иностранные памятники, включая скандинавские, не знают норманского племени русь, ученый заметил, что «вместе с тем византийские и арабские источники указывают на южную природу Руси», и что все попытки норманистов связать черноморскую русь со скандинавами «оказались несостоятельными. Самое Черное море называлось Русским». В 1949 г. В.В. Мавродин констатировал, что термин «русь» – не скандинавский термин, что «времена викингов его не знают» и что в русском языке «ruotsi» звучало бы не «русь», а «ручь». В 1951 г. А.Н. Насонов подчеркивал, «не говоря уже о том, что мы не знаем», называли ли финны скандинавов в IX–X вв. **«Ruotsi» (а это слово фиксируется с XVI–XVII вв.), «остается несомненным, что на юге русские (славяне) не могли называть скандинавов так, как называли их финны, жившие на севере», а предположить, что варяги стали в южной Руси называть сами себя «Русью» потому, «что так их называли финны, едва ли кто-нибудь решится».** В 1953 г. Б.Д. Греков говорил о связи корня «рус», «рос» с роксоланами, с росомонами, с народом «рос» сирийского источника VI в., что с первой половины IX в. во многих источниках этот корень тесно связан с южной географической и этнической номенклатурой.

В 1954 г. Д.К. Зеленин указал, что эстонско-финское *Rootsi-Ruotsi* распространялось не только на шведов, но и на Ливонию⁹⁷.

В 1956 г. лингвист П.Я. Черных, резюмируя, что попытки отыскать объяснение термину «Русь» на «древнескандинавской почве не увенчались успехами», кратко изложил причины этой неудачи: непонятно, «каким образом из ст. финского *o* на древнерусской почве получилось *y*; неясно, как могло получиться *s* из *ts*», так как «надо было ожидать *ц: ч*» (Р.Экблом, пытаясь объяснить этот факт, предположил, «что *t* выпало под влиянием *русый*»), «почему финны сохранили скандинавскую флексию род. п. *s* и развили ее в *si?*». Остается открытым, продолжал он далее, «также очень важный вопрос» о византийском наименовании Руси *Rōs*, причем «трудно полагать, что греки заимствовали это имя у норманнов...» и что «скорее оно находится в связи с именем руссов *hros<rhos*» сирийского памятника VI в. Ни «устное народное творчество народов европейского Севера», ни «поэзия скандинавских скальдов», в целом, ни один источник средневековой Европы, не знают, отмечал в 1958 г. В.В. Мавродин, племени или народ «русъ» в Скандинавии. В 1964 г. В.П. Шушарин говорил, что «данные топонимики несовместимы с утверждениями о шведском происхождении Руси», ибо в Трансильвании, Словакии и Закарпатской Украине, там, где норманны никогда не бывали, наличествует «огромное число» названий с корнем «Рус»⁹⁸.

Принципиальную позицию в данном вопросе занимали, надлежит заметить, и польские ученые. В 1957 г. Х. Ловмянский указал, что слово *rōths-karlar* не зафиксировано ни письменным, ни топонимическим материалом, что оно не могло быть «передано финнами славянам в финизированной форме *Ruotsi* → *русъ*, коль скоро в это время на финских землях отсутствовала как шведская колонизация, так и торговля, а русско-скандинавские отношения были оживленными», что название Рослаген до эпохи викингов «не могло существовать, поскольку означало округ, несущий определенные повинности в военное время и поэтому возникший только в условиях развитой государственной власти». После чего он сказал, что скандинавская этимология не согласуется с источниками и что лингвисты «превысили границы своих исследовательских возможностей, утверждая, что слово *русъ* должно было непременно произойти из *Ruotsi*». Отвергая мнение о происхождении греческого *ῥῶς* из финского *Ruotsi*, а также посредничество тюрков при передаче им этого слова, так как в языках последних перед начальным *г-* появляется *и-* (*Urus*), которого нет в греческой форме, Ловмянский предположил, что термин «русъ» мог попасть к грекам от одного из иранских народов до IV в., т.е. до появления в Причерноморье тюркоязычных

гуннов. В 1960 г. Я. Отрембский заключил, что норманистская версия происхождения имени «Русь» «является одной из величайших ошибок, когда либо совершавшихся наукой»⁹⁹.

Критика скандинавской этимологии занимала в 1960-х годах большое место в творчестве И.П. Шаскольского. Исследователь, справедливо подчеркивая, что «вопрос о происхождении названия огромной страны и ее народа... не может решаться только языковедческим путем, без исторического осмысления», подытоживал, что норманисты не могут «преодолеть главную трудность, стоящую на пути их филологического построения, – найти то древнешведское слово, из которого с полной очевидностью могло произойти финское «Ruotsi» (*rōtsi)...». Они вместе с тем не могут объяснить, почему имя «русь» как название народа присутствует в первые десятилетия IX в. на юге Восточной Европы и что в данном районе нет следов пребывания норманнов? Почему «при переходе из финского в славянские языки возникли две различные формы – *Русь* и *Рось* – с двумя разными гласными и почему форма с *о*, более близкая к... прибалтийско-финскому **rōtsi*, возникла у южной части восточного славянства, не имевшей прямого контакта с финскими племенами», тогда как у соседствовавших с ними славян «возникла более отдаленная от предполагаемой исходной формы форма *Русь*»? Почему восточные славяне, зная собственное имя шведов, приняли для них «чуждое и славянам, и шведам заимствованное у прибалтийских финнов имя *Русь*»? Почему «шведы, придя в Восточную Европу, стали сами называть себя там не собственным именем... а именем, подхваченным по дороге» у финнов? Почему государство, якобы созданное ими, приняло не «имя шведов и не имя восточных славян, а имя, которым шведов называли прибалтийские финны»? Почему образовалась византийская форма *ῥως*, не склоняемая и совершенно не свойственная греческому языку, и источником которой, «видимо, могла быть только собирательная восточнославянская форма (*рось*, *русь*), имеющая лишь единственное число»? Почему в венгерском языке существует слово *orosz* – «русский», возникшее «из славянского этнического названия *рось* – *русь* ранее, чем могли появиться норманны в Южной Руси»?

Говоря, что в скандинавских странах термин «Русь» совершенно неизвестен до XIII в., Шаскольский идею о его связи с названием «Рослаген» охарактеризовал как «примитивное построение...», ибо «образование такой области со специальной военной функцией могло произойти только после создания и упрочения государства в Швеции, т.е. не раньше X–XI вв.». Он также подчеркнул, что А.А. Куник «искусственно» реконструировал имя жителей Рослагена **Rōdhsin* (от формы ед. ч. *Rōdhs*), что «ни в одном скандинавском

письменном источнике не встречается форма **Rōds (Rōdhs)* как имя жителей Рослагена», что «уязвимым местом построения» В.Томсена является «наличие в форме **rōtsi* конечного звука *i*», так как среди слов финского языка, заимствованных в IX в. «из скандинавских языков, нет ни одного, в котором к окончанию имен. падежа, имевшемуся в исходной скандинавской форме, было бы добавлено *i*», что «наибольшую трудность представляет объяснение перехода *ts* слова **rōtsi* в славянское *с*», ибо оно «скорее дало бы звуки *ц* или *ч*, а не *с*, т.е. *Руць* или *Ручь*, а не *Русь*». И как в целом заключал Шаскольский, происхождение Руси от *Ruotsi* из языка собственно финских племен суми и еми представляется «наименее возможным, поскольку северная группа восточных славян позднее всего (не раньше X в.) вступила в контакт с жившей в Финляндии емью (и еще позднее – с сумью)»¹⁰⁰.

Шаскольский, развенчивая скандинавскую этимологию имени «Русь», вместе с тем во многом укреплял своих коллег в мнении в ее истинности. Так, скрупулезно показав в 1967 г. все ее минусы, он их тут же перечеркнул, сказав, что «с лингвистической стороны переход» из *Ruotsi* в Русь «представляется возможным», а чтобы в том ни у кого не было сомнений, привел довод, авторство которого принадлежит Г.Ф. Миллеру: «Так, Франция и французы получили свое имя от германского племени франков, Англия и англичане – от германского племени англов, Болгария и болгары – от тюркского племени болгар и т.д. При этом французы, англичане, болгары не считают подобное происхождение названий недостаточно почетным»¹⁰¹. И советский научный мир принял этот довод, сомнительность которого исчерпывающе продемонстрировал в 1749 г. М.В. Ломоносов, принял, таким образом, и норманистскую трактовку имени «Русь». И принял потому, что под вывеской антинорманизма исповедовал норманизм, что о связи Руси с *Ruotsi* говорил великий А.А. Шахматов, что ту же идею проводили в своих «Этимологических словарях русского языка», дважды переизданных в СССР в период с 1949 по 1987 г., авторитетные в науке лингвисты А.Г. Преображенский и М.Фасмер (а в Польше переиздавался «Этимологический словарь польского языка» А. Брюкнера, увидевший свет в 1927 г., где также излагалась версия В. Томсена¹⁰²), что о том же самом утверждала такая мировая знаменитость, как датский лингвист А. Стендер-Петерсен, работами которого все больше начинали руководствоваться в интерпретации варяго-русских древностей наши ученые, в первую очередь филологи и археологи.

Советский научный мир, осознав полнейшую противоречивость официального антинорманизма, в русле которого его принуждали идти, начинает все больше рассуждать, при сохранении марксист-

ского стиля, категориями канонического норманизма. К тому же, как в том его убеждал, начиная 1960 г. Шаскольский, норманизм имел «длительную, более чем двухвековую, научную традицию» и «большой арсенал аргументов»¹⁰³. И убеждал своими работами, целью которых являлось, казалось, разоблачение норманской теории. Как заметил в 1988 г. известный археолог Д.А. Авдусин, в трудах ученого «норманизм выглядит даже respectableнее противоборствующего течения», а его монография «Норманская теория в современной буржуазной науке» (1965 г.) содержала основные положения критики антинорманизма. В 1999 г. директор Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) Е.Н. Носов, ведя речь о той же монографии, констатировал, что она «оказалась чрезвычайно ценной для советской археологической науки», ибо ее автор «детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды, привел огромное количество литературы, в том числе почти недоступной в СССР», тем самым «просвещал» отечественную историческую среду, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег»¹⁰⁴. И такое просветительство скоро стало давать плоды.

В 1973 г. языковед А.И. Попов, отмечая, что из всех гипотез происхождения имени «Русь» «некоторые черты правдоподобия» имеет гипотеза его образования из Ruotsi, в свою очередь будто бы возникшего из шведского goods-(karla) – гребцы, утверждал, что имя «Русь» связано с Севером и что в IX в. русь была, видимо, не этнической группой, а социальной верхушечной прослойкой, состоявшей из объединения славянских, чудских и скандинавских элементов. Традиционно говоря, что роль норманнов в русской истории была скромная, вместе с тем заметил, что одному их предводителю удалось основать династию, и подчеркнул затем, что «вопрос об этнической принадлежности и происхождения династии не имеет прямого отношения к началу государства». В 1979 г. филолог Г.А. Хабургаев, осудив историков конца 40-х – начала 50-х годов XX в., выступавших против скандинавской этимологии имени «Русь», так как она, на их взгляд, свидетельствует о «норманистских» устремлениях», уверял, что этот термин связан с Ruotsi и что авторы ранних записей ПВЛ хорошо ощущали его иноязычное происхождение и связывали его с норманскими колонистами, и что необходимо предать «забвению» иные точки зрения. В 1982 г. археолог Д.А. Мачинский объяснял, что финны именовали шведов, игравших роль «дрожжей» в истории многих областей Европы, Ruotsi (Русь) и что именно в Ладоге был первый центр того этносоциального организма, который обозначается в летописи как Русь, и во главе которой стоял Рюрик¹⁰⁵.

Наметившийся отход исследователей от идеологически обветшавшего «советского антинорманизма» был ускорен статьей И.П. Шаскольского «Антинорманизм и его судьбы», опубликованной в 1983 г., и в которой автор отказал истинному антинорманизму в научности. Причем свой приговор он изложил абсолютно по В.Томсену, говоря, что многие антинорманисты, сознавая антирусскую направленность норманизма, выступали против него «не из научных позиций, а из соображений дворянско-буржуазного патриотизма и (Иловайский, Грушевский) национализма», что их построения носили «любительский, дилетантский характер» («налет дилетантизма» историк почувствовал даже в труде С.А. Геденова «Варяги и Русь», так высоко оцененном норманистами А.А. Куником, М.П. Погодиным, Н. Ламбиным). А чтобы окончательно скомпрометировать подлинный антинорманизм в глазах ученых-марксистов, «антинорманист» Шаскольский обвинил В.Б. Вилинбахова и А.Г. Кузьмина, выступавших в советское время с позиций действительного, а не мнимого антинорманизма, в недопонимании марксистской концепции происхождения государственности на Руси¹⁰⁶.

В 1989 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в атмосфере перестройки мировоззрения советского общества объясняли коллегам, что «продуктивность и научное значение антинорманизма заключается не в оспаривании скандинавского происхождения русских князей, скандинавской этимологии слова «Русь», не в отрицании присутствия скандинавов в Восточной Европе, а в освещении тех процессов, которые привели к формированию государства, в выявлении взаимных влияний древнерусского и древнескандинавского миров», и что вопросы этимологии названия и образования государства принципиально различаются, и «не могут и не должны подменять друг друга». В 1991 и 1993 гг. А.П. Новосельцев, очень резко сказав, что происхождение термина «Русь» и династии киевских князей – второстепенные вопросы, навязанные науке «патриотами» (свое отношение к антинорманистам прошлого он выразил в словах, что это «посредственности типа Д.И. Иловайского»). И вместе с тем подчеркнул, что «прекрасный знаток наших древностей» А. Стендер-Петерсен, глубоко уважавший «Россию, русский народ, его прошлое», доказывал, «что термин «Русь» северного происхождения, как и династия киевских Рюриковичей». И в его устах знакомо прозвучало, что «ведь носят же французы этноним, происходящий от германского племени франков, а славяне – болгары – тюркское наименование!»¹⁰⁷. Так в нашей науке закончилась эпоха марксистского «подполья» норманизма, из которого он вышел, взяв в полон умы населения всего СССР. А в качестве триумфального венка ему был преподнесен титул «взвешенного и объективного норманизма,

неопровержимо аргументированного источниками как письменными, так и археологическими», или «научного, т.е. умеренного, норманизма»¹⁰⁸.

После статьи И.П. Шаскольского археологи Д.А. Мачинский, Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, В.Я. Петрухин и филолог Е.А. Мельникова тотчас принялись горячо убеждать научную общественность в том, что славянское «Русь» производно от финского наименования Швеции Ruotsi. **В связи с тем, что ни в Швеции, ни в Скандинавии вообще не существовало народа «русь» или «рос»,** то они, пытаясь как-то заполнить эту лауну и материализовать фантом скандинавской руси, стали доказывать, что имя «Русь» является «этносоциальным термином с доминирующим этническим значением» и что это имя изначально было самоназванием приплывших на землю западных финнов скандинавов, ставшим исходным для западнофинского ruotsi/ruotsi, в славянской среде перешедшего в «русь». В 1984 и 1986 гг. Мачинский, полагая, что Ruotsi, Rots восходит либо к древнегерманскому drott («дружина, вождь»), либо к древнескандинавскому roods («гребцы»), либо к Roslagen, понимал под «русью» полиэтничную военно-торговую аристократию сложившегося в конце VIII – середине IX в. в Приладожье протогосударственного образования, «социально активным началом» которого, его организующей «суперэтнической силой» были скандинавы, и куда входили группы словен и кривичей. В конце IX в. «этносоциум» русь оказался в Среднем Поднепровье, где усилился процесс его славянизации и где на рубеже X–XI в. произошло образование «Русской земли» в узком смысле. Свои рассуждения ученый завершал в духе Е.Ф. Шмурло: норманны сыграли роль «катализатора начавшихся процессов, роль дрожжей, брошенных в тесто, которому приспело время стать многослойным пирогом – государством»¹⁰⁹.

В 1985–1986 гг. Лебедев, Кирпичников, Дубов, исходя из теории Брима, считали, что в 30-х – 40-х годах IX в. вокруг Киева сложилось государственное образование «Русская земля». Сам же термин «русь», первоначально обозначавший «войско, дружина», возник из Ruotsi в середине VIII в. среди смешанного славяно-финско-скандинавского населения Южного Приладожья и вскоре стал обозначать «надплеменной дружинно-торговый общественный слой», куда входил скандинавский компонент, полностью растворившийся в конце X – начале XI в. **Когда князь Олег в 882 г. объединил «Верхнюю Русь» с среднеднепровской «Русской землей»,** то произошла контаминация северной и южной форм «русь» и «рось», приведшая к возобладанию первой, а «к началу XII в. название «русь» утратило первоначальное значение социального термина...»¹¹⁰. Начиная с 1985 г. и по сей день Мельникова и Петрухин, часто выступая в со-

авторстве, относят возникновение термина *Ruotsi* в западнофинских языках к VI–VII вв., а его переход в форму «русь» датируют временем до середины IX в. В территориальном значении это название начинает распространяться с момента захвата Олегом Киева, а затем было перенесено на древнерусскую народность. Параллельно с тем они утверждают, что летописец «различал и противопоставлял «русь» и «варягов» как разновременные волны скандинавских мигрантов, занявших различное положение в древнерусском обществе и государстве», и видят первых в скандинавской дружине Олега и Игоря, известной как русь, т.е. гребцы, участники похода на судах, ставшей называть варягами своих же соотечественников, что позже приходили «на Русь в качестве воинов-наемников и торговцев, как правило, на короткое время», а затем и все население Скандинавии.

Как заключал в 1985 г. Петрухин, «наиболее обоснованной представляется теория С.Экбу, отметившего, что исходной формой для финского *Ruotsi* должна быть форма VI–VII вв. **rōtheR*, где конечное R звучало как [z]». В 1999 г. Мельникова привела в качестве общепринятой норманистами точку зрения, что «Русь» восходит к древнескандинавскому корню *rōp-*, производному от германского глагола **rōwan*, грести, плавать на весельном корабле (ср. др.-исл. *róa*). Слово **roP(e)r* (др.-исл. *róðr*) означало «гребец, участник похода на гребных судах», а также и сам поход.... Так, предполагается, – говорит она, отмечая совершенно гипотетический характер предлагаемой версии, – называли себя скандинавы, совершавшие в VII–VIII вв. плавания в Восточную Прибалтику и в глубь Восточной Европы, в Приладожье, населенные финскими племенами», которые, первыми познакомившись со скандинавами, «усвоили их самоназвание в форме *ruotsi*, поняв его как этноним...». А уже от них восточные славяне заимствовали это «обозначение скандинавов, которое приобрело в восточнославянском языке форму *русь*». Исследовательница, видя в известиях «Жития святого Георгия Амастридского» свидетельство пребывания скандинавов в Северном Причерноморье в начале IX в., сказала в 1999 и 2002 гг., что «наименование *róс*, первоначально обозначавшее скандинавов, является, вероятно, рефлексом самоназвания этих отрядов – *rōps* (*menn*), которое отразилось в финских языках как *ruotsi* и в древнерусском языке как *русь*» (возражения против скандинавской природы имени «Русь» Мельникова и Петрухин отметили тем, что оппоненты не имеют «филологической подготовки») ¹¹¹.

В первой половине 1990-х годов В.Я. Петрухин неоднократно подчеркивал, что «возвращается ошельмованная, но никем не опровергнутая (после работ В. Томсена и М. Фасмера) скандинавская – “варяжская” этимология названия “русь”» ¹¹², хотя эту этимологию

как он, так и его единомышленники успешно закрепляли в советской науке. В 1999 г. А.С. Кан, утверждая, что *Ruotsi* производно от *godr* или *godz*, напомнил о существовании в восточной Швеции приморской области *Roslagen*, ведущей свое название от средневекового *Roden*. На следующий год В.Я. Петрухин указывал, что «этот топоним содержит ту же основу *görs-*, что и реконструируемые слова, означавшие гребцов-дружинников и давшие основу названия *русь*»¹¹³. В 2005 г. В.Л. Васильев в безапелляционном тоне говорил, что скандинавская этимология имени «Русь» поддерживается «летописными показаниями...». Но рассматривая «убедительные» выводы Р. Экблома, изложенные в его «классической работе» за 1915 г., констатировал, что «ему везде виделся корень *rus-* скандинавского происхождения» (при этом в унисон с ним говоря, что распределение рек со скандинавским корнем *vareg-* преимущественно вокруг озера Ильмень и рек Волхов, Мста, Ловать «вписывается в общеисторический контекст посещения скандинавами восточнославянских земель»)¹¹⁴.

И весьма, конечно, показательно, что Мачинский, Лебедев, Кирпичников, Дубов, Лебедев, Петрухин, Мельникова начали говорить о скандинавской этимологии имени «Русь» тогда, когда выдающиеся лингвисты Запада и убежденные норманисты разуверились в ней совершенно. Так, в 1973 г. Ю. Мягисте (Швеция), столкнувшись с «непреодолимыми» историко-фонетическими трудностями, отказался от мысли о скандинавской основе названия «Русь». В 1982 г. Г. Шрамм (ФРГ), «указав на принципиальный характер препятствий, с какими сталкивается скандинавская этимология, предложил выбросить ее как слишком обременительный для “норманизма” балласт» и сказал, что норманская теория «от такой операции только выиграет»¹¹⁵. И эти «непреодолимые» историко-фонетические трудности были хорошо известны нашей науке, и о них много писали сами норманисты. Так, в 1960 г. И.П. Шаскольский процитировал С. Экбу, что «нельзя указать на такое скандинавское слово, которое являлось бы бесспорным источником для прибалтийско-финского **rötsi*». А через семь лет он отнес мнение самого Экбу, выводившего **rotsi* из старейшей формы древнешведского слова *roper* («гребля»), якобы раньше имевшего специальное значение «морской поход», «флот викингов», участники «похода или обладателей флота», к числу «чистейшей воды гипотезе», так как она не может быть подкреплена «никакими фактами, никакими текстами из источников». К тому же невозможно, «чтобы название народа или на первом этапе населения какой-то области могло возникнуть от слова, означающего ‘морской поход’ или ‘флот’, и что слово *röper* означало не только ‘поход’ или ‘флот’, но и людей, участвующих в данном мор-

ском походе или плывущих на флоте». Кроме того, говорил ученый, «предлагаемая Экбу этимология слова *roper* находится в противоречии с историко-фонетической частью данной гипотезы», так как он предполагает, что его переход «в древнешведское **rotsi* произошел в VI–VIII вв., но в таком случае слово *roper* не могло иметь значение ‘поход ледунга’, ‘флот ледунга’, ибо... морское ополчение, или ледунг, – явление, по всей видимости, довольно позднее и могло возникнуть лишь в условиях сформировавшегося государства, не ранее IX–X вв.»¹¹⁶.

В 1980–2002 гг. лингвист А.В. Назаренко показал на основе данных верхненемецкой языковой традиции, что этноним «русь» появляется в южнонемецких диалектах не позже рубежа VIII–IX вв., «а возможно, и много ранее». А этот факт, специально заостряет он внимание, усугубляет трудности в объяснении имени «Русь» от финского *Ruotsi*, и считает, что оригиналом заимствования древневерхненемецкого термина *Ruzzi* послужила славянская форма этнонима, «а не гипотетический скандинавоязычный прототип **gōps-*», и что уже в первой половине IX в. «носители этнонима “русь”, кем бы они не были этнически, пользовались славяноязычным самоназванием». По его мнению, древневерхненемецкий термин *Ruzzi* не обязательно был заимствован из древнерусского: «Возможно, оба этника развивались самостоятельно, может быть, из общего прототипа». Говоря о производности *Ruzzi* от *Rut*, Назаренко допускает, что последний был известен южнонемецким диалектам еще в до-древневерхненемецкую эпоху, уже около 600 г., и, опираясь на свидетельства житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, констатирует, что «какая-то Русь была известна в Северном Причерноморье на рубеже VIII и IX вв.», т.е. до появления на Среднем Днепре варягов¹¹⁷.

В 1986 г. профессор Гарвардского университета О.И. Прицак, взяв за основу выводы Назаренко, пришел к выводу, что южнонемецкая форма *Ruzz-* / *Ruz* имела корень *Rut-* / *Rut-en* «из кельтско-вულгарнолатинского незадолго до 600 г.», и что «источником для славянских форм Рус-ь и Рус-ин послужили субституты *Russ-* / *Rus-* кельтской формы (*Rut-*, *Rut-en*). Они были принесены в Восточную Европу рутено-фризско-норманской торговой компанией, действовавшей там в последней четверти VIII в.»¹¹⁸. В 1989 г. А.А. Горский, указав на фактические ошибки В.Я. Петрухина, Е.А. Мельниковой и Д.А. Мачинского, продемонстрировал, что их аргументация в пользу скандинавской этимологии, в которой придается важное значение лингвистическим параллелям, не согласуется с показаниями исторических источников. Так, идея о первичности социального значения названия «Русь» перечеркивается, например, Баварским

географом начала IX в., помещающим Ruzzi «в ряду этнических наименований», Бертинскими анналами, фиксирующими под 839 г. народ «Рос», проповедью константинопольского патриарха Фотия «на шествие росов» 860 г., где они также именуется народом, да и в русских источниках «нет данных, дающих убедительные основания предполагать наличие у термина *русь* социального смысла»¹¹⁹.

В 1996 и 2000 гг. норвежский ученый Х.Станг говорил вслед за И.П. Шаскольским, что, нельзя объяснить, почему восточные славяне, зная самоназвание шведов «свеи», обращались к прибалтийским финнам, да к тому же к самым отдаленным от них – к суми и еми, «в поисках добавочного названия, причем ранее неизвестного, как славянам, так и скандинавам, ни разу не встречаемого в древнескандинавской литературе», что согласное *-ts* в слове «*руотси*» не соответствует «древнерусскому звуку *съ*», что не доказано происхождение «*руотси*» «от шведского, древнескандинавского исходного названия». Станг напомнил, что «скандинавские филологи норманистской школы сами отрицали связь названия «Русь» с названием «Родслаген», или вернее с корнем **roPer* «гребля», ибо в родительном падеже это дало бы **roParbyggjar*, для обозначения населения указанного района, т.е. без *-с*, в слове *Русь*». По его мнению, названия Руси и руотси «просто похожи; возможно, потому что восходят к единому источнику, но это слово – **ruP**, должно было пройти длительный исторический путь» в скандинавской, финской и славянской языковой среде, а затем сблизиться с византийско-библейским Рос, что слово руотси восходит к довикинговским временам, возможно, к началу VI в., и что в данном случае «финский глагол *ruotsia* «очищать рыб» необходимо учитывать как в формальном отношении, так и со стороны реального содержания». При появлении шведов при византийском дворе в 839 г., о чем сообщают Бертинские анналы, их самоназвания типа Ротс, Роч, Рош вызвали там ассоциации с пророчеством Иезекииля о «князе Рос». А по возвращению «отважных путешественников», получивших в своих странствованиях закрепившееся за ними обозначение *rhos*, «домой в Старую Ладугу», новое название через скандинавский проникло в вепский язык, а через него в язык словен Ладуги и Приильменя, откуда название Русь распространилось по землям восточных славян¹²⁰.

В 1997 г. наш выдающийся лингвист О.Н. Трубачев, подытоживая, что «затрачено немало труда, но племени *Ros*, современного и сопоставимого преданию Нестора, в Скандинавии найти не удалось», подчеркнул: «...скандинавская этимология для нашего *Русь* или хотя бы для финского *Ruotsi* не найдена...». Напомнив мнение польского ученого Я. Отрембского, что норманская этимология названия «Русь» «является одной из величайших ошибок, когда либо

совершившихся наукой», ученый заключил: «Сказано сильно, но, чем больше и дальше мы вглядываемся к этому “скандинавскому узлу”, тем восприимчивее мы делаемся и к этому горькому суждению». Свое неприятие этой версии исследователь завершал словами: нас долгое время пытаются уверить, «что и название какой-то части Швеции или шведов (?), и свое собственное имя (?) мы получили от финнов, как-то при этом даже не дают себе труда задуматься над социологическим и социолингвистическим правдоподобием этого ответственного акта. Ведь к заимствованию побуждает *престиж дающей стороны*, а был ли он тогда (более тысячи лет назад!) в нужном размере у небольших и вынужденно малочисленных и небогатых во всех отношениях племен примитивных охотников и рыболовов, которыми были на памяти истории (и археологии) так и не поднявшиеся до уровня собственной государственности финны (XX век – не в счет)...»¹²¹.

В 1998 г. историк И.Н. Данилевский задавался вопросами, искусственно порожденными скандинавским догматом, почему имя «Русь» «не встречается в скандинавских источниках?», почему восточные славяне заимствовали именно это имя, а не имя варяги?, и если это название действительно скандинавское, то почему у восточных славян оно приняло форму русь, а не русы?, ведь для наименования остальных европейских народов они использовали исключительно формы множественного числа, а не собирательные¹²². В 1998 и 2003 гг. антинорманист А.Г. Кузьмин, констатируя, что саги «не разу не помещают “русь” в Швеции, вообще в Скандинавии», заострил внимание на вопросах, которые прежде всего и должны разрешить сторонники идеи связи Руси и Ruotsi: почему финны и эстонцы Русь называли «Вене», хотя с именем «Русь» они должны были сталкиваться очень часто, а шведов обозначали «Руотси», «не известным германским языкам, а в финских не имеющих подходящего для этноса значения? Не унаследовано ли это имя от какого-то иного языка?». Объяснение термина «русь» от «гребцов» ученый охарактеризовал как абсолютно бессмысленное: по сути «это должно было бы обозначать ругательство: гребцов часто приковывали к ключицам, поскольку труд это тяжелый, как, скажем и у бурлаков, и отнюдь не благородный». Напомнил Кузьмин и факт, который замалчивается в науке: социальная категория «родсов-гребцов» впервые упоминается лишь в XIII в.¹²³

Археолог В.В. Седов доказал в 1998–1999 гг., что построение $\text{rōps} > \text{ruotsi} > \text{rootsi}$ с историко-археологической точки зрения «никак не оправдано». И если оно действительно представляет собой западнофинское заимствование из древнегерманского, то его следует отнести ко времени до распада прибалтийско-финской

этноязыковой общности, т.е. до VII–VIII вв., когда уже началось становление отдельных западнофинских языков (на чем как раз настаивают Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, все также творя, как это делалось 300 лет назад, «из этимологий историю»). Но археология, констатировал Седов, фиксирует заметное проникновение скандинавов в западнофинские земли только в эпоху викингов, т.е. значительно позже, поэтому данное построение не может быть отнесено к первой половине и середине I тысячелетия н.э.¹²⁴ В 2000 г. Ю.Д. Акашев отметил, что если Русь образовалась из «Ruotsi», то «куда и почему исчезает т». Затем, акцентируя внимание на словах лингвиста Г.А. Хабургаева, что «все не подвергшиеся славянизации прибалтийско-финские народы знают (и до сих пор сохраняют) этноним *Ruotsi*... для обозначения шведов (а не славян!)», справедливо заключил: как же тогда можно говорить «о применении этого этнонима по отношению к русским?»¹²⁵. В 2000–2002 гг. археолог А.Н. Кирпичников произнес слова, которые для одного из самых активнейших сторонников норманской теории звучат, без преувеличения, революционно: уверенное соотнесение руси «со скандинавами безоговорочно принять нельзя». Но будучи не в силах перевести разговор о руси из области выдуманных схем в плоскость конкретных исторических фактов, предложил понимать под нею особую группу торговцев, в которой могли быть представители разных этносов: скандинавы, славяне, возможно, финны. «В целом, – привычно резюмирует он, – термин русы имеет не этнический, а если можно так выразиться, геосоциальный смысл»¹²⁶. В 2002 г. немецкий лингвист Г. Шрамм, указав, говоря об идее происхождения имени «Русь» от *Ruotsi*, что не доказана возможность перехода *ts* в *c*, и что мысль о его образовании от «гребцов» лингвистически возможна, но исторически маловероятна, подчеркнул: «Сегодня я еще более решительно, чем в 1982 г. заявляю, уберите вопрос о происхождении слова *Ruotsi* из игры! Только в этом случае читатель заметит, что *Ruotsi* никогда не значило *гребцов и людей из Рослагена*, что ему так навязчиво пытаются доказать»¹²⁷.

В 2003 г. А.Г. Кузьмин отметил, что современные норманисты, не зная предшествующей историографии, ничего нового в науку не привнесли, так как их аргументы находятся на уровне XVIII – начала XIX в.¹²⁸ Но аргументация норманистов в ряде случаев, в том числе и в связи с именем «Русь», ниже указанного уровня, что хорошо видно при обращении к творчеству Г.З. Байера, А.Л. Шлецера, Ю. Тунманна, М.П. Погодина, А.А. Куника. Так, Байер в посмертно изданной статье «Происхождение Руси» (1741 г.), рассмотрев все известные на его время свидетельства о руси, признал, что «россы приняли свое название не от скандинавов». В 1768 г. Шлецер был

категоричен в своем выводе, покоящемся на показаниях ПВЛ, что «Нестор ясно отличает русских от шведов». Эти же слова он произнес и в начале XIX в., но теперь, чтобы уже как-то согласовать ее свидетельства с норманской теорией, избрал «особый род» скандинавов – русов, родиной которых якобы была Швеция. В 1774 г. Тунманн указывал, что «шведы никогда не называли сами себя руссами» и что ни один народ не называет их так, кроме финнов. Нестор прямо говорит, подчеркивал в 1825 и 1846 гг. Погодин, что руссы – племя особенное, как шведы, англичане, готландцы и прочие, и что во всех известиях ПВЛ «шведы и русь различаются». В 1875 г. Куник констатировал, тем самым соглашаясь, что норманская теория не имеет в летописи основы: «Одними ссылками на почтенного Нестора теперь ничего не поделаешь...». А через два года сказал, что «при настоящем положении спорного вопроса было бы благоразумнее Киевскую летопись совершенно устранить и воспроизвести историю русского государства в течение первого столетия его существования исключительно на основании одних иностранных источников»¹²⁹. Искать, как и в случае с лингвистикой, новое прибежище норманизму ученого заставили работы С.А. Геденова, Д.И. Иловайского и И.Е. Забелина, вышедшие в 1876 г. и нанесшие такой урон норманизму, масштабы которого лучше всего очертил сам же Куник: они устроили «великое избиение норманистов»¹³⁰.

Куник, неимоверно завышая, по сравнению с ПВЛ, возможности зарубежных памятников в решении варяго-русского вопроса, тем самым скатывался на позиции первой половины XVIII в., пройденные наукой благодаря М.В. Ломоносову. В 1749 г. в первом отзыве на диссертацию Г.Ф. Милера «О происхождении имени и народа российского» наш гений акцентировал внимание на том, что оппонент, во-первых, использовал только иностранные памятники, игнорируя русские и маскируя свою тенденциозность утверждением, «будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях», во-вторых, что выборочно пользуется свидетельствами иностранных авторов, которых употребляет «весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, тут употребляет их за достоверных». В целом, как подводил черту Ломоносов, «иностранные писатели ненадежны» при изучении истории России и имеют «грубые погрешности»¹³¹. Со временем в справедливости этих слов убедился сам Миллер, уже говоря в 1755 г., что если пользоваться только иностранными авторами, то «трудно в том избрести самую истину, ежели притом» не работать с летописями и хронографами, «которые для их точности и совершенства особой похвалы достойны; и когда притом

не наблюдать, чтоб ничего российским летописям прекословесно не принимать за правду». Несколькими годами позже он добавил, что иностранцы недолго были в России, большинство из них не знало русского языка, и «то они слышали много несправедливо, худо разумели, и неисправно рассуждали»¹³². В данном случае не мешает привести оценку, высказанную Шлецером в отношении труда профессора Г.С.Трейера «Введение в Московскую историю» (1720 г.), где она излагается с Ивана Грозного и лишь на основе записок иностранцев: «Слепца водили слепцы»¹³³.

То, что ПВЛ не только ничего не дает для сторонников норманства варяжской руси, но и прямо противоречит их утверждениям, Куник осознал под воздействием Гедеонова, продемонстрировавшего, что летопись, «несмотря на некоторые норманистам дорогие в ней положения, всегда останется, наравне с остальными памятниками древнерусской письменности, живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси»¹³⁴. «Дорогие» норманистам положения летописи, в которых они видят прямое указание на скандинавскую природу варягов и руси, и из чего они исходят, проводя знак равенства между Русью и Ruotsi, следующие. Это перечень «Афетова колена», читаемый в историко-этнографическом введении: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии», и цитата из Сказания о призвании варягов, когда в 862 г. послы «идоша за море к варягом, к руси; сице бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же урмане, ангыляне, друзии гъте, тако и си»¹³⁵. Но перечень «Афетова колена» включает в себя не только скандинавов и не только германцев вообще, и в него входит большое число этнически неродственных им народов. И все они, разумеется, не могут быть отнесены, лишь по причине нахождения среди них, например, скандинавов, римлян, немцев, исключительно либо только к первым, либо только ко вторым, либо только к третьим. Если же руководствоваться логикой норманистов, то тогда, согласно перечню «Афетовой части», предваряющему описание «Афетова колена», русь следует считать угро-финским и балтийским племенем одновременно: «...русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь»¹³⁶. Куник улавливал ущербность подобной логики и пытался исключить ее из науки. Так, в 1875 г. он, предостерегая от прямолинейного толкования перечня «Афетова колена», заметил, что антинорманисты «в полном праве требовать отчета, почему в этнографическо-историческом введении к русской летописи заморские предки призванных руссов названы отдельно от шведов. Немудреным ответом, что это был бы только

вопрос исторического любопытства, никто, конечно, не хочет довольствоваться»¹³⁷.

Норманство руси не вытекает и из приведенной информации Сказания о призвании варягов, ибо летописец начала XII в., когда термин «варяги» наши предки уже прилагали ко многим представителям Западной Европы¹³⁸, специально выделяет русь из числа других варяжских, говоря современным языком, западноевропейских народов, называет ее в качестве особого, самостоятельного племени, вроде шведов, норвежцев, готов, англян-датчан, тем самым не смешивая ее с ними: «...пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались варяги – русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы, эти же – так». И надо быть слишком наивным или же слишком тенденциозным, чтобы при рассуждениях о принадлежности руси к скандинавским народам абсолютизировать тот факт, что она упомянута в одном ряду с ними. В одном ряду со скандинавскими странами Русь стоит, но при этом она, естественно, не отождествляется с ними, в известии немецкого хрониста Гельмольда (XII в.), что саксонский герцог Генрих Лев в 1150-х годах отправил «послов в города и северные государства – Данию, Швецию, Норвегию и Русь, – предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку»¹³⁹ (эта грамота не сохранилась, но ее нормы были повторены в 1187 г. императором Священной Римской империи Фридрихом I Барбароссой, а в 1220-х годах «Любекским таможенным уставом»¹⁴⁰).

Летописец, ведя разговор о варягах и варяжской Руси до 80-х годов X в., не мог иметь в виду шведов по той причине, что они, согласно исландским сагам, вобравшим в себя историческую память скандинавских народов, стали приходить на Русь лишь во время правления Владимира Святославича, т.е. в конце X – начале XI в.¹⁴¹ О полной непричастности норманнов к русской истории IX – конца X в. говорят антропологический материал (Т.И.Алексеева в отношении киевских погребений с труположением X в. подчеркнула, что «оценка суммарной краниологической серии из Киева... показала разительное отличие древних киевлян от германцев»¹⁴²) и языческий пантеон Владимира, созданный в 980 (или 978) г., т.е. тогда, когда, как уверяют норманисты, скандинавы «в социальных верхах численно преобладали», но при этом в нем ни одному германскому или скандинавскому богу места не нашлось, хотя «обычно главные боги, – правомерно подчеркивал А.Г. Кузьмин, – это боги победителей, преобладающего в политическом или культурном отношении племени»¹⁴³. Наконец, как заметила еще Е.А. Рыздзевская, «ни один из больших древнерусских городов не носит названия, объясняющегося из скандинавского. Первоначальное возникнове-

ние их, таким образом, непосредственно с норманнами не связывается». Историк М.Н. Тихомиров в 1962 г. уточнил, что «во всей древней Руси не было ни одного города, который бы восходил бы ко временам первых русских князей и носил бы скандинавское название». Через десять лет польский лингвист С.Роспанд констатировал совершенное отсутствие среди названий древнерусских городов IX–X вв. «скандинавских названий...»¹⁴⁴.

Изложенные факты неумолимо приводят к выводу, к которому пришел в 1970 г. Кузьмин: «Итак, скандинавское происхождение “варягов” не может быть обосновано данными русских летописей. А это в корне подрывает и филологические построения норманистов»¹⁴⁵. Справедливость этих слов особенно видна на фоне давнего присутствия имени «Русь» на юге Восточной Европы. Так, готский историк VI в. Иордан применительно к событиям IV в. называет в районе Поднепровья племя «росомонов»¹⁴⁶ («народ рос»), которое чаще сближают с роксоланами, тем самым признавая их ираноязычными. Высказано и мнение о его германоязычии. Но последнее принять нельзя, так как, отмечал Кузьмин, имена росомонов – Сунильда, Сар, Аммих – не являются германскими¹⁴⁷. Сирийский автор VI в. Псевдо-Захарий (или Захарий Ритор) в «Церковной истории» называет народ «рус» (hros), живущий к северу от Кавказа¹⁴⁸. А.П. Дьяконов говорил о реальности существования народа hros и считал, что это имя представляет собой сирийскую транскрипцию греческого οἱ ῥῶς (ученый также указал на автора IV в. Ефрема Сирина, в своем толковании на книгу «Бытия», сохранившемся в рукописи VI в., назвавшего «росиев»). По мнению Н.В. Пигулевской, оно попало в «Историю» Псевдо-Захария из армянской традиции. Х. Ловмянский видел в этом известии первое подлинное упоминание о руси, не вызывающее «оговорок». А.Г. Кузьмин предполагал, что Псевдо-Захарий, описывая народ «Рос» на северном побережье Черного моря, речь ведет именно о росомонах¹⁴⁹.

Реальное существование на юге Восточной Европы народа «рос», рушащее все их мифы, норманистов не устраивает, и этот народ они вычеркивают из истории точно так же, как поступал А.Л. Шлецер в отношении понтийской руси. Ныне В.Я. Петрухин и И.Г. Коновалова квалифицируют сообщение Псевдо-Захария как мифологизированное «описание народов-монстров на краю ойкумены», о чем, по их мнению, говорят «явно легендарный характер описания представителей этого народа (“мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей”), а также упоминание их в одном ряду с амазонками, людьми-псами и другими народами-монстрами...»¹⁵⁰. Но упоминание в одном ряду с кем бы ни было еще ничего не значит,

а те характеристики, которые прилагает Псевдо-Захарий к народу рос, не являются исключением и находят параллели в аутентичных источниках. Так, Феофилакт Симокатта (первая половина VII в.), будучи секретарем византийского императора Ираклия и имея, следовательно, доступ к важнейшим документам, описал встречу императора Маврикия (582–602 гг.) с тремя послами славян, живущих «у оконечности Западного океана», т.е. Балтийского моря. Огромное удивление византийцев вызвал тот факт, что они «не имели при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары...». Когда же послы объяснили императору, что «не обучены носить на теле оружие: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб», то Маврикий, «услышав все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию»¹⁵¹. И в данном случае внимание фиксируется на огромных размерах тел и на отсутствии оружия, что не может, конечно, означать небытие южнобалтийских славян в истории. Надлежит также указать, что византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский отмечал в разговоре о славянах и антах, что «они очень высокого роста и огромной силы»¹⁵², а ПВЛ, характеризуя аваров (обров), констатирует: «Быша бо обьре телом велици...»¹⁵³. К тому же, как заметил А.П. Дьяконов ведя речь о народе hros Псевдо-Захария, «собственные имена народов обычно не создаются фантазией даже в легендах, а скорее являются реальной точкой отправления для создания легенд»¹⁵⁴.

Тенденциозность современных сторонников норманской теории по отношению к известию Псевдо-Захария, в целом, к нахождению руси в южных пределах Восточной Европы демонстрирует и Мухаммед Бал'ами, в 963 г. составивший на персидском языке сокращенную обработку многотомной «Истории пророков и царей» ат-Табари (838–923 гг.), доведенной до 912–913 гг. И в ней, в связи с событиями 643 г., от имени правителя Дербента сказано при обращении к арабам, подошедшим с войском к городу: «Я зажат между двух врагов, хазар и русов. Последние – враги всего мира. Поскольку одни мы знаем, как воевать с ними, давайте воевать с ними вместо взыскивания с нас дани»¹⁵⁵. А.П. Новосельцев считал, что Бал'ами это сведение взял из несохранившейся полной редакции ат-Табари. Отмечая, что применительно к VI в. ведут речь о русах арабский историк начала XI в. ас-Са'алиби и персидский историк второй половины XV в. Захир ад-дин Мар'аши (первый в рассказе о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены среди враждебных персам северных народов называет наряду с турками

и хазарами русов, а второй помещает их где-то в районе Северного Кавказа), ученый резюмировал, что, «очевидно, в основе сообщения ас-Са'алиби лежат реальные факты». В целом, как подводил он черту, «возможно, что в рассказе о русах речь идет о каком-то народе аланской (иранской) группы, который связан и со славянами, известными в то время в Закавказье и Иране, и который вместе с гуннами, болгарами и хазарами тревожил во второй половине VI в. северо-западные границы Сасанидской державы». Новосельцев также добавил, что «норманисты безоговорочно объявили сообщение о русах подложным...»¹⁵⁶, и такой приговор вытекает лишь из их концепции.

Сегодня И.Г. Коновалова, обращая внимание на время завершения работы Бал'ами – 963 г., когда еще была свежа, по ее словам, в Прикаспии память о разрушительных походах в этот регион русов в первой половине X в., заключает: в ту эпоху «русы были самым могущественным народом Восточной Европы, поэтому упоминание их в числе опасных врагов арабов в VII в. могло только подчеркивать значение арабских завоеваний на Кавказе» (при этом она признает, что информация ас-Са'алиби о русах VI в. могла «опираться на реальные факты») ¹⁵⁷. Но подобным образом можно отрицать и бытие хазар в 643 г. И если бы Бал'ами думал актуализировать события трехсотлетней давности, то он наверняка бы ограничился только хазарами, с самого начала появления арабов на Кавказе представлявшими для них серьезнейшую опасность, а не стал бы выставлять таинственных русов, много лет назад отметившихся (в 912–913 и 943–944 гг.) в истории Южного Прикаспия, «врагами всего мира». О хорошем и давнем знакомстве арабов с русами говорит Ибн Хордадбех, записавший не позже 40-х годов IX в., что русские купцы, представлявшие собой «вид славян», «привозят свои товары... в Багдад, где их переводчиками для них служат славянские рабы». По мнению А.П. Новосельцева, Ибн Хордадбех пользовался «нам не известным источником» ¹⁵⁸, видимо, относящемся либо к началу IX в., либо к концу VIII в. В «Житии святого Георгия Амастридского» отмечается, применительно к 20–40-м годам IX в., широкая известность руси на берегах Черного моря: «Было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого не носящего в себе никаких следов человеколюбия». Патриарх Фотий, повествуя о нашествии росов в 860 г. на Константинополь, также подчеркивает это обстоятельство: «Народ неименитый, народ несчитаемый (ни за что), народ, поставляемый наравне с рабами...» ¹⁵⁹. В «Житии святого Кирилла», написанном в 869–885 гг. в Подунавье, рассказывается, как Кирилл в Корсуне в 860–861 гг. приобрел «Евангелие» и «Псалтырь», написанные «русскими письменами», которые помог ему понять местный русин ¹⁶⁰.

Известия Иордана, Псевдо-Захария, Бал'ами, Ибн Хордадбега, житий святых Стефана Сурожского, Георгия Амастридского и Кирилла, патриарха Фотия и др., повествующие о присутствии руси в Прикаспийско-Черноморском регионе и пребывании ее представителей в Багдаде в дорюриково время, связаны с Русью Прикаспийской и с Русью Приазовской (Азовско-Черноморской). И эти Русии были реальными политическими и государственными образованиями, оставившими яркий след в памяти византийского и арабо-персидского мира. Восточные авторы, констатировал Д.Т. Березовец, под «русами» понимали алан Подонья, носителей весьма развитой салтовской культуры. М.Ю. Браичевский «русские» названия днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным, объяснил из осетинского языка, являющегося наследием аланского. На основании греческих и арабских памятников, топонимики Крымского полуострова Д.Л. Талис показал существование Причерноморской Руси в VIII – начале X в. в Восточном и Западном Крыму, а также в Северном и Восточном Приазовье, и увязал ее с аланами. О.Н. Трубачев, указывая, что в ономастике Приазовья и Крыма, «испокон веков наличествуют названия с корнем *Рос-*», видел в Азовско-Черноморской Руси реликт индоарийских племен, населявших Северное Причерноморье во II тыс. до н.э. и отчасти позднее (например, *tur-rus- или «тавро-русы»), и полагал, что с появлением здесь в довольно раннее время славян этот древний этноним стал постепенно прилагаться к ним. О той же Руси недавно вел речь, с привлечением широкого круга письменных и археологических источников, применительно ко времени второй половины V – конца X в. Я.Л. Радомский, отметивший ее смешанную руго-роксоланскую этническую основу (в которую позже влились асы)¹⁶¹.

А.Г. Кузьмин, говоря о существовании Салтовской и Причерноморской Русий, вместе с тем продемонстрировал в 1970–2003 гг. реальность бытия в Восточной и Западной Европе во второй половине I – начале II тысячелетия н.э. большого числа других Русий (в целом, более десятка и они этнически разнялись между собой). Это, например, четыре Руси на южном и восточном побережьях Балтийского моря, откуда собственно прибыли в 862 г. варяго-русские князья (о. Рюген-Русия, устье Немана, устье Западной Двины, западная часть Эстонии – провинция Роталия-Русия и Вик с островами Эзель и Даго), Русь Прикарпатская, Подунайская (Ругиланд-Русия-Русская марка), Русь Пургасова. К этим Русиям самое непосредственное отношение имели аланы-русь и руги, имя которых почти повсюду было вытеснено именем «русь». Этническая принадлежность ругов довольно проблематична (в начале н.э. они проживали, свидетельствует Тацит, на островах и южном побережье Балтийского моря,

и во главе их стояли цари¹⁶²). На сегодняшний день можно сказать лишь одно: истоки ругов-руси не были связаны ни с германцами (Йордан, противопоставляя готов и ругов, не считает последних германцами¹⁶³), ни со славянами, но они были ассимилированы последними, как полагал Кузьмин, примерно в VI–IX вв.¹⁶⁴ И своим бытием в истории аланы-русь, руги-русь и все названные Русии говорят как об отсутствии связи имени «Русь» со скандинавами и о полнейшей несостоятельности норманистов доказать обратное, так и о том, что, как точно обрисовал эту безрадостную ситуацию в 1876 г. С.А. Геденов, «полторастолетний опыт доказал, что при догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немыслима»¹⁶⁵.

¹ *Schlözer A.L.* Probe russischer Annalen. Bremen, Güttingen, 1768. S. 53, anm. 4; *Мильников А.С.* Славяне в представлении шведских ученых XVI–XVII вв. // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 153; История Швеции. М., 1974. С. 7–9; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8–57.

² *Шлецер А.Л.* Нестор. СПб., 1809. Ч. I. С. 390.

³ *Мильников А.С.* Славяне... С. 149; *Он же.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представление об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 137.

⁴ *Розенкамф Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. 2-е изд. СПб., 1839. С. 259; *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. 031, 039, 047, 054–055, 057; *Замечания А. Куника.* (По поводу критики г. Фортинского). СПб., 1878. С. 2, 6, 8; *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967. Вып. 10. С. 132, примеч. 13.

⁵ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 90–93, 312, 385; *Scarin A.* Dissertatio historica de originibus priscae gentis varegorum. Aboae, 1734. P. 73.

⁶ *Schlözer A.L.* Op. cit. S. 48–49, 66–67; *Шлецер А.Л.* Указ. соч. СПб., 1816. Ч. II. С. 114, 115; *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших. СПб., 1788. С. 104; *Соловьев С.М.* Август-Людвиг Шлецер // Собр. соч. С.М. Соловьева. СПб., [1901]. Стб. 1547.

⁷ *Руссов С.* Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // Отечественные записки. М., 1827. Ч. 31. С. 117, 118.

⁸ Выделение курсивом, разрядкой, жирным шрифтом принадлежит авторам.

⁹ *Dalin O.* Geschichte des Reiches Schweden. Th. 1. Greifswald, 1756. S. I–II, 46–47, 78, 234, 306, 409–418, anm. ^m на s. 34, anm. ^y на s. 47, anm. ^a на s. 78, anm. ^b на s. 306; *Далин О.* История шведского государства. СПб., 1805. Ч. 1, кн. 1. С. I, XVIII–XIX, 71, 72, 123, 124, 385, примеч. ^ф на С. 51, примеч. ^х на С. 72, примеч. ^и на С. 124, примеч. ^г на С. 137; примеч. ^и на С. 385, примеч. ^с на С. 438, примеч. ^б на С. 503; Там же. СПб., 1805. Кн. 2, ч. 1. С. 674–687, примеч. ^о на С. 654; Там же. СПб., 1805. Кн. 2, ч. 1. С. XXXV.

¹⁰ *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. 2. Июль. СПб., 1761.

- С. 9; *Он же*. О народах... С. 101; *Шлецер А.Л.* Указ. соч. Ч. I. С. р, примеч. *, 359, 363; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. I. Примеч. 96, 106.
- ¹¹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.: Л., 1952. С. 22, 33, 36–37, 41–42; *Он же*. Замечания на диссертацию (речь) Г.Ф.Миллера «О происхождении имени и народа российского» // *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 401, 408, 410–411, 414.
- ¹² *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003. Кн. 1. С. 73.
- ¹³ *Thunmann J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Theil I. Leipzig, 1774. S. 371–372.
- ¹⁴ *Шлецер А.Л.* Указ. соч. Ч. I. С. нд-не, 325, 419–420; Там же. Ч. II. С. 178–180.
- ¹⁵ *Thunmann J.* Op. cit. S. 374–377.
- ¹⁶ *Шлецер А.Л.* Указ. соч. Ч. I. С. XXVIII, 258, 315–317, 327–328, 330, 342–343, примеч. *; Там же. Ч. II. С. 86, 107, 109, 110, 114, 172.
- ¹⁷ *Schlözer A.L.* Op. cit. S. 86–89.
- ¹⁸ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 48, 49.
- ¹⁹ История Швеции. С. 77.
- ²⁰ *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. М., 1826. Кн. 1–2. С. 18, 105, 106, 111, 148–153.
- ²¹ *Голлман Г.Ф.* Руstringия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819. С. 17, 28, 29; *Погодин М.П.* О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение. М., 1825. С. 97, 110–116, 118, 119, 177; *Руссов С.* Указ. соч. С. 109.
- ²² *Розенкамф Г.А.* Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи. СПб., 1827. С. 11–22; *Он же*. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1828. Ч. IV, Кн. 1. С. 145–155; *Он же*. Обзорение... С. 249–255.
- ²³ *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 1997. Т. I. С. 85–87, 468, примеч. 58.
- ²⁴ *Морошкин Ф.Л.* Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842. С. 4, 5. Предисловие к этой работе написано Н.В. Савельевым-Ростиславичем.
- ²⁵ *Kunik E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. I. SPb., 1844. S. 163–167.
- ²⁶ *Савельев-Ростиславич Н.В.* Варяжская русь по Нестору и чужеземным писателям. СПб., 1845. С. 19, 27, 53, 55; Славянский сборник Н.В.Савельева-Ростиславича. СПб., 1845. С. XXIII, XLII, примеч. 54.
- ²⁷ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 2. С. 142–146, 149–154, 166, 267, 279.
- ²⁸ *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. С. CLXXI–CLXXIII.
- ²⁹ *Погодин М.П.* О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Лопова, Кавелина и Соловьева по части русской истории // Москвитянин. М., 1847. Ч. 1. С. 169, 170.
- ³⁰ *Эверс Г.* Указ. соч. С. 41, 42, 45, 51, 60–62, 72, 73, 159–273.
- ³¹ *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь: В 2-х ч. / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. М., 2004. С. 60.
- ³² *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примеч. 283.
- ³³ *Фатер И.С.* О происхождении русского языка и о бывших с ним переменах // Вестник Европы. № 2. М., 1823. С. 113–128; Там же. № 3–4. С. 252–261; Там же. № 5. С. 39–51.
- ³⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 1, т. 1–2. С. 87, 88, 100, 198, 248, 250–253, 276, примеч. 142, 147, 148, 150, 173 к т. 1.

- ³⁵ *Костомаров Н.И.* Заметка на возражения о происхождении Руси // Современник. Т. LXXX. № 4. СПб., 1860. С. 415; *Он же.* Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Там же. № 5. С. 78.
- ³⁶ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 168, 288–299, 383–384, 393, примеч. 22.
- ³⁷ Предисловие А. Куника к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С.Гедеонова» // Записки Академии наук. СПб., 1862. Т. I, кн. II. Прил. № 3. С. IV; Замечания А. Куника к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова» // Там же. С. 122; Замечания А.Куника // *Погодин М.П.* Г. Гедеонов и его система происхождения варягов и руси. СПб., 1864. С. 64; Замечания А. Куника. (По поводу критики г. Фортинского). С. 6.
- ³⁸ *Погодин М.П.* Г. Гедеонов... С. 6–8, 30.
- ³⁹ *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 105, 223.
- ⁴⁰ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 93.
- ⁴¹ *Ламбин Н.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). СПб., 1874. Ч. CLXXIII. № 6. С. 228, 235, 238, 260–263.
- ⁴² Дополнения А.А. Куника // *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875. С. 430–442, 670–673, 688; *Куник А.А.* Известия ал-Бекри... С. 020.
- ⁴³ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 290–291.
- ⁴⁴ *Иловайский Д.И.* Начало Руси. М., 2006. С. 364, 381.
- ⁴⁵ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1880. Т. I, ч. I. С. 13–33, 42–50; *Васильевский В.Г.* Житие св. Стефана Сурожского // ЖМНП. Ч. 263. СПб., 1889. С. 440–450; *Он же.* Житие св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского // *Он же.* Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. CX, CXXIII, CXXXIX–CXLI, CLII–CLIII, CCLXXVII–CCLXXXIII.
- ⁴⁶ *Браун Ф.А.* Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь» // Записки нефилологического общества. СПб., 1892. Вып. II. № 1. С. 45–58; *Он же.* Разыскания в области готско-славянских отношений. СПб., 1899. С. 1–18.
- ⁴⁷ *Завитневич В.З.* Происхождение и первоначальная история имени Русь // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1892. № 12. С. 553–554, 570, 582.
- ⁴⁸ *Браун Ф.А.* Русь (происхождение имени) // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1899. Т. XXVII. С. 366–367.
- ⁴⁹ *Ключевский В.О.* Наброски по «варяжскому вопросу» // *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 114, 115.
- ⁵⁰ *Ключевский В.О.* Полный курс лекций // *Ключевский В.О.* Русская история. В 5-ти т. М., 2001. Т. I. С. 148–154; *Он же.* Боярская дума в древней Руси // Там же. М., 2001. Т. IV. С. 64–73.
- ⁵¹ *Падалко Л.В.* Происхождение и значение имени «Русь» // Тр. XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. I. С. 357–382.
- ⁵² Дополнения А.А. Куника. С. 452, 460; *Браун Ф.А.* Варяжский вопрос // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. V^a. СПб., 1892. С. 573.
- ⁵³ *Эверс Г.* Указ. соч. С. 138; *Погодин М.П.* О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и краткий разбор оного. М., 1826. С. 37, примеч. *.
- ⁵⁴ *Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891. С. 20, 80, 82–90.
- ⁵⁵ *Шаскольский И.П.* Норманская проблема на современном этапе // Тез. докл. Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Ч. I. С. 43; *Он же.* Норманская проблема в исторической науке 1970-х – 1980-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1986. Ч. I. С. 122–123.

- ⁵⁶ Томсен В. Указ. соч. С. 18, 19, 115.
- ⁵⁷ Кубарев А.М. Обзорение // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический журнал. СПб., 1880. Т. XVI. № 4. С. 629; *Иловайский Д.И.* Начало Руси. С. 368; *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* Ročník X. Sešit 2. Praze, 1931. С. 378; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 65.
- ⁵⁸ Замечания А.Куника к «Отрывкам из исследований...». С. 122; Дополнения А.А. Куника. С. 439, примеч. 1.
- ⁵⁹ Томсен В. Указ. соч. С. 73, 74.
- ⁶⁰ *Шлецер А.Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 342–343, примеч. *.
- ⁶¹ Томсен В. Указ. соч. С. 68, 69; *Браун Ф.А.* Русь... С. 367.
- ⁶² *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию... С. 407; *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // Ломоносов М.В. Соч.: В 8-ми т. М., 1959. Т. VIII. С. 398.
- ⁶³ *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // *Вопр. истории.* 1974. № 11. С. 70–81; *его же.* Падение Перуна: (Становление христианства на Руси). М., 1988. С. 139–140; *Он же.* От моря до моря // *Мир истории.* М., 2002. № 4/5. С. 46–47; *Он же.* Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // *Сборник Русского исторического общества. Антиномизм.* М., 2003. Т. 8 (156). С. 209, 210; *Он же.* Облик современного норманизма // Там же. С. 232; *Он же.* История... С. 97, 102, 118; *Он же.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 36, 313–332; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат и остров русов // *Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин.* М., 1998. С. 473, 474; *Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г. Кузьмина.* М., 1986. Кн. 2. С. 639–654.
- ⁶⁴ *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. S. 283.
- ⁶⁵ Цит. по: *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос. Sešit 3. Praze, 1931. С. 522–523; *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // *Вестник древней истории.* М., 1939. № 4 (9). С. 84, 85.
- ⁶⁶ *Кулаковский Ю.А.* Новая теория о происхождении «Руси» // *Чтения в историческом обществе Нестора летописца.* Киев, 1907. Кн. XIX. Вып. 3. С. 68–69.
- ⁶⁷ *Ekbloom R.* Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod. Stockholm, 1915. P. 8–10.
- ⁶⁸ *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени Русь... С. 140, 143.
- ⁶⁹ *Шахматов А.А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 3–7, 53–65, 74–75, 81–82; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 324–328, 338–340; *Он же.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // *Энциклопедия славянской филологии.* Пг., 1915. Вып. 11. С. XXI, XXVI–XXXI; *Он же.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. С. 10, 11, 67–72; *Он же.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 50–52, 58–67.
- ⁷⁰ *Преображенский А.А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 2. С. 226.
- ⁷¹ *Покровский М.Н.* Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 1. С. 55.
- ⁷² *Arne T.J.* La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings. Upsala, 1914. P. 225, 229; *Idem.* Det stora Svitjod. Essauer om gengna tiders svensk-ruska kulturföbindelser. Stockholm, 1917. S. 37–63; *Ekbloom R.* Op. cit. P. 11–30, 40–57.
- ⁷³ *Браун Ф.А.* Варяги на Руси // *Беседа.* № 6/7. Берлин, 1925. С. 308; *Пресняков А.Е.* Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории // *Памяти Вильгельма Томсена. К годовщине со дня смерти.* М., 1928. С. 46; *Готье Ю.В.* Железный век

- в Восточной Европе. М., 1930. С. 248; *Мошин В.А.* Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // *Byzantinoslavika. Ročník III. Svarek 1. Praha, 1931. С. 34–35.*
- ⁷⁴ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. 10-е изд. М., 1931. Ч. 1–2. С. 23; *Платонов С.Ф.* Руса // Дела и дни. Исторический журнал. Петербург, 1920. Кн. 1. С. 1–5; *Шмурло Е.Ф.* История России 862–1917. М., 2001. С. 37, 38; *Брим В.А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Пг., 1923. Вып. 1. С. 5–10.
- ⁷⁵ *Браун Ф.А.* Варяги на Руси. С. 306–307, 312, 317, 320–328, 333.
- ⁷⁶ Цит. по: *Мошин В.А.* Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // *Sbornik prací I sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Svarek II. Praha, 1931. С. 616–617; Он же.* Варяго-русский вопрос. Sešit 3. С. 520–521.
- ⁷⁷ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 173; *Беляев Н.Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum recueil d'études archéologie, histoire de l'art, études Byzantines. Prague, 1929. Т. III. С. 242, 243, 245–253, 261.*
- ⁷⁸ *Мошин В.А.* Главные направления... С. 610–625.
- ⁷⁹ *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 248, 258–262.
- ⁸⁰ *Мошин В.А.* Начало Руси. Svarek 1. С. 35, 57; Там же. Svarek 2. Praha, 1931. С. 291; *Он же.* Варяго-русский вопрос. Sešit 3. С. 517–528, 534–537.
- ⁸¹ *Vasmer M.* Wikingerspuren in Russland. Berlin, 1931. S. 11–22.
- ⁸² *Погодин А.Л.* Варяги и Русь // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 106–111, 114–117, 124, 125.
- ⁸³ *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936. С. 169, 170; *Он же.* Киевская Русь. М.; Л., 1939. С. 226, 227.
- ⁸⁴ *Погодин А.Л.* «Внешняя Россия» Константина Багрянородного // Сборник лингвистических и филологических расправа. Београд, 1937. С. 77–85.
- ⁸⁵ *Погодин А.Л.* Варяги и Русь. С. 93, 94.
- ⁸⁶ *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924. С. 54–56; *Он же.* Норманизм и антинорманизм // Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук. Л., 1924. Т. XXVIII. С. 71–74.
- ⁸⁷ *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу. (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. Серия VII. № 8. Л., 1934. С. 609, 610, 614, 616, 618, 626, 629–630, примеч. 1 на с. 628; *Она же.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 год. М., 1978. С. 140, 141.
- ⁸⁸ *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь; Москва, 1996. С. 126, 127, 267–271, 275–286, 289, 340.
- ⁸⁹ *Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934. S. 48, 49, 52, 53, 56, 62; *Idem.* Varangica. Aarhus, 1953. S. 67, 79–81, 91, 242–245, 255–256; *Idem.* Anthology of Old Russian Literature. New York, 1954. P. 9, note ^c; *Idem.* Varägerspørgsmålet // Viking. Bd. XXIII. Oslo, 1959. S. 43–55; *Idem.* Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1. München, 1960. S. 11–13; *Стендер-Петерсен А.* Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова // *Kuml.* 1960. Aarhus, 1960. S. 151.
- ⁹⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III. С. 522.
- ⁹¹ *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 30.
- ⁹² См. об этом подробнее: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 147–183; *Он же.* Ломоносов. С. 135–152.
- ⁹³ *Юшков С.В.* К вопросу о происхождении русского государства // Учен. зап. Моск. юридич. ин-та НКЮ СССР. М., 1940. Вып. 2. С. 52–57.
- ⁹⁴ *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С. 4, 5, 14–18; *Он же.* Норманская проблема на современном этапе. С. 44;

- Он же.* Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 158; *Он же.* Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. Вып. 7. С. 48–50.
- ⁹⁵ *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // *Он же.* Русское летописание. М., 1979. С. 22.
- ⁹⁶ *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 51; *Он же.* Вопрос о происхождении имени *Русь*... С. 129.
- ⁹⁷ *Тивериадский Л.С.* К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян // Исторические записки. М., 1942. № 13. С. 41–43, 46–53; *Мавродин В.В.* Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949. С. 29; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 39; *Греков Б.Д.* Образование Древнерусского государства и происхождение термина «Русь» // Очерки истории СССР. IX–XV вв. М., 1953. Ч. 1. С. 78; *Зеленин Д.К.* О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1954. № 6. С. 90.
- ⁹⁸ *Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. С. 110; *Мавродин В.В.* Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958. С. 7, 12, 13; *Шушарин В.П.* Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 249, 251, 252, 262.
- ⁹⁹ *Ловмянский Х.* Указ. соч. С. 179–182, 189, 190; *Otrębski J.* *Rusь // Lingua posnaniensis.* Poznan, 1960. T. VIII. S. 219.
- ¹⁰⁰ *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1. С. 234, 235; *Он же.* Современные норманисты о русской летописи // Критика новейшей буржуазной историографии. М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 349; *Он же.* Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 51–54, 64; *Он же.* Вопрос о происхождении имени *Русь*... С. 128–176, примеч. 11, 15, 114, 168.
- ¹⁰¹ *Шаскольский И.П.* Вопрос о происхождении имени *Русь*... С. 158, примеч. 114.
- ¹⁰² *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970. S. 469.
- ¹⁰³ См. об этом подробнее: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 158–163.
- ¹⁰⁴ *Авдусин Д.А.* Современный антинорманизм // Вопр. истории. 1988. № 7. С. 31, 32; *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 157.
- ¹⁰⁵ *Попов А.И.* Названия народов СССР. Введение в этноимику. М., 1973. С. 48–50, 57, 59–63; *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции плоттогенеза. М., 1979. С. 215–226; *Мачинский Д.А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982. С. 16, 18, 20, 24.
- ¹⁰⁶ *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы. С. 35–51.
- ¹⁰⁷ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 25; *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Там же. 1991. № 2/3. С. 7; *Он же.* «Мир истории» или миф истории? // Там же. 1993. № 1. С. 27, 28.
- ¹⁰⁸ *Хлезов А.А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. С. 91; *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 50.
- ¹⁰⁹ *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследо-

- вание Новгородской земли. Л., 1984. С. 10, 15–20; *Он же*. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 24–26.
- ¹¹⁰ *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 189, 190, 195–197, 224–227, 229, 233, 237, 238, 242–246; *Киртичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 202–205, 229–231.
- ¹¹¹ *Петрухин В.Я.* Комментарии // *Ловмянский Х.* Указ. соч. Коммент.* к с. 179 на С. 279, коммент.* к с. 180 на С. 280; *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Славяно-фенно-скандинавские этноязыковые контакты в раннее Средневековье // X Всесоюзная конференция... С. 129; *Они же*. Название «Русь»... С. 24–38, примеч. 6; *Они же*. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 109, 242, 243; *Он же*. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки и из грек... М., 1996. С. 9, 12; *Он же*. «Из варяг в греки»: начало исторического пути России // Славянский альманах. М., 1997. С. 64, 65; *Он же*. «От тех варяг прозвася...» // Родина. 1997. № 10. С. 14, 16; *Он же*. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 79, 80, 86, 106, 107, 116, 120; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 252, 271, 283; *Мельникова Е.А.* Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 12, 13; *Она же*. Варяжская доля // Родина. 2002. № 11–12. С. 30–32; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей (Текст, пер., коммент.). М., 1989. С. 295, 297–299, 300, 305–307 (коммент. 1 к гл. 9); и др.
- ¹¹² *Петрухин В.Я.* Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 69; *Он же*. Начало этнокультурной истории... С. 84; *Он же*. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 119.
- ¹¹³ *Кан А.С.* Указ. соч. С. 40; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. С. 106.
- ¹¹⁴ *Васильев В.Л.* Новгородская топонимика в научном наследии Рихарда Экблума (Интерпретация корней *rus-* и *vareg-*) // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 300–308.
- ¹¹⁵ *Назаренко А.В.* Goehrke C. *Frühzeit des Ostslaventums // Unter Mitwirkung von U. Kälin.* Darmstadt, «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1992 (=Erträge der Forschung. Bd. 277) // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. I. С. 177.
- ¹¹⁶ *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии. С. 234; *Он же*. Вопрос о происхождении имени Русь... С. 143, 144, 156, 157.
- ¹¹⁷ *Назаренко А.В.* Об имени «Русь» в немецких источниках IX–XI вв. // Вопросы языкознания (далее – ВЯ). 1980. № 5. С. 46, 50, 54–57; *Он же*. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария–Австрия // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 88, 93, 96, 104–106; *Он же*. Докиевский период истории Восточной Европы в «Handbuch der Geschichte Rußlands» (ФРГ) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 год. М., 1984. С. 241; *Он же*. Происхождение др.-русс. «Русь»: состояние проблемы и возможности лингвистической ретроспективы // X Всесоюзная конференция...

- С. 127, 128; *Он же*. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, пер., коммент.). М., 1993. Коммент. 48 на С. 41, коммент. 38 на С. 83; *Он же*. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 49; *Он же*. Две Руси IX века // *Родина*. 2002. № 11/12. С. 20.
- ¹¹⁸ *Прицак О.И.* Происхождение названия RŪS/RUSr // *ВЯ*. 1991. № 6. С. 129.
- ¹¹⁹ *Горский А.А.* Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // *История СССР*. 1989. № 3. С. 132–134.
- ¹²⁰ *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000. С. 62–66.
- ¹²¹ *Трубачев О.Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 241–243.
- ¹²² *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 53, 57.
- ¹²³ *Кузьмин А.Г.* История... С. 86; *Славяне и Русь*. С. 235, 469.
- ¹²⁴ *Седов В.В.* Русский каганат IX века // *Отечественная история*. 1998. № 4. С. 14, 15, примеч. 52; *Он же*. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 66.
- ¹²⁵ *Хабургаев Г.А.* Указ. соч. С. 220; *Акашев Ю.Д.* Историко-этнические корни русского народа. М., 2000. С. 42, 43.
- ¹²⁶ *Киртичников А.Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // *Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути»*. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 19; *Он же*. Великий Волжский путь // *Родина*. 2002. № 11–12. С. 62; *Он же*. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего Средневековья // *Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья*. СПб., 2002. С. 44.
- ¹²⁷ *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002. S. 101, 107.
- ¹²⁸ *Кузьмин А.Г.* История... С. 87.
- ¹²⁹ *Bayer G.S.* Origines Russicae // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. T. VIII. Petropoli, 1741. P. 411; *Schlözer A.L.* Op. cit. S. 83; *Шлецер А.Л.* Указ. соч. Ч. I. С. 316, 317, 330, 421; *Thunmann J.* Op. cit. S. 374, 377, 378; *Погодин М.П.* О происхождении Руси. С. 110–115; *Он же*. Исследования... С. 142–146; *Дополнения А.А. Куника*. С. 457; *Куник А.А.* Известия ал-Бекри... С. 032–033.
- ¹³⁰ *Куник А.А.* Известия ал-Бекри... С. X, 04, 016, 018, 039.
- ¹³¹ *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию... С. 399.
- ¹³² *Миллер Г.Ф.* Разговор о двух браках, введенных чужестранными писателями в ряд великих князей всероссийских // *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*. Февраль. СПб., 1755. С. 83; *Он же*. Опыт новейшей истории о России // *Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие*. Январь. СПб., 1761. С. 7; *Müller G.F.* Versuch einer neueren Geschichte von Russland // *Sammlung russischer Geschichte*. Bd. 5. Stud. 1–2. SPb., 1760. S. 5.
- ¹³³ *Шлецер А.Л.* Указ. соч. Ч. I. С. рли.
- ¹³⁴ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 58.
- ¹³⁵ *Летопись по Лаврентьевскому списку (далее – ЛЛ)*. СПб., 1897. С. 4, 19, 20.
- ¹³⁶ Там же. С. 3.
- ¹³⁷ *Дополнения А.А. Куника*. С. 452.
- ¹³⁸ *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 336–376.
- ¹³⁹ *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963. С. 195.
- ¹⁴⁰ *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. С. 386.
- ¹⁴¹ *Фомин В.В.* Варяги варяжская русь. С. 376–380.

- ¹⁴² *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян. М., 1973. С. 267; *Она же.* Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху Средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // *Расогенетические процессы в этнической истории.* М., 1974. С. 80–82; *Она же.* Славяне и германцы в свете антропологических данных // *Вопр. истории.* 1974. № 3. С. 67.
- ¹⁴³ *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // *Вопр. истории.* 1970. № 10. С. 53; *Он же.* Об этнической природе... С. 81; *Он же.* История... С. 103, 120, 121; *Он же.* Начало Руси. С. 213, 318, 339, 347; *Он же.* Облик современного норманизма. С. 244; *Кудрякова Е.Б.* «Варяжская проблема» и культ Бориса и Глеба // *Вопр. истории.* 1980. № 4. С. 166; *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 453; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 584, 642; Славяне и Русь. С. 370; *Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г.* / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. М., 2004. С. 142.
- ¹⁴⁴ *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу // *Известия АН СССР.* № 7. Л., 1934. С. 504; *Она же.* Древняя Русь и Скандинавия... С. 136; *Тихомиров М.Н.* Исторические труды М.В. Ломоносова // *Вопр. истории.* 1962. № 5. С. 70; *Роспонт С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // *Восточно-славянская ономастика.* М., 1972. С. 62.
- ¹⁴⁵ *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь»... С. 33.
- ¹⁴⁶ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997. С. 86.
- ¹⁴⁷ *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. С. 156, 160–164, 251, 267; *Хрестоматия по истории России...* С. 35.
- ¹⁴⁸ *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 166; *Она же.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. // *Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия.* М., 1952. С. 42–48.
- ¹⁴⁹ *Дьяконов А.П.* Указ. соч. С. 86, 87; *Пигулевская Н.В.* Имя «рус»... С. 47; *Ловмянский Х.* Указ. соч. С. 188–189; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. С. 164.
- ¹⁵⁰ *Петрухин В.Я.* Комментарий. С. 283, коммент.** к С. 188; *Он же.* Легендарная история Руси и космологическая традиция // *Механизмы культуры.* М., 1990. С. 99–103; *Он же.* Начало этнокультурной истории... С. 42–48; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 203.
- ¹⁵¹ *Хрестоматия по истории России...* С. 61, 62.
- ¹⁵² Там же. С. 52.
- ¹⁵³ Л. С. 11.
- ¹⁵⁴ *Дьяконов А.П.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁵⁵ Цит. по: *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 269.
- ¹⁵⁶ *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 360–365; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 203.
- ¹⁵⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 203, 204.
- ¹⁵⁸ *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Указ. соч. С. 384–386.
- ¹⁵⁹ *Хрестоматия по истории России...* С. 94, 100.
- ¹⁶⁰ *Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. СПб., 1903. С. 3, 28, 30; *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. С. 128, 136, 137; *Он же.* История... С. 298, 299.
- ¹⁶¹ *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // *Советская археология.* 1974. С. 87–99; *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // *ВЯ.* 1977. № 6. С. 13–29; *Он же.* Indoarica в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Там же. 1981. № 2. С. 3–21; *Он же.* К истокам Руси. М., 1993; *Он же.* В поисках единства. С. 184–

265; *Брайчевский М.Ю.* «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // *Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология)*. Киев, 1985. С. 19–30; *Радомский Я.Л.* Этнический состав Причерноморской Руси. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 4–16; Славяне и Русь. С. 396, 397.

¹⁶² *Корнелий Тацит*. Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т. 1. С. 371.

¹⁶³ *Иордан*. Указ. соч. С. 65.

¹⁶⁴ *Кузьмин А.Г.* «Варяги» и «Русь»... С. 28–55; *Он же*. Об этнической природе варягов... С. 54–83; *Он же*. Заметки историка об одной лингвистической монографии // *ВЯ*. 1980. № 4. С. 55, 56, 58; *Он же*. Об истоках древнерусского права // *Советское государство и право*. 1985. № 2. С. 116–119; *его же*. Русь в современной исторической науке // *Тысячелетие крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция*. Киев, 21–28 июля 1986 года. Материалы. М., 1988. С. 92–94; *Он же*. Западные традиции в русском христианстве // *Введение христианства на Русь*. М., 1987, С. 30, 41–45; *Он же*. Одоакр и Теодорих // *Дорогами тысячелетий. Сборник исторических очерков и статей*. М., 1987. Кн. 1. С. 103–129; *Он же*. Падение Перуна. С. 4, 5, 12, 129–138; *Он же*. Кто в Прибалтике «коренной»? М., 1993. С. 4; *Он же*. Руги и русы на Дунае // *Средневековая и новая Россия*. СПб., 1996. С. 130–147; *Он же*. Источниковедение истории России (с древнейших времен до монгольского завоевания). М., 2002. С. 102; *Он же*. От моря до моря. С. 32–47; *Он же*. Два вида русов... С. 192–213; *Он же*. Облик современного норманизма. С. 236–238; *Он же*. История... С. 77, 93–106, 163–165; *Он же*. Начало Руси. С. 93–94, 160–161, 242–313, 333–335; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 456–481; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь. С. 430, 431, 438; *Он же*. Пургасова Русь // *Вопр. истории*. 2007. № 9. С. 3–17; *Откуда есть пошла Русская земля*. М., 1986. Кн. 1. С. 16, 17, 477, 546–552, 664–682; *Там же*. Кн. 2. С. 545–548; «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / *Авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин; Сост., авт. примеч. и указ. А.Г. Кузьмин, В.И. Вышегородцев, В.В. Фомин*. М., 1988. С. 42–44; *Славяне и Русь*. С. 209–455.

¹⁶⁵ *Гедеонов С.А.* Указ. соч. С. 56.

К.А. Соловьев

ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1920-Е–1980-Е ГОДЫ)

Изучение процесса становления и развития властных отношений в Древней и Средневековой Руси стало одним из заметных направлений в отечественной историографии середины XIX – начала XX в. Круг вопросов, связанных с темой власти на Руси, первоначально очерченный в трудах С.М. Соловьева и Н.К. Бестужева-Рюмина, был существенно расширен В.С. Иконниковым, Ф.И. Леонтовичем, М.О. Кояловичем. Значительное место занимала проблематика властных отношений в работах В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, историографических главах трудов Д.И. Багалея и А.Е. Преснякова¹.

В период становления советской историографии эта тематика была отодвинута на периферию научных интересов². Подводя в 1942 г. итоги развития советской исторической науки за 25 лет, Б.Д. Греков уделил ей лишь несколько строк: «По-новому понято значение Киевского государства в истории великороссов, украинцев, белорусов (...). По-новому поставлена проблема феодального строя и процесса феодализации страны»³. Тем не менее самого серьезного внимания заслуживают несколько публикаций рассматриваемого периода.

М.Н. Покровский в своих лекциях 1923 г., прочитанных в Коммунистическом университете, стремился, в первую очередь, дать классовую характеристику как российским историкам прошлого, так и их трудам. Он выделил три главных концепции «буржуазной» науки XIX в.: «чичеринскую», «соловьевскую» и «щাপовскую». Различие между ними М.Н. Покровский видел в том, что в каждой из них властные отношения в Древней и Средневековой Руси осмыслились в соотношении с теми факторами, которые, по мнению историков данного направления, определяли вектор развития государства. «Чичеринская» концепция «с ее закрепощением и раскрепощением» представляла властные отношения как отражение социальных процессов. Позиция С.М. Соловьева, «с ее борьбой со степью», выводила характер властных отношений из задач внешней политики. Наконец, «щাপовская» теория опиралась на характеристику географических условий жизни народа⁴.

Вершины буржуазной науки Покровский назвал творчеством В.О. Ключевского, поскольку в нем соединились взгляды его предшественников. Сторонников же концепции «федерализма» (М.С. Грушевского и Н.И. Костомарова) Покровский характеризовал как «мелкобуржуазных националистов». Их исторические взгляды он назвал «обороной от капитализма»⁵.

Еще одна – дополнительная – линия развития буржуазной историографии проходила, по мнению Покровского, от К.А. Неволлина, через В.И. Сергеевича к М.А. Дьяконову⁶. Покровский характеризовал ее как формально-юридическую, поскольку для историков этого направления на первом месте стояли формы властных отношений, закрепленные в законах, а факторам, воздействующим на их развитие, уделялось гораздо меньше внимания.

В этих построениях М.Н. Покровского заметно сильное влияние предшествующего этапа в развитии историографии властных отношений Древней Руси. Если вычесть из них классовый подход, то логический стержень рассуждений Покровского совпадает с теми мыслями, что высказал в своей речи «В.О. Ключевский как ученый» в Исторической комиссии в 1911 г. М.М. Богословский⁷.

В конце 1920-х годов большой коллектив историков под руководством М.Н. Покровского проделал значительную работу по изучению исторического наследия XVIII – начала XX в. Результатом этой работы стал выход двухтомника «Русская историческая литература в классовом освещении»⁸. Статьи в этом сборнике написаны разными авторами, но в оценке взглядов историков прошлого на государство и властные отношения в Древней и Средневековой Руси чувствуется единый подход и направляющая рука М.Н. Покровского.

Сборник начинается с характеристики взглядов И.Ф.Г. Эверса. «Тонкое историческое чутье, – писала М.В. Нечкина, – привело его к утверждению постепенного развития государства, а современная действительность и классовые связи привели к апологетике государства и, незаметно для него самого, проецировали в прошлое симпатии настоящего»⁹. Эта мысль о предопределенности в оценке властных отношений древности, ее зависимости от политической борьбы современности скоро станет одной из самых повторяемых в отечественной историографии.

В статье, посвященной Б.Н. Чичерину, П. Соловьев выстроил следующую схему изучения властных отношений в Древней и Средневековой Руси в исторической науке XIX в.: первым теоретиком «родового быта» был Эверс, за ним выступил А.М. Рейц, «выводивший государственное начало из семейно-родовых отношений», а затем уже «в согласии с началом гегелевской философии и под влиянием немецкой исторической школы» эту теорию стали развивать С.М. Соловьев и К.Д. Кавелин. Взгляды Б.Н. Чичерина «выросли из Соловьева», а в его исторической концепции «давалась буржуазно-дворянская интерпретация Гегеля»¹⁰. Тем самым автор указывал на три фактора, определивших развитие доминирующей линии в характеристике властных отношений. Первый фактор – потребность в отражении классовых интересов дворянства и буржуазии. Второй – влияние европейской исторической мысли. Третий – становление отечественной историографической традиции.

Характеризуя творчество С.М. Соловьева, З. Лозинский высказал мнение, что сам С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, принадлежа «одной общей школе, имея много сходных взглядов», создали три разные схемы исторического процесса, причем в каждой из них именно властным отношениям отводилось центральное место. Концепция Кавелина предполагает постепенное развитие «родового процесса» в государственный. У С.М. Соловьева, наоборот, государственность противостоит родовым традициям, а «центральная ось схемы исторического процесса» состоит в смене родового строя государственным, росте и укреплении национального русского государства»¹¹. Лично-правовые отношения князей,

по Чичерину, имеют сугубо договорный характер. Это значит, что властные отношения в Древней и Средневековой Руси развивались не в соответствии, но и не в противоборстве с родовыми, а в стороне от них.

М.А. Рубач, называя Н.И. Костомарова «первым крупным историком-федералистом» и выразителем мелкобуржуазных классовых интересов, дал очень сочувственную характеристику его взглядам на властную сферу Древней Руси: «Его отрицание наличия политического и этнографического единства русских земель, наличия единого русского государства, выдвигание на первый план внутренней жизни народных масс, а не междукняжеских родовых отношений, является большим шагом вперед, сравнительно более научным объяснением исторического прошлого восточного славянства»¹².

В целом можно отметить, что, несмотря на заявленное «классовое освещение» историографии предшествующих лет, в этом сборнике в значительной степени проявились историографические схемы, свойственные рубежу XIX–XX вв., а собственно классовая точка зрения проявилась в том, что каждый из историков объявлялся сторонником и выразителем дворянских, дворянско-буржуазных, либерально-буржуазных или мелкобуржуазных интересов. Причем именно классовые интересы, по мнению авторов сборника, обостряли внимание ученых XIX – начала XX в. к властной сфере. Общая схема изучения властных отношений Древней Руси историками XIX в. несколько отличалась от той, что была предложена М.Н. Покровским в начале 1920-х годов. Вся историография второй половины XIX в. разделялась на буржуазную и мелкобуржуазную. Доминирующей и одновременно отсталой считалась буржуазная схема развития властных отношений из родовых в государственные. Мелкобуржуазная схема развития федеративных отношений признавалась более прогрессивной.

В 1931 г. вышла в свет книга С.А. Пионтковского, посвященная «буржуазной» историографии XX в. как до, так и после 1917 г. Эта работа стала образцом классового подхода в исторической науке в том виде, как его понимали на рубеже 1920-х – 1930-х годов.

Важнейшей чертой буржуазной историографии, «первым, что бросается в глаза», по мнению автора, является то, что все историки, начиная с С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина, «занимаются историей государства, государственной власти и государственного аппарата»¹³. И этот интерес к теме власти в истории России вызван был «стремлением реформировать феодальный аппарат власти и передать его в руки буржуазии»¹⁴. Таким образом, стремление к классовой трактовке исторических взглядов ученых недавнего прошлого привело Пионтковского к общей для большинства советских

историков мысли, что каждый автор «опрокидывает» в прошлое собственные политические взгляды.

Крупнейшим явлением отечественной науки 1930-х годов стала работа Н.Л. Рубинштейна, начатая курсом лекций в Московском институте философии, литературы и истории, а завершившаяся изданием монографии «Русская историография» в 1941 г.¹⁵ В своем капитальном труде Н.Л. Рубинштейн соединил творческий метод С.М. Соловьева, отдельные положения своих предшественников конца XIX – начала XX в. и базовые принципы советской исторической науки, в частности, обязательную характеристику классовой сущности воззрений каждого из рассматриваемых авторов. Поскольку книга Рубинштейна посвящена общим проблемам отечественной историографии, то мысли автора, связанные с тематикой власти и властных отношений, нужно искать в разделах, озаглавленных «Понимание исторического процесса», «Периодизация», «Значение» и особенно «Народ и государство».

В трудах историков XVIII – начала XIX в. Рубинштейн отмечает лишь несколько тем, связанных с проблематикой властных отношений. Так, характеризуя творчество В.Н. Татищева, автор заметил, что оно «распадается на прагматическое повествование об истории и на общую социологическую концепцию, стоящую вне зависимости от конкретного развития самой исторической деятельности»¹⁶. Представления Татищева о характере власти на Руси отражены не столько в тексте его «Истории», сколько в самой периодизации русской истории (тем самым Рубинштейн повторил, слегка завуалировав, мысль П.А. Милюкова¹⁷).

Исторические взгляды М.М. Щербатова, по Рубинштейну, вытекали из его политического идеала «союза самодержавия и дворянства». Щербатов находит единство власти и дворян «в начальной истории московского княжества и внимательно прослеживает историю политического роста Москвы»¹⁸. Новизну исторических взглядов И.Н. Болтина Рубинштейн видел в том, что тот «историю государства подчинил истории народа»¹⁹. У И.Ф.Г. Эверса, в качестве одного из главных достоинств, он отметил постановку проблемы исторического развития гражданского общества. В качестве же недостатка указал на то, что «его основная схема развития чисто условна»²⁰.

Фактически единственным направлением XIX в. в характеристике властных отношений Древней и Средневековой Руси, по Рубинштейну, была так называемая государственная схема. В своей основе она (как об этом в свое время писал еще К.Н. Бестужев-Рюмин²¹) была сформулирована М.П. Погодиным²², затем в разных вариантах отражалась в творчестве К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева и

Б.Н. Чичерина. Свое же полное выражение она нашла в творчестве В.О. Ключевского и его концепции «очередного порядка» правления великих князей. Эта точка зрения, по мнению автора, «противоречит действительному развитию общественных отношений»²³; оставаясь на ней, невозможно раскрыть суть взаимоотношений народа и государства. И даже противостоящая концепции родовых отношений в Древней Руси позиция славянофилов, в характеристике Рубинштейна, «остается чисто внешним привеском, совершенно заслоненным до крайности упрощенной традиционной государственной схемой»²⁴. Точно так же и в творчестве Н.И. Костомарова «история народа разрешается внешним подчинением народа государству»²⁵. Это значит, что ни славянофилам, ни сторонникам «федеративных» начал не удалось в полной мере преодолеть зависимость от схем, разработанных «государственной школой».

И только на рубеже XIX–XX вв., по мысли Рубинштейна, историки предприняли ряд попыток вырваться из жестких рамок «государственной схемы». Так, с точки зрения П.Н. Милюкова, государство в России развивалось «искусственно и насильственно», а не «естественно и необходимо», как у С.М. Соловьева²⁶. Н.П. Павлов-Сильванский выстраивает новую схему развития Древней и Средневековой Руси, в которой история общества превращается в «историю института»²⁷. Н.А. Рожков пишет о классовом характере государственной власти. Но все эти попытки потерпели крах: у Милюкова «государство превращается в самодовлеющую силу», построения Павлова-Сильванского «кажутся лишь вариантом государственных схем, начинающихся с Эверса», а Рожков «классовый характер видит не в самой организации власти, а лишь в направленности ее социальных и экономических мероприятий»²⁸.

Таким образом, на этапе становления советской (1920-е–1930-е годы) историографии М.Н. Покровский начал, а другие авторы продолжили критику всех без исключения предшествующих направлений в исторической науке с классовых позиций. В проблематике властных отношений эта критика исходила из одного, ключевого положения: никто из авторов досоветской эпохи не захотел (или не сумел) показать значение народа в истории. Тем самым характер властных отношений в Древней Руси ими был искажен. Власть в Древней и Средневековой Руси была показана ими лишь как часть родовых отношений князей, в лучшем случае, как следствие отношений между князьями, боярством и дружиной. Вместе с тем, установив необходимые (по условиям времени) рамки критики предшественников, историки 1920-х – 1930-х годов сделали несколько важных, на наш взгляд, выводов и наблюдений. К их числу относятся: выделение М.Н. Покровским целого спектра концепций в ха-

рактике властных отношений историками XIX в.; стремление проследить эволюцию представлений о власти в Древней Руси у его учеников; попытка увидеть в характеристике властных отношений прошлого живые проблемы современности у С.А. Пионтовского и Н.Л. Рубинштейна.

Изучение историографии властных отношений в Древней и Средневековой Руси в 1950-х–1960-х годах проводилось теми же методами и базировалось на тех же принципах, что были свойственны предшествующему этапу. Л.В. Черепнин в своей монографии «Русская историография до XIX в.» в качестве заглавного тезиса выдвигает следующий: «Изучать развитие исторических взглядов нельзя в отрыве от классовой и политической борьбы, порождаемой условиями социально-экономической жизни общества»²⁹. Он жестко следовал этому принципу в характеристике каждого из историков XVIII в., начиная с А.И. Манкиева, «политический смысл и классовую сущность» концепции которого Л.В. Черепнин видел в «утверждении древности абсолютизма в России»³⁰.

Всех историков XVIII в. Черепнин отнес к этапу «дворянской историографии». Их общей чертой он считал привлечение теорий «естественного закона» и свободного договора «в классовых целях для исторического обоснования возникновения крепостничества и самодержавия»³¹. При этом Татищев в характеристике властных отношений «доказывает преимущества для России абсолютизма по сравнению с другими типами государственного устройства»; М.В. Ломоносов «идеализирует абсолютизм»; М.М. Щербатов пытается «установить соответствие между человеческими нравами и характером государственного строя», что типично «для идеалистической концепции дворянской историографии»³². Особо выделил Черепнин исторические взгляды И.Н. Болтина, поскольку тот – единственный из историков XVIII в., **кто назвал три начала государственной власти: монархическое, народ и вельмож**³³.

В.И. Астахов, опубликовавший в 1965 г. свой «Курс лекций по русской историографии», основное внимание уделил историкам XIX в., стараясь, во-первых, выделить классовую сущность воззрений каждого из них, а, во-вторых, показать, какую из сторон общественной жизни они «идеализировали». Историк «дворянского направления» Н.М. Карамзин «идею единовластия делает основным стержнем истории России»³⁴. На переходе отечественной историографии от дворянского к буржуазному этапу Астахов размещает М.П. Погодина, «общая концепция» которого была «бесплодной и противоречивой», что особо сильно раскрывается во властной сфере³⁵.

К числу создателей собственно «либерально буржуазной историографии» В.И. Астахов отнес историков «государственной шко-

лы» К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. У первого из них «государство выступало как самодовлеющая сила, как действующее начало исторического развития, само создающее свою историю»; второй же «отводил князьям главную роль в древнерусской истории»³⁶.

С.М. Соловьева автор отделил от «государственной школы», назвав его теорию «борьбы родового и государственного начал» большим научным достижением³⁷. Н.И. Костомаров, по его мнению, в своей теории двух начал подменил классовую борьбу национальной и к тому же идеализировал вечевой строй³⁸. В.И. Сергеевич же, в духе государственной школы, «искажал древнерусскую историю и подменял развитие социально-экономических отношений договорными началами»³⁹.

Наконец, у В.О. Ключевского автор отметил значительные новации в характеристике властной сферы жизни Древней Руси. Во-первых, Ключевский определил социальную основу двух «органов власти» в Древней Руси. Княжеская власть выражает у него интересы дружины, а вече – «торгово-промышленной аристократии». Во-вторых, он ввел в характеристику власти географические и экономические условия ее существования⁴⁰.

Крупным достижением этого периода стал выход первых четырех томов «Очерков истории исторической науки в СССР»⁴¹. В этом издании крупнейшие отечественные специалисты написали главы, характеризующие состояние отечественной исторической науки в целом, на каждом из этапов ее развития и по отдельным, наиболее существенным темам. Проблематика властных отношений нашла свое воплощение только в первых трех томах этого издания, где речь шла об историках, работавших до 1917 г. Причем наибольшее количество интересующих нас материалов приходится на второй том, посвященный историкам второй половины XIX в.

При формальном разделении исторической науки XVIII – начала XX в. на два этапа – дворянский (XVIII – 30-е годы XIX в.) и буржуазный (40-е годы XIX в. – 1917 г.) – в «Очерках» отчетливо проводится мысль, что взгляды «дворянских» историков, пройдя через ряд трансформаций, сохранялись на протяжении всего досоветского периода. Несмотря на то что разделы в «Очерках» написаны разными авторами, в первом и втором томах данного издания можно выделить две основные «линии» в характеристике историков, рассматривавших проблему становления и развития властных отношений в Древней и Средневековой Руси.

Первая линия идет от Татищева, чьи взгляды можно назвать прогрессивными только для первой половины XVIII в. В их основе – стремление к рациональному объяснению характера властных отношений и выявление связи между общественным и

государственным развитием⁴². В творчестве М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина те же взгляды становятся уже «реакционными». Затем они воспроизводятся историками «охранительного направления» М.П. Погодиным и Н.Г. Устряловым⁴³. А наиболее реакционный вид они приобрели у И.Л. Иловайского, поскольку «законы общественного развития получили определение у Иловайского в примитивной формуле, согласно которой прогресс всех «исторических народов» совершается в формах «государственного быта». В соответствии с этим история каждого народа ограничивается историей его государственного развития⁴⁴.

Вторая линия берет свое начало в изначально «реакционных» трудах И.Ф.Г. Эверса, предложившего «схему происхождения русского государства, которая в течение длительного времени разрабатывалась в русской историографии: семья – род – племя – государство»⁴⁵ и находит свое отражение в «противоречивых и ограниченных» взглядах С.М. Соловьева. В соответствии с взглядами Эверса–Соловьева, властные отношения необходимо рассматривать как самодостаточные и самодовлеющие, не связанные с какими-либо другими факторами, действовавшими в истории Древней Руси, а государство – как «лучшего представителя народа»⁴⁶.

«Учениками и продолжателями» традиций главы «государственной школы» в «Очерках» названы историки «либерально-буржуазного» направления: Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский и, «в определенной мере», Ф.И. Леонтович⁴⁷. Из характеристики взглядов В.О. Ключевского, данной Л.В. Черепниным, ясно, что ученый, несмотря на его «эклектичность», в характеристике властных отношений ничем не отличался от историков «государственной школы»⁴⁸. В начале же XX в. в трудах С.Ф. Платонова обе линии – государственно-охранительская и либерально-буржуазная – смыкаются⁴⁹.

Вне этих двух линий, определявших развитие исторического знания в сфере властных отношений, по мнению авторов «Очерков», расположились несколько крупных историков. К.Н. Бестужев-Рюмин поставил себе задачу «изучения общества в его развитии», но справился с ней «далеко не полностью и в значительной мере формально, изучая обособленные проявления общественной жизни: государственную власть, органы управления, сословия, суд»⁵⁰. Н.И. Костомаров построил свою концепцию «двух начал» на «шаткой исторической основе»⁵¹. Наконец, А.Е. Пресняков «предложил весьма абстрактную схему политического строя Киевской Руси». Княжеская власть у него «выступала не как орган классового господства, а как политическая сила, частично служившая интересам единого бесклассового общества, частично ему противостоящая»⁵².

Учебник «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», вышедший первым изданием в 1961 г., а вторым – в 1971 г., как по составу авторов, так и по тем оценкам, что в нем даны взглядам дореволюционных авторов, почти полностью совпадает с «Очерками истории исторической науки в СССР». В качестве новых черт отметим, во-первых, подробное изложение государственно-политических взглядов П.Н. Милюкова (вывод: Милюков, «по существу, возродил воззрения Чичерина»⁵³); а, во-вторых, характеристику взглядов двух историков-марксистов – М.С. Ольминского и М.Н. Покровского, с делением их на «правильные» и «неправильные». Правильные взгляды у обоих авторов опираются на классовую характеристику властных отношений в Древней Руси. «Неправильно» у Ольминского то, что «он предал забвению громадную самостоятельность и независимость феодально-крепостнического самодержавия»⁵⁴», а у Покровского то, что он «сделал уступку норманизму в вопросе об образовании Киевского государства»⁵⁵.

Основным итогом развития историографической мысли 1950-х – 1960-х годов по интересующей нас теме властных отношений в Древней Руси необходимо признать: а) закрепление деления всей досоветской исторической науки на два этапа: дворянский и буржуазный; б) выделение двух основных направлений в характеристике властных отношений – охранительского и либерально-буржуазного, тесным образом связанных с классовым содержанием исторической науки; в) характеристика этих направлений как реакционных.

Еще один (отрицательный) итог – отсутствие сколько-нибудь полной характеристики властной проблематики в трудах советских ученых, посвященных истории Древней и Средневековой Руси. В эти годы были сделаны только самые первые шаги в этом направлении. Так, И.У. Будовниц в своей характеристике творчества М.Д. Приселкова не только отметил, что тот «сумел дать широкую и живописную картину междукняжеских отношений на Руси»⁵⁶, но и указал, что взгляды Приселкова на зависимость государственной власти Древней Руси от Византии разделяют В.В. Мавродин и Д.С. Лихачев, хотя, по его представлениям, «ни в одном русском источнике (...) нет и намек на то, будто империя посягала на политическую самостоятельность Руси»⁵⁷.

В.Т. Пашуто в рамках критики «буржуазных концепций» дал историографический обзор тех сочинений русских историков-эмигрантов, в которых затрагивалась проблематика государственной власти в Древней Руси. М.В. Шахматова советский историк критиковал за то, что тот, выделив два «начала» власти («начало соборности» и «начало единоличной княжеской власти»), не стал

рассматривать вопрос: «Чьи общественные и классовые интересы они выражали?»⁵⁸. Для Д.М. Оudinца, выделявшего не начала, а «три струи» (право церковное, право княжое и право земское), автор подготовил целый набор вопросов: «В чем суть “земского” права, почему оно противоречит княжому и в каком отношении находится с церковным»⁵⁹. Признавая, что Г.В. Вернадский «единственный из авторов, который попытался умозрительные заключения (...) подчинить источникам», В.Т. Пашуто отметил, что теория Вернадского о «трех элементах власти» (монархическом, аристократическом и демократическом) представляет собой продолжение взглядов М.А. Дьяконова 50-летней давности⁶⁰. Главный же недостаток теории Вернадского автор видел в том, что тот «игнорирует классовую природу элементов власти»⁶¹.

1970-е – 1980-е годы XX в. стали качественно новым этапом в историографическом осмыслении интересующей нас проблематики. Его отделяет от предшествующих лет сразу несколько характерных черт. Во-первых, в это время вышли новые авторские курсы и учебники по историографии. В них оценки, свойственные предшествующему этапу, были приглушены, появились новые суждения, частично и не явно, но восстанавливалась историографическая традиция XIX – начала XX в. Во-вторых, появились крупные историографические работы, посвященные выдающимся отечественным историкам С.М. Соловьеву и В.О. Ключевскому. В-третьих, полемика о формах организации государственной власти в Древней Руси, начавшаяся в этот период в советской историографии, привела к тому, что из печати вышли первые историографические обзоры, посвященные непосредственно характеру властных отношений в Древней и Средневековой Руси в оценке историков прошлого.

Две из трех книг, посвященных общим проблемам историографии, имели характер авторских курсов. Предмет их в значительной степени совпадает, поскольку одна из них посвящена русской историографии XVIII в., а вторая доведена до начала века XIX⁶². При всей несхожести в изложении взглядов историков XVIII в. [С.Л. Пештич более традиционен в своих марксистских (классовых) оценках, А.Л. Шапиро опирается на традиции историографии XIX в., что особенно заметно при характеристике М.М. Щербатова⁶³] авторов объединяет общий подход к так называемой дворянской историографии, выразившийся в желании найти «противоречия» в творчестве каждого из его представителей. Такие противоречия в характеристике властных отношений Древней Руси С.Л. Пештич находит у М.М. Щербатова⁶⁴, а А.Л. Шапиро – у И.Н. Болтина⁶⁵. Сближает их и поиск прогрессивных черт в историографии XVIII в. («рационализм» Татищева у Шапиро, «историзм» Болтина у Пеш-

тича), и стремление обозначить «сквозные» идеи в характеристике государственно-политической сферы Древней Руси, свойственные как XVIII, так и XIX в.

В 1982 г. вышла вторая часть учебника по отечественной историографии, посвященная на этот раз советскому периоду. Однако тематика властных отношений в Древней и Средневековой Руси в этом учебнике практически не отражена, если не считать нескольких общих фраз, отсылающих читателя к работам Б.Д. Грекова (он «раскрывал процесс образования государственности в связи со складыванием ее социально-экономической основы, развитием княжеско-боярского землевладения, с возникновением классов»⁶⁶); В.В. Мавродина, в работах которого широко отражены «процессы возникновения древнерусской государственности»⁶⁷; Л.В. Черепнина, который «пришел к выводу, что развитие крепостничества было не только следствием, но и предпосылкой государственной централизации»⁶⁸.

Если учебники и учебные курсы отражали, главным образом, достижения предыдущего этапа в развитии историографии, то в ряде статей и монографий были подняты совершенно новые историографические проблемы. В их числе – столь существенные для нашей темы вопросы о характере власти в Древней Руси. Так, в коллективной монографии «Советская историография Киевской Руси» один параграф был посвящен взглядам советских ученых на «развитие древнерусской государственности»⁶⁹. Автор разделил советский период историографии на два этапа. Первый – 1930-е – 1940-е годы, когда изучением властных отношений занимались главным образом Б.Д. Греков и С.В. Юшков, причем именно последний «впервые рассмотрел государство и государственные институты Киевской Руси с позиций марксистского учения о формациях»⁷⁰. Автор отметил полемику по вопросу о вече, в которой Б.Д. Греков «подчеркивал демократический характер веча», а С.В. Юшков и М.Н. Тихомиров считали, что оно было «органом господствующего класса»⁷¹. Указано было и на утрату интереса к теме властных отношений в Древней Руси в советской историографии 1950-х годы. Возобновление изучения государственно-властной проблематики (а соответственно и начало второго этапа) он отнес к 1960-м годам. Автор связывал это с появлением работ Б.А. Рыбакова, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнина⁷².

Тогда же, в конце 1970-х годов, в историографическом обзоре, написанном совместно В.Д. Назаровым, В.Т. Пашуто и Л.В. Черепниным, было высказано мнение, что концепция коллективного сюзеренитета, сторонниками которой были три указанных выше автора, «нашла свое признание» в советской исторической литературе последних лет⁷³.

Ответом на это заявление стала статья И.Я. Фроянова, посвященная историографии властных отношений в Древней Руси, но рассмотренных в одной плоскости. Автора интересовало, как историки прошлого оценивали роль и значение городских общин в организации власти в Древней Руси. И.Я. Фроянов отметил, что со второй половины XIX в. и до конца 70-х годов XX в. можно выделить три этапа в изучении историографии властных отношений. Первый – с появления книги В.Д. Беляева «Рассказы из русской истории» в 1865 г. и до 1917 г. По мнению И.Я. Фроянова, основное направление в работах историков этого периода выражала концепция, «согласно которой город, бывший центром городской волости, являл собой особое государственное образование, схожее с городами-государствами античности»⁷⁴. После 1917 г. эта точка зрения была подвергнута критике, как не соответствующая теории развития феодальных отношений в Древней Руси. Последними историками, относящимися к этой, угасающей в XX в. традиции, Фроянов считал М.Н. Покровского и А.Н. Насонова⁷⁵.

Второй период – советская историография с 1920-х и до конца 1950-х годов. Начиная с трудов С.В. Юшкова и Б.Д. Грекова, города характеризуются лишь «как составная часть феодальных производственных отношений», а властные отношения изучаются только как отношения между князьями. В результате «города на Руси приобретают в умах историков значение центров феодального владения»⁷⁶. Третий же этап в изучении властных отношений в Древней Руси, по Фроянову, связан с отторжением «грековской» традиции целым рядом историков в 1970-х годах.

Эта статья, а также другие выступления И.Я. Фроянова и его последователей, вызвали ответ А.П. Новосельцева в докладе на Чтениях памяти В.Т. Пашуто. В этом докладе автор обозначил в качестве главной черты всей «дореволюционной историографии» то, что она «исходила при изучении возникновения и развития древнерусской государственности прежде всего из деятельности древнерусских князей, которые объявлялись и создателями Древнерусского государства»⁷⁷. Взгляды И.Я. Фроянова докладчик подверг резкой критике за то, что тот, «по сути дела, низвел Древнюю Русь до уровня родоплеменных объединений периода военной демократии»⁷⁸. В завершение доклада А.П. Новосельцев предложил продолжить изучение «генезиса древнерусской государственности» в двух аспектах: а) «исследовать генетические истоки древнерусской государственности, восходящие (...) к глубокой древности», а для этого провести исследование всех зарубежных письменных источников в сравнении с археологическим материалом; б) исследовать «собственно русские источники о раннем этапе древнерусской государственности»⁷⁹.

Продолжением полемики стала первая глава монографии И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко «Города-государства Древней Руси», посвященная историографическим проблемам властных отношений. В этой главе, названной «К истории вопроса», авторы привели мнения историков и правоведов второй половины XIX в. (В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского, Н.И. Костомарова, В.В. Пассека, Д.Я. Самоквасова), в трудах которых термин «город» синонимичен таким понятиям, как «община», «земля», «волость», поскольку городская община, по мнению данных авторов, представляла собой универсальную единицу в системе властных отношений Древней Руси⁸⁰. Авторы утверждали, что в творчестве В.О. Ключевского город приобрел «системообразующее значение»⁸¹, а замечание М.В. Владимирского-Буданова о «вечевом государстве» характеризовалось ими как «интересное и ценное»⁸². Авторы отметили также интерес к волости-государству у историков начала XX в. С.А. Корфа и А.Е. Преснякова.

Историографический анализ работ упомянутых выше авторов привел И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко к выводу, что представители самых разных школ и направлений в русской дореволюционной науке «сошлись в одном единственном моменте: толковании древнерусского города как общинного союза, наделенного правительственными функциями»⁸³. Из числа историков советского периода авторы рассмотрели взгляды С.В. Юшкова, Б.Д. Грекова М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова, отметив, что каждый из этих ученых отказывался признавать за городом значение самостоятельного властного центра. По мнению авторов, применительно к ситуации конца 1980-х годов можно говорить о том, что «несмотря на успехи советских историков в изучении городов Древней Руси, проблема города-волости (города-государства) оставалась вне поля зрения современных исследователей»⁸⁴.

Несколько страниц своей книги «Древняя Русь» посвятил историографии вопроса о политической форме Древнерусского государства XI–XIII вв. П.П. Толочко. Он пришел к выводу о существовании двух основных мнений, постоянно воспроизводимых историками XIX–XX вв. Одно из них связано с идеей государственного единства Древней Руси IX–XI вв. Другое базируется на представлении об изначальном федеративном устройстве древнерусского государства. П.П. Толочко считает, что, несмотря на упорную борьбу этих двух направлений, взгляд на Древнюю Русь как на централизованное государственное государство в XIX в. все же доминирует. Он находит этому объяснение в характере письменных источников. «Слишком уж красочно, – пишет он, – отразили древние летописцы круговорот княжеской борьбы. Поверхностное

знакомство с их свидетельствами действительно создает впечатление нарастающего политического распада государства, дробления целого на независимые части»⁸⁵.

А.В. Петров в первой специальной историографической работе, посвященной изучению властных отношений в Древней Руси в советской исторической науке 1970-х годов, назвал «главнейшими вопросами истории княжеской власти на Руси X–XII вв.» вопросы «о ее социальной природе» и «о политическом статусе» князя⁸⁶. В ответах на эти вопросы ясно просматриваются, по его мнению, три направления. Первое из них – это продолжение концепции раннефеодального государства Б.Д. Грекова в трудах Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто, Б.А. Рыбакова, О.М. Рапова, В.Л. Янина. Суть этого направления представлена следующим тезисом: «князь-монарх правил совместно с боярской думой – советом крупных феодалов...»⁸⁷. Оппонентами этого главного направления выступили В.И. Горемыкина (по мнению которой «древнерусские князья X–XI вв. охраняли классовые привилегии не феодалов, а рабовладельцев») и И.Я. Фроянов, утверждающий, что «древнерусские князья выражали интересы не только знати, но и всего свободного люда в целом»⁸⁸.

В работах, посвященных выдающимся отечественным историкам С.М. Соловьеву и В.О. Ключевскому, также была затронута проблема властных отношений в Древней Руси, хотя занимала она скорее периферийное место по отношению к другим, более интересующим авторов вопросам. В. Е. Иллерицкий отметил, что «в центре внимания» С.М. Соловьева во многих его работах находились «взаимоотношения между князьями единого рода». Автор объяснил это взглядами С.М. Соловьева на народ и его роль в истории, в соответствии с которыми «народные массы – сила консервативная и инертная, они не могут быть субъектом истории, а являются ее объектом»⁸⁹. При этом В.Е. Иллерицкий отметил «сильную сторону» исторической концепции С.М. Соловьева в сфере власти: он «стремился проследить развитие государственных отношений, показать, что они утверждались в результате борьбы противоречивых начал – старых, родовых отношений между князьями Рюрика дома и новых, государственных, начиная с единовластия [Андрея Боголюбского]. С этим была связана и борьба «старых» вечевых порядков с «новыми», княжескими, служившими опорой единодержавия»⁹⁰. «Слабыми сторонами» концепции С.М. Соловьева В.Е. Иллерицкий считал «отрицание решающего значения социально-экономических факторов» и непонимание роли народных масс в истории⁹¹.

По сути, о том же писал и Л.В. Черепнин, отмечая, что «история (в трудах С.М. Соловьева. – К.С.) представлялась в перевернутом

виде», поскольку «политическая надстройка приобрела самодовлеющее значение». «Достижением» С.М. Соловьева называл Черепнин его отказ от «тезиса дворянской историографии об исконности на Руси самодержавия и попытку исторически рассмотреть формирование государства»⁹². Гораздо более строг Л. В. Черепнин в оценке воззрений на властную сферу В.О. Ключевского. Этот историк, по мнению автора, «неверно изображал социально-экономические предпосылки создания государства на Руси, неправильно приписывал крупную роль в формировании государства деятельности пришлых варяжских дружин»⁹³.

М.В. Нечкина, в свою очередь, отметила, что взгляды В.О. Ключевского на властную сферу Древней Руси представляли собой продолжение и блестящую популяризацию воззрений С.М. Соловьева. «Надо подивиться, – писала она, – как удалось Ключевскому в полторы сотни (...) страниц спрессовать в отчетливый, легкий, остроумный рассказ целые тома истории Соловьева и выделить ведущие мысли о переходном периоде от родовых отношений к государственным, определить разницу между родовым очередным порядком владения Русской землей всем родом сообща, с «очередным» перемещением владеющего рода по княжеским столам – и удельными порядками, разрушившими родовую очередность. (...) Остроумное, а подчас и афористическое повествование об угасании государственности и “одичании” князей держало внимание читателя в напряжении, но не могло объяснить ему сути процесса»⁹⁴.

Таким образом, в советской историографии 1960-х – первой половине 1980-х годов сохранялся в качестве главного классовый подход к характеристике воззрений историков XVIII–XIX вв. Но это не мешало исследователям приходиться к разным и подчас противоположным выводам о путях развития отечественной историографии властных отношений Древней и Средневековой Руси. Историки, занятые проблемами общей историографии, а также сторонники концепции «коллективного сюзеренитета» сохраняли традиционные для советской историографии первой половины XX в. схемы, в соответствии с которыми «дворянская» и «буржуазная» историографические концепции оказывались в итоге реакционными и устаревшими. И.Я. Фроянов и его ученики отказались от понятий «прогрессивности» и «реакционности» в характеристике взглядов историков прошлого и выдвинули на первый взгляд проблему изучения властных отношений в Древней Руси с позиций «вертикальной» (княжеской) или же горизонтальной (вечевой) легитимности.

Кроме того, существенным достижением данного этапа стало изучение исторических воззрений историков, работавших в

1920-е – 1970-е годы, что позволило увидеть разнообразие подходов в оценке властных отношений в Древней Руси, представленных в трудах историков, относившихся к единому (внешне) направлению марксистской исторической мысли.

- ¹ Подробно см.: *Соловьев К.А.* Изучение проблематики властных отношений в Древней и Средневековой Руси (IX–XIV вв.) в российской историографии XIX – начала XX в. // Политическая история России. Сборник статей, посвященный памяти В.Д. Павлова. М., 2007. С. 6–24.
- ² Г.Д. Алексеева видит объяснение этому в том, что на данном этапе развития исторической науки «история государства стала изучаться как создание и развитие структур государственного аппарата, как акции органов государственной власти в отрыве от историко-правовых проблем» // *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX в. М., 1997. С. 36.
- ³ Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 84, 85.
- ⁴ *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 1. С. 74.
- ⁵ Там же. С. 76.
- ⁶ «Все эти юристы, одни более, другие менее, стоят на той точке зрения, что юридические нормы (...) есть нечто вечное, оно изменению не подлежит, и когда юрист приступает к истории – для него вся задача заключается в том, чтобы описать применение этих норм» // Там же. С. 75.
- ⁷ См.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие). М., 1987. С. 30, 33.
- ⁸ Русская историческая литература в классовом освещении. Сборник статей. М., 1927. Т. 1; М., Т. 2. 1930.
- ⁹ Там же. Т. 1. С. 42.
- ¹⁰ Там же. С. 158, 160, 161.
- ¹¹ Там же. С. 225.
- ¹² Там же. Т. 2. С. 64.
- ¹³ *Пионтковский С.А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 17.
- ¹⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
- ¹⁶ Там же. С. 74
- ¹⁷ См.: *Милюков П.А.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 115.
- ¹⁸ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. С. 133.
- ¹⁹ Там же. С. 147.
- ²⁰ Там же. С. 229.
- ²¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Современное состояние русской истории, как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 64 и 75.
- ²² «Историческая схема Погодина принадлежит (...) теории официальной народности с ее фактическим подчинением народности государству. (...) в истории России народ выступает на сцену лишь один раз, чтобы призвать князя, передачей функции власти государству исчерпывается его историческая роль» // Там же. С. 264, 265.
- ²³ Там же. С. 332.
- ²⁴ Там же. С. 279.
- ²⁵ Там же. С. 430.
- ²⁶ Там же. С. 519.

- ²⁷ Там же. С. 529.
- ²⁸ Там же. С. 566.
- ²⁹ *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX в. М., 1957. С. 11.
- ³⁰ Там же. С. 143.
- ³¹ Там же. С. 182.
- ³² Там же. С. 201, 223.
- ³³ Там же. С. 243.
- ³⁴ *Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 166.
- ³⁵ Там же. С. 203.
- ³⁶ Там же. С. 225, 226.
- ³⁷ Там же. С. 235.
- ³⁸ Там же. С. 387, 391.
- ³⁹ Там же. С. 437, 438.
- ⁴⁰ Там же. С. 447.
- ⁴¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1; М., 1960. Т. 2; М., 1963. Т. 3.
- ⁴² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. С. 189.
- ⁴³ Там же. С. 210, 283, 327.
- ⁴⁴ Там же. Т. 2. С. 84.
- ⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 287.
- ⁴⁶ Там же. С. 352.
- ⁴⁷ Там же. С. 345.
- ⁴⁸ Там же. Т. 2. С. 122.
- ⁴⁹ Там же. С. 89.
- ⁵⁰ Там же. С. 88.
- ⁵¹ Там же. С. 135.
- ⁵² Там же. Т. 3. С. 311, 312.
- ⁵³ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971. С. 384.
- ⁵⁴ Там же. С. 361.
- ⁵⁵ Там же. С. 369.
- ⁵⁶ *Будовиц И.У.* Об исторических построениях М.Д. Приселкова // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 199.
- ⁵⁷ Там же. С. 207.
- ⁵⁸ *Пауто В.Т.* О мнимой соборности в Древней Руси // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 163.
- ⁵⁹ Там же. С. 168.
- ⁶⁰ Там же. С. 169, 206.
- ⁶¹ Там же. С. 172.
- ⁶² *Пешич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1971; *Шаниро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVII в. Л., 1982.
- ⁶³ «[Щербатов] был первым историком, поставившим вопрос, почему в качестве наследников киевских князей выступали не их сыновья, а братья» // *Шаниро А.Л.* Указ. соч. С. 187.
- ⁶⁴ «Щербатов (...) в целях защиты самодержавно-крепостнического строя в новых исторических условиях вынужден был привлекать и использовать буржуазные европейские теории. (...) Это приспособление просветительской доктрины к феодальной идеологии не ограничивалось заимствованием одной фразеологии, как это принято думать, но распространялось, в какой-то степени и на содержание общественно-политических взглядов и представлений Щербатова» // *Пешич С.Л.* Указ. соч. С. 41.

- ⁶⁵ «...солидаризируясь с дворянско-абсолютистской концепцией русской истории, Болтин допускал некоторые противоречия, когда переходил к конкретной характеристике политического устройства древней Руси. (...) Болтин не позволял себе игнорировать факты в угоду концепции, но не отбрасывал концепцию, противоречащую фактам» // *Шапиро А.Л.* Указ. соч. С. 199.
- ⁶⁶ *Историография истории СССР. Эпоха социализма.* М., 1982. С. 126.
- ⁶⁷ Там же. С. 149.
- ⁶⁸ Там же. С. 207.
- ⁶⁹ Развитие древнерусской государственности в XI – первой половине XIII в. // *Советская историография Киевской Руси.* М., 1978. С. 142–151 (автор И.П. Шаскольский).
- ⁷⁰ Там же. С. 143.
- ⁷¹ Там же. С. 144, 145.
- ⁷² Там же. С. 145, 146.
- ⁷³ *Назаров В.Д., Пацуто В.Т., Черепнин Л.В.* Новое в исследовании истории нашей родины. М., 1978. С. 25.
- ⁷⁴ *Фроянов И.Я.* К вопросу о городах-государствах в Киевской Руси (историографические и историко-социологические предпосылки) // *Город и государство в древних обществах.* Л., 1982. С. 136.
- ⁷⁵ Там же. С. 137.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Новосельцев А.П.* Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // *Древнерусские государства на территории СССР.* 1985. М., 1986. С. 36.
- ⁷⁸ Там же. С. 38.
- ⁷⁹ Там же. С. 39.
- ⁸⁰ *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 8–10.
- ⁸¹ Там же. С. 10.
- ⁸² Там же. С. 11.
- ⁸³ Там же. С. 12.
- ⁸⁴ Там же. С. 14.
- ⁸⁵ *Толочко П.П.* Древняя Русь Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 215.
- ⁸⁶ *Петров А.В.* Княжеская власть на Руси X–XII вв. в новейшей отечественной историографии (1970–1980) // *Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7: Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии.* Л., 1983. С. 83.
- ⁸⁷ Там же. С. 84.
- ⁸⁸ Там же. С. 85, 86.
- ⁸⁹ *Иллерицкий В.Е.* С.М. Соловьев. М., 1980. С. 110.
- ⁹⁰ Там же. С. 112.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 32.
- ⁹³ Там же. С. 87.
- ⁹⁴ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 442.

Е.П. Титков

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЕПИСКОПА ДАМАСКИНА:
ОПЫТ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СИМФОНИИ**

После многих десятилетий замалчивания наше общество востребовало материалы из жизни политических, церковных, общественных деятелей, проводивших линию, альтернативную революционным демократам и либералам прошлых времен. И это понятно: их мысли и действия, не отличаясь революционной яростью и непримиримостью, были весьма весомыми в жизни государства, функционировании его социальных институтов. Именно такие люди, при естественной их скромности в самооценках, а отнюдь не одержимые революционной идеологией демократы и левые либералы, сыграли важную роль в жизни многих поколений простых людей России. И теперь, после того как угас послереволюционный порыв спровоцированных масс, опыт мыслительной и практической деятельности этих уравновешенных, ответственных перед соотечественниками людей должен служить образцом для строителей России XXI столетия.

В число образцов для активного гражданина нынешнего и будущего времен можно, вне сомнения, взять образ и подвижнический труд церковного иерарха эпохи Екатерины Великой Дмитрия Семенова-Руднева (Дамаскина – в монашестве), ректора Московской духовной академии, епископа Нижегородского, члена Российской академии наук.

Его жизненный и творческий путь удивительно органично объединил в себе такие непохожие этапы, как воспитание и образование в традициях православной культуры, долгая учеба в передовом Геттингенском университете, преподавание, научная и проповедническая деятельность в просветительском духе, церковно-административная работа в сложной своей поликонфессиональностью Нижегородско-Алатырской епархии. На самом деле это не удивительно, ибо в жизненном пути Дамаскина отразилась сложная и противоречивая судьба всей страны, пытавшейся во второй половине XVIII в. одновременно догнать Запад и сохранить свою – выстраданную и кровью оплаченную – уникальность.

Так сложилось, что вся жизнь Дамаскина оказалась связанной со сферой образования. Именно здесь он добился наибольших успехов как педагог и как администратор. Поэтому нам кажется правомерным рассмотреть феномен Дамаскина как мыслителя и активного исторического деятеля в контексте эволюции отечественной образованности.

Характеризуя положение в отечественном образовании века Просвещения, нужно отметить взаимодействие в нем двух важнейших направлений развития: активной «вестернизации» и стремления к сохранению и возрождению русско-византийской традиции. Следует кратко охарактеризовать динамику этого взаимодействия.

Важнейшим фактором вестернизации русской культуры в XVII в. традиционно считается просветительская деятельность Киево-Могилянской академии. Около 100 лет выпускники этого церковного учебного заведения составляли элиту православного духовенства – в первую очередь и более всего – в России. Однако отдельные явления, выражавшие тенденцию к вестернизации непосредственно великорусского пространства, фиксируются с начала XVII в., а масштабное развитие образованности, построенной на сочетании обеих тенденций, началось в Московском государстве уже при Алексее Михайловиче и часто в оппозиции киевлянам.

Первой ласточкой стало создание скриптория Андреевского монастыря для перевода «разных полезных церкви книг». Эта община по мнению некоторых исследователей состояла из московских и западно-русских ученых монахов, не разделявших принципы организации и преподавания ориентированной на иезуитские коллегии Киево-Могилянской академии. Они стремились развить традиции книжности Киево-Печерской лавры.

Напротив, активно пропагандировал современную европейскую традицию выпускник Могилянской академии Симеон Полоцкий (1629–1689). Деятельность Симеона стала одной из причин формирования целого направления в отечественной культуре XVII в. – движения «латинствующих», к которому относились Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Юрий Крижанич.

Важным этапом в развитии российской культуры явились 80-е годы XVII в. **Главным событием этого периода стало создание первого высшего учебного заведения в Москве.** В учебную программу Славяно-греко-латинской академии входили науки гражданские и духовные, начиная от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, «философии разумительной, естественной и нравной», до «богословии, учащей вещей божественных и совести очищения...»¹. Источники ясно свидетельствуют о том, что царь Федор, создавая первую в России высшую школу, думал регенерировать угасавшую повсеместно греко-византийскую ученую традицию².

Реформаторско-эволюционный путь перестройки российской культуры был отброшен, когда на царском троне укрепился Петр Алексеевич. Время его деятельности – ничто иное, как особый этап в развитии отечественной культуры. Его действия были уже не ре-

формой, а подлинной революцией и по кардинальности нововведений, и по их сжатым во времени темпам.

В советской исторической науке, как нам кажется, недостаточно обращалось внимания на то, что в процессе петровской вестернизации, наряду со светскими сподвижниками Петра большую, а может быть и решающую роль сыграли те люди, которые рекрутировались правительством Петра I из духовенства, в первую очередь – среди вестернизированной его части, обученной и воспитанной в Киево-Могилянской академии. Как заметил один из специалистов (Луиттер³), «могилянские» богословы провели реформу церковно-просветительских учреждений⁴, поставив их на службу преобразованного в Империю российского государства.

В целом секуляризационная линия, инспирированная Петром Великим и изложенная Феофаном Прокоповичем, была господствующей на протяжении большей части XVIII в., хотя на протяжении этого времени происходили немаловажные ее модификации.

Следующий этап российской вестернизации был связан с некоторыми структурными изменениями в системе православной церкви и ее взаимоотношений с императорскими политическими и управленческими учреждениями. Центр церковно-православной образованности перемещается из Киева в Москву, в Московскую академию. Динамика российского церковного просвещения оказалась связанной с деятельностью ряда выпускников Московской академии. Среди них – Дмитрий Сеченов (1709–1767), Гавриил Петров (1730–1801), Платон Левшин (1737–1812), Дмитрий Руднев (Дамаскин) (1737–1794) и др.

Особенность этого этапа заключалась в возрождении интереса к русско-византийской традиции, особенно проявившегося в творчестве и организаторской деятельности Платона Левшина, а также в создании на ее базе системы так называемого живого богословия, в первую очередь – Тихоном Задонским. Во второй половине XVIII в. русское духовенство приступает к синтезу достижений современной европейской и русской средневековой культуры.

С Платоном и его сподвижниками был тесно связан главный герой нашего исследования Дмитрий Семенов-Руднев (Дамаскин). При Гаврииле Петрове он начал свою преподавательскую карьеру и, возможно, был его учеником. А к самому Платону, своему однокурснику, будущий нижегородский епископ относился как к старшему и более ученому собрату.

Заметим, что верхушка русского духовенства второй половины XVIII в., к которой принадлежал Дамаскин, обладала специфическим социальным положением. По своему происхождению это в большинстве своем был демократический слой, ощущавший свою

близость народу. В то же время преподаватели академий и иерархи были по службе связаны с императорским двором. Это нашло отражение в их творчестве, в котором судьбы близких им и окружавших их тесно связывались с процветанием Российской империи.

Обращаясь к творческому пути самого Дамаскина, необходимо охарактеризовать его предпосылки, заложенные в годы учебы нашего героя сначала в отечественной «духовной» школе, а затем – в Геттингене.

Дамаскин обучался в Крутицкой семинарии, затем – в Славяно-греко-латинской академии, после которой вернулся в родную семинарию преподавателем риторики и греческого языка. Кратко охарактеризуем содержание духовного образования.

Учащиеся церковных учебных заведений, наряду с богословскими (теологическими) дисциплинами, изучали грамматику российскую, логику, арифметику, геометрию, «физику с краткой метафизикой». Их обучали также музыке, искусству стихосложения. Много внимания уделялось языкам. Из новых – немецкому и французскому. Из древних – латинскому, греческому (церковному и современному), древнееврейскому. В XVIII в. приоритет латыни был неоспорим, хотя были попытки возродить весьма развитое в XVII в. преподавание греческого⁵. Характерно, что учащихся духовных академий «приучали» к активному восприятию законов государственной жизни, включали их в поле политической жизни Российской империи: им вменялось в обязанность изучать трактат Самуэля Пуфендорфа о политике (в кратком изложении)⁶. В целом учащийся мог получить основательные знания по циклу «гуманитарных» дисциплин, а также нечто скромное по естественным наукам.

Эта специфика образования пришлась в Геттингене очень кстати, и Дмитрий Семенов-Руднев произвел впечатление на немецких профессоров в первую очередь как филолог и историк.

В Геттингене он выполнил ряд научных работ. Во-первых, перевел на немецкий язык отрывки из «Повести временных лет»⁷, трактат Феофана Прокоповича «Об исхождении Святого Духа»⁸, причем в трактат им была включена собственная глава «О порче книг притязаемо от латинян грекам...»⁹ и, наконец, «Orthodoxa doctrina...» Платона Левшина. Все эти переводы были опубликованы.

Кроме того, он написал по материалам геттингенской библиотеки самостоятельную диссертацию «О следах славянского языка в писателях греческих и латинских»¹⁰. Способному студенту была оказана большая честь: его приняли «товарищем и корреспондентом» в существовавший при университете институт исторических наук. Геттинген подарил ему дружбу со многими профессорами, связь с которыми он поддерживал на протяжении всей жизни.

При этом Дмитрий Руднев активно восполнял пробелы в своем образовании, изучая языки, специальные правовые (в том числе «право естественное и народное»), исторические, богословские, а также естественно-научные дисциплины, не преподававшиеся в России.

Приняв через два года после возвращения на Родину (1775) монашество, Дамаскин разворачивает широкомасштабную преподавательскую, научную, просветительскую деятельность. Будучи профессором, префектом, а затем и ректором Московской академии, он читал курсы философии, отдельный курс истории философии (впервые в истории российского образования), а также курс богословия. За его авторством выходят интересные тезисы для философских диспутов. В эти же годы под руководством Дамаскина выпускаются собрания сочинений М.В. Ломоносова и Платона Левшина, причем научный уровень этих изданий был превзойден только к середине следующего века. Наконец, именно к этому времени относится создание и опубликование (1783) Дамаскиным цикла проповедей, отразивших основные аспекты его мировоззрения.

Подытоживая эти факты биографии Дамаскина, нельзя не обратить внимание на то, что его фундаментальное конфессиональное образование оказалось достаточным для успешной работы в лучшем из просветительских университетов Европы. Это значит, что русские семинарии и академии в принципе были способны не только дать хорошую гуманитарную подготовку, но и воспитать адекватное эпохе мировоззрение, позволявшее осваивать новые знания и ценности не в ущерб традиционной религиозности. И действительно, ниже мы увидим, как Дамаскин реализовал эти возможности духовной школы в Нижегородской епархии.

Поскольку именно в период работы в Московской академии Дамаскин написал свои основные мировоззренческие произведения, нам следует подробно остановиться на их анализе, прежде чем переходить к следующему – нижегородскому – периоду его деятельности.

В 1783 г. Дамаскин подготовил к изданию два тома проповедей и «слов», первый и единственный из которых был в том же году издан в университетской типографии. Выход проповедей в свет был связан с переводом Дамаскина из Москвы в Севскую епархию, главой которой он стал в 1782-м. Нельзя не согласиться с биографами Дамаскина, что, издавая проповеди, он подводил итоги московского периода своей деятельности.

Этика Дамаскина основана на весьма оптимистическом понимании природы человека, раскрытом в проповеди «О чаянии будущей жизни». Дамаскин не поднимает вопроса о греховной сущности

человека и оценивает его не только вслед за умеренными просветителями как «отменное и преудивительное дело рук Творческих», «пречудливую тварь». Он разделяет и деистски окрашенный материалистический подход, когда пишет о человеке как о «хитро составленной махине»¹¹. Иными словами, епископ не прибегает к собственно богословской характеристике человека, ограничиваясь лишь констатацией сотворенного характера человеческой природы, следуя современным ему научно-философским воззрениям.

Например, он сопоставляет бытийное положение человека и животного, формулируя тезис о биологической неприспособленности человека к условиям среды. Оказывается, что «все прочие животные в рассуждении здешнего удовольствия и спокойствия гораздо больше имеют выгоды и преимущества, нежели человек»¹². Далее мыслитель утверждает социокультурную сущность человека: «Человек требует великого попечения, чтобы сделаться человеком», «укрепить свои силы» и «изощрить свои способности». Однако инкультурация мыслится по-просветительски узко – в рамках собственно воспитательно-образовательного процесса – и связывается не с социальным, а с эсхатологическим пониманием предназначения человека. Так, Дамаскин пишет, что, не обладая соответствующим воспитанием и образованием, человек имеет лишь вид человеческий, но человеком в его «божественном предназначении не будет, как то доказывают очевидные примеры между зверьми воспитанных людей»¹³. Главное качество, которое формирует просвещение – это интеллектуально-волевая мирооткрытость: просвещенный человек обладает «беспредельностью мыслей» и «неограниченностью пожеланий». Но мирооткрытость имеет трансцендентную направленность, происходя от того, что «человек производится на свет не для здешнего (мира), ... для него, благороднейшей твари, маловажного и недостаточного, но для по ту сторону жизни назначенного ему удовольствия и спокойствия»¹⁴. Для Левшина, кстати, «неограниченность стремлений» вообще была доказательством бытия потустороннего мира, и Дамаскин демонстрирует определенное единомыслие со своим бывшим одноклассником.

Взятый как член общества, человек является гражданином. Раскрытие этого понятия имеет для Дамаскина ключевое значение в построении социальной этики. Поэтому и проповеди, посвященные проблеме определения прав и обязанностей гражданина, помещены в сборнике прежде всех остальных.

Патриотизм, «любовь к Отечеству» утверждается Дамаскином как «первейшая и главнейшая всякого гражданина добродетель»¹⁵. Однако Отечество понимается вовсе не как некая абстракция: это ни нация, ни государство, ни область распространения определен-

ной религии. Он пишет, что «едино человеколюбие есть подлинно источник любви к Отечеству»¹⁶. В данном случае просветительское человеколюбие не отличается по существу от христианской любви к ближнему. Дамаскин демонстрирует принципиальное совпадение двух источников своего мировоззрения: православия и просвещения.

Такое понимание гражданской деятельности конкретизируется мыслителем в рассуждениях о роли просвещения в формировании истинно гражданских ориентаций. Дамаскин строит антитезу: «неграмотный», «простонародный» «сын Отечества» сопоставляется с «образованным гражданином». Первый любит стихийно, то, «близ чего находится». Второй же «любит своего согражданина не для того только, что он той же с ним земли, тогож народа, тогож Отечества, но что такой человек, каков и он»¹⁷. Традиционная риторика любви к ближнему была облечена епископом в просвещенческие тона. Дамаскин здесь ориентирует общество изначально гуманистически – оно существует ради каждого своего члена, а не наоборот.

Далее мыслитель раскрывает понимание гражданина через те цели, которые последний преследует в обществе. «Истинный любитель Отечества ни чем иным управляем не бывает как просвещенною любовию блага. Внутрь сердца его горит чистейший и беспорочный огонь усердия ко всякому человеку... Он во всяком смертном почитает неуничтожимыя права человечества, и о всякого гражданина щастии радуется». «Просвещенный гражданин старается благоволить всякому человеку, какого бы он общества ни был... Когда же примечает в себе неспособность к благотворению всякому человеку, тогда крушится, сетует, печалится...»¹⁸. В этом отрывке гуманистическая ориентация деятельности гражданина выражена очень сильно, и в ней вновь проявляется отчетливое христианское звучание. Разделяя просвещенческие идеалы свободы и равенства людей, Дамаскин вовсе не разделяет их индивидуалистическую составляющую. Автономность личности мыслится только в постоянном благоденствии ближнему. Это альтруистический, а не прагматический индивидуализм.

«Човеколюбие» выступает как целевая характеристика гражданской деятельности, процессуальную же мыслитель определяет как «справедливость или правосудие»: «Все, что ни происходит от человеколюбия, основывается на справедливости или правосудии. Правосудной гражданин, будучи беспристрастен, просвещен, благоразумен, хотя наблюдает только пользу своего отечества; однако не уменьшает благоденствия и другого народа, ниже нарушает права другого общества»¹⁹. В этом отрывке оба понятия употребляются не только и не столько в юридическом, сколько в более широком, общеэтическом смысле. Правосудие здесь – не сфера юстиции, а

скорее способность гражданина к справедливой, соответствующей истинному положению дел оценке людей и их поступков.

Вследствие генетического первенства «человеколюбия» перед «справедливостью» для Дамаскина решающую роль играют не юридические, а морально-нравственные мотивы гражданской деятельности, из которых основными он считает три: добродетель, добросовестность, благонравие²⁰.

Тем не менее собственно права гражданства Дамаскин полагает естественными и неуничтожимыми²¹, и на этом основании утверждает равенство граждан. Он исходит из того, что «справедливость» (очевидно – не в правовом, значении) «представляет нам, что мы по природе все равны..., все из одинаковых рождаемся людей, одинаковый имеем состав, одним и тем же подвержены бываем болезням, бедам и радостям...»²². В соответствии с этим дается следующее определение понятия «гражданин». Гражданин – это «человек в одном с другими обществе живущий, какого бы он полу и состояния не был... Все сии суть граждане: все одним и тем же обязательствами правам подвержены. Все должны каждое свое действие управлять к достижению одного всеобщего конца, то есть как внутреннего, так и внешнего спокойствия...»²³. Гражданское равенство понимается Дамаскином телеологически. Хотя его цель и не выводится за рамки общества и истории (внутреннее и внешнее спокойствие), она не распадается и на сугубо личностные цели. Во взглядах Дамаскина присутствует здравая и содержательная диалектика личности и общества.

Именно эта общая цель выступает причиной добровольного заключения общественного договора. Продолжая тот же фрагмент, Дамаскин пишет: «Для него (спокойствия. – *Е.Т.*) сошлись мы в общежитие: утвердили себя взаимными правами, ограничили себя законами, для него подвергли себя добровольно правлению других наших сограждан ... для него должны и они хранить также обязательства и права, ибо им оно также нужно, как и каждому последнему гражданину»²⁴. Здесь главной целью договора выступает безопасность (спокойствие).

Мыслитель разделяет представление об абсолютно свободном «естественном человеке». Он пишет: «Хотя свобода и независимость от других каждому человеку по природе и первобытному состоянию свойственна, однако, благоразумный гражданин ведаёт совершенно, что люди, сошедшиеся в общежитие, добровольно от оной отказались и взаимным отношением друг к другу себя обязали»²⁵. При этом у Дамаскина, в отличие от Платона Левшина нет как однозначно отрицательной оценки «естественного состояния», так и однозначно положительной – общественного.

Механизм образования властных структур основывается на принципе представительства: «Известно, что не можно тому стать-ся, чтобы все общество составляющие люди при случае каждого важного дела созываемы были в одно место и всякой свой голос подавал. Для того согласились все между собой избрать из всего народа известных особ, которые бы вместо всех общественные отправляли дела... Им препоручена власть издавать законы, подати налагать, набирать войска, войну вести... Все делать, что тому попечение, которое попечение на них возложено, есть полезно»²⁶.

Здесь очень важно то, что Дамаскин не упоминает ни одного другого источника власти, кроме народного избрания. Идеи богоустановленности институтов власти и богоизбранности властных особ не находят здесь отражения.

В этом же отрывке формулируются основные функции государственной власти: законодательная, фискальная и оборонительная. В остальных проповедях Дамаскин гораздо больше говорит о просветительской, хозяйственной и благотворительной функциях. Однако оба взгляда сочетаются без серьезных противоречий.

О факторах, направляющих развитие общества, Дамаскин рассуждает в проповеди «О поправлении народного характера». Переменной, показывающей прогресс или деградацию общества, Дамаскин считает состояние «народного характера», определяемого следующим образом: «...отменные признаки, через которые один (народ) от другого отличается». Они проявляются «не только в рассудке и умствовании, но и в склонностях..., и в добродетелях, и в пороках», а также «во всем внешнем виде и поступках»²⁷.

Вслед за Монтескье и его последователями Дамаскин выделяет три группы факторов, влияющих на народный характер: 1) «климат», «качество воздуха», «местонахождение страны расселения»; 2) «воспитание» и «обращение с людьми»; 3) «систему правительств». Но в отличие от сторонников «географического детерминизма», главную роль Дамаскин отводит просвещению: «Ныне все почти ученые люди согласны, что возвышение и удобрение сил душевных или просвещение разума в целом народе происходит от распространения препознанных наук и художеств»²⁸. Этим мыслитель подчеркивает активный, деятельностный характер человека и общества, их способность творить свою историю вопреки природным предпосылкам. Подкрепляя свои мысли, Дамаскин приводит примеры Германии, Греции и России. Он спрашивает: почему благоприятный греческий климат в древности породил высокую эллинскую культуру, а в его времена никак не влияет на «дикие» нравы «турок»? И почему суровый климат варварской в эпоху Рима Германии не мешает ей сейчас быть одним из центров европейского

просвещения? Ну и, наконец, разве климат, а не петровские реформы изменили русскую культуру? Исходя из всего этого, Дамаскин делает вывод о гораздо меньшей значимости природно-климатических условий, нежели просвещения для развития общества²⁹.

Но эта мысль важна для Дамаскина не только сама по себе. Она выступает основанием для того, чтобы потребовать просвещения всего русского народа: «Почему весьма не справедливо, да и бесчеловечно некоторые политики умствуют, что простого народа или нижнего состояния людей просвещать не надобно? Они, де, так покорны не будут и управлять, де, ими трудно. Напрасно, говорю, так думают. Ибо откуда непокорность ныне? Откуда бунт и мятеж? Откуда человекоубийство и похищения чужих имений? Не от невежества ли и непросвещения?»³⁰.

Именно просвещение в первую очередь нужно для достижения социального мира. «Просвещенный человек», «хотя и видит, что власть в руках имеющие поступают беззаконно... никогда союзником с беспокойнейшими и развратнейшими людьми быть не похочет. Дикой же, и в варварстве возросший человек, не имеет мягкосердия, а получа случай к освобождению себя от утеснения, всегда грубейшие и бесчеловечнейшие к тому употребляет средства»³¹.

Еще одним фактором стабильного развития общества является религия: «К нему (просвещению), однако, знатных людей примеры и самая лучшая религия присовокуплены быть должны». «Как бы не оказывал Государь примерным себя, токмо без религии ничего не успеет. Через нее только и сами государи важны, и законы их сильны, и просвещение безопасно»³². Как может религия сама по себе обуславливать действенность власти, права и просвещения? Неужели это проповедь теократии?

Ответ возможен только один: религия мыслится Дамаскином не как абстрактный социокультурный институт, а непосредственно связанной с богом. Но выше, при разборе механизма действия общественного договора, мы отмечали лишь один источник суверенитета – волю народа. Однако здесь Дамаскин недвусмысленно вводит второй источник. Причем его понимание специфично для методологии мыслителя. Таким источником является не сам Бог, а представляющий его социокультурный институт – религия (почему Дамаскин и пишет ее с прописной буквы). Область собственно мистических отношений с Богом остается в стороне. Именно поэтому Дамаскин говорит о множестве религий, часть из которых он считает ложными, а часть – недостаточными. Подробно мыслитель останавливается на деизме или так называемой натуральной религии. «Натуральная Религия» «недовольна ни ко успокоению совести, ни ко обузданию жестоковыйных людей. Для того не было еще на

свете, да и ныне нет ни одного народа, который бы чистую только с другими несмешанную натуральную Религию имел. Понеже она для малопонятных умов очень высока и трудна; для распускных и бессовестных несильна и неважна; да и для самых правителей общества и министров их недостаточна. Ибо ею управлять разнопонятных разноравных народов не можно»³³. Главный недостаток «натуральной религии» для Дамаскина – не в ее возможной ложности, а в ее нефункциональности. Наилучшей же религией он, конечно, провозглашает православие.

Исходя из такого видения источников социального развития, Дамаскин предлагает свой вариант социальной стратификации. В его проповедях есть несколько отличающихся вариантов структурирования общества. Наиболее полные из них таковы:

1. «...правитель ли, или управляемый, духовный ли, или светский, военный ли, или приказной, купец или мастеровой человек, земледелец или свинопас...»³⁴.

2. «...духовные особы, светские власти, градоначальники, воины, купцы, мастеровые люди, хлебопашцы и скотоводцы»³⁵.

В обоих вариантах Дамаскин не следует существующему сословному делению. В основу его стратификации положен исключительно род занятий. Он позволяет проповеднику осуществлять скрытую критику непримиримых сословных противоречий тогдашней России. Не находя в своей концепции места дворянству и крепостному крестьянству, проповедник показывает необоснованность их существования как неравноправных сословий.

В некоторых местах Дамаскин выделяет и другие социальные слои. Так, однажды он именно в значении социальной группы говорит об «ученых людях», будущей интеллигенции: «Ученый человек должен оспаривать и истреблять из своего общества вреднейшие предрассуждения, или мысли свои и старание употреблять на полезнейшие изобретения; и предлагать их обществу самым понятным образом»³⁶.

В той же проповеди Дамаскин откровенно признает и имущественную дифференциацию: «Бедной и нищий должен, сколько сил у него есть, услуживать другим своими трудами, и тем снискивать себе довольное пропитание, а богатый должен излишества своего богатства употреблять на вспоможение бедным и беспомощным»³⁷. Здесь епископ не предлагает никаких иных способов борьбы с бедностью, кроме благотворительности. Однако само требование частичного перераспределения доходов полярных социальных слоев уже довольно существенно.

У Дамаскина можно найти различные способы объяснения причин социальной дифференциации. В одном и том же фрагменте он

сначала утверждает, что определяющую роль играют «особливые себе силы, склонности и способности», т.е. личностные особенности, а затем вводит представление о тройственной внешней детерминации социального положения личности: «к званию» определяют человека «и Бог, и природа, и правительство»³⁸. Мыслитель таким образом достаточно объективно смотрит на положение личности, одновременно активной и автономной, но в то же время мистически, социально и биологически детерминированной.

Функциональная стратификация общества связана у Дамаскина с его традиционной органистической трактовкой: «...гражданское общество изрядно уподобляется человеческому телу», где «каждая часть имеет определенное место» и «не может изменить своего места без повреждения целого тела»³⁹. Органицизм и функционализм выступают у Дамаскина как одно из оснований нерушимости социального мира. Однако решающую роль в его обосновании играет, конечно же, идея «общего блага»⁴⁰.

Подытоживая анализ социально-этической концепции Дамаскина, отметим, что его взгляды на общество носят несомненно гуманистический характер, проявляющийся в признании изначального равенства и автономии всех людей, а также в ориентации общественной жизни на достижение благополучия каждого.

Идеи Дамаскина пронизаны здоровым патриотизмом. Он понимает Отечество не как некую надличностную силу, а как ориентированное на сотрудничество и взаимопомощь (не на конкуренцию!) гражданское общество.

Дамаскин проявляет склонность к синтезу христианских и просветительских идей на основе первых. Он практически всегда формулирует только такие идеи, которые фундированы и в христианском мировоззрении и в просветительской философии. Это касается в первую очередь понимания самой человеческой индивидуальности, которая по существу раскрывается Дамаскином исходя из христианской трактовки общества. Гражданин Дамаскина по своему содержанию – евангельский «ближний». Теория естественного права и гражданского общества органично укладывается нашим героем на фундамент христианских ценностей и тем самым утрачивает свой индивидуалистический крен. Дамаскин осуществляет ее этическое, а не юридическое, как это было на Западе, развитие.

Подобным образом епископ пересматривает и европейское понятие просвещения. Он также считает его главной движущей силой развития общества, но в понимании просвещения Дамаскином очень силен традиционный религиозный заряд, часто отсутствующий в западных концепциях. Это наводит на мысль о том, что именно кон-

фессиональная система образования выдвинулась мыслителю наиболее соответствующей нуждам страны.

Наконец, Дамаскин создает достаточно демократическую концепцию социального мира, предполагающую отказ от сословного неравенства и частичное перераспределение доходов в пользу немущих. Эта концепция также немислима в рамках только европейской социальной мысли, вне христианских инвектив.

Представления Дамаскина о просвещении как о главном средстве решения сословных противоречий тогдашней России не могли не найти воплощения в его деятельности на Нижегородской кафедре.

Именной Указ о назначении Дамаскина епископом был подписан 22 сентября 1783 г., а уже 26 ноября нового владыку встречали нижегородцы. Дамаскин застал в епархии сложную ситуацию, связанную в первую очередь, с существованием больших старообрядческих общин, а также с необходимостью просвещения недавно крещенного нерусского населения. К тому времени в Нижнем Новгороде существовала достаточно крупная семинария, насчитывавшая почти полувековую историю, которой подчинялись новые и менее значительные учебные заведения в Алатыре, Саранске, Курмыше, Лыскове⁴¹. Результатом деятельности Дамаскина стало открытие еще трех – в Арзамасе, Ардатове и Починках, а также подготовка к открытию гимназии в Мурашкине⁴². В епархии Дамаскина сложилась, таким образом, целая система конфессиональных учебных заведений, которой как раз в это время пришлось взаимодействовать с создаваемой по указу 1782 г. светской системой образования.

Сами условия России конца XVIII в. не позволяли даже говорить о конкуренции этих систем. Дело в том, что реализация планов императрицы в центре и на местах зависела от ряда условий: наличия средств (денег – в первую очередь), подготовки кадров, методического обеспечения (планы, учебные материалы), наконец, печатных книг. Естественно, что во всех этих вопросах была «задействована» церковно-православная иерархия России.

Большинство кандидатов в переподаватели «народной школы» были «рекрутированы» из семинарий. На местах эта кадровая зависимость мирских народных школ от кадров из церковной сферы образования еще заметнее. Кое-где (например, в Лыскове⁴³) существовал некоторое время своеобразный симбиоз церковных гимназий и народных светских школ (училищ). Вообще следует подчеркнуть, что сравнительно развитая система духовных учебных заведений была донором для различных светских образовательных нужд (в том числе – медицинских)⁴⁴.

Дамаскин не только не жалел кадров и средств на светские учебные заведения, но и ориентировал духовные гимназии на обучение

по новому методу. В 1790 г. он ставит вопрос о всеобщем распространении новых методических приемов: «...по всем почти городам, даже и в некоторых общих (т.е. обширных, больших. – *Е.Т.*) селах заведены гимназии и училища и определены в них учителя, обучившиеся в семинарии и знающие новый метод учения...»⁴⁵. Поэтому все «отцы» из священно- и церковнослужителей должны отдавать обучать детей своих русской грамоте не иначе как только «в оныя гимназии и училища...». Если кто так не будет делать, то их дети «не получают никакого церковнического места». Светская и духовная школа оказывались практически единым организмом.

Помощь церкви облегчала также бремя правительственных расходов на мирские школы. Эту мысль косвенно подтверждает неудача екатерининского правительства в сборе пожертвований на народные школы. В большинстве мест жертвователи, мягко выражаясь, щедростью не отличались. Подробно связанный со сбором денег на народное образование материал был изучен С.В. Рождественским⁴⁶. Всего в Нижегородской губернии собрано было в 1786 г. 1510 руб. Для сравнения сообщим, что самыми щедрыми оказались тверичи – 77 398 руб. (они превзошли даже Петербург). Ярославль, Вятка, Пенза собрали более 10 тыс. руб. каждый⁴⁷. Тем не менее в Н.Новгороде светское Главное народное училище было открыто в 1787 г.⁴⁸

На возникающий вопрос о причинах холодности нижегородцев к созданию народных училищ ответ может быть, по нашему мнению, такой: система церковных заведений была адекватна общественным потребностям данного времени.

И действительно, мы имеем большое количество подтверждений высокого качества образовательного процесса, по крайней мере, в нижегородской семинарии. Некоторые этапы этого процесса становились благодаря Дамаскину культурными событиями общегородского масштаба. В сочинении архимандрита Макария, например, есть такие слова: «Доселе помнят в Нижегородской епархии о тех семинарских диспутах, которые бывали при Дамаскине»⁴⁹.

Для нижегородцев эти диспуты были большим событием, и память о них сохранилась спустя полвека после отъезда епископа из города. Мы имеем счастливую возможность восстановить облик этих диспутов благодаря самому Дамаскину, в свое время приказавшему записать весь ход одного из них, состоявшегося 30 июня 1788 г.⁵⁰ Стараниями работников Нижегородского областного архива для нас и потомков сохранился этот интереснейший документ – «отчет».

Структура диспута включала в себя как богословскую, так и философскую проблематику, а также большое количество риторического материала мировоззренческого характера. Собственно

в рукописи полно представлен лишь этот риторический материал, вопросы к богословскому диспуту лишь перечислены, а к философскому – не указаны вовсе. Последнее объясняется скорее всего тем, что Дамаскин использовал московские материалы, изданные в 1776 и 1777 гг. Поэтому имеет смысл проанализировать и их, чтобы уточнить наше представление о содержании образования в нижегородской семинарии.

Однако начнем с материалов рукописи. Наибольший интерес среди них представляет «Ода о плодах наук», пространно рассказывающая о значении каждой науки для жизни человека.

Вполне в рамках социально-этической доктрины Дамаскина плоды науки не остаются в сфере знания ради знания, а привносятся в повседневную жизнь и даже в труд земледельца:

*...В обильные поля плодами,
Дабы переменился луг,
Наука бодрыми трудами
Снимала Земледельцу плуг⁵¹.*

«Ода о плодах наук» явилась подлинным гимном человеческому разуму. Это примечательно само по себе, но не менее знаменательно другое: в тексте нет слов «Бог», «Божественное Провидение», ссылок на «всемогущество Божие» и т.п. Впрочем, творческая сила создателя – в русле деистического движения мысли великого века просвещения – признавалась учениками Дамаскина:

*Природного ума лучами
Открыв Творца, Вселенной нам,
Прямыми философ стезями
Ко счастью течет во храм,
Существ несходство понимая,
В союз творений проникая,
Их знает бытия конец
Его наука есть блаженство,
Прямое в жизни совершенство.
Светило мысли, вождь сердец»⁵².*

И далее:

*«...Ко украшению смертных рода
Снизшла невинная свобода;
Повеял тих отряд Зефир,
Явилась истина святая (подчеркнуто мною. – Е.Т.),
Мятеж, раздоры низлагая.
Повсюду водворился мир»⁵³.*

Наука и философия представляются в этих фрагментах средствами достижения счастья, эвдемонии, того самого общего блага, о

котором так много писал Дамаскин. И здесь он продолжает древнюю традицию в понимании философии, заложенную еще Аристотелем и активно развивавшуюся в философии Нового времени – как рационалистической, так и сенсуалистической. Однако теологическое звучание первого фрагмента заставляет предпочесть именно рационалистический источник этих идей. Такое понимание философии находит полное соответствие в тезисах 1776 г.⁵⁴

Однако, разделяя рационалистическое понимание предмета философии, Дамаскин не склонен отрицать основные положения сенсуализма и придерживается именно их в тезисах 1776 г.:

1 (тезис пятый) «нет ничего в разуме, чего бы прежде не было бы в чувствах. Отсюда следует, что врожденные понятия суть только некоторых философов выдумки». Выпад против картезианской метафизики здесь очевиден.

2 (тезис шестой) «А самым верховным из всех наших рассуждений признано есть оное Аристотелевское предложение: не может стать, чтобы тоже в одно время и было, и не было». Тезис этот Дамаскин полагает справедливым лишь при признании достоверности сенсуально воспринимаемой действительности и пишет: «Как вещи вне нас находящиеся, так и самые чувства, посредством которых мы себе оные представляем, имеют подлинно свое бытие и если всеми к представлению принадлежностями снабжены бывають, то никогда нас не обманывают, ниже обмануть могут»⁵⁵.

Дамаскин в этих тезисах отсекает как субъективно идеалистическое развитие сенсуализма, так и крайности рационализма, вроде теории врожденных идей. При этом в тезисах 1776 г. он сводит и рационалистическое понимание философии, и сенсуалистическую теорию познания к учению Аристотеля, действительно являющегося родоначальником обеих традиций в европейской мысли.

Возможно, мы имеем дело с некоей попыткой решения противоречия рационализма и сенсуализма, когда эти подходы релятивизировались и применялись к разным ареалам проблемного поля философии.

Так или иначе публичные диспуты поднимали самые острые проблемы европейской философской мысли, вводили в эту проблематику достаточно широкий круг слушателей. А это значит, что собственно семинарское преподавание философии и светских наук должно было быть еще более глубоким и актуальным. Учитывая традиционную широту и длительность гуманитарной подготовки в духовной семинарии, мы можем сделать вывод, что нижегородская семинария при Дамаскине стала учебным заведением не среднего, а повышенного уровня. Это косвенно подтверждается переходом многих семинаристов в Московский университет (а для этого

требовался высокий образовательный уровень), а также занятием выпускниками семинарии мест в светской администрации в случае отказа от принятия священства.

Епископ лично следил за положением дел не только в нижегородской семинарии, но контролировал всю систему духовного образования своей епархии, часто решая личные проблемы семинаристов и преподавателей. Тем самым он демонстрировал верность своей социально-этической концепции, основанной на принципе помощи ближнему.

Однако завершить реализацию своей образовательной программы Дамаскину не позволила политическая конъюнктура. Французская революция привела к резкому похолоданию политического климата страны, и «епископ-геттингенец» пал жертвой интриги. Формальные поводы для снятия Дамаскина с кафедры не имели отношения к его мировоззрению, но в личной переписке митрополит Гавриил достаточно откровенно предложил ему оставить «германские бредни», «толпившиеся в его голове», и приняться за исполнение обетов православных иноков, в частности, удалиться на 40 дней в какой-либо монастырь для особой молитвы и поста⁵⁶.

В 1794 г. Дамаскин вернулся в Преображенский монастырь, где когда-то начинал свою преподавательскую деятельность, и в том же году скончался.

Пожалуй, именно с приездом Дамаскина в 1783 г. в нижегородский край приходит просвещение как специфический культурный феномен. Но и с его уходом костер просветительских идей и интересов, разожженный им на волжском берегу, не потух, а с каждым годом разгорался все ярче. В созданной Дамаскином и его сотрудниками культурной атмосфере развились таланты беллетриста и историка Якова Орлова (1775–1819), знаменитого механика И.П. Кулибина (1735–1818), а опосредованно – Н.А. Добролюбова и Н.И. Лобачевского.

Завершая наш краткий обзор жизни и творчества Дамаскина, нельзя не обратить внимание на цельность, органичность его мировоззрения и его деятельности. Очевидно, что предпосылки этого были заложены еще в годы ученичества и студенчества. И в этом смысле Дамаскин представляет собой уникальный тип образованного человека, характерный для России XVIII в. Он соединяет в себе и византийскую, и просветительскую традиции. Причем знакомиться с идеалами просвещения он начинает еще в семинарии, а проблемами обоснования православия занимается и в Геттингене. Взаимодействие православия и просветительства во взглядах Дамаскина было изначальным и присутствовало всегда. Эти два источника его творчества не только не противоречили один другому: без

их синтеза христианский гуманизм Дамаскина был бы нереален. Да и невозможно было тогда быть патриотом России, не способствуя усвоению достижений европейской культуры.

Результат мировоззренческого синтеза – понимание гражданина как ближнего – позволяет мыслителю избежать индивидуализма в понимании общественных отношений и построить концепцию патриотически ориентированного гражданского общества, основанного на принципах сотрудничества и взаимопомощи, а не конкуренции. В таком обществе, конечно, не могло быть места сословному неравноправию.

Стержнем и средством создания такого общества для Дамаскина было широко понимаемое просвещение, невозможное без религиозной составляющей. И он на протяжении всей своей жизни не жалел сил и средств для создания адекватной потребностям страны системы образования, ориентированной на достижения европейской философии и науки и в то же время – на удержание традиционной системы ценностей, заданной православием и русско-византийской традицией философской мысли.

Наиболее полно эта программа была осуществлена Дамаскиным в нижегородском крае, где под его руководством была создана высокоэффективная, фактически двуединая образовательная система духовной и светской школы, ставшая основой быстрого культурного роста нижегородчины в следующем столетии. Верность его установок и успешность организационной деятельности продемонстрировало и то, что даже после отъезда своего создателя и в условиях политической реакции интеллектуальная атмосфера края не стала беднее, а напротив – вышла на новый уровень развития.

В целом епископа Дамаскина следует охарактеризовать как умеренного деятеля и теоретика демократического крыла российского Просвещения, органично сочетавшего в своих взглядах христианский и просвещенческий гуманизм, представления о народном суверенитете и приверженность монархической государственности, интеллектуальную мирооткрытость и верность идеалам патриотизма.

¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13, кн. VII. М.: Мысль, 1991. С. 245.

² В советской историографии сложилась несколько иная точка зрения на характер образовательной политики Федора, согласно которой первоначальный замысел Академии отличался от его реального воплощения. Окружение Федора стремилось создать учебное заведение по европейскому образцу, однако великорусская иерархия свела дело к созданию высшего учебного заведения духовного профиля.

³ *Lewitter L.R.* Peter the Great, Poland and the Westernization of Russia// *Journal of the History of Ideas*. №19 (1958). P. 494, 495.

- ⁴ Как известно, «цифирные» школы» полностью исчерпали свои возможности к 1714 г., похоронив надежды на всеобщее светское образование. Лишь церковные (преимущественно – архиерейские, позднее – они развивались в приходские) сумели сохраниться после смерти Петра Великого и стали основой образовательной системы России в XVIII в. (во всяком случае до реформ Екатерины II).
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т. VI. № 3708. Наладить преподавание греческого удалось лишь в 80–90-е годы. XVIII в. благодаря усилиям митрополита Платона (Левшина).
- ⁶ Речь идет о его трактате «О должностях человека и гражданина».
- ⁷ *Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 107.
- ⁸ Theophnis Procopowiszs, archiepiscopi Novogrodensis, Tractatus de processione Spiritus Sancti. Nunc primum editus. Gothae. MDCCCLXXH (1772).
- ⁹ *Болховитинов Е.* Указ. соч. С. 109.
- ¹⁰ К сожалению, подлинный текст этой диссертации до нас не дошел.
- ¹¹ Проповеди святейшего правительствующего Синода конторы члена, ставропигального второклассного Заиконоспасского училища монастыря архимандрита и Московской Славяно-греко-латинской Академии ректора Дамаскина в бытность его в московской Академии сперва префектом, потом ректором в высокотооржественные и другие дни говоренные с 1775 по 1782 гг. Иждивением Н.Новикова и Компании. В Москве, в университетской типографии, у Новикова, 1783 год. С. 116. (Далее – Проповеди...).
- ¹² Проповеди... С. 117.
- ¹³ Там же. С. 119.
- ¹⁴ Там же. С. 122.
- ¹⁵ Там же. С. 3.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Там же. С. 4, 6, 8.
- ¹⁸ Там же. С. 11, 13.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Там же. С. 20.
- ²¹ Там же. С. 12.
- ²² Там же. С. 42.
- ²³ Там же. С. 24.
- ²⁴ Там же. С. 25.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 43, 44.
- ²⁷ Там же. С. 68, 69.
- ²⁸ Там же. С. 71, 72.
- ²⁹ Там же. С. 71.
- ³⁰ Там же. С. 73.
- ³¹ Там же. С. 75.
- ³² Там же. С. 76–77.
- ³³ Там же. С. 72.
- ³⁴ Там же. С. 24.
- ³⁵ Там же. С. 44.
- ³⁶ Там же. С. 108.
- ³⁷ Там же. С. 109.
- ³⁸ Там же. С. 108.
- ³⁹ Там же. С. 106.
- ⁴⁰ «Благоразумный гражданин» «почитает повиноваться» властям «за необходимую свою должность и хотя бы они тиранское над обществом имели правление,

хотя бы угнетали и разоряли его», «понеже спокойное и безмятежное состояние общества почитает он гораздо большим добром, нежели междоусобную брань» // Там же. С. 106.

⁴¹ Центральный государственный исторический архив (далее – ЦГИА). Ф. 796. Оп. 74. Д. 567. Л. 92.

⁴² Там же. Оп. 71. Д. 418. Л. 162–165.

⁴³ Распоряжение «о совокуплении» гимназии и училища было подписано Дамаскином 3 июля 1788 г. Дамаскин оговаривался, что это временная мера «до присмотрения в училище учителя». «Совокупным» учителем «по прибору» епископа стал Андрей Раевский. Об этом уже писалось ранее. См. также: *Кузнецова Л.М.* Дамаскин – просветитель земли Нижегородской // *Записки краеведов.* Н.Н., 1991. С. 57, 61.

⁴⁴ В 1786–1787 гг. имела быть переписка медицинской коллегии с Синодом о пополнении трех хирургических школ студентами из семинаристов в соответствующую разрядку попала и семинария Нижнего. ЦГИА. Ф. 796. Оп. 67. Д. 472. Л. 1, 7. О Нижнем Новгороде. Л. 15 об., 16 об., 17 об.

⁴⁵ Там же. Л. 59, 60, 61; и др.

⁴⁶ *Рождественский С.В.* Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. СПб, 1910. Т. I. С. 336, 352, 355; и др.

⁴⁷ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 66. Д. 154. Л. 50.

⁴⁸ Там же. Оп. 74. Д. 97. Л. 54–160.

⁴⁹ *Макарий.* История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о Нижегородских иерархах с 1672 по 1850 годы. СПб.: Изд. Н.Г. Овсянникова. 1857. С. 176.

⁵⁰ Государственный архив Нижегородской области. Ф.2013. Оп.102. Д.1450.

⁵¹ Там же. Оп. 602. Д. 1450. Л. 30 об.

⁵² Там же. Л. 30.

⁵³ Там же. Л. 30 об.

⁵⁴ *Дамаскин.* Положения философские из предуведомлений о философии, из логики и метафизики. М., Тип. Московского ун-та, 1776.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Макарий.* Указ. соч. С. 179, 180.

Л.А. Сидорова

СТИЛЬ ЖИЗНИ И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА ИСТОРИКОВ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В отечественной историографии накоплен значительный материал о научно-педагогической деятельности российских историков, их вкладе в развитие исторической мысли России. Вместе с тем повседневная жизнь историков – ее бытовые стороны, принятые в профессиональной сфере традиции и приемы работы – еще не получила достаточного освещения, тогда как она во многом определяла характер их исследовательской и преподавательской деятельности. Внимание к этой проблематике во многом обязано пробудившемуся в последнее десятилетие интересу к детальному воссозданию жиз-

108

ни общества и его отдельных групп, укреплению историко-антропологического подхода к изучению истории в целом.

Как жили и работали российские историки 100 лет назад, на рубеже XIX и XX в., **каковы были условия быта, личного и научного**, как они влияли на результаты профессиональной деятельности ученых – об этом пойдет речь в данной статье.

Занятия по профессии включали в себя, главным образом, преподавание в университетах и гимназиях. Большинство выпускников историко-филологических факультетов работали учителями, если не были оставлены при университетах для подготовки к профессорскому званию. Вот как рисовал 22-летний А.Е. Пресняков возможности карьерного роста историка: «Итак, на вопрос, что я такое, надо отвечать – будущий учитель, если и оставят при университете, то подготовка к магистратуре, потом доцентура»¹. Получение докторской степени и профессорства, а тем более кафедры предполагало длительные научные изыскания, преподавание и, что было чрезвычайно важным, благоприятный кадровый расклад.

Служба в архивах являлась еще одной сферой приложения сил историков. М.М. Богословский в статье, посвященной многолетнему хранителю «громадной и драгоценной сокровищницы древних документов» – Московского Архива Министерства Иностранных Дел С.А. Белокурову, называл своих коллег-архивистов «третьим видом историка» – «разыскателями»².

Профессиональные занятия служили для большинства историков основным источником доходов. Дореволюционная профессура не могла похвастаться сверхдостатком, тем более его не приносила исследовательская деятельность. «Ни магистерство, ни докторство, ни доцентура не составляют того, что мы зовем «положением», не дают обеспечения, – описывал реальные материальные перспективы А.Е. Пресняков и добавлял, – их практичность в рекламе – в большей легкости попадать в различные столичные учебные заведения. Вот что такое ученая карьера с ее житейской стороны»³.

Историков, имевших независимые от профессии средства для жизни, было мало. Среди, например, московских историков выделялся С.В. Бахрушин, происходивший из богатой семьи фабрикантов, владельцев доходных домов братьев Бахрушиных, известных своим меценатством, и С.Б. Веселовский, которому принадлежали имение под Москвой и доходный дом на Арбате.

Существенная разница в уровне жизни не могла не провоцировать известной напряженности в межличностном общении. С.Б. Веселовский в своем дневнике сетовал на то, что он «давно и постоянно испытывает тягостное чувство пустоты, расхолаживающее влияние этой тупой, эгоистической, плебейски-завистливой и прозаически

настроенной ученой братии». С.Б. Веселовского не покидала мысль о том, что его увлечение наукой и все его труды, на их взгляд, есть чудачество обеспеченного человека. «С.А. Белокуров мне не раз говорил, с грубым добродушием, присущим ему: вот чудак! Сидит в архиве, когда мог бы кататься на автомобилях, пить шампанское и путешествовать в теплых краях»⁴, – записал он 1 января 1916 г.

Думается, что С.Б. Веселовский, имевший среди коллег-историков и доброжелателей (через пять дней он писал в дневнике о поддержке своих научных занятий, которую оказывали ему А.И. Яковлев и С.В. Бахрушин, относившихся к нему, по собственному признанию, тепло и душевно⁵), мог несколько сгустить краски под влиянием настроения, особенностей характера, но, несомненно, подобного рода чувства во все времена были в природе человека.

Подавляющая часть профессуры жила на жалованье за преподавательский труд и гонорары за публикации. Поэтому историки вели занятия, как правило, не в одном учебном заведении. Даже профессора Московского и Петербургского университетов читали дополнительно лекции и проводили семинарские занятия на Высших женских курсах, в педагогических институтах, в университете Шанявского, приват-доценты совмещали преподавание в университете с работой в гимназиях и пр.

Работа гимназическим учителем иногда рассматривалась историками-профессионалами высшей квалификации не только как возможность приработка. Профессор П.Г. Виноградов свой опыт преподавания в 5-й московской гимназии использовал при подготовке учебника по древней истории⁶ и не только. По свидетельству А.Е. Преснякова, он обратил «сильное внимание на гимназии, решив готовить себе учеников из гимназии, и взял 5-ю гимназию, чтобы там с младших классов преподавать историю... Из этого большой толк быть может»⁷, – подытоживал Пресняков.

Студенты и магистранты старались поправить свои средства уроками, достать которые также было «более чем трудно». «Тут надо брать, что дадут, – латинский, греческий... Жаль, что Закона Божия не дадут – я бы его с увлечением преподавал и, ей-Богу, лучше наших попов. Так как я в сорочке родился – может быть, повезет и достану здесь уроков истории – авось слова Форстена не были обмолвкой...»⁸, – так в который раз студент Пресняков писал матери о прозе научной карьеры.

Уроки, конечно, осложняли процесс обучения, увеличивая и без того большую нагрузку. 11 августа 1908 г. студент Московского университета Н.М. Дружинин высказывал сомнения в своем дневнике: «Был в Университете и записался на экзамен. Удастся ли держать его? Или опять ярмо повседневной работы помешает при-

готовиться, вовремя повторить пройденный курс?»⁹. Эти опасения были не на пустом месте. 16 и 17 августа он снова делает записи: «...ни одного билета по римскому праву!.. Весь день – групповые уроки...»; «опять день. Сполна убитый на уроки, на группу, – и ни одного билета по римскому праву»¹⁰. В эти же дни он говорил о своей мечте – «устойчивом определенном заработке, относительно ничтожном, но постоянном»¹¹.

Преподавательская деятельность была насыщенной и оставляла мало времени на работу в архивах и библиотеках. Многие, получившие признание в университетской среде профессора, как, например, С.Ф. Платонов, мечтали об академическом статусе, который давал возможность сосредоточиться на исследовательской работе, освобождая от материальной необходимости набирать подчас непосильное количество учебных часов. Однако в общественном мнении степень напряженности труда историка часто недооценивалась. «Жаль, что я выбрал карьеру, которой приписывают характер “ничего неделания”»¹², – сетовал А.Е. Пресняков на взгляды со стороны.

Бытовая сторона жизни историков (не обязательно самых обеспеченных) описываемого периода, однако, не слишком препятствовала преподавательской и научной работе и не отбирала драгоценных часов на готовку, стирку, уборку и пр. Обязательное присутствие в доме прислуги, занятой этими делами, рассматривалось как нечто само собою разумеющееся. «Надо рассчитаться с прислугой. Напиши, сколько дать горничной (она и белье стирала) и дворнику»¹³, – спрашивал совета у матери А.Е. Пресняков.

Впрочем, большинство историков не относились к категории людей, особенно требовательных в отношении жизненных удобств. М.А. Дьяконов, благодаря С.Б. Веселовского за гостеприимное предложение устроить его в своей московской квартире (из-за предстоявших в Москве торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых и большого съезда к ним с разных сторон найти приют в гостиницах было проблематично), высказал в своем письме от 23 апреля 1913 г. опасение, что его присутствие в пустующей квартире могло оказаться неудобным за отсутствием в квартире прислуги. «Буде возможно будет воспользоваться услугами швейцара или его жены, или же дворника, то дело бы с самоваром легко устранить; а дальнейшего и не требуется»¹⁴, – писал он, демонстрируя одновременно полную бытовую непритязательность, но не допуская и мысли о том, чтобы самому управляться с самоваром.

Опыт жизни без прислуги нарушал привычный уклад, вносил в него сумятицу. К нему все чаще вынужденно прибегали в условиях послереволюционной (1917 г.) разрухи и Гражданской войны. «Моя прислуга уехала на несколько дней в деревню», – записал в своем

дневнике 9 декабря 1920 г. Ю.В. Готье. Результат оказался неутешительным: «Для начала сегодня вечером два с половиной часа ушло на всякую хозяйственную чепуху, и вечер оказался потерян. И так почти каждый день»¹⁵, – сетовал историк, принося научные занятия в жертву быту.

Как можно выяснить из переписки историков, зарабатывавшие средства позволяли вести достойную жизнь, принятую в профессорской среде, но не роскошествовать. Свободные десятки рублей, если таковые оказывались, имели назначение весьма существенное – покупку книг. Переписка А.Е. Преснякова, особенно лет учебы в университете, полна упоминаниями о финансовых затруднениях, вызванных приобретением научной литературы. «Зарвался я немного с книгами, это нехорошо, но что делать! Горбатого могила исправит. Больше не буду. Но ведь это насущная потребность. А в этом году я хоть и много купил, но в оправдание скажу – купил с большим выбором, вещи классические. Быть историком и не знать великих своей специальности неудобно»¹⁶, – писал студент Пресняков своей матери 11 апреля 1894 г.

Поход на знаменитый книжный развал у Сухаревой башни был реальной угрозой для семейного бюджета: приехавший в Москву из Петербурга С.Ф. Платонов сетовал, что он там книг «не покупал, а по лавкам не ходил. Рукописи – все раскольничьи служебные и стоят “синенькую”, “красенькую” – словом, приступу нет»¹⁷.

Бывали случаи, что научную литературу брали в кредит, постепенно возмещающая ее стоимость книгопродавцу. О таком эпизоде сообщал А.Е. Пресняков, рассказывая о покупке с рассрочкой 2-томного труда В.С. Иконникова «Опыт русской историографии»¹⁸. Книга на некоторое время оставила его, «благодаря библиомании», на безденежье – за нее Пресняков был должен 10 руб.¹⁹ Отчитываясь перед родителями в превышении бюджета, он в оправдание приводил слова своего учителя, С.Ф. Платонова, назвавшего эту книгу «не только необходимой, но просто неизбежной»²⁰.

Однако, как только финансовая сторона дела улучшилась, пополнение личной библиотеки было продолжено А.Е. Пресняковым с не меньшим энтузиазмом. Получив в университете 300 руб., он в письме матери так говорил о своих намерениях в отношении этих денег: «Я их, по всей вероятности, с вашего разрешения, ухлопаю на книги, потому что на те 100 р. удалось приобрести весьма незначительную часть того, что нужно. Это дьявольски дорогая вещь, особенно иностранные книги и издания!»²¹.

Библиофильский азарт и необходимость соразмерять его с финансовыми возможностями побуждали историков к поиску наиболее выгодных условий покупки книг, сведениями о которых они

обменивались между собой. Так, Г.В. Форстен рекомендовал своим младшим коллегам и ученикам получать иностранные книги через петербургский университет «по печатной цене, с 15% скидки и без цензуры», «с правом платить, когда вздумается в течение года (т.е. сводить счета к каждому январю)»²². «Это удобно, соблазнительно и прековарно»²³, – оценил эти преференции А.Е. Пресняков и не преминул ими воспользоваться.

Для оплаты научных изданий историкам приходилось искать благотворителей, поскольку «позволить себе такую роскошь», как самоиздание и самооплата, могли лишь единицы²⁴.

Неотъемлемой чертой научного быта рассматриваемого времени было составление собственной библиотеки, без которой не мыслил себя ни один историк-профессионал. Книжное собрание было, как правило, самым ценным из всего нажитого имущества. С.Ф. Платонов, ходатайствуя перед графом С.Д. Шереметевым о помощи В.С. Иконникову, писал: «До меня дошли слухи о болезни глаз у Владимира Степановича. Он должен оставить кое-какие работы и будет стеснен в средствах (!!). По скромности он ничего просить не будет; но мечтает, что казна купит его библиотеку (которую он ценит, говорят, в 30.000) и оставит ее ему в пользование до кончины. Нельзя ли, граф, помочь ему? Это ведь подвижник. Никто не заслуживает более внимания с высоты престола среди всех наших ученых»²⁵.

К подбору книг для своих собраний историки относились очень внимательно: «Разобравши свою библиотеку, я содержание ее одобрил. Надо продолжать в том же духе. Дребедени почти нет и козлица забрели случайно»²⁶, – писал А.Е. Пресняков. Такое же отношение к составу книжного собрания отражено и в дневнике С.Б. Веселовского в записи от 14(27) марта 1918 г.: «8-го купил у Гобермана за 650 р. библиотеку, если так можно назвать груды случайно сваливаемых много лет в одно место книг, и всю неделю разбирал их. Нашел много ценного для своей библиотеки, а остальное распродал. Надеюсь выручить затраченные деньги и получить несколько сот томов в свою библиотеку за труды»²⁷.

Надо заметить, что формирование личных библиотек не могли остановить даже чрезвычайные обстоятельства: в скудной обстановке последствий социальных потрясений С.Б. Веселовский, первый раз получив сразу значительную сумму денег (13,5 млн руб. жалованья в Московском университете за апрель 1922 г. и 75 млн руб. из КУБУ (Комиссия по улучшению быта ученых. – Л.С.), приобрел госиздатовских книг по истории революции на 4950 тыс. руб. Для сравнения приведем отдельные строки из списка расходов, специально включенного историком в свой дневник как характеристика

условий жизни. В них перечислены элементарные вещи, например: 1 пуд черной муки – 5 млн; 2 фунта сахарного песка – 2,2 млн; резиновые каблуки к туфлям – 1,2 млн; 2 куска простого мыла – 1,8 млн; 1 фунт монпасье для детей – 1,4 млн и т.п.)²⁸. Книжки также вошли в разряд предметов первой необходимости.

Книжные собрания требовали много места, зачастую заметно тесня другие вещи в комнатах историков. «Так как этот шкаф небольшой, то в него я уложил белье, а комод забил ненужными книгами. Ох, уж эти книги. Я просто подавлен ими»²⁹, – восклицал А.Е. Пресняков. Для личных библиотек составлялись каталоги, книги часто были снабжены экслибрисами³⁰.

Отношение к библиотеке было вообще очень серьезным. Ее обладатель думал не только о пополнении книжных полок, но и о сохранности собранных книг. Так, в годы Гражданской войны в этих целях С.Б. Веселовский половину своей библиотеки «сдал на сохранение В.М. Хвостову в Научный институт»³¹. Заботила историков и дальнейшая судьба личных собраний. А.Е. Пресняков писал своей жене в мае 1899 г.: «Если у нас несколько детей будет, я непременно составлю завещание о библиотеке, потому что это наследство духовное, а не материальное. Лучше жертвовать ее целиком на сторону, чем трепать ее как “наследство”»³².

Наличие научной библиотеки, как и собственного кабинета в квартире, воспринимались как норма, стандарт жизни интеллигенции тех лет. Вероятно, в немалой степени революции октября 1917 г., занявшейся, в том числе, уплотнением «буржуазных» квартир, мы обязаны подробным описаниям историков своих жилищных условий. «Сегодня я в последний раз пишу в своем кабинете, в котором работал пять лет», – записал в дневнике 21 марта 1918 г. Ю.В. Готье. Весь последующий день прошел у него в суматохе с переносом вещей в квартиру. «К вечеру более или менее убралась, имея уже не пять комнат, а три, и начали новую полупролетарскую жизнь. Жильцы въехали вечером; пока кажется, что будем ладить»³³, – читаем запись от 22 марта 1918 г. Через год пространство сузилось до 2-х комнат, в которых еле помещалась та часть имущества, которая была необходима семье историка для жизни. «Извольте при таких условиях заниматься и двигать науку, т.е. исполнять ту обязанность, которую с нас не снимают и большевики»³⁴, – восклицал Ю.В. Готье.

Работа в собственном кабинете, с использованием личной библиотеки была сама собою разумеющейся для историка рубежа XIX–XX вв. Вне их пределов научные занятия казались малопродуктивными. Находясь в Москве, 29 июня 1883 г. С.Ф. Платонов писал В.Г. Дружинину, что он много читает, но диссертацией не

занимается: не хотелось, да и неудобно для него было работать без собственной библиотеки³⁵.

Помимо кабинета, типовая квартира московской профессуры включала гостиную-столовую, спальню, детские и комнату для прислуги. К слову сказать, семьи историков, особенно по сегодняшним меркам, были достаточно велики: на иждивении главы семейства находились жена и в среднем трое-четверо детей. Наем квартиры был делом ответственным и хлопотным. При выборе жилья большое внимание уделялось не только его месторасположению и размерам. Жители крупных городов тех лет должны были принимать в расчет то, о чем мы, не мыслящие себя без центрального отопления и прочих удобств, уже не думаем: сдается квартира с дровами или без, есть ли чердак, на котором можно сушить белье, не сыро ли в доме и т.п.

Собственников жилья среди историков было немного. Существовали также служебные квартиры для профессуры, например, при Московском университете. Они располагались рядом с университетскими зданиями, в Шереметевском переулке (в советское время получившим имя известного историка середины XIX в. Т.Н. Грановского и статус улицы, в настоящее время – Романов переулок). Эти квартиры были спланированы по традициям той эпохи: просторные, с парадной (комнаты) и хозяйственной (кухня, комната для прислуги и пр.) сторонами, помещения которых выходили в два параллельных коридора, соединявшихся между собой и имевших, соответственно, два выхода – на улицу и во двор. Более состоятельные историки-москвичи могли позволить себе квартиры в новых доходных домах, оборудованных по последнему слову тогдашней инженерной мысли, аналогов современного элитного жилья. При необходимости переезда к нему приступали, по обыкновению, летом, во время дачного периода.

Традиция выбираться за город имела очень широкое распространение. Историки, как и другие дворянско-интеллигентские слои общества, стремились использовать летние вакации, чтобы отдохнуть на природе, отправиться в путешествие. Кстати, надо заметить, что Москва, Петербург и другие крупные города летом на стыке уже прошлого и позапрошлого веков с точки зрения экологии были далеко не безупречны. Отсутствие сегодняшней лавины автомобилей с их выхлопами в определенной мере компенсировалось дымящими заводскими трубами и «ароматами» гниющих бытовых отходов, ассенизационных повозок, пылью и пр. Поэтому «летнее «пременение естества»»³⁶, по выражению С.Ф. Платонова, несмотря на всю его хлопотность, выполнялось всеми, кто таковую возможность имел.

Историки переезжали на дачи, наемные и реже собственные, а иногда и в принадлежавшие им имения, как, например, С.Б. Веселовский. В своей Татариновке, в 50 верстах от Москвы по саратовскому (сегодня – павелецкому) направлению³⁷, он не только жил, но и организовал рентабельное хозяйство с огородом, различными службами и даже пасекой. Разумеется, всецело отдаваться отдыху не получалось: 3–4 дня в неделю Веселовский проводил в Москве, работая в архиве и участвуя в общественной деятельности. Однако выдавались дни, которые можно было всецело посвятить отдыху. «Лежу по целым дням на пчельнике или у себя на диване и читаю. Давно бы так! – Писал Веселовский своему коллеге А.И. Яковлеву. – Читаю в подлинниках римских историков и во французских переводах греческих. Для практики немецкого языка читаю с некоторым насильем Гейне и Лессинга»³⁸.

Круг чтения историков был невероятно широк и разнообразен. Он включал, помимо профессиональной литературы, русскую и зарубежную поэзию и прозу, драматургию, сочинения древних авторов, периодику и книжные новинки. Существовало обыкновение переписывать наиболее заинтересовавшие поэтические произведения. М.В. Нечкина, в то время студентка Казанского университета, отметила в своих подневных записях, что списывала «Кипарисовый ларец» И.Анненского и много думала об Анненском, записала ряд мыслей³⁹.

Чтение, прогулки, общение с домашними и друзьями заполняли летний досуг историков. Зимой к ним присоединялись посещение театров, выставок, концертов, визиты. Историки тех лет были самым непосредственным образом вовлечены в литературно-художественную жизнь обеих столиц. Театральные премьеры, новое в изобразительном искусстве живо их интересовало. Наиболее обеспеченные историки могли позволить себе абонировать театральную ложу. Ю.В. Готье 30 января 1918 г. фиксировал пресечение этой традиции: «Вчера попали в Большой театр – на один из последних спектаклей в абонементную ложу, которую все равно удержать будет нельзя; в царской ложе сидели торжествующие хамы из солдатских депутатов – гнусно и противно»⁴⁰.

Увлечение рисованием и музыкой было свойственно многим историкам рубежа XIX–XX вв. Художественным даром обладал С.В. Бахрушин, в молодые годы учившийся у В.Н. Мешкова, писавшего тогда в духе поздних передвижников. Художник уговаривал его оставить занятия исторической наукой и посвятить себя искусству⁴¹. На полях записей Бахрушина нередки зарисовки, точно передающие образы запечатленных лиц и ситуаций.

Любовь к музыке отличала, можно сказать без преувеличения, всех русских историков той поры. Исполнение фортепианных и скрипичных концертов было одной из составляющих вечеров, которые организовывались в их домах. Увлеченность музыкой выручала историков в сложных жизненных обстоятельствах, сложившихся после революционных потрясений начала XX в. П.Н. Милюков принимал участие в организованных им квартетах в России и в эмиграции, исполняя партию скрипки или альты⁴². С.Б. Веселовский приходил в гости к коллегам-историкам с нотами, чтобы играть на рояле. Они были у него и при аресте, которому он и остальные присутствовавшие на вечере у профессора Д.М. Петрушевского историки подверглись в сентябре 1919 г. (по счастью, всех вскоре освободили)⁴³.

Непременную и очень весомую часть как личного, так и профессионального быта историков составляли визиты, обеды, вечера и пр. О насыщенности этими мероприятиями их повседневности свидетельствует довольно парадоксальная запись, которую занесла в свой дневник 13 декабря 1905 г., в разгар Первой русской революции, Е.Я. Кизеветтер, жена историка А.А. Кизеветтера: «Революция одним хороша: не надо в гости ходить, и к нам гости не ходят. Так спокойно можно сидеть дома. Чувствуешь себя в безопасности, знаешь, что никто не явится»⁴⁴.

Значение частных визитов и вообще домашних собраний в широком смысле слова – обедов, музыкальных вечеров и т.п. – на рубеже XIX–XX столетий было даже бóльшим, чем в настоящее время. Помимо дружеского и профессионального общения, ценного в любые времена, они несли на себе огромную информационную нагрузку, выполняя задачу обмена новостями, поскольку уровень развития средств массовой информации и коммуникации (газеты, телефон, телеграф, почта) пока не соперничали с личностными контактами, а служили им.

Здесь уместно будет задержать внимание еще на одной очень важной стороне профессиональной и личной жизни людей тех лет, в том числе и историков – на культуре обмена письмами. Переписка наполняла их каждодневную жизнь, ее значение для старой московской профессуры не могло умалить даже появление более быстрых средств связи. Письма содержали не только конкретные сведения; заочные собеседники обменивались в них своими мыслями и побуждениями, делились планами и надеждами.

Встречи историков в домашней обстановке укрепляли их профессиональное сообщество. Поводом к ним служили выход книг, защита диссертаций, приезд коллег из других городов и т.д. «Собрания у меня, у Бахрушина, у Богословского»⁴⁵, – перечисляет

Ю.В. Готье встречи московских историков по поводу приезда в их город петербуржца С.Ф. Платонова. Собирались историки часто, испытывая простую потребность в общении с друзьями и единомышленниками в науке и жизни, ценность которого стала ощущаться обостренно в условиях советской России: «Вчера мы обедали с Любавским в тесном кругу, в квартире Веселовского; предложением было поднесение ему книг, а настоящей причиной – отвести душу, забыться хотя бы на один вечер»⁴⁶, – записал в своем дневнике в начале 1918 г. Ю.В. Готье.

Историки чтят свои профессиональные традиции и духовные устои общества. День Святой Татианы – основания Московского университета – выпускники не забывали никогда. Православные обряды и праздники историки «старой школы» соблюдали и в условиях насаждавшегося советским строем атеизма. «Удалось вспомнить старую масленицу и съесть вволю блинов, записал Ю.В. Готье 28 февраля 1919 г. и продолжил, совсем в духе булгаковского профессора Преображенского. – Газет не читал вовсе и потому сохранил сравнительно хорошее расположение духа»⁴⁷. Рождество, Крещение, Пасха, другие православные даты составляли календарь историков рубежа XIX–XX вв.

Повседневный быт и научно-преподавательские будни русских историков являлись тем фоном, на котором происходило их профессиональное и личностное становление. Они формировали определенный стиль жизни и научного творчества, характерный для своего времени. Главными приоритетами в нем были стремление к профессионализму и индивидуальной творческой деятельности; он был отмечен насыщенным научным общением. Такой образ жизни сообщал российским историкам чувство собственного достоинства, самоуважения и значимости своего профессионального выбора.

¹ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 1 декабря 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 63.

² *Богословский М.М.* О трудах С.А. Белокурова по русской истории // Русский исторический журнал. Кн. 8. Петроград, 1922. С. 230.

³ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 7 декабря 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 66.

⁴ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // *Вопр. истории.* 2000. № 2. С. 100.

⁵ Там же.

⁶ Учебник древней истории / Сост. П. Виноградов, проф. Моск. университета. М., 1892. Вып. 1.

⁷ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 2 марта 1893 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 93.

⁸ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 1 декабря 1892 г. // Там же. С. 63.

- ⁹ Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 100.
- ¹⁰ Там же. С. 102.
- ¹¹ Там же.
- ¹² А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. Б/д. 1894 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 139.
- ¹³ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. Июнь 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 39.
- ¹⁴ Переписка С.Б.Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 127.
- ¹⁵ *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 432.
- ¹⁶ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 138.
- ¹⁷ С.Ф. Платонов – В.Г. Дружинину. 29 июня 1883 г. // Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 12.
- ¹⁸ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891–1892. Т. 1, Киев, 1908. ч. 1–2. Т. 2, ч. 1–2.
- ¹⁹ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 28 октября 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 55.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 6 ноября 1893 г. // Там же. С. 119.
- ²² А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 1 декабря 1893 г. // Там же. С. 124.
- ²³ Там же.
- ²⁴ А.Е. Пресняков – С.Б. Веселовскому. 9 января 1913 г. // Переписка С.Б.Веселовского с отечественными историками. СПб. С. 216.
- ²⁵ С.Ф. Платонов – С.Д. Шереметеву. 8 октября 1911 г. // Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками. СПб. С. 155.
- ²⁶ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 18 сентября 1892 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 48.
- ²⁷ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопр. истории. 2000. № 6. С. 96.
- ²⁸ Там же. № 11/12.
- ²⁹ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 12 августа 1894 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 144.
- ³⁰ А.Е. Пресняков – М.П. Пресняковой. 26 сентября 1892 г. // Там же. С. 49.
- ³¹ Дневники С.Б. Веселовского 1915–1923, 1944 годов // Вопр. истории. 2000. № 9. С. 120.
- ³² А.Е. Пресняков – Ю.П. Пресняковой. 16 мая 1899 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. С. 424.
- ³³ *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 124.
- ³⁴ Там же. С. 266.
- ³⁵ С.Ф. Платонов – В.Г. Дружинину. 29 июня 1883 г. // Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 11.
- ³⁶ С.Ф. Платонов – В.С. Иконникову. Шлиссельбург, пристань Беляево. 26 июня 1908 г. // Там же. С. 119.
- ³⁷ С.Б. Веселовский – А.Е. Преснякову. Москва, 6 апреля 1916 г. // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. С. 222.
- ³⁸ С.Б. Веселовский – А.И. Яковлеву. Татариново, 29 июня 1910 г. // Там же. С. 449.
- ³⁹ Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопр. истории. 2004. № 12. С. 113.
- ⁴⁰ *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 111.
- ⁴¹ *Дубровский А.М.* Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Сб. ст. и материалов. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 242.

- ⁴² *Вандалковская М.Г.* Павел Николаевич Милуков // *Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20-х – 30-х годов.* М., 2002. С. 384.
- ⁴³ *Веселовский В.С.* Из воспоминаний. 3–11 сентября 1919 г. // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков.* С. 218; *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 308.
- ⁴⁴ *Кизеветтер Е.Я.* Дневник 1905–1907 гг. // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв.* М., 1994. Вып. V. С. 344.
- ⁴⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 429.
- ⁴⁶ Там же. С. 119.
- ⁴⁷ Там же. С. 226.

А.В. Буганов

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Перемены, которые произошли в нашей стране в постсоветский период, вызвали к жизни интенсивные споры о необходимости новой идентификации россиян. Та пристрастность, с которой эти споры ведутся, скоропалительность предлагаемых рецептов, заставляют вспомнить, что самосознание народа формируется, выплавляется самим ходом истории, его невозможно вывести лабораторным путем. Точнее вывести можно, но концепт этот будет умозрительен и малоэффективен, если не будет опираться на коллективную историческую память, традиционные этические и нравственные нормы, ментальные установки и т.д. Поиски идентификации вовсе не должны означать обязательную устремленность к каким-то новым формам, ранее неизвестным и неиспробованным.

В советский период по известным идеологическим причинам, прежде всего официально навязанного приоритета классовых ценностей, из поля зрения исследователей фактически было изъято влияние личности на ход исторического процесса, на формирование общественного мировоззрения. И это при том, что при неразвитости институтов гражданского общества в России, как, возможно, ни в какой другой стране, личностное начало играло в государственных делах ведущую роль. Историческая наука отошла от непосредственного изучения человека, история человеческих сообществ оказалась без человека. Как не раз сетовал академик Д.С. Лихачев, опасаясь преувеличения роли личности в истории, наши исторические работы оказались не только безличностными, но и безличными, а в ре-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00436а.

зультате малоинтересными. Это дало основание Лихачеву в своих последних обобщающих работах поставить вопрос о необходимости возникновения новой науки – науки о человеческой личности¹.

В известном смысле этот поворот к личности в современных науках о человеке и обществе происходит. Многие ученые отказались от попыток воссоздать глобальные конструкции и переориентировались на изучение не общих для всех, а индивидуальных практик, через которые анализируется специфика той или иной культуры. Интерес к субъективному компоненту в современных науках о человеке и обществе привел к зарождению и развитию *микроистории* – истории отдельных людей, неименитых и незнатных, а также *локальной истории*, напоминающей обновленное краеведение.

Еще один малоисследованный аспект темы личности в истории – влияние выдающихся людей прошлого на формирование национального самосознания. Не случайно сегодня не только многие ученые, но и педагоги обеспокоены, что из общественного дискурса, школьных образовательных программ почти полностью исключен высокопатриотический материал, исчезла тема национального героя. К теме личности в истории непосредственно относятся и пожелания к тематике преподавания: «...интереснейшей может быть тема предназначения как отдельного человека, так и целого народа, целой страны... У каждого свое предназначение, данное Божиим Промыслом. Поэтому каждый – человек или народ – должен выполнить свою историческую миссию, умножив те таланты, которые получил. Не поняв своего предназначения, человек превращается в Обломова, в “раба лукавого и ленивого” (Мф. 25,26)»².

Анализ исторических взглядов наших соотечественников убеждает, что существенную роль в формировании национального самосознания сыграли выдающиеся личности отечественной истории. В народном сознании картина прошлого выстраивалась вокруг конкретных исторических лиц: царей, полководцев, народных героев, подвижников благочестия и т.д. Все они в той или иной степени были носителями характерных, типичных черт национального характера. В свою очередь, в отношении к выдающимся личностям довольно четко отражались культурно-исторические ценности и этнические стереотипы, религиозные и нравственные возможности народа.

Обращение к историко-этнографическим источникам XIX–XX вв. – историческому фольклору, ответам на программы научных обществ, мемуарной литературе и др. – с достаточной степенью полноты позволяет выявить круг исторических фигур, сохранившихся в памяти русских. Появляется возможность проанализировать, что же именно в деятельности и характере людей прошлого делало их *исто-*

рическими личностями, какие представления о князьях, царях, военачальниках, религиозных подвижниках и др. складывались в самой гуще народа, как эти представления с течением времени менялись.

Необходимо подчеркнуть, что сам факт бытования воспоминаний об определенных исторических событиях и личностях служит важнейшим показателем их признания (положительного или отрицательного) в народе. Соответственно установление схожих представлений в различных регионах России свидетельствует о масштабности явления.

Былинная древняя Русь оставила после себя «идеальную учительную конструкцию национального типа в его героическом варианте»³ – Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Микулу Селяниновича и др. Исследователи и путешественники, побывавшие в русской деревне, отмечали, что облики богатырей как людей, обладавших неимоверно огромной силой, были настолько ясны в сознании местного населения, что доходили до осязательности: в народе давали им подробные характеристики, связывали с ними свои родовые предания, указывали места их селищ, следы их деятельности, даже кости богатырские.

Бранные подвиги богатырей проникнуты идеей православного служения, эническое начало тесно сливалось с конфессиональным. Богатырство Ильи Муромца было формой церковного послушания. Отправляясь в Киев, он строит часовню, служит обедню, «кладет заветы великие, ставит свечу дорогую за покровление во пути во дороженьке».

Свою жизненную задачу Илья Муромец формулировал следующим образом:

*Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую,
Да и за стольние Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей⁴*

Учитывая длительную жизнь былинного эпоса – вплоть до середины XX столетия **былины в тех или иных вариантах продолжали бытовать на всей территории расселения русских**, хотя лучше сохранились на Русском Севере – важно понять, какими качествами наделялись богатыри. Ведь эти качества входили в народное сознание, формировали национальный характер. Кроме служения родной земле, православного благочестия былинные герои отличались отсутствием тщеславия, личного честолюбия, стремления к власти. Илья Муромец отказывается от предлагаемых ему по пути в Киев княжества или воеводства и других высоких почестей, так как спешит в Киев для выполнения основной задачи богатырства – служения родине, народу.

Характерно, что происходя из крестьян, Илья Муромец не стремится к изменению своего социального статуса. Когда черниговцы в благодарность за освобождение от татарской осады приглашают его остаться у них воеводой, он отказывается:

*Не дай Господи делати с барина холопа,
С барина холопа, с холопа дворянина,
Дворянина с холопа, из попа палача,
А также из богатыря воеводу⁵*

Крестьянские его черты особо и любовно обрисованы былинам. Первое применение своей богатырской силы после исцеления он находит в трудной крестьянской работе, расчищая лесные угодья под пашню. В богатырях ценили скромность. На княжьем пиру, когда бояре веселятся, «Илья не хвастает, а сидит себе смиренхонько».

Народные богатыри нередко противопоставлялись правящей верхушке. Илья Муромец становится заступником князя Владимира перед «татарскими» набегами (впоследствии в историческом фольклоре на основе мотива заступничества Ильи Муромца за Владимира будет развиваться тема: народный герой – правитель).

Один из распространенных мотивов не только русского, но всего мирового фольклора – превращение богатырей в камни, скрытие их в каменных горах. По смыслу легенды богатыри временно уходят из жизни людей, превращаясь в камни, в скалы, горы, чтобы вернуться к подвигам, когда придет в них нужда. На основе этого легендарного мотива в поэмах известной сказительницы М.С. Крюковой, сложенных во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., ожившие богатыри, возглавленные Ильей Муромцем, помогают советской армии отвоевать Киев. Не случайно в народной памяти богатыри всегда были и остались славными «оберегателями» и «стоятелями» Земли русской.

Память о богатырях сохраняется до наших дней. В день 19 декабря установлено почитание преподобного Илии Муромца, Печерского, погребенного в Ближних пещерах (ок.1188). Под Москвой, на территории части ракетных войск стратегического назначения, построен храм во имя Св. прп. Ильи Муромца Киево-Печерского, в декабре 1998 г. в новосибирский кафедральный Вознесенский собор паломники из Киево-Печерской лавры доставили мощи Ильи Муромца.

Народными лидерами русского Средневековья были князья. Их почитание начинается буквально с первых лет христианства. У истоков русской государственности слово «князь» воплотило в себе представление о политическом лидере племени, народа. Князья были призваны «володети и княжити», быть «заступниками» христианства и Руси от внешних врагов. В их подвигах ценились

и личная праведность, и служение народу. Они защищали родную землю. Богоугодность князя заключалась в самоотверженной, подчас жертвенной любви к народу. В житиях святых – воителей за русскую землю – такая готовность положить свой живот «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой.

Несмотря на ряд мифологических характеристик, облик князя в былинах довольно реалистичен в психологическом плане: «...нет его грознее во всех царствах, а богатырей его удалей во всех землях»; принимает и «угощает калик переходжих»; на словах не любит льстецов, но слушает их; признает правду, хотя Илье Муромцу за резкость и прямоту приходилось сидеть в княжеской тюрьме, но бывает и труслив при наступлении врагов, просит помочь богатырей.

Удачливые в битвах русские князья быстро становились почитаемыми в народе; церковная канонизация следовала, как правило, позднее (явление типичное для христианских стран: признание снизу обычно предшествовало официальному). На Руси, если князь не потерпел неудачи в выполнении своей миссии, весьма вероятно было его прославление в лике святых хотя бы потому, что положение князя призывало его к великим деяниям, а часто и к великому самопожертвованию. Из 180 первых русских святых 60 были князьями. Почитание князей особенно усиливается во времена ордынского нашествия.

Одним из самых чтимых в России стал образ народного заступника, святого благоверного князя Александра Невского. Не случайно из всех святых князей Древней Руси император Петр Первый наиболее выделял именно Александра, который в народном сознании стал символом Божьей помощи в борьбе с иноземными врагами. Сохранилось также немало свидетельств глубокого почитания императором Александром I своего небесного покровителя. Даже находясь за пределами родины, государь всегда торжественно отмечал день этого святого.

Многие русские люди постоянно обращались к образу Александра Невского, особенно когда нависала угроза существованию нации. В конце XIX в. крестьяне вспоминали о битве Александра на Чудском озере: «На него начала нападать чужь. Александр с патриархом три дня молились Богу и после того пришли к морю; все море было покрыто чужью, вдруг святые Борис и Глеб явились и стали побивать нехристей, и побили всю неверную силу»⁶.

В этом предании, основой которого послужило «Житие» Александра Невского (популярное чтение среди грамотных русских людей не только XIII в., но и в последующие века), в роли небесных покровителей и защитников земли русской от внешних врагов выступали Св. князья Борис и Глеб. По мысли создателей

«Жития», святые братья помогли новгородскому князю одолеть на Неве шведов. Одному из сподвижников Александра, Пелгусию, они явились в ночь перед битвой посреди русских гребцов, одетых мглою. Братья стояли рядом, положив руки на плечи друг друга. «Брате Глебе, – сказал Борис, – вели грести, да поможем сроднику нашему Александру».

Борис и Глеб стали первыми святыми, канонизированными Русской православной церковью. История их канонизации имеет самое непосредственное отношение к формированию в народе православного взгляда на мир. Они были коварно убиты по приказу своего брата Святополка, добивавшегося престола в Киеве (впрочем, следует оговорить, что обстоятельства их смерти окончательно не установлены, и мы располагаем, возможно, лишь культурным мифом, сложившимся позднее). Пав жертвой политического преступления, Борис и Глеб не стали мучениками за веру. Но отказавшись от сопротивления, братья как бы последовали образу Христа, его искупительной жертвы. По словам жизнеописателей, Борис укреплял себя мыслью о том, что праведники живут вечно, что Бог не оставит его. Ведь в заповеди Христа говорится: «Итак, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной».

Тем самым в народное сознание была заложена идея непротivления злу, которая стала «национальным русским подвигом... подлинным религиозным открытием новокрещеного русского народа»⁷. С их именами связано становление очень популярного в православной традиции чина страстотерпцев. Таким образом, Русь еще до ордынского ига, в своем восточнославянском единстве, знала уже мужество непротivления.

Народное почитание святых князей опередило церковную канонизацию, следовавшую в конце XI в. И это еще раз доказало, что в историческом плане Борис и Глеб были прежде всего избранниками русского народа, а не ставленниками княжеской партии.

Вскоре образы святых братьев получили дальнейшее и, на первый взгляд, нелогичное развитие: из святых непротivленцев они преобразились в небесных покровителей земли русской от внешних врагов. Г. Федотов объясняет этот феномен в духе «основной парадоксии христианства» – «крест, символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становится знаменем победы»⁸. Память о небесных покровителях Борисе и Глебе сохранялась во многих преданиях, повествовавших о борьбе с иноземными завоевателями.

Невиданным ранее подъемом самосознания великорусского народа ознаменовалось княжение Дмитрия Донского. Князь Дмитрий поставил себя на службу освободительным устремлениям русских

людей. Куликовская битва дала мощный импульс становлению русского общества. Мотив защиты своей отчины, редкий в памятниках XIII в., получил широкое распространение в следующем столетии. Этой княжеской обязанности ранее не придавалось самодовлеющего значения; защита Отчины упоминалась после главных христианских добродетелей и только в неразрывной связи с ними, как часть княжеского служения Богу. В житии великого князя Дмитрия Ивановича его «отчиной» названа уже вся Русская земля. Еще более заметной мыслью о единстве русских земель становится в летописях первой половины XV в., постепенно начинает входить в употребление слово *Отечество* как обозначение всей Руси⁹.

Благословение Сергия Радонежского, подвиг иноков обители Святой Троицы Александра Пересвета и Андрея Осляби, полководческий талант Дмитрия Донского — эти сюжеты нераздельно слились в народной памяти. В мироощущении современников Куликова поля и их потомков прочно утвердилось представление о необходимости церковного благословения в военном деле, убеждение в святости воинского подвига. Воин (Дмитрий Донской) нуждался в монахе, как в духовнике. В таинстве он приобщался благодати, очищал душу и совесть, проверял праведность своего служения. Монах (Сергий Радонежский) через воина приобщался к бремени и страданию мира. Он становился ангелом хранителем благословленного им воина.

Укреплялась существенная черта народного сознания — для успеха любого начинания, а уж тем более для победы в войне, необходимо было снискать Божью помощь. Исключительная роль отводилась церковному благословению. В период Смуты начала XVII в. М.В. Скопин был признан народом защитником и патриотом Русской земли после получения им благословения от преп. Иринарха Ростовского. В глазах народа даже Петр Великий, несмотря на все свое «удачество», проиграл битву под Нарвой, потому что ослушался патриарха. Только после того, как царь отслужил молебен и получил благословение патриарха, он вышел победителем (по-видимому, в народном восприятии переплелись воспоминания о поражении под Нарвой и о Полтавском бое¹⁰.

Русские люди верили, что в Отечественной войне 1812 г. Божья помощь была на стороне русских благодаря заступничеству Сергия Радонежского. Считали, что именно преподобный не допустил французов до своей лавры¹¹. И, напротив, неудачи, поражения в войнах считались следствием забвения христианских истин. Старик-крестьянин Кириллыч, участник Крымской войны, убеждал писателя К.М. Станюковича, что Севастополь пал за грехи, распутство и жестокость начальства. Подобное объяснение Станюковичу

доводилось слышать и от других стариков-матросов. В результате падения Севастополя «умер император, потому что не стерпел, что русскую державу француз одолел»¹².

Для большинства жителей Российской империи, вплоть до событий 1917 г., воплощением национального и государственного могущества оставались русские монархи. Практически все цари представляли в народном сознании как Божии Помазанники, православные властелины огромной страны. Апологетика и идеализация государей, являясь общеразделяемой мировоззренческой установкой большинства подданных империи, прочно вошли в устную традицию. Отрицательные оценки их образов чрезвычайно редки.

Восприятие царя как Помазанника Божия лежало в основе монархизма, тех самых пресловутых «царистских иллюзий», о которых столь много слов и столь скептически сказано в учебниках и научных монографиях советского времени. В этих трудах, главным образом по идеологическим причинам, не учитывалось главное – религиозная природа явления.

Особенностью воззрений русских было глубоко укоренившееся чисто семейное, родственное отношение к царю. Монарх был не первым дворянином в государстве, как в Западной Европе, а именно царем-батюшкой, повиновение которому понималось как долг. В представлениях простых людей происходило даже своего рода *окрестьянивание* царя. К титулу государя часто прибавлялся эпитет *батюшка* или *надежда*. Крестьяне любили слушать о царе-батюшке, о «его делах во славу и могущество России», избу украшали любимыми иконами и портретами русских государей.

Наиболее значительный след в сознании русских оставили Иван Грозный, Петр Великий, Александр I и Александр II. Хотя, надо признать, образы последних царей династии Романовых постепенно тускнеют. Уже фольклорный Александр I явно проигрывает Петру I, который вместе со своими «детушками–солдатушками» готовился встретить шведского короля; более того, от угроз Наполеона «наш православный царь призадумался... его царская персонушка переменялась». В песнях XVIII–XIX вв. о борьбе с внешними врагами на передний план выдвигался патриот-полководец. Сказалась здесь и характерная в целом для народного сознания склонность при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам. Сказать о ком-либо: «Старинного закалу человек» становилось лучшей аттестацией для русского крестьянина. Если что-то сделать хорошо, то это «тряхнуть стариной», «повытрясти стариночку», ибо «старина посдобнее была». Неудивительно, что современные крестьянам монархи проигрывали в сравнении с царями «славного прошлого» – это вполне соответствовало инерции народного мышления.

В конце XIX – начале XX столетия народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаляясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольклорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер (в фольклоре XIX в. мифологичность была скорее стилистической жанровой особенностью, позволявшей придерживаться обобщенного фольклорного прототипа), то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и излишне критически. В незначительной степени это расхождение между фольклорной традицией и фигурой реального монарха было свойственно восприятию Александра III. Гораздо заметнее размывание монархического идеала сказалось в отношении к последнему царю династии Романовых Николаю II.

К началу правления Николая II ресурс монархизма был достаточно прочен. Когда во время коронации 1896 г. случилась ходынская давка, царя в народе не винили, а жалели его и задавленных. В песне о Ходынке Николай II среди виновников катастрофы не фигурировал.

Анализ паремиологических материалов, судебно-следственной документации и др. показывает, что большинство россиян на рубеже веков воспринимало носителя верховной власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем монархии абсолютной («Нельзя земле без царя стоять»)¹³.

Начало разрушению монархического идеала в народном сознании было положено 9 января 1905 г., когда тысячи рабочих с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили. Но вместо переговоров был расстрел, и тем самым была подстрелена (но еще не расстреляна) вера в царя.

Чуждые сознанию народа лозунги и перспективы русско-японской войны и конечно же ее неудачный исход также вели к критике государственной политики. В судебно-следственных делах, возникших в связи с осуждением крестьянством тягот этой войны, зафиксировано, что крестьяне проявляли недовольство, анализировали причины военных поражений. Некоторые из них приходили к выводу, что в бедах русской армии была виновна прежде всего царская семья и конкретно император Николай II.

Показательно, что когда отмечалось 300-летие династии Романовых в 1913 г. и повсюду были отданы приказы устраивать торжества, воодушевления у народа, не говоря про интеллигентный класс, не наблюдалось. Да и сами торжества скорее были попыткой сплотить народные массы вокруг царя, бросить вызов всем тем, кто поддерживал представительные органы.

В начале Первой мировой войны в 1914 г. имел место небывалый, и вероятно последний искренний всплеск монархических настроений. По всей России происходили многочисленные манифестации, во главе которых несли русские национальные знамена, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Из разных мест поступали пожертвования.

В годы войны в Костромской губернии активно работало местное научное общество по изучению местного края (КНОИМК). Корреспонденты общества фиксировали представления крестьянства о газетах и журналах военного времени, отношении к войне и внешней политике государства, представления о будущем послевоенном устройстве России. Почти все корреспонденты отмечали, что «видна в народе горячая молитва к Богу», «более стали усердствовать Богу и делать милосердия». «Переполнены храмы Божии народом, – писал крестьянин Нерехтского уезда В.Мамонтов, – и молят Бога о победе нашим войскам». Ответы на анкету со всей достоверностью свидетельствуют, что крестьянство надеялось в войне, прежде всего на Бога и потом на царя¹⁴.

Однако последовавшие военные неудачи неизбежно вели к падению авторитета Николая II, усилиями революционеров-пропагандистов в войсках «царь-батюшка» сменялся уничтожительным Николашка. Иссякал исторический ресурс монархизма как мировоззрения. Крах российской государственности в значительной мере стал следствием девальвации в общественном сознании образа Помазанника Божия, являвшегося в течение многих веков символом государственности России, воплощением ее религиозной и национальной идентичности.

В массовом народном сознании всегда высоко ценились военные герои и полководцы, добывавшие славу России и проявлявшие боевые и героические качества русских людей. В военных противостояниях ярко проступали и весомо ценились черты личности как выразителя народного духа. Бескорыстное служение своему народу, высочайший жертвенный патриотизм поднимали личность на уровень святости. Многие великие персонажи русской истории не были церковными фигурами, однако их мирской подвиг во спасение своего народа от иноплеменного порабощения, порой тяжкие муки на этом пути и преждевременная смерть воспринимались современниками и потомками как святое деяние¹⁵. Подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении. Яркие личностные каче-

ства (а уж воинов особенно) проявлялись на государственной службе.

М.В. Скопин-Шуйский, Д.М. Пожарский и другие защитники русской земли от поляков во времена Смуты начала XVII в. – «оберегатели мира крещеного и всей нашей земли Святорусския». Самый выдающийся русский полководец А.В. Суворов, по мнению народа, был богатырь и знал «Планиду небесную». Именно сочетание в «избраннике Божиим» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении завершённый образ национального героя-полководца. Избранниками Божиими считались и М.И. Кутузов, и «белый генерал» русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М.Д. Скобелев.

Деятельность крупных полководцев как избранников Божиих в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов. Особенно показательна трактовка воинских подвигов Суворова, практически все свои кампании проведшего за пределами России (с Турцией – 1787–1791 гг., с Наполеоном – 1799 г.). Войны с турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах народных масс были борьбой с мусульманами за Православную Россию, носили явный религиозный отпечаток. Не случайно и в песнях суворовского цикла военные события изображались очень сжато, в центре внимания оказалась личность православного героя-полководца.

Праведные образы русских воителей никогда не забывались в народе. В их личностях проявлялся православный идеал воина. Воспоминания о славных подвигах укрепляли убеждение в непобедимости России, ее государственного величия, поднимали самооценку народа, способствовали росту позитивной идентичности.

В советский период религиозные мотивы в военной теме, например, в толковании причин побед полководцев Великой Отечественной войны присутствуют относительно редко. Сказались гонения на религию, отход от православия значительной части населения. На первый план в осмыслении военных событий вышел патриотический фактор. Тем не менее вплоть до середины XX в. народное сознание сохраняло традиционные черты военно-исторической фольклорной традиции, схожесть в трактовках, подчас мифологических, героев прошлого и настоящего.

Православный идеал воина получал свое воплощение не только в личностях выдающихся полководцев, но и в героях из народа. Как сообщал в конце XIX столетия в *Этнографическое бюро корреспондент* из Гжатского уезда Смоленской губернии: «...народу приятно читать про лиц, приносивших себя в жертву России ... подвиги

многих незначительных лиц, проявленные во время Отечественной войны 1812 г., вызывают гордость народа и глубокое уважение к безвестным героям, память о которых передается от старшего к младшему»¹⁶.

В советской официозной версии истории едва ли не основными героями представляли вожди крестьянских восстаний, которые провозглашались последовательными выразителями классовых ценностей. В перестроечное время случился прямо противоположный крен: те же самые персонажи стали выставляться исключительно разбойниками и бандитами. Если уйти от политической и идеологической заданности, становится довольно очевидным, что в народном отношении к бунтарям переплетались мотивы социального протеста и христианского смирения. Память о них определялась как конфессиональным, так и социальным факторами. С одной стороны, Степан Разин, Емельян Пугачев представляли как избавители, социальные мстители за перенесенные народом лишения. С другой – «религиозная формация души» русских обусловила отношение к бунтарям как к «великим грешникам». Именно поэтому во многих поволжских преданиях Разина не принимает земля. Преданный анафеме вождь повстанцев связывает свои страдания со страданиями народа: «А буду я мучиться до скончания мира, ежели русский народ не прозрит». В тех легендах, где Разин изображен как грядущий избавитель, связь с христианскими воззрениями менее заметна. Но и в них он обещает прийти и покарать людей за грехи и неправду.

Песни о Степане Разине особенно активно жили в народной памяти. Их тексты с течением времени изменялись (в отличие, например, от песен об Иване Грозном, сохранившихся в первоначальном виде). Воспоминания о Разине переносились на сходные исторические ситуации более поздних времен.

На протяжении XVII–XIX вв. для большинства русских олицетворением народного вождя оставался Ермак – как покоритель новых земель, выразитель крестьянско-казачьих социальных исканий. Причем, если в центральных губерниях Ермак вспоминался большей частью как казачий атаман, помогавший Ивану Грозному взять Казань, то в Сибири о нем пели и рассказывали как о «первопроходце». В повествованиях уральских старообрядцев Ермак представлял прежде всего как борец за христианскую веру. Региональная и конфессиональная избирательность памяти со временем стиралась – чем дальше уходили в прошлое события конца XVI в., тем сильнее в сознании всех русских ощущалось значение присоединения Сибири.

Русские люди, как и любой другой народ, нуждались в своих героических мифах. Ермак стал первым героем казачьей «воль-

ницы», народным вожаком («самым старшим из станичников»), первооткрывателем Сибири. Многие десятилетия миф о нем двигал переселенцев в эти суровые края. Заслуживает внимания, что именно Ермак, а не предводитель крестьянской войны И.И. Болотников, расположился в народном сознании в одном ряду с вождями двух последующих движений – Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым. Причина этого, по-видимому, в том, что к началу первой крестьянской войны под предводительством Болотникова, в обстановке локальных бунтов и возраставшего протеста, в народном представлении уже сложился песенный образ вождя – Ермака Тимофеевича (возможно, сохранялась и память о сотрудничестве Болотникова с поляками). Кроме того, события первой крестьянской войны были вытеснены впоследствии из народной памяти перекрывшим их разинским фольклором.

Крестьянские бунты и беспорядки были достаточно редки в России. В основе большинства из них лежало предположение «хочет царь, да не хочет псарь» (оно доминировало и в рассуждениях о государственных делах в целом). Практически никогда народные восстания не были направлены против царя и царской власти; напротив, те являлись лучшими защитниками и покровителями. Виновниками «пагубы» объявлялись «злые бояре» и дворяне – «душегубы наши вековые». Свой конфликт с помещиками крестьяне превращали в конфликт царя и помещиков.

Революционные и всякого рода социальные идеи считались по всей Руси общественным злом, безбожники и революционеры дворяне не пользовались любовью у массы крестьян. Так не приняли в народе восстание декабристов 1825 г., хотя некоторые сочувственные отклики имелись: в первую очередь, среди солдат, служивших с декабристами, их дворовых, мастеровых и сезонных рабочих, живших в Петербурге и ближайшей провинции. В большинстве же крестьяне полагали, что дворяне-помещики выступили против царя, который хотел дать волю. Восстание понималось как тайный заговор, к декабристам преобладало отрицательное отношение¹⁷.

Тем не менее, проводившаяся в течение десятков лет либеральная и революционная пропаганда исподволь расшатывала устойчивую систему крестьянских представлений. Да и все крестьянское мировидение в пореформенный период менялось «изнутри», переживало кризис. Именно поэтому часть крестьянства в начале XX столетия оказалась восприимчивой к революционным лозунгам.

Если даже в отношении к бунтарям существенную роль играл конфессиональный фактор, то, разумеется, еще в большей степени это характерно для народной трактовки жизни и деятельности отечественных подвижников благочестия. Им всегда отводилось

огромное место в религиозном сознании русского человека. Героев веры Церковь венчала титулом святости, в народе праведникам поклонялись и говорили о них: «умолился и стал святым».

Память о великих подвижниках прошлого опиралась на богатую книжную и устную традицию. Издавна, с допетровских времен, в народной среде в тысячах списков бытовали агиографические сочинения, а с введением книгопечатания появилось немало печатных изданий житийной литературы. Предпочитали сборники чисто русских житий. Они начали появляться в XVI в., после того, как митрополит Макарий при Иване Грозном с целым штатом сотрудников грамотеев более 20 лет собирал древнюю русскую письменность, в том числе и жития святых, в огромный сборник Великих Четвх Миней.

В XIX столетии во всех слоях русского общества и, прежде всего в крестьянской среде, пользовались популярностью жития святых (согласно анкете владимирских земских статистиков на рубеже XIX–XX вв. около 60% хранившихся у крестьян книг были духовно-нравственного содержания; из них примерно четверть составляли жития святых). Жития святых не только оказывали на крестьян религиозно-нравственное воздействие, являясь по сути дела «учебниками святости», но давали им также историческую информацию, знания о прошлом, и в частности, о жизни и подвигах подвижников прошлого. С книжным знанием переплеталась устная традиция, которая оставалась основным источником исторической информации о прошлом. Например, слагатели духовных стихов, которые представляли собой эпические песни на религиозные темы, также черпали свои сюжеты в житийной литературе. Затем духовные певцы, «калики перехожие», исполняли эти произведения по всей Русской земле.

По смерти великих подвижников прошлого происходило открытие их мощей, явление чудотворных икон. В честь этих ново-явленных угодников Божиих устанавливались новые праздники в Русской церкви – сначала, как правило местные (ведь святые на Руси, как и иконы, большей частью чтились местно), а затем, если границы почитания расширялись, то и общерусские. Уже к XIX в. русский народный календарь упоминал имена более 400 святых, мучеников, лиц духовных и лиц княжеского происхождения. Такая «персонификация» календарных дней года не только позволяла малограмотным крестьянам лучше ориентироваться во времени, но и, безусловно, способствовала укреплению памяти о святых и подвижниках. Учитывая, что крестьяне достаточно регулярно присутствовали на церковных службах, порой заучивали на память многократно слышанные церковные тексты, молитвенное поминовение

тех или иных святых, безусловно, закрепляло непрерываемость религиозной памяти.

Из столетия в столетие переходила память о святых Земли Русской. О них помнили, к заступничеству великих праведников призывали в тяжелые для Отечества моменты. Немеркнувшим в памяти народной оставалось и остается имя Сергия Радонежского. Со времени Куликовской битвы русское воинство считает преподобного Сергия своим особым покровителем. Множество раз русские полководцы перед сражениями приезжали в Святотроицкую обитель получить благословение Сергия и испросить победу его молитвами, как когда-то он вымолил победу для Дмитрия Донского. Религиозным деятелем государственного уровня остался в народных воспоминаниях и сподвижник Петра Первого Митрофаний Воронежский, который поддерживал политические начинания молодого царя, объясняя пастве в проповедях необходимость реформ. При поддержке Митрофания в Воронеже и на Дону были возведены верфи для постройки русского речного флота. Вместе с тем Митрофаний не соглашался со многими новшествами в духовной области, не поощрял в Петре «приражения» иного, нечистого духа. С именем Св. Митрофания в народе не только связывали воспоминания о Петре Великом, но и чтили святителя как защитника простого народа от притеснений, исцелителя и молитвенника.

Идеал православного подвижника формировался в течение многих веков. В монастырях допетровской Руси создавался и окружался ореолом благочестивой легенды образ инока, посвятившего себя служению Богу. В лице скромного и доброго инока скрывалась великая нравственная сила. Он был строгий постник, страннолюбив, благочестив, кроток, обходитель.

Вместе с тем монашескому служению на Руси под воздействием общинных мировоззренческих стереотипов была не свойственна концепция индивидуального спасения. Уход от мира в конечном счете являлся средством совершенствования ради служения миру примером, уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь. В.О. Ключевский точно подметил эту характерную особенность в русском монашестве: «Древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния всего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных»¹⁸.

Монастыри в русской истории никогда не могли совершенно обособиться от народной жизни. В раннем Средневековье они

были культурными центрами страны, иноческая жизнь в общежительных монастырях и скитах была наполнена единством национальных и религиозных задач. К началу XVI в. многие монастыри настолько прочно вросли в ткань государственной жизни, что неизбежно вовлекались во вполне мирские политические и социальные заботы.

Однако этот, казалось бы пагубный для монашества процесс обмирщения вовсе не уничтожил его здоровые силы. Вероятно, прав был историк русской церкви А.В. Карташев, когда говорил о том, что секуляризационное давление императорских правительств только на опыте проверило необыкновенную живучесть русского монашества и даже повело к новому его расцвету. «Отобрание земельных владений и закрытие части монастырей побудило в монашестве энергию трудового приспособления и даже послужило толчком к духовному его возрождению в форме прославленного старчества. Перефразируя известное изречение “Петр бросил вызов России, и через 100 лет она ответила ему явлением Пушкина”, можно сказать: “Петр бросил вызов русскому монашеству, и через 50 лет оно ответило ему явлением святителя Тихона Задонского, старца Паисия Величковского, еще через 50 лет – св. Серафима Саровского, через новые 50 лет – святителей Феофана Затворника, старца Амвросия Оптинского и целого полка оптинцев”»¹⁹.

Необходимо заметить, что и вне сферы духовного влияния старцев было явлено множество форм и примеров подлинного подвижничества. И все же именно старчество стало наиболее целостным явлением. В духовном смысле оно повторило путь русского монашества – уход из мира и возврат к нему через любовь. В XIX в. духовная жизнь не только русского монашества, но и многих мирских людей разных сословий была тесно связана с возрождением и расцветом старчества.

География старчества охватывала всю Россию. К замечательным старцам подвижникам устремлялось множество людей, чтобы получить помощь и духовный совет по многим вопросам христианской жизни. Именно эта постоянная взаимосвязь старцев с мирянами позволяют выделить едва ли не главную особенность русского старчества – народность. В тех монастырях, где обретались известные народу подвижники, прием посетителей становился одной из форм монастырского послушания.

В поучениях старцев, их воздействии на своих духовных чад, да и просто приходивших, отчетливо проявились характерные особенности православной антропологии. В христианстве понимание ценности личности связано прежде всего с жизнью духовной, которая у христианина сосредоточена не в человеке, а в Боге. Соответственно

и отношения, которые возникают между человеком и Богом, выражают оценку личности с трансцендентных позиций.

Своим внимательным отношением к каждому посетителю старцы показывали, что ценность человеческой личности превышает ценность всех прочих предметов. «Человек – больше мира, если под миром понимать все, что вне человека»²⁰.

При этом, православный взгляд на личность подчеркивает ценность, а не самоценность человеческой личности. Последняя может предполагать определенное превознесение человеческого егo, а церковные люди должны «принести в жертву собственное “я”, они – народ священный, призванный все привести к святости»²¹.

Обращение старцев к миру имело свое основание в евангельской идее: как Христос воплотился для того, чтобы «вернуть мир к Отцу» в восстановленном состоянии чистоты, так и человек, как сороботник Христа, должен посильно трудиться над преобразованием мира, над его очищением от воздействия последствий человеческого грехопадения²².

Мир, учили старцы, уже в силу того, что он мир Божий, не может остаться вне религиозного мышления и религиозного действия. «Говорить, что мир во зле лежит (1 Ин. 5, 19), что нам не надо быть людьми мирскими, – совсем не значит, что мы не ответственны за все, что составляет Богом сотворенный мир»: «Мы в нем, даже если сами “не от мира”». Так как «в мире нет ничего не освященного», – «христианское сознание должно охватывать все человеческое общество с его проблемами, его вечным и временным становлением»²³.

Таким образом, свое «христианское призвание» праведники видели в том, чтобы «вместе с Христом» и подобно Христу преобразить мир. Ценность личности не изолирует ее от общества, в котором она существует, человеческая «уникальность не тождественна изоляции, обособленности человека, изначально призванного Богом к жертвенному соучастию в жизни других, а точнее – к участию в общей жизни... Ответственность христианина двойная – во-первых, перед Богом, и в силу этого всецелая ответственность по отношению к миру людей и предметов»²⁴.

Молва о святой жизни и прозорливости отдельных подвижников укрепляла православное мироощущение в обществе, стимулировала паломничества в монастыри, к известным старцам. При этом потоки богомольцев находили известного подвижника там, где он стремился укрыться от многочисленных посещений, часто меняя место жительства. Ведь подвижники сами укрывались от славы человеческой и объявлялись лишь по духовной нужде, для служения жаждущему их наставлений народу.

Как ни избегали подвижники мирской молвы и славы человеческой, их деятельная жизнь не оставалась тайной для окрестных жителей. Их подвиги свидетельствовали сами за себя, ведь совершались они в самой гуще народной жизни. О них знали и славили за них Господа, Которого они прославляли своей жизнью.

Несомненными показателями народного отношения к праведникам становились их похороны и почитание могил. Тысячи благодетельствованных ими придавали похоронам ту известность, которую нельзя было избежать и которая достигается только чистой и подвижнической на пользу ближним жизнью.

Имена подвижников заносились в помянники. На могилы приходили за исцелением от недугов и болезней. Люди питали веру, что почивший причислен к лику святых и вместе с ними молится за нас, а ведь по молитвам праведника Господь даст исцеление. В тех случаях, когда молитвенное обращение к праведнику отзывалось благодатным ответом, народная память о нем особенно укреплялась.

Поток русских людей к праведникам при их жизни, а после смерти к их могилам говорит о том, что отечественные подвижники были достоянием народа. Их труды и подвиги доказывали, что не только в монашестве обретались здоровые силы, но и то, насколько сильны были религиозные устремления во всех слоях народа. Ведь для каждого христианина важнейшее значение имел вопрос о применении высоких истин христианства в жизни. Как ни просты, по-видимому, те или иные истины Евангелия, обычным людям они кажутся недостижимыми, отвлеченными. Это несоответствие, недостаточность связи между великими словами религии и обыденной жизнью многих приводит в уныние. Для людей важно было видеть именно практическое применение в жизни разных христианских добродетелей, ведь без приложения на практике истины Евангелия так бы и оставались отвлеченными. Паломничество к подвижникам давало возможность увидеть, как именно христианские истины применялись или применяются на деле обыкновенными людьми в обычных условиях нашей жизни. Это были образы святого жития, Богом благословленные и человеком испытанные. Особое значение в связи с этим приобретало подвижничество людей своего сословия; «для многих особенно убедительным являлось то, что вышедшие из своей среды, из своей социальной данности люди смогли достичь необычайной духовной силы»²⁵. Можно, конечно, спорить о степени религиозности, но вряд ли можно подвергнуть сомнению религиозный характер сознания русских людей. И их чувство личного достоинства основывалось на том, что человек – это образ Божий.

Обращение к земной и «посмертной» жизни «явленных и неявленных», канонизированных и не канонизированных подвижников благочестия дает множество примеров тому, насколько глубоко и органично вошли они в историческое сознание русских людей. Почитание православных подвижников являлось неотъемлемой составляющей народной религиозности. Образ их подвижничества и святости был особенно дорог благочестивому идеалу народа. Святые были понятны и близки крестьянину, ведь, как говорили в народе, были времена, «когда святые по земле ходили».

Память о праведниках поддерживалась устной традицией, широким бытованием агиографической литературы, контактами с подвижниками в текущей жизни, почитанием памяти о них после смерти. В них чтили личную святость, неутомимое служение людям. Их предсказания и пророчества передавали из уст в уста. Иметь живой образ святости было действительно духовной потребностью, отрадной для народа. Подвиг святого подвижника веры имел колоссальное и первостепенное значение для воспитания народного самосознания.

Наряду со старцами-монахами, «добрыми пастырями» на приходе православную атмосферу в русской деревне поддерживали сельские подвижники – старцы-праведники в миру. Большинство из них были простецами, не имевшими богословского образования. По представлениям крестьян, таким людям их жизненный путь открывался свыше – являлся ангел, который возвещал будущему старцу волю Господа – не ходить в монастырь, но служить людям в миру. Считалось, что через свои религиозные подвиги подвижники обретали благодать и прозорливость. Их повседневная жизнь мало чем отличалась от обыкновенной крестьянской; если они не были келейниками, селившимися в отдалении от деревни, то обрабатывали свой надел от мира и тем кормились.

В угоднике Божиим село обретало пастыря, исцелителя, утешителя в душевных скорбях, нравственный ориентир. Старцы собирали вокруг себя тех, кто хотел жить по правде Божией. В русской деревне было хорошо известно такое явление как *собеседничество*. Беседы старца с мирянами, в отличие от обыкновенных посиделок или разговоров за рукодельем, затрагивали духовные вопросы. Как духовные наставники старцы истолковывали и разъясняли слушателям библейские сюжеты, многие вопросы православного благочестия. Среди мирян-собеседников преобладали, естественно, люди старшего поколения. Как и в чтении крестьянами книг, тяга к обсуждению «божественных» вопросов усиливалась с возрастом. После смерти старца его бывшие собеседники поддерживали предание о нем.

Традиции старчества в миру сохранялись и в советское время. В начале ХХI в. **О.В. Кириченко** исследовал деятельность известного в наши дни в Воронежской, Липецкой, Белгородской, Курской, Орловской областях, но не прославленного еще православной церковью подвижника – старца без монашеского и священнического сана Спиридона Григорьевича Сухинина (1865–1929). Исследователь установил, что до настоящего времени в народе бытуют не только воспоминания о старце, но и его собственные короткие истории нравоучительного характера. За назидательность и духовную полезность их называли притчами. Эти притчи до сих пор воздействуют на наших современников, донося до многих в простой образной форме евангельские истины. Подмечено также, что благодаря сохранению памяти о старце, вере в его молитвенную помощь в селе сложился консервативный крепкий строй жизни. Дни поминовения старца Спиридона проходят в селе как большой церковный праздник, что также оказывает на всю округу самое благотворное влияние²⁶.

Кроме старцев в миру можно упомянуть еще об одной категории личностей, влиявших на духовный микроклимат русской деревни. Вероятно, ее можно определить как ревнители благочестия в миру – я имею в виду людей честной и праведной жизни – сельских учителей, уездных врачей безмездников и т.п. Приведу лишь один яркий пример мирского подвижничества. В начале 70-х годов XIX в. известный ученый **Сергей Александрович Рачинский**, оставив профессорскую кафедру в Московском университете, почти безвыездно поселился в своем родовом селе Татево (Бельский уезд Смоленской губернии). Здесь он основал школу, в которой преподавал целую четверть века и в которой многие годы безотлучно жил. Впоследствии по образцу Татевской школы при ближайшем участии Рачинского и под его покровительством заработали 12 школ. Большая часть из них содержалась почти исключительно на средства Сергея Александровича.

Отличительной чертой сети школ Рачинского стало воспитание и обучение народа в неразрывной связи с церковью и приходом. Воспитание крестьянских детей велось в православно-русском направлении. И по их образцу устраивались десятки других школ. Тем самым их вдохновитель и организатор, будучи почетным попечителем церковно-приходских школ IV благочиннического округа Бельского у. Смоленской губ., стал по сути попечителем церковных школ всей России. Рачинский вел громадную переписку со всеми концами России, сборник его педагогических статей «Сельская школа», в котором он до-

казывал преимущества именно приходской и церковной школы, выдержал четыре издания.

Просветительская деятельность Рачинского была сродни религиозному подвигу, а его уединение напоминало отшельничество тех сильных духом подвижников, которые удалялись для укрепления своих сил в пустыню, но чистотою своей личности и высокими подвигами самоотвержения собирали вокруг себя множество учеников. В Татево направлялось множество учителей из различных губерний, желавших видеть живой пример образцового педагога, получить от него ценные советы и указания. Основанные Сергеем Александровичем школы выпустили сотни деятелей по народному образованию: сельских учителей и пастырей Церкви, сам он «выводил» многих крестьянских юношей в учителя, художники (один из его учеников был известный художник Н.П. Богданов-Бельский), священники и пр.²⁷

В крестьянской повседневности можно очертить довольно широкий круг выдающихся личностей. Это могли быть и инициативные предприимчивые хозяева, и знатоки природы, права, хозяйства, ходатаи по делам общин, грамотные крестьяне, т.е. люди, в своей области добившиеся успехов. Местные предания о таких личностях, жизнь и деятельность которых были интересны и назидательны, в форме простых безыскусственных рассказов переходили из уст в уста. Их современники и потомки любили вспоминать о них, справедливо замечая: «Вот был человек-то».

Естественно, что популярные герои, выдающиеся личности принадлежали к разным сословиям. А русское сословное деление имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности в значительной мере мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела — спасения души. Поэтому и поступки личностей, и их мотивы, и народная оценка деятельности тех или иных фигур основывались на традиционных христианских воззрениях. Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход. Религиозными и мирскими подвигами прирастали и крепили национальная самобытность, самосознание народа. Подвигом веры, военным подвигом во имя Отечества, гражданским подвигом служения Добру и нравственности.

¹ Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 74.

² См. например: Шамаева С. О воспитании русского национального характера в условиях американизации всей страны // Воронежская беседа на 1999–2000 годы // Воронеж, 2000. С. 139–140, 145.

- ³ Балаиов Д.М. Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 104.
- ⁴ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., Т. III. 1949. С. 357.
- ⁵ Илья Муромец. М.; Л., 1958. С. 50.
- ⁶ Архив Русского Этнографического музея. Ф. 7. О. 1. Д. 345. Л. 23 об. (далее в ссылках на АРЭМ будут указываться только номера дел и листов).
- ⁷ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 49.
- ⁸ Там же. С. 51.
- ⁹ См.: Кромм М.М. К вопросу о времени зарождения патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX) / Сб. статей. М., 1994. С. 18.
- ¹⁰ См.: Барсов Е.В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. Кн. V. 1872. С. 308.
- ¹¹ Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. Т. Толычевой. М., 1873. С.170, 171.
- ¹² Станюкович К.М. Кириллыч // Русский военный рассказ XIX – начала XX в. М., 1988. С. 296.
- ¹³ См.: Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М., 1998. С. 131–151; Лобачева Г.В. Отражение монархических воззрений русского народа в паремиологических материалах второй половины XIX–XX веков // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1994. С. 9, 11, 12; Иенсен Т.В. Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (на примере Костромской губернии). Дис. ...канд. ист. наук. М., 1999. С. 17, 52.
- ¹⁴ Костромская деревня в первые годы войны. Сб. статей и документов // Труды КНОИМК. Вып. V. Кострома, 1916. С. 90; Иенсен Т.В. Указ. соч. С. 19, 20, 130.
- ¹⁵ См.: Сахаров А.Н. Святость и святые в истории России // Проблема святых и святости в истории России. М., 2006. С. 35.
- ¹⁶ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1558. Л. 2–3.
- ¹⁷ См.: Мандрыкина Л.А. Отзвуки восстания декабристов в народных массах // Революционное и общественное движение в России XIX в. Воронеж, 1968; Косованов А. Заговор декабристов в сибирских песнях и легендах // Сибирские огни, 1925. № 6.
- ¹⁸ Цит. по: Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 197.
- ¹⁹ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. II. С. 320.
- ²⁰ Филарет (Вахромеев), митр. Минский и Слуцкий. Богословие добрососедства. Киев, 2002. С. 17.
- ²¹ Антоний (Блум), митр. Сурожский. Труды. М., 2002. С.891.
- ²² См.: Симонов В.В. Церковь – Общество – Хозяйство. М., 2005. С. 433.
- ²³ См.: Антоний (Блум), митр. Сурожский. Указ. соч. С. 397, 448, 891.
- ²⁴ Там же. С. 842.
- ²⁵ См.: Громыко М.М., Буганов А.Б. О воззрениях русского народа. М., 2007. С. 189.
- ²⁶ Кириченко О.В. Значение праведника-старца для села // Традиции и современность / Научный православный журнал. 2002. № 1. С. 63, 73, 74.
- ²⁷ См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Издание Введенской Оптиной пустыни. Сентябрь. 1996. С. 304–315.

Н.В. Иллерицкая

**ИСТОРИКИ РОССИИ XIX–XX вв.
О СОДЕРЖАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДМЕТА ИСТО-
РИОГРАФИИ**

Каждая эпоха неизбежно связана с «общим мировоззрением» и рождает свой тип понимания научности. Для XIX века характерен подход к пониманию истории как утверждение идеи закономерности в исторической науке. В конце первой трети XIX в. в России была предпринята обоснованная попытка приложить понятие закона в его чисто философской форме к объяснению исторического процесса. Осуществил это С.М. Соловьев, философские основы мировоззрения которого стали ключом к пониманию его исторического творчества. «Мыслитель скрывался в нем за повествователем; его рассказ развивался на историко-философской основе, без которой история становится забавой праздного любопытства»¹, – писал о нем В.О. Ключевский. Теоретические представления С.М. Соловьева формировались под влиянием трудов западноевропейских авторов, современной ему отечественной научной и политической мысли. Выведенные в трудах Гегеля законы диалектики он спроецировал на конкретный материал отечественной истории.

Одним из источников научной концепции С.М. Соловьева выступает европейская историография первой половины XIX в. Соловьеву импонировали признание ею общности исторических судеб всех европейских народов, постановка вопроса о роли народных масс и личности в истории, ее интерес к социальной проблематике. Он обратил внимание на гипотезу о происхождении западноевропейской государственности путем завоевания, роли городов в генезисе родовых отношений. Научная деятельность С.М. Соловьева стала показателем того, что русская историческая наука 1840-х годов была уже подготовлена к активному творческому восприятию передовых идей европейского интеллектуализма. В трудах Соловьева близкие ему положения западноевропейской историографии приведены в систему и увязаны с задачами отечественной науки. Именно поэтому С.М. Соловьеву впервые удалось в 50-е годы XIX в. выступить с серией публикаций, посвященных русской историографии.

Работа над обобщающим трудом по истории России действительно ставила перед Соловьевым задачу определить свое отношение к предшествующим русским историкам. Так возникли труды Соловьева, составившие в своей совокупности обзор основных явлений русской историографии XVIII в. Ценность этого обзора не только

в его полноте, но и в умелом отборе историографических фактов, многие из которых впервые стали предметом историографического анализа. Соловьев определил начальную грань историографического проблемного поля – XVIII в., что очевидно было связано с оформлением научного знания в европейском интеллектуализме.

Основную задачу исторической науки середины XIX в. С.М. Соловьев видел в формулировании теории исторического процесса (он ввел в научный оборот и само понятие «историческая теория»), которая должна была лечь в основу пересмотра его конкретных проблем. Отдельные элементы взятого им на вооружение методологического подхода к анализу событий русской истории были переосмыслены, систематизированы, подкреплены обширным фактографическим материалом. Поэтому именно теоретическая основа составляет наиболее сильную сторону трудов Соловьева. Им были заложены основания профессиональной историографии в русской исторической науке.

Сформулированная С.М. Соловьевым в середины XIX в. «историческая схема» и полстолетия спустя продолжала еще оказывать определяющее влияние на отечественную науку в целом. По выражению А.Е. Преснякова, соловьевская «схема» стала «исходной точкой большинства дальнейших течений русской исторической науки»².

С этого времени историографические сюжеты прочно обосновываются в исторических исследованиях. Заняли в них свое место и историографические труды К.Н. Бестужева-Рюмина, который был тем ученым, для кого изучение истории исторической науки стало приоритетным.

С 1854 г. в печати появляются статьи Бестужева-Рюмина по поводу исторических работ С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина, В.И. Ламанского, М.П. Погодина, К.Д. Кавелина, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского. Каждый рецензируемый труд он позиционировал в контекст развития исторической науки, подчеркивал его научное значение, рассматривал новые проблемы, сформулированные в нем. Таким образом Бестужев-Рюмин отслеживал трансформацию исторической мысли.

Наиболее значительной работой Бестужева-Рюмина 1850-х годов была обширная статья «Современное состояние русской истории, как науки». Она была опубликована без подписи в «Московском обозрении» за 1859 г. Формально это была развернутая рецензия на первые восемь томов «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. Но реальное содержание ее гораздо шире. По существу, в этой статье Бестужевым-Рюминым впервые давалась краткая история исторической науки, начиная с XVIII в. Работа

Бестужева-Рюмина «Современное состояние русской истории...» стала для него основой всех последующих историографических трудов.

Однако главной заслугой Бестужева-Рюмина стало создание специальных историографических курсов, где подробно освещалось последовательное развитие в России исторических знаний. Обычно лекции начинались с «научной обработки истории» XVIII в. До этого столетия, справедливо утверждал Бестужев-Рюмин, происходил лишь процесс накопления исторических знаний в народном творчестве, в летописях и других древнерусских памятниках. Эти темы Бестужев-Рюмин считал достойными специального изучения, но сам концентрировался на истории как науке, которая не только сохраняет память о прошлом, но и осмысливает исторический процесс.

В сильно сокращенном виде материал историографических лекций Бестужева-Рюмина вошел в Введение к «Русской истории». Оно оказало влияние на многие последующие труды по русской историографии. Предложенная Бестужевым-Рюминым историографическая конфигурация заимствовалась М.О. Кояловичем и легла в основу труда В.С. Иконникова «Опыт русской историографии»³.

В 1882 г. вышел в свет историографический сборник Бестужева-Рюмина «Биографии и характеристики». В нем последовательно представлены ученые XVIII в.; конца XVIII – начала XIX в.; середины и второй половины XIX в. Бестужева-Рюмина более всего интересовала та историографическая ситуация, которая сложилась в начале XIX в., поскольку она определила дальнейшее развитие исторической науки.

Несмотря на то что К.Н. Бестужеву-Рюмину до конца не удалось осуществить свой основной замысел – создать целостный труд по историографии (к этому современная ему наука еще не была готова), его творчество было полезно для дальнейшего развития историографии.

Однако наибольшее влияние на образ историографии второй половины XIX в. оказали труды В.О. Ключевского.

Теоретические и историографические взгляды В.О. Ключевского выражены в специальных курсах. Открывал весь цикл курс «Методология русской истории»⁴ (1884/85 академический год), где Ключевский наиболее полно изложил свои теоретические подходы. Исходя из главной онтологической установки: метод определяется предметом, Ключевский сформулировал определение понятий «предмет исторического изучения», «исторический процесс», «историческое движение», «исторический закон», «исторический метод». В отличие от философа, изучающего откуда идет история и

куда она направляется, историк изучает, как совершается движение. Отвечая на вопрос, как это сделать, Ключевский давал характеристику методов изучения истории.

В.О. Ключевский хорошо видел недостатки изучения истории Отечества. Причины этих недостатков коренились во многих обстоятельствах. Прежде всего отсутствие контроля, проверки. «Историческая литература наша уединена от взора общеисторической науки, – писал Ключевский. – Историческая работа, какую ведет французская литература, стоит под контролем литературы английской, немецкой, вообще западноевропейской, а на нашу литературу никто не смотрит, результатов ее работы никто не проверяет... Причиной этого недостатка служит слабость ответственности, чувствуемой исследователями нашей истории. Они не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуя себя достаточно обязанными глубоко разрабатывать ее, вообще склонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений»⁵. Далее Ключевский развил эту мысль: «Когда немецкий ученый исследует специальный факт древней римской истории, он хорошо чувствует всю тяжесть им взятой на себя задачи; исследуемый им предмет имеет общенаучное значение, он должен исследовать его так, чтобы не отстать от того уровня, на котором стоит наука, должен сказать что-нибудь новое, и притом основательное. Когда исследуется факт нашей истории, этих требований часто не ставит себе исследователь, как бы и какой бы факт не был исследуем... Этому помогает и недостаток разработки, благодаря которому так легко сказать что-нибудь новое, сделать открытие, найдя давно всеми известный, но лежащий в углу, нетронутый материал; в этом состоят все открытия по русской истории»⁶.

В силу этого, по мнению Ключевского, устанавливается особый взгляд на отечественную историю. Ее рассматривают отдельно от общей истории и этот взгляд делит историю на две особые сферы: на историю всеобщую и историю русскую, поскольку в наивном географическом представлении русских, иронизирует Ключевский, мир делится на две половины – на Россию и за границу. Вот почему, утверждает Ключевский, занимающийся всеобщей историей не чувствует интереса к русской, а занимающиеся русской редко соприкасаются с вопросами истории всеобщей. А между тем, утверждал Ключевский, метод изучения русской истории может быть выработан только в связи с обобщениями всеобщей истории, может быть выведен только из метода общеисторического изучения⁷.

Настоящим предметом исторического исследования, по Ключевскому, являются не приключения или события, а быт, который слагается из необходимых явлений, «вызываемых повелительными

историческими причинами». Это – понятия, нравы, привычки, право. Событийная история может быть лишь предметом исторического изучения как «вспомогательный материал или как замена, если последний неизвестен»⁸.

В курсе по методологии Ключевский не раз обращался к трудам европейских ученых – Монтескье, Тэна, Баро, Фюстель де Куланжа, Мэна, Телона. Более подробно он останавливался на общих исторических теориях Боссюэ, Лорана и Гегеля. В результате Ключевский пришел к выводу, что «теории с одной стороны, шире, а с другой – уже истории; они не совпадают с историей, хватают то дальше ее, то не захватывают всей ее области, вообще, входят в нее клином»⁹. Разумеется, это рассуждения позитивиста, стремящегося к поиску универсалий. Но у Ключевского уже начали проглядывать и интуитивные догадки: метафизические теории показывают откуда идет история и куда она направляется. Но для историка важно не это, историк изучает процесс, само движение. Надо отметить, что в результате своих размышлений Ключевский пришел к справедливому выводу: наша отечественная история еще лежит на полках.

Специальный историографический курс В.О. Ключевского менее интересен, чем методологический. Из курса Ключевского по истории исторической науки сохранились рукописи 90-х годов XIX в. Здесь автор ставит важный вопрос о переходе русского бытописания от летописи к историографии. Начало превращения исторического знания в историческую науку Ключевский обоснованно относит ко времени Петра I, находя проявление этого процесса в трудах В.Н. Татищева. В сравнительно подробном изложении сохранились лекции Ключевского по историографии XVIII в. Ведущим принципом при рассмотрении произведений исторической мысли был для Ключевского вопрос о проявлявшемся в них «национальном самолюбии» и о степени воздействия на их авторов западноевропейских теорий¹⁰.

Для своего времени теоретико-методологические воззрения В.О. Ключевского были наиболее продвинутыми. Он внес значительный вклад в разработку методологии и историографии русской истории.

Однако слава создания уникального произведения по истории исторической науки в классической историографии принадлежит П.Н. Милокову.

Труд П.Н. Милокова «Главные течения русской исторической мысли»¹¹ – итог его лекций, прочитанных в Московском университете в 1886–1887 гг. Книга охватывает период с XVII в. до начала XIX в. и завершается рассмотрением «Философического письма» Чаадаева. Подобное исследование еще не осуществлялось в рос-

сийской историографии. Прежде имели место только две крупные попытки в этом направлении. Первая из них – «История русского самосознания» М.И. Кояловича самим заглавием предполагала представить историю исторической науки на теоретическом основании. Однако во второй половине XIX в. уже невозможно было серьезно воспринимать утверждение, что историография может быть историей самосознания. Реально у Кояловича все свелось к тому, что все деятели науки разделены на два лагеря – свои и чужие. Чужих (а это немцы-западники) Коялович уличает в непрерывном полуторовековом заговоре против русского национального самосознания.

Вторая попытка – это фундаментальная работа В.С. Иконникова, которая вышла в 1891 г. Но в этом капитальном труде содержится только обозрение источников и хранилищ исторического материала.

Интерес Милюкова к истории исторической науки не был случайным. В занятиях Милюкова историографией реализовалась его потребность в интеллектуальном осмыслении условий умственной деятельности вообще и ученого историка в частности. В этом ключе «Главные течения русской исторической мысли» дают полное представление о развитии исторического знания в России, о взглядах Милюкова на творчество крупных российских историков – Болтина, Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьева, Кавелина, Чичерина, Ключевского, раскрывают особенности историографического процесса конца XIX – начала XX в, отличительной чертой которого, по мнению Милюкова, была преемственность. Оценки, которые Милюков дает тому или иному историку, учитывают разные стороны его интеллектуальной жизни.

История исторической мысли рассматривается Милюковым как процесс развития, основанный на общем мировоззрении эпохи. Теория истории, по его мнению, часто развивается вне собственно исторического знания. Милюков первым в русской исторической науке задался целью определить, что является предметом историко-научного исследования. Он писал: «Предлагаемые очерки имеют целью дать общую картину развития и взаимной смены тех теорий и общих взглядов, которые осмысливали ... специальную работу над русской историей. Ставя себе такую задачу, мы... уже понимаем, ... что общее течение русской историографии всегда обуславливалось некоторыми основными взглядами, теориями и системами и всегда находилось в более или менее тесной связи с развитием общего мировоззрения. ... Пересмотр с указанной целью главнейших фактов русской историографии будет... делом далеко не лишним... Теоретические воззрения на задачи исторического изучения так быстро

развились во второй половине нашего века (XIX в. – *Н.И.*) ...что теория далеко обогнала специальную разработку исторического материала»¹². Главнейшая же задача исторической науки состоит в сведении того или другого частного взгляда или специального вывода к цельному мировоззрению.

Остается сказать о тех хронологических рамках, в которых должны быть отслежены «главные течения русской исторической мысли». На пространстве двух последних веков развитие русской исторической науки распадается на два периода, резко различных по своим основным принципам. Каждая эпоха, по мнению Милюкова, создает свой тип ученого-историка. Восемнадцатый век с его практическим и рационалистическим взглядом подготовил условия для возникновения прагматического мировоззрения. Появляется тип ученого историка-утилитариста, каковым был В.Н. Татищев. Особую окраску приобретают и ученые иного склада – М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, воззрения которых определялись естественно-научными теориями, влиянием географических условий.

Для XIX в. характерен иной подход к пониманию истории. Идея органического развития, идея закономерности становится ведущей темой в рассматриваемом Милюковым процессе развития исторической мысли. Эти идеи Милюков анализирует в контексте творчества С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина.

Первый период можно назвать периодом практического понимания задач историка. Характеристикой второго служит развитие представления об истории как науке. Переход от практического к научному пониманию задач исторической науки вызван успехами развития научности на Западе. В первый период историческая наука в России не имела постоянной структуры для своей разработки. Во второй период историческая наука стала университетской наукой, достоянием профессиональных ученых.

Если необходимо точно определить границу между этими двумя периодами русской исторической науки, то это 1826–1827 гг. Золотая дворянская молодежь уступает в это время место московской университетской молодежи из разночинцев. В 1827 г. в печати впервые встречается мысль об «истории как науке» в «Вестнике Европы». Таким образом, первый период русской исторической науки можно определить с начала XVIII в. до Карамзина включительно, второй период – с Карамзина до конца XIX вв.¹³

П.Н. Милюков четко не определяет предмет историографии, но и по хронологии, и по содержанию его версия укладывается в формулу «историография – это история исторической науки», при этом акцент делался на внутренних факторах развития науки: философских основаниях, проблематике, концепции и методологии, источ-

никовой базе. Такое понимание предмета историографии явилось квинтэссенцией всего предыдущего периода развития исторической мысли и высшей точкой позитивистской модели отечественной историографии, которая была сориентирована на профессиональное академическое сообщество. Данный подход к пониманию существа историографии имел большое исследовательское будущее, но в силу политических обстоятельств в России оказался невостребованным.

После потрясений 1917 г. профессиональной исторической науке в России была уготована тяжелая судьба: «старая» наука была отвергнута по идеологическим и классовым соображениям, а «новую» было некому и не из чего созидать. До середины 30-х годов XX в. было даже приостановлено преподавание истории в школе. Но как только преподавание истории было восстановлено, начала возрождаться и отечественная историография. Каков же стал ее новый облик?

В первой половине 1941 г. вышла в свет книга Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»¹⁴. Особое ее значение заключается в том, что это был первый обобщающий труд по русской историографии в советской историографической литературе, притом труд одного автора. Особенность рассматриваемой работы заключалась в том, что каждая глава открывается библиографической справкой, которая включала 1) источники, т.е. труды самих историков, которым посвящалась та или иная глава; 2) литература о данном историке – дореволюционная и советская. Это делалось впервые. Наименование книги «Русская историография» правомерно ограничивало ее тему и задачи. Однако хронологические рамки были очень широки – с древнейших времен до начала советского периода исторической науки. Расширение этих рамок автор никак не обосновывает. Складывается впечатление, что он просто стремился уйти от модели классической историографии.

Сам факт издания систематического курса дореволюционной русской историографии более чем значителен. Многие темы Н.Л. Рубинштейну пришлось разрабатывать заново. Таким образом, создание книги Рубинштейна имело положительное значение. Однако для данной статьи принципиально важно подчеркнуть два новационных момента этой работы: определение автором предмета историографии и особенности хронологических рамок.

Во введении Н.Л. Рубинштейн конструирует оригинальную модель историографии. Автор трактует историографию как историю исторической науки. При этом он совершенно справедливо старается определить время возникновения исторической науки. Он пишет, что историческую науку часто смешивают с непосредственным запасом исторических знаний. Процесс накопления исторических

знаний, конкретного исторического материала – необходимая база, на которую опирается наука в своем развитии. «Но только теоретическое осмысление внутренней связи явлений, только теоретическая мысль, раскрывающая в разрозненных фактах реальную систему действительных отношений, – пишет Рубинштейн, – превращает знание отдельных исторических фактов в действительное познание истории, историческое знание – в историческую науку»¹⁵. Поэтому и задача историографии как истории исторической науки – не простое подведение итогов и суммирование накопленных фактических знаний, – она изучает рост и развитие науки, ее содержания, историю творческого пути науки в развитии научной мысли.

Историография как наука появляется позже самой истории, так как предполагает в качестве предпосылки существование истории как науки. Поэтому для историографии нет места ни в античном мире, ни в средние века, когда история причисляется к искусствам или служит религиозно-нравоучительным целям. Для этого периода отсутствует самая проблема истории как науки. Необходимость перехода от простого воспроизведения факта к познанию его смысла и значения, необходимость критики самих исторических представлений в истории европейских стран осознается на переломе от XVII к XVIII в. **Это время и является, по мнению Рубинштейна, временем превращения исторических знаний в историческую науку.** В порядок дня становятся два важнейших вопроса, определивших историю как науку. С одной стороны, проблема исторического процесса; с другой – вопрос о самом познании исторических событий на основании свидетельств источников, проблема источниковедения. Но история в это время только “примкнула” к философии и практике. Преодолеть эту разобщенность удалось только в XIX в. Современную историческую науку Гегель, по утверждению Рубинштейна, определяет как «философскую историю», как «мыслящее рассмотрение» исторического процесса.

Исходя из такого понимания истории исторической науки Рубинштейн дает определение предмета историографии: «Задача русской историографии – дать историю развития русской исторической науки в условиях развития русской истории, в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания»¹⁶.

Рациональным в этом определении было указание на необходимость изучать «историю русской исторической науки». Еще одним достоинством этого определения стало сглаживание «классовости» в науке, отсутствие искусственной акцентировки на борьбе различных классовых направлений в исторической науке, что безусловно ставилось в то время в вину автору.

Однако крайне обедненной представлена в книге Н.Л. Рубинштейна предшествующая русская историографическая литература. Одним из первых историографических очерков он выделил труд С.М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII в.», но подчеркнул его сугубо описательный, почти справочный характер. Первым опытом курса русской историографии Рубинштейн признает скорее книгу М. Кояловича «История русского самосознания». Но работа Кояловича, по мнению Рубинштейна, примыкает к славянофильству, что и определяет трактовку в ней отдельных исторических теорий.

Общий обзор – «Главные течения русской исторической мысли» П.Н. Милюкова – оценен удивительно несправедливо. По мнению Рубинштейна, «историческая мысль» фактически целиком и полностью оторвана автором от исторических основ ее формирования. Во-первых, это вовсе не так, ибо автор пишет, что речь идет о сменяющихся течениях в науке, а, во-вторых, лучшие свои идеи сам Рубинштейн позаимствовал именно из труда П.Н. Милюкова.

Другие же историографические работы, с точки зрения Рубинштейна, являются либо биографическими, либо библиографическими. Яркий пример тому – книга К.Н. Бестужева-Рюмина «Биографии и характеристики», «Опыт русской историографии» В.С. Иконникова или курс историографии Д.И. Багалая.

Таким образом, если исходить из того содержания, которое Н.Л. Рубинштейн вкладывает в понятие историографии как истории исторической науки, то остается не совсем понятной структура его труда. Каким образом исторические знания, т.е. донаучный период до XVIII в., хронологически и содержательно попадают в архитектуру «Русской историографии»? С идеологической точки зрения это объяснимо, с академической – вряд ли. Обоснование научности истории само по себе представляет проблему, и в этом ключе историографию как историю исторической науки правомерно начинать лишь с XVIII в., как это и было принято в классической историографии. Только стремление к внешнему отмежеванию от классической историографии как враждебной и ненаучной модели могло привести к расширенному толкованию предмета историографии. Однако именно этот идеологизированный подход Н.Л. Рубинштейна к определению границ проблемных полей истории исторической науки закрепился в советской историографии и был развит и конкретизирован в последующих обобщающих трудах.

Выход в свет работы Н.Л. Рубинштейна свидетельствовал о все возрастающей необходимости фронтальной разработки истории исторической науки как самого слабого участка в советской исторической науке. Эту сложную задачу должно было взять на себя

новое обобщающее издание. Предполагалось, что оно выполнит ее на более высоком исследовательском уровне, учтя при этом жесткую идеологическую критику, которой подверглась «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна. Так родилась и оформилась идея написания многотомных «Очерков истории исторической науки в СССР».

В 1955 г. вышел в свет первый том «Очерков истории исторической науки»¹⁷ под редакцией М.Н. Тихомирова. Предметом освещения в книге явилась не только русская историография, но история исторических знаний у других народов СССР, а также историография всеобщей истории. Это делалось впервые в науке. Важно, что в текст первого тома были включены специальные главы, посвященные развитию археологии, этнографии, востоковедению, славяноведения и византиноведения, изучению экономической истории и публикации исторических источников. Своей задачей авторы тома считали необходимость проследить тесную связь идейно-политического мировоззрения историков различных направлений, вскрыть социально-политическое значение исторических концепций, подчеркнуть общественное значение исторической науки.

В данной статье внимание будет сконцентрировано на анализе проблем отечественной историографии в «Очерках истории исторической науки» ввиду того, что автор сам является специалистом в этой области и свою модель предмета историографии предполагает выстраивать на материале историографии истории России.

Многие главы и разделы первого тома «Очерков...» содержат результаты оригинальных исследований в области историографии. Таковы главы об исторических знаниях и исторических представлениях X–XVIII вв., написанные М.Н. Тихомировым. Свою главную задачу автор видел в выявлении определяющей связи феодальных отношений и русской исторической мысли. Центральное место в труде отводилось исследованию исторических взглядов представителей западнического направления русской историографии. В «Очерках» определен круг проблем, занимавший историков всеобщей истории и тесно связанный с русской действительностью как отмена крепостного права. В свое время все это трактовалось как достоинства работы. Но в первом томе «Очерков...» присутствовали и явные недостатки. И главным из них явилось определение самого предмета исследования.

В основание исследовательской модели первого тома авторы заложили идею тесной связи политических и идейных позиций историка. Во введении читаем: «Историография – наука, изучающая историю накопления знаний о развитии человеческого общества, упорного усовершенствования методов исторического исследова-

ния, историю борьбы различных течений в области истолкования общественных явлений, отражающая борьбу классов, историю раскрытия законов исторического развития, историю победы марксистско-ленинской исторической науки над буржуазной псевдонаукой... Историография имеет единую со всеми общественными науками теоретическую и методологическую основу – исторический материализм...»¹⁸. Такая жесткая формулировка объясняет то, что в советской версии историческая наука полностью отождествляется с марксизмом. Это приводит к тому, что история исторической мысли сбивается на изложение истории общественно-политической мысли, а специфически важным сторонам исторической науки уделено совершенно недостаточное внимание. Схема тома отрывает изложение истории развития исторических концепций от истории накопления и изучения фактического материала. Практически не уделено внимания вопросам философии истории, методологии исторического исследования. Это неоправданно оттесняет на задний план «профессиональную» историческую науку. Между тем именно в профессиональной науке шел активный процесс собирания и изучения исторического материала, создавались исторические концепции, а общественная мысль черпала аргументы и выводы из трудов профессионалов, а не наоборот.

Превратно понятое решение вопроса о предмете изложения повлекло за собой и трудности с периодизацией истории исторической науки. Первый том «Очерков» содержит материал от древнейших времен до отмены крепостного права в 1861 г. Авторы исходили из того, что развитие науки определяется социально-экономическим развитием общества. Но даже при этом неправомерно механически переносить общеисторическую периодизацию на историю самой науки, развитие которой имеет свои особенности. Такой механический перенос привел к неудачному изложению материала.

Авторы первого тома не смогли дать взвешенную научную оценку достижениям ученых, внесших решающий вклад в отечественную историческую науку. В первую очередь это относится к характеристике творчества С.М. Соловьева. Глава о Соловьеве написана в «Очерках» очень расплывчато. В ней употребляются такие уклончивые выражения, как «пытался», а не «сумел», что оставляет открытым вопрос о вкладе Соловьева в историческую науку. Общая же оценка творчества Соловьева сопровождается многочисленными оговорками: Соловьев лишь «может быть, ближе всех подошел к реализации принципа историзма», а его труды явились «в известной мере вершиной буржуазной исторической науки в России»¹⁹. Что такое «вершина в известной мере» понять трудно.

Авторы «Очерков» не видят ничего положительного в трудах представителей «государственной» школы в русской историографии, хотя труды историков и историков права этого направления означали интеллектуальный прорыв в отечественной науке.

Стремясь доказать превосходство русской исторической мысли над западноевропейской, авторы «Очерков» в противовес «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна сознательно шли на натяжки и преувеличения. Наиболее показателен по своей надуманности пример с М.В. Ломоносовым, который якобы «впервые приблизился к постановке вопроса о создании истории народов, а не царей. В этом отношении он в своих трудах далеко опередил историографию Западной Европы 18 в.»²⁰.

В «Очерках» не отмечается влияния западноевропейской философии, и прежде всего философии Гегеля на отечественную историческую науку. Так без всяких оснований отрицается приверженность М.Т. Каченовского к критическому методу Нибура. Отличительной чертой первого тома «Очерков» вообще стало правило завершать параграфы и главы декларативным заявлением о превосходстве русской исторической мысли. Но в чем конкретно заключалось это превосходство и каких ученых стран Европы обогнала русская наука, какие выводы были сделаны русскими учеными раньше западноевропейских – об этом ничего не говорится.

В этом отношении изумление вызывают некоторые положения, выдвинутые во введении к «Очеркам». В нем сформулирована идея, что всю историю исторической науки в плане периодизации следует разделить на два периода – домарксистский и марксистский. Но едва ли разумно весь домарксистский период характеризовать как донаучный. С этой точки зрения все развитие исторической мысли, изложенное в первом томе «Очерков», лежит за пределами науки. Зачем тогда писать книгу? И как можно зачеркивать всю науку первой половины XX в.!?

Эти недостатки в конечном итоге сказались на содержании всего тома. Предмет историографии в том виде, в каком он был сформулирован в первом томе «Очерков...» при воплощении в практику историописания оказался непроработан. Но именно первый том закрепил традицию расширенного толкования предмета историографии.

Второй том «Очерков» вышел в свет в 1960 г. уже после XX съезда КПСС, что положительно сказалось на его содержании²¹. Том посвящен истории исторической науки второй половины XIX в. Несомненным достоинством работы является широкий круг проблем, которые в ней рассмотрены. Авторы не только разобрали основные направления в русской историографии, но и представили как шло

в России изучение истории Древнего мира, Средних веков, Нового времени, славян и Византии, а также Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. В книге имеются очерки, посвященные источниковедению, архивному делу, археологии и этнографии. Специальная глава отведена изучению в России вспомогательных исторических дисциплин (палеографии, дипломатики, хронологии, нумизматики, метрологии, сфрагистики, генеалогии и исторической библиографии).

Такого разностороннего образа истории русской исторической науки второй половины XIX в. еще не было. Параграфы по истории историографии (историография второй степени), по истории источниковедения и исторической географии стали важным вкладом в науку. Однако и во втором томе не хватает итоговых глав, дающих представление о науке в целом.

Недостатком тома является отсутствие развернутой характеристики позитивизма как теоретической основы русской историографии 70-х годов XIX в. Авторы не менее 10 раз сообщают, что позитивизм был модным течением. Они говорят о дани, которую отдал позитивизму Н.Я. Данилевский, о позитивизме в трудах В.И. Сергеевича, о месте позитивизма в мировоззрении В.О. Ключевского, о позитивизме П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. Тем более необходима общая характеристика позитивизма в русской историографии и оценка важнейших течений внутри позитивизма.

В духе времени авторы тома сконцентрировались на социально-политических взглядах историков, но при этом не обращали должного внимания на особенности их исторических концепций, на отличительные черты их крупнейших исследований. Читатель ничего не узнает о труде В.И. Сергеевича «Древности русского права», активно востребованного историками-мидиевистами. Характерные особенности воззрений Б.Н. Чичерина, В.И. Сергеевича или Ф.И. Леонтовича на историю Древней Руси вовсе ускользают в изложении авторов тома, хотя историко-правовая концепция Ф.И. Леонтовича весьма отличается от взглядов В.И. Сергеевича.

Факт кризиса буржуазной историографии является непреложным для авторов издания, и при оценке творчества отдельных историков они исходят именно из него. Но даже такой предвзятый подход не должен был автоматически повлечь за собой утверждения, что творчество каждого историка с середины 90-х годов XIX в. непременно идет под уклон. Однако во втором томе «Очерков...» движение исторической науки изображается именно по нисходящей.

Следует отметить, что авторы второго тома «Очерков» уделили явно недостаточно внимания источниковедческой основе анализируемых работ, что лишило их возможности дать обоснованную характеристику научного значения того или иного труда.

В начале 1960-х годов в научной литературе под влиянием «Очерков» стало распространяться более широкое понимание истории исторической науки. Так, А.Л. Шапиро сформулировал следующее определение: «История всякой науки – это прежде всего новые научные открытия и их внедрение в жизнь и практику»²². Чрезвычайно симптоматичным, что называется в духе времени было определение предмета историографии, данное в 1962 г. А.М. Сахаровым: «Историография является особой областью исторической науки, имеет свой предмет, свою проблематику, свои приемы исследования и обобщения материала, вытекающие из общих принципов марксистско-ленинской методологии изучения исторических явлений и процессов...»²³. Это определение можно было бы приветствовать, если бы не перечеркивающий всю его научную интенцию критерий – «принципы марксистско-ленинской методологии» – сформулированный автором.

В третьем томе «Очерков истории исторической науки в СССР»²⁴ освещается история отечественной науки со второй половины 1890-х гг. до 1917 г. В то время это был наименее изученный этап развития исторической науки. Разделы, посвященные этому времени, были в книге Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», в труде под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева «Историография истории СССР» (М., 1961), этот же период рассматривал в работе А.Л. Шапиро «Русская историография в период империализма» (Л., 1962). Но редколлегия третьего тома «Очерков» сочла, что это были обработанные для печати лекционные курсы, которые не отменяют необходимость решать важнейшие историографические проблемы.

В первой части издания рассматривается начало ленинского этапа в развитии исторической науки, во второй – кризис так называемой буржуазной исторической науки в период империализма, при этом «кризис» идентифицируется не как точка роста, а как проявление упадка. Данная структура тома определила и отбор фактов, и логику изложения и характер обобщений.

Первая часть третьего тома «Очерков» в настоящее время совершенно утратила свое значение. Следует лишь отметить, что в третьей главе сделана попытка реабилитации М.Н. Покровского в марксистской разработке истории России.

Во второй части тома говорится только о кризисе буржуазной историографии. Такова сверхидея, под которую подрабатывается содержание всех глав и разделов. Однако четко ни начального ни конечного рубежа этого кризиса авторы не смогли указать. Такой подход привел к известному упрощению, сужению и передеформированию конкретного материала.

Все это отразилось на содержании тома. В разделе «Философские основы буржуазной историографии» дан анализ ряда теоретических работ крупных историков того времени, сопоставляются методологические позиции Н.И. Кареева и В.И. Герье. Однако как ни пытаются авторы навязать читателю мысль, что теоретические труды этих историков – суть проявления кризиса исторической науки, результата они не достигают.

Третий и четвертый разделы соответственно – «Университетские центры буржуазной исторической науки» и «Исторические журналы и периодические издания» – излишне сжаты и не представляют даже оправданного минимума необходимых сведений.

Следующая глава – «Изучение русской истории» – занимает по своему значению центральное место во второй части тома. Она разделена на три раздела. В первом – «Основная проблематика и методология коллективных работ» – все усилия авторов направлены на доказательство несостоятельности решения узловых проблем истории России в указанных трудах. Согласиться с выводами авторов раздела сложно в виду их априорности.

Во втором разделе главы на основании весьма одностороннего и нарочитого разбора общих концепций русского исторического процесса в университетских курсах делается вывод о принципиальной невозможности объяснить в них общее и особенное в истории России, что и является, по мнению авторов, проявлением кризиса исторической науки.

Не лучше обстоят дела и при анализе материала третьего раздела «Проблематика монографических исследований в буржуазной историографии», где все исследования систематизированы по шести направлениям: история русского государства, аграрная история и история крестьянства, история промышленности и торговли, история рабочего класса, история общественной мысли и общественного движения, история внешней политики. Здесь впервые столь репрезентативно рассмотрены монографические исследования русских историков. Но весь пафос был направлен на выявление отрицательного воздействия мнимого «кризиса» исторической науки на характер исследований. В результате эмпирический материал был сконструирован таким образом, что пришлось исключить из общего исследовательского поля анализ вклада отдельных крупных историков. Линия на безусловное выявление кризиса во всей исторической науке была доведена до такого предела, что теоретические воззрения В.И. Герье, Л.П. Карсавина, А.С. Вязигина, составившие безусловное достижение исторической науки, объявлялись религиозно-мистическим уродливым порождением этого кризиса.

Глава 11 отдана специальным историческим дисциплинам. Ее первый раздел – «Историография» – сфокусирован на разборе в свете кризиса исторической науки только двух трудов: монографии П.Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли и труда В.С. Иконникова «Опыт русской историографии». Книга Милюкова создавалась в 80–90-е годы XIX в., а труд Иконникова вышел в 1908 г. Историографические обзоры и статьи, написанные в последнее десятилетие перед Октябрем, выпали из поля зрения авторов. Такое сужение хронологических рамок и непонятно, и недопустимо, поскольку историография является важнейшим показателем теоретико-методологического состояния исторической науки.

В разделе «Источниковедение» так своеобразно проанализирован алгоритм развития этой важной для исторической науки дисциплины, что значительные достижения источниковедения в области текстологической критики источника, осуществленной в трудах А.А. Шахматова, не попали в поле зрения авторов.

Один из существеннейших недостатков третьего тома «Очерков» – отсутствие выводов как по разделам и главам, так и по тому в целом. Авторский коллектив был склонен скорее к эмпирическому изложению материала, чем к анализу, а редколлегия либо не могла, либо не знала как исправить ситуацию.

Дальнейшее расширительное толкование предмета историографии было представлено в статье М.В. Нечкиной «История истории. (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)»²⁵. В ней были очерчены важнейшие задачи историографического исследования, рассмотрен весь комплекс источников, поставлен вопрос об историографическом факте. Эволюция трактовки предмета историографии в советской исторической науке шла, таким образом, в направлении от сведения историографии к разновидности истории общественно-политической мысли до самого широкого охвата всех возможных произведений культуры на историческую тему. Понимание историографии как истории исторической науки с акцентом на внутренние факторы науки, характерное для классической историографии, трансформировалось в определение историографии как истории историописания с упором на вненаучные воздействия.

Четвертый том «Очерков истории исторической науки в СССР»²⁶ вышел в свет в 1966 г. Это был первый том, посвященный истории советской исторической науки. В нем ставилась задача проследить развитие историографии, начиная с Октябрьской революции и кончая серединой 30-х годов XX в. В столь обширных масштабах история советской исторической науки еще не изучалась.

Замысел книги заключался в следующем: показать превращение марксистско-ленинского направления, начавшего оформляться якобы еще до Октября 1917 г., в господствующее и ведущее в историографии нашей страны и обосновать дальнейшее развитие и углубление кризиса буржуазной историографии и ее неизбежного краха после Октября. Именно эти идеи определили как интеллектуальную конструкцию тома, так и неизбежные идеологические деформации текста. Поэтому на конструктивных составляющих этой модели необходимо остановиться специально.

Всю книгу объединяла мысль, что становление и развитие советской историографии связано с трудами В.И. Ленина. В первой главе четвертого тома «В.И. Ленин – основоположник советской исторической науки» был сформирован миф о разработке в трудах Ленина вопросов теории и методологии исторического исследования и существовании ленинской исторической концепции. Именно это стало теоретическим основанием всей книге. В главе подчеркивается, что еще до 1917 г. В.И. Ленин создал марксистскую концепцию отечественной истории, разработал научный метод ее изучения. Ближайшие соратники Ленина, по утверждению авторов тома, также внесли свой вклад в марксистское истолкование истории. Такая постановка вопроса объясняет, почему в «Очерках» обосновывается столь неоправданно широкое понимание предмета историографии: в другом случае совершенно невозможно было бы вписать в научное историографическое пространство абсолютно непрофессиональный феномен «марксистско-ленинской историографии».

Идеологическую нагрузку несет и другая глава четвертого тома, посвященная марксистско-ленинским теоретическим и методологическим основаниям советской исторической науки. В основу ее построения была заложена мысль, что Октябрьская социалистическая революция продемонстрировала жизненную силу марксизма-ленинизма и полную несостоятельность буржуазных доктрин.

Установки этих двух глав определили конкретную тематику отечественной истории, конфигурацию проблемных полей и способ подачи историко-научной фактографии во второй части тома.

В главах, посвященных историографии досоветского периода, в духе «марксистско-ленинского» подхода основное внимание сконцентрировано на проблемах социально-экономической и политической истории: характере производства и сущности общественных отношений в Киевской Руси, «марксистском» понимании генезиса феодализма на Руси, проблеме образования Русского централизованного государства, истории крестьянских войн XVII–XVIII вв., социально-экономической истории России XIX в. и историко-революционной тематике. Подчеркивалось, что эта проблематика

хорошо «обжита» классической или, в терминологии авторов четвертого тома, «буржуазной» историографией, переживавшей глубокий кризис. Молодая марксистская научная поросль крепла в боях с буржуазной исторической мыслью, создавая, по мнению авторов, единственно верное понимание отечественной истории.

В изучении истории советского общества бороться с заблуждениями «буржуазной» историографии не было нужды, здесь историки-марксисты могли бы показать свое исследовательское мастерство. Авторы тома попытались обобщить достижения советских ученых в изучении истории Октябрьской революции, Гражданской войны, истории социалистического строительства и внешней политики СССР. Дискуссии теперь шли в среде самих историков-марксистов. Главная задача для них заключалась в «освоении ленинского теоретического наследия» и подработки под него фактического материала. Это называлось «единственно верным» научным исследованием.

Значительное внимание уделено в главе дискуссиям, развернувшимся в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. по различным проблемам истории, в первую очередь по принципиальному для марксистов вопросу об общественно-экономических формациях. Но дискуссии в советской исторической науке никогда не имели характера интеллектуальных коммуникаций. Это был способ репрессивного давления на ученых. Однако в четвертом томе «Очерков» дискуссии оцениваются как показатель теоретического роста советской исторической науки, как способ перехода ее к новому этапу.

К общим недостаткам книги относится частое необоснованное превращение историографии в библиографию: вместо отбора и анализа наиболее важных работ наличествует лишь перечень трудов. Авторы тома стараются не показывать теневые стороны развития советской исторической науки до середины 30-х годов XX в., связанные с недостатками исторического образования в этот период.

Таким образом, в четвертом томе «Очерков истории исторической науки» наиболее ярко проявились деформации в понимании предмета историографии, характерные для советского периода. В предмет историографии стали включать изучение организационных и социальных принципов функционирования науки, кадров исторической науки и эволюцию системы исторического образования. Предмет историографии разбух до неоправданных размеров, что создавало совершенно новую интеллектуальную ситуацию: внимание переключалось с теоретических проблем на научно-организационные. В данном случае историки оказались заложниками истматовского определения науки, которое гласило: «Наука есть сфера исследовательской деятельности, направленная

на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении и включающая в себя все условия и моменты этого производства: ученых с их знаниями и способностями, квалификацией и опытом, с разделением и кооперацией научного труда; научные учреждения; методы научно-исследовательской работы, понятийный и категориальный аппарат, систему научной информации...»²⁷. При таком понимании исторической науки в интерпретации предмета историографии на задний план оттеснялась научная концепция как главный фактор в истории науки и итоговая цель ее изучения.

Пятый том «Очерков истории исторической науки»²⁸, готовившийся на рубеже 50-х – начала 60-х годов, но вышедший лишь в 1985 г., через 19 лет после четвертого тома, продемонстрировал тупик, в который попали редколлегия и авторы издания.

В пятом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» предпринята попытка обобщить то, что было сделано советской исторической наукой с середины 30-х до конца 60-х годов. В рассматриваемом труде анализируется состояние только отечественной истории. По структуре этот том в основе совпадает с вышедшим много ранее четвертым томом «Очерков...», повторяя таким образом, его недостатки. Однако в нем либо не удалось, либо уже не считали нужным так объемно как в четвертом трактовать предмет историографических исследований.

Первая часть книги посвящена общим вопросам развития советской исторической науки, а именно: предвоенные годы и годы Великой отечественной войны; первое послевоенное десятилетие; вторая половина 50-х и 60-е годы. В основных чертах редколлегия тома представляла такую структуру как внешнюю форму периодизации развития советской историографии. Также в ней рассмотрены вопросы организации исторической науки, исторического образования, периодики. Освещение этих вопросов связано с выяснением статуса исторической науки. Именно с развитием теоретических и конкретных исследований стали очевидны недостатки ряда имевших место в 20-е годы схематических построений «социологизации истории».

В томе подчеркивалась возросшая социализация историографии: во время Великой Отечественной войны на первый план выдвинулась задача изучения истории борьбы народов СССР за национальную независимость. В послевоенный период характерной особенностью историографической проблематики стала ее нацеленность на решение социально-экономических и идеологических задач. К концу 60-х годов, по мнению авторов «Очерков...», в значительной мере была устранена неравномерность в разработке конкретных проблем истории.

Авторскому коллективу удалось практически охватить все аспекты исследований советских ученых по отечественной истории, проведенных с середины 30-х до конца 60-х годов. При этом выявлено, что примерно с середины 50-х годов в советской исторической науке начался заметный качественный сдвиг, связанный с переходом от подготовки преимущественно локальных исследований к созданию крупных обобщающих трудов.

В теории историографии одним из нерешенных в тот период вопросов оставался метод историографических оценок. В данной книге это сказалось на том, что отдельные ее части и разделы не были едины в подходе к решению поставленных задач. Так, в одних главах достигнут высокий уровень историографического анализа и авторам удалось выйти на новый уровень обобщений, в то время как в ряде других разделов наблюдается движение исследовательской мысли только по линии детализации предметной, тематической стороны.

Мало внимания уделено характеристике методологических исследований, проводившихся на рубеже 50–60-х годов. А ведь с учетом этих исследований правомерно говорить об огромном влиянии историографии на формирование научного мировоззрения и эффективность исторического образования. Пятый том «Очерков...» наглядно продемонстрировал, что пока не удалось преодолеть дистанцию между значительным объемом накопленных исторических знаний и уровнем их теоретического осмысления.

Таким образом, многотомное издание «Очерков истории исторической науки» является крупным историографическим фактом, в котором в концентрированной форме отразились все сложности общей и проблемной историографии за 30 лет ее развития. По текстам 5-томника несложно проследить динамику в понимании предмета историографии, его все расширяющуюся внутреннюю структуру, раздвигающиеся хронологические рамки, вовлечение все более далеких от профессиональной науки сюжетов и сужающуюся сферу анализа внутренних факторов науки. То есть содержание предмета историографии складывалось эмпирически. При этом каждый новый поворот был инициирован, как правило, внешними, конъюнктурными причинами. Именно поэтому на современном уровне науки исследователей уже не может удовлетворять понимание предмета историографии ни в классической, ни в советской версии: изменилось время, а вместе с ним и теоретические запросы и предпочтения.

В конце XX в. отечественная историческая наука претерпела существенные подвижки: советский историографический проект, функционировавший более 70 лет, был подвержен серьезной крити-

ке и трансформации. Это произошло, во-первых, потому, что имел место переход к иному социально-политическому строю, во-вторых, потому, что произошло снижение эвристической значимости марксистского мировоззрения.

Борьба с выводным знанием последней трети XX в. привела к значительным сдвигам в историографии: исследователи наконец осознали глубокую теоретичность своей науки. Утверждается мнение, что если XIX в. прошел при доминировании источниковедения в исторической науке, то XX в. ознаменовался первенством историографии.

Для современного российского научного пространства характерен иной способ историографического проектирования: механизмы внутренней детерминации являются преобладающими. Отечественная историография развивается в рамках интеллектуального плюрализма, который выражается в наличии конкурирующих моделей прошлого. Российское историографическое пространство развивается как полифоническая система, в рамках которой сосуществуют различные направления, исследовательские проекты, идеи и тенденции.

В современной гуманитаристике наука трактуется как одна из культурных практик, конструирующих знание. Таким образом, развитие историографии носит кумулятивный характер: историографический дискурс постоянно накапливает содержание – нарративные интерпретации прошлого²⁹. Толкование, или «искусство интерпретации», влечет за собой увеличение количества репрезентаций одного и того же исторического феномена³⁰. Это позволяет анализировать определенное видение прошлого как интерпретивную модель, осуществляемую по правилам профессии. Для специалистов-историков прошлое уже давно не то, что было на самом деле, и даже не реконструкция, а образ, репрезентация или конструкция.

Таким образом, историография приобретает значение основной формы коммуникации в исторической науке, а это возвращает нас к проблеме современного определения предмета историографии – важнейшей методологической категории, которая конструирует все ее содержание как самоценной исторической дисциплины, от которой зависят границы проблемных полей и исследовательская культура историка. Это даст возможность включиться в современную историческую науку, в рамках которой происходит активное обращение к социальным и когнитивным основаниям конструирования знания об исторической реальности. Стало быть для профессионалов настало время новой дискуссии о современном понимании предмета историографии. Прав Ф. Анкерсмит, который справедливо заметил: «Ясно и имплицитно формировать общие правила в соответствии с которыми

должны быть сделаны решающие соображения в историографических дебатах – это задача не философов истории, а историков»³¹.

В этом контексте возможно рассмотреть версию понимания историографии как формы бытования исторического знания, которая может легитимизировать расширение хронологических рамок и усложнение проблематики исследований. Тогда у историков не будет вызывать отторжение и формула «история – это историография».

¹ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 323.

² *Пресняков А.Е.* С.М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. статей. М.; Л., 1963. С. 86.

³ Подробнее см.: *Киреева Р.А.* Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 334–363

⁴ См.: *Ключевский В.О.* Методология русской истории. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 5–93.

⁵ Там же. С. 5–6.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ См.: Там же. С. 6.

⁸ См.: Там же. С. 11, 12.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 564–566.

¹¹ *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. // Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 17–331.

¹² См.: Там же. С. 26.

¹³ См.: Там же. С. 28, 29.

¹⁴ См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1.

¹⁸ См.: Там же. С. 5.

¹⁹ См.: Там же. С. 365.

²⁰ См.: Там же. С. 204.

²¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2.

²² *Шапиро А.Л.* Некоторые замечания о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. № 3. С. 81.

²³ См.: *Сахаров А.М.* Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопр. истории. 1962. № 8. С. 114.

²⁴ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3.

²⁵ *Нечкина М.В.* История истории: некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки: историография истории СССР. М., 1965. С. 9.

²⁶ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4.

²⁷ Философский словарь. 3-е изд. М., 1986. С. 303–304.

²⁸ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5.

²⁹ См.: *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историка. М., 2003. С. 195, 196.

³⁰ См. подробнее: *Анкерсмит Ф.* История и тропология: Взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 491.

³¹ Там же. С. 216.

А.В. Сидоров

**«ИСТОРИК-МАРКСИСТ» ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД:
СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Каждое поколение исследователей, обращаясь к проблемам развития отечественной историографии в 1920-е годы, без сомнения, найдет для себя ценный опыт и извлечет актуальные для своего времени уроки. В большой степени это относится к современным историкам, пережившим резкую смену теоретико-концептуальных основ исследовательской деятельности. Казалось бы, мы повторяем путь 1920-х годов, только с обратным знаком: от политической заданности – к свободе научного творчества, от единственно разрешенного методологического подхода – к плюрализму концепций, от национальной изолированности науки – к включенности в мировой обмен научными достижениями и т.п.

Для судеб отечественной историографии 1928 г. стал ключевым. Новые явления в научной жизни проявились в историографических оценках раньше, чем в конкретно-исторических исследованиях тех лет. Курс на монополизацию исторической науки, отстаивавшийся марксистским направлением в 1920-е годы, вступил в стадию практического осуществления. Огромную роль в этом процессе сыграл ведущий исторический журнал марксистского направления – «Историк-марксист».

В начале 1928 г. позиция историков-марксистов становилась все более и более воинствующей по отношению к немарксистским исследованиям. Сигналом к атаке послужила статья М.Н. Покровского «“Новые” течения в русской исторической литературе», опубликованная в журнале «Историк-марксист»¹. В статье резкой, даже подчас издевательской, критике подвергнуты работы Д.М. Петрушевского («Очерки из экономической истории средневековой Европы») и Е.В. Тарле («Европа в эпоху империализма»). Эта публикация явилась частью разработанного Покровским наступления на немарксистских историков. Естественно, что Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), один из центров сосредоточения немарксистских историков, в лице его директора Д.М. Петрушевского стал основным объектом критики. В феврале 1928 г. группа аспирантов РАНИОН опубликовала письмо с критикой засилья представителей «старой» историографии в Институте истории РАНИОН².

Наступление на Институт истории повело и Общество историков-марксистов. 3 марта на заседании президиума Комакадемии был

заслушан доклад Общества и принято соответствующее постановление, в котором по существу выдвигалась идея новой системы руководства историческими исследованиями. Констатируя большую работу, проведенную Обществом историков-марксистов «по сплочению и организации марксистских исторических сил», в постановлении отмечается, что ряд учреждений (Институт Маркса и Энгельса, Институт Ленина, в особенности исторический Институт РАНИОНА) не принимали участия в работе Общества. В постановлении определялась новая роль Общества в системе научной работы историков: «Расширение сферы деятельности Общества за пределы докладной и литературной работы и переход к объединению около него историков-исследователей должны превратить Общество в основной центр исторической работы Коммунистической Академии»³.

Для достижения этой цели перед Обществом была поставлена задача «установления тесной связи со всеми научными учреждениями, ведущими работы в области истории, как, например, Институтом Ленина, Институтом Маркса и Энгельса, институтом РАНИОНА и т.п.» («наряду с руководством историческими работами, выполняемыми в Коммунистической Академии») ⁴. Постановление обращало внимание на необходимость вовлечения в работу Общества иногородних историков-марксистов и организации отделений Общества на местах. О поддержке идеи перевода Общества историков-марксистов на качественно новый уровень деятельности свидетельствовало и решение о включении расходов Общества в смету Комакадемии с предоставлением ему необходимых штатных единиц. Президиум Комакадемии обращался в ЦК ВКП(б) с просьбой дать возможность П.О.Горину сосредоточиться на работе ученого секретаря Общества, освободив его от редактирования журнала «Пролетарская Революция»⁵.

Реализация этих планов руководимого М.Н.Покровским Общества историков-марксистов подразумевала разгром Института истории РАНИОН. Вот почему в конце марта – начале апреля 1928 г. в социологической секции Общества была проведена дискуссия «О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке», в ходе которой главным объектом критики стала названная книга Д.М. Петрушевского.

В контексте всех отмеченных событий следует рассматривать историографическую статью М.Н. Покровского «“Новые” течения в русской исторической литературе». В ней Покровский прежде всего констатирует рост влияния марксизма в исторической науке. «Марксистская идеология, в этом не может быть никакого сомнения, сделала огромные завоевания в нашей исторической литературе, – писал он. – В особенности ценными следует признать два

факта: во-первых, сближение с материалистическим пониманием истории значительной части наших старых специалистов... Другой любопытный факт – это явный интерес, который начинает к себе вызывать наша марксистская историческая литература в чужих странах»⁶. При этом он отмечал рост марксистского влияния на эмигрантскую литературу (П.Н. Милуков, евразийцы). Да и внутри страны, по выражению Покровского, «по-марксистски» стали говорить Б.Д. Греков, А.Е. Пресняков, С.Н. Чернов⁷.

Это подчеркивание усиления влияния марксизма в исторической науке было необходимо Покровскому для оправдания перехода к более активному и систематическому наступлению на немарксистские исторические воззрения. На повестку дня был поставлен вопрос о ликвидации еще существовавшего в исторической науке плюрализма мнений. Утверждение марксистского исследовательского подхода как единственно научного и, соответственно, квалификация иных подходов как антинаучных давали идеологическое обоснование нетерпимости к немарксистским идеям.

Покровский выделил два типа антимарксистских исследовательских подходов (фактически определения «немарксистский» и «антимарксистский» превращались в синонимы). Первый, охарактеризованный на примере книги Петрушевского, он определил как «откровенный антимарксизм»⁸. Основным признаком этого типа явилось использование в качестве методологических подходов немарксистских идей. Выдвигая обвинения в адрес работы Петрушевского, Покровский отмечал, что ее «главы представляют собою просто популярный пересказ наиболее модных теперешних историков, преимущественно Допша и Макса Вебера»⁹. К этим двум ученым он добавил Риккерта, взгляды которого, по его мнению, являлись примером «несомненного отражения буржуазной реакции в области философии»¹⁰. Тем самым был дан новый импульс к отрыву отечественной исторической науки от мировой.

Второй тип, получивший название «прицепного марксизма», выражался «в чисто внешних аксессуарах, в терминологии (в частности, в злоупотреблении словом «экономика»), в распределении материала, в оглавлении и тому подобных мелочах»¹¹. В качестве примера для его характеристики Покровский использует работу Тарле. К ней он относится как «к попытке сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских приемов»¹². Применяя марксистскую терминологию, Тарле, по мнению Покровского, на самом деле уходил от марксизма, оттолкнулся «энергичным ударом весла от большевистского берега»¹³.

Выступление Покровского в первом номере журнала «Историк-марксист» за 1928 г. было в определенной степени неожиданным и

для его редколлегии. Об этом свидетельствует присутствие в нем материалов, противоположных по своей идейной направленности статье Покровского. В отделе рецензий были помещены две публикации о научных работах Тарле. Первая (автор П. Щеголев) была посвящена изданной в Париже на французском языке монографии Тарле «Континентальная блокада и королевство Италия». Щеголев оценил исследование Тарле как выдающееся¹⁴. Он отметил, что исследование было проведено «на совершенно сыром, до сих пор не обрабатывавшемся материале», что «у Тарле совершенно не было предшественников в разработке экономической истории королевства Италии»¹⁵. Рецензия заключалась выводом, что путь экономического анализа Тарле – «единственно правильный в научном отношении, и на этот путь должна будет встать серьезная марксистская историография, которая примется за дальнейшую разработку проблем, впервые поставленных в трудах Е.В. Тарле»¹⁶.

Вторая рецензия с положительной оценкой творчества Тарле была посвящена третьей книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». «Одной из интереснейших статей реферируемого тома» назвал рецензент статью Тарле «Лионское рабочее восстание». Он подчеркнул, что «Е.В. Тарле удалось привлечь в своем исследовании совершенно свежие, никем до него не использованные архивные материалы», и отметил «необычайное мастерство исторического анализа» Тарле¹⁷. В обеих рецензиях не содержалось ни одного критического замечания в адрес исследований Тарле. Публикация в одном номере журнала материалов со столь противоположными оценками творчества Тарле свидетельствовала, конечно, не о плюрализме мнений (хотя и его нельзя совершенно отрицать), а скорее о переходном состоянии историографической мысли. Начало 1928 г. выступает определенным историческим рубежом в проводимой марксистами политике в отношении исследователей – немарксистов.

Тарле пытался защитить свою книгу от обвинений, высказанных в статье Покровского. В том же 1928 г. на страницах журнала «Историк-марксист» появляется его разъяснение «К вопросу о начале войны». Разбирая по пунктам претензии, высказанные в адрес своей работы, он доказывал их несостоятельность. «Я убежден, – писал Тарле, – что М.Н. Покровский приписывает мне взгляды, тенденции и концепции, с которыми я ровно ничего общего не имею»¹⁸. При этом он критиковал метод, с помощью которого Покровский пришел к подобным выводам. Он подчеркивал, что подбор цитат из его книги, на основании которого ему приписывалась антантофильская позиция, не отражали его истинного мнения, да и избранный тон полемики недопустим в научной дискуссии. «С таким же правом можно обвинить в германофильстве самого Покровского», – заме-

тил Тарле, приводя отрывок из книги Покровского «Империалистическая война»¹⁹. О том, что обоснованность столь ожесточенных нападков на книгу Тарле не была очевидной для многих марксистов, свидетельствуют и результаты ее обсуждения в Ленинграде. Редакция журнала в своем заявлении по этому поводу стыдила «тех молодых марксистов, которые будто бы, на каком-то ленинградском собрании защищали книгу Тарле»²⁰.

Опубликовав ответ Тарле Покровскому, редакция журнала «Историк-марксист» снабдила эту публикацию примечанием, в котором дала еще более жесткие оценки работы. Даже стремление автора книги внести некоторые коррективы во второе издание, разъясняющие его позицию, получили негативное истолкование. «Если бы во 2-м издании мы имели на все эти вопросы диаметрально-противоположные ответы, то это могло бы служить лишь иллюстрацией того, насколько научные убеждения некоторых авторов обладают свойствами, близкими к свойствам каучука. Больше ничего это не докажет»²¹, – утверждала редакция. Общая оценка работы Тарле оставалась неизменной. При этом редакция даже принесла покаяние за то, что ранее одна из глав книги была напечатана в журнале. «Откровенно скажем, что и появление одной из глав этой книги на страницах «Историка-марксиста» без соответствующего примечания от редакции тоже факт ненормальный. Не досмотрели!»²². Прозвучал ответ и на замечание о тоне полемики: «Это – тон, каким мы всегда разговариваем с нашими классовыми противниками. Случайно или намеренно, вольно или невольно вы попали в их число...»²³.

Не трудно заметить, что оценка Покровским работ Петрушевского и Тарле переходила допустимые рамки научной полемики. Речь шла об обвинениях, граничащих с политическими. «Новый» курс требовал организационного закрепления. Покровский предложил свой вариант такового. В отсутствии организации марксистских сил он видел основную причину негативных явлений в изучении истории Запада. «Идеология рабочего класса, – заканчивал свою статью Покровский, – стала у нас господствующей идеологией, и те, кто эту идеологию представляет, обязаны вести организаторскую работу на своем участке, как весь класс ведет эту работу во всех областях жизни нашей страны»²⁴.

Нападки на «антимарксистских» и «марксистскообразных» историков, участвовавшие в 1928 г., стали свидетельством начала нового этапа в развитии советской историографической мысли. Период плюрализма, «мирного сосуществования» представителей марксистской и немарксистской научной мысли подходил к концу. Критерии отношения воззрений того или иного ученого к марксизму также претерпели изменения. Воинственно настроенные историки-марксисты все

более стремились задавать тон в отечественной исторической науке. Свидетельством радикального поворота стал диспут по книге Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы», проведенный на заседаниях социологической секции Общества историков-марксистов 30 марта и 6 апреля 1928 г.

Тема диспута была сформулирована его организаторами таким образом – «О некоторых предрассудках и суевериях, тормозящих развитие науки средневековой истории». По своей формулировке она полностью совпадала с названием первой, теоретической главы книги Петрушевского. Совпадение, конечно, не было случайным, как не был случайным и выбор объекта марксистской критики. Петрушевский являлся не только руководителем исторического научного института, он, как заметил в ходе диспута С.С. Кривцов, являлся «главой исторической школы у нас в РАНИОне, у нас в Союзе»²⁵. При этом необходимо учитывать характерный для 1920-х годов факт, что ряд областей исторического знания фактически не разрабатывались историками-марксистами. Как отмечал в ходе диспута В.Д. Аптекарь, средневековье «у нас не затронуто исследовательской работой марксистов»²⁶. Вторжение марксистских историков на традиционно немарксистскую научную «территорию» определялось как вненаучными, так и сугубо научными задачами укрепления марксизма в качестве идейной и методологической основы работы отечественных ученых. Но это «вторжение» прикрывалось лозунгами «обороны», т.е. защиты марксизма от атак на него, содержащихся в книге Петрушевского. Открывая диспут, П.И. Кушнер говорил, что эта книга «заострена против некоторых старых теорий, которые пользовались одно время большим распространением и в настоящее время значительно уже устарели, против теории германистов, но еще больше, пожалуй, заострена она против марксизма, как определенного течения философского и исторического, освещающего исторические факты под определенным углом зрения»²⁷. По мере развертывания диспута обвинения в антимарксизме в адрес Петрушевского звучали все настойчивее²⁸. У участвовавших в диспуте учеников Петрушевского – Е.А. Косминского и А.И. Неусыхина – создалось впечатление об определенной заданности дискуссии. Косминский считал, что в книге Петрушевского «антимарксистскую тенденцию вскрыть можно только путем некоторого насилия»²⁹. А.И. Неусыхин заметил, что «сегодняшняя критика сосредоточена на каких-то других задачах; она, в сущности, может быть, и вовсе даже не является критикой...»³⁰.

Активная защита работы не присутствовавшего на диспуте Петрушевского его учениками выявило отсутствие единства среди историков-марксистов в определении позиции по отношению

к немарксистским ученым. Взаимные обвинения сторонников радикального и умеренного направлений пронизывали весь ход дискуссии³¹. Завершая дискуссию, Ц. Фридлянд даже заявил, что «взгляды Петрушевского не только его личные взгляды, а взгляды какой-то «школы», печальным представителем которой был здесь Неусыхин». Определив далее книгу Петрушевского как «показатель научной реакции», он призвал «вести упорную борьбу» против этой реакции³². Призыв относился не только к применению более жесткой линии в отношении немарксистов, но был сигналом разобраться с несогласными с данной установкой, считавшими себя сторонником учения К. Маркса. «Я должен заметить, – говорил Фридлянд, – что самое печальное в нашей дискуссии это то, что все солидарны с марксизмом; это подозрительно, и наша задача разоблачить подобного рода присоединения к марксизму»³³. Эта угроза была адресована в первую очередь Неусыхину.

Хотя формально задачи диспута были нацелены на «выяснение некоторых спорных вопросов среди самих марксистов-историков» и выявление отношения к «ряду новых течений в западноевропейской науке» на основе обсуждения книги Петрушевского³⁴, тем не менее центральным моментом стала мобилизация марксистских сил на борьбу с немарксистскими течениями в исторической науке. С этой целью «выстраивался» фронт «врагов марксизма». Речь шла не только о работе Петрушевского, но и о работе В.Г. Тана-Богоразы и ряда других ученых. «Все эти работы могут быть объединены общей линией, – говорил В.Д. Аптекарь, – и эта линия есть явная или скрытая под внешними покровами эзоповского языка борьба против марксизма как господствующей идеологии»³⁵. Поэтому определенным диссонансом по сравнению с поставленными в начале задачами звучали итоги диспута, подведенные Фридляндом. «Что показала дискуссия? Зачем она нам нужна была? – ставил он вопросы и сам же на них отвечал. – Она нам нужна была ни для того, как пытались это здесь изобразить, чтобы во что бы то ни стало разорвать на части Петрушевского. Нас хотят изобразить варварами, которые хотят напасть на науку во имя марксизма. Нет! Но мы будем вести упорную борьбу против варварского наступления на марксизм со стороны модных западноевропейских философских школ и их русских учеников»³⁶.

Диспут о книге Петрушевского явился уже не только стартовым выстрелом, но первым мобилизационным мероприятием радикального направления марксистской историографии. 1928 год стал важной рубежной вехой в развитии советской историографической мысли, открывшей новый этап рефлексии отечественной исторической науки. О большом внимании к процессам, развернувшимся в

отечественной историографии, со стороны партийно-государственного руководства страны может говорить и тот факт, что заслуги Покровского в дискуссии по книге Петрушевского были особо отмечены Н.И. Бухариным в приветственной статье по случаю 60-летнего юбилея Покровского³⁷.

Марксистская историографическая схема, строящая анализ развития науки на противопоставлении марксистского течения всему предшествовавшему развитию и рассматривающая его в качестве вершины научной мысли, по мере расширения объемов и сфер исследований столкнулась с необходимостью выработки иных критериев, раскрывающих развитие науки в рамках единого методологического направления и позволяющих определить место и вклад конкретных исследований в науку.

Система таких подходов в оценке научных работ сложилась в советской историографии в 1920-е годы. Она включала в себя два основных компонента: определение места научной проблемы в системе исторического знания (степень изученности проблемы в марксистских исследованиях, ликвидация «белых пятен» для марксистской историографии) и определение вклада данного исследования в изучение той или иной проблемы (введение в научный оборот новых источников, уточнение или пересмотр выводов предшествующих исследований в рамках марксистской методологии).

Примером подобной историографической оценки может служить развернутая рецензия М.В. Нечкиной книги П.И. Лященко «История русского народного хозяйства». Автор рецензии констатирует, что «дело с изучением хозяйственного развития России продвинуто у нас недостаточно»³⁸. Малая изученность данной проблемы затрудняет теоретическую работу и исследование проблем классовой борьбы, что и объясняет, по мнению Нечкиной, значение исследования П.И. Лященко. Таким образом, определив место и значение проблемы в системе марксистского знания, она делала следующий шаг: оценивала место данной работы среди имеющихся исследований, ее вклад в разработку проблем истории хозяйства. «Книга П.И. Лященко, – писала Нечкина, – **первый** имеющийся в литературе труд, дающий общую картину развития хозяйства с древнейших времен до предпосылок Октябрьской революции»³⁹. Общая оценка дополнялась анализом конкретного вклада работы в изучаемую проблематику⁴⁰.

Подобная система историографической оценки научных произведений выдвигала на первый план обязательность историографической части в исследованиях. Поскольку у исследователя был целый ряд предшественников, постольку «требование поставить свою работу в определенный историографический ряд, разграни-

чить свои задачи от задач предшественников и выяснить степень зависимости – обязательно»⁴¹, – считала Нечкина.

К концу 1920-х годов в марксистской исторической науке уже сложилась система шаблонов, служивших основой историографических оценок. Она включала в себя историческую схему Покровского и набор цитат классиков марксизма-ленинизма по вопросам истории. В резко критической рецензии на книгу С. Пионтковского «Очерки по истории России в XIX–XX вв.» В. Рахметов отмечал, что автор исследования «не согласен и с существующими схемами, в частности с общепринятой схемой т. Покровского, и в ряде вопросов расходится с Лениным»⁴². Далее автор рецензии иллюстрирует свое утверждение на конкретных примерах⁴³. Установление «общепринятой» в исторической науке схемы повышало требовательность к используемой в исследованиях терминологии (происходила ее догматизация), складывалось нетерпимое отношение к «небрежному обращению с марксистской терминологией»⁴⁴. Для того чтобы оценить важность отдельных критериев для общей оценки исследования, приведем общий итог размышлений рецензента над книгой Пионтковского: «Резюмируем: книга т. Пионтковского написана на основе проработки громадного материала, она подводит итоги долгой и, надо думать, серьезной работы автора над историей России. Некоторые главы книги дают новый и ценный материал. Но в общем она написана наспех, небрежно, в нее вошло слишком много описок, опечаток и ошибок. И, главное, автор расходится с революционным марксизмом-ленинизмом в ряде принципиальных вопросов. На этом основании от рекомендации книги т. Пионтковского, как учебника, следует воздержаться»⁴⁵.

Главный критерий – верность марксизму-ленинизму (что практически означало в те годы соответствие схеме Покровского и ленинским цитатам) – определял судьбу научных исследований. Требование соответствия становилось решающим. Пионтковский в предисловии к вышедшему в 1930 г. второму изданию «Очерков» отмечает, что «автор старался принять во внимание замечания критиков и новые данные литературы»⁴⁶. Постепенно устанавливается система «доведения до ума» научных исследований: через систему рецензий и доработок научное исследование приобретало «общепринятые» черты, утрачивая во многом творческую индивидуальность и становясь как бы частью единой «коллективной монографии», создававшейся всем сообществом историков-марксистов.

Материальным ее воплощением явилась Большая советская энциклопедия. Обзор статей по всеобщей истории первых восьми томов был дан Г. Зайделем. «Общий итог, – отмечал он, – БСЭ, в общем, с честью выполняет обещание редакции: единая материали-

стическая точка зрения пронизывает все исторические статьи, как посвященные новейшему периоду, так и древней и средней истории». Зайдель подчеркнул, что тем самым создана основа «для правильного марксистского ознакомления читателей с историческими проблемами»⁴⁷. Новое видение исторического процесса отразилось на составе корпуса статей БСЭ. «Меньше места, – отмечал Г. Зайдель, – уделено древности и средним векам – здесь сокращение происходило главным образом за счет бесчисленного количества царствующих особ и маловажных событий, которые прежние энциклопедии описывали весьма подробно, зато такие проблемы, как, напр., “Аграрная история древних и средних вв.”, в БСЭ освещены достаточно обстоятельно»⁴⁸.

Укрепление марксизма как господствующего научного метода в советской науке влекло за собой появление ряда работ, внешне имитирующих марксизм. Историки-марксисты отмечали подобные явления в рецензиях на страницах периодических изданий. Характерным примером служит рецензия Г. Лозовика на книгу В.Г. Тана-Богораза «Христианство в свете этнографии»⁴⁹.

Имитация марксизма зачастую являлась результатом компромисса между научными интересами, методами исследования и требованиями политики в области науки. Но в 1928 г. эти требования были еще не столь жестки, как некоторое время спустя. В том же восьмом томе «Историка-марксиста» помещен обширный обзор И.Троцкого «Основные вопросы древней русской истории в литературе последних лет»⁵⁰. Обзор позволяет представить уровень изучения вопросов древней истории Отечества и интересовавшую исследователей 1920-х годов проблематику. На основании имевшейся литературы И. Троцкий выделил три основные темы: история славянского расселения и возникновение русского государства; колонизация русской территории; социальный строй Древней Руси и возникновение феодализма⁵¹. Автор обзора отмечал, что «характерно почти полное отсутствие работ по вопросам развития производительных сил и хозяйства Древней Руси»⁵².

Еще одной особенностью изучения древнерусской истории в 1920-е годы было то, что «разработка тем древнего периода русской истории с значительной интенсивностью (относительно количества исследователей) шла в провинции»⁵³. Большинство этих исследователей не были марксистами⁵⁴. Да и сам автор обзора отнюдь не проявил себя сторонником марксистского учения. Поэтому редакция журнала была вынуждена снабдить публикацию примечанием, обещающим в ближайших номерах вернуться к вопросам обзора «для марксистской оценки самой проблематики затронутого периода по существу»⁵⁵.

Для понимания ситуации, сложившейся в изучении древней истории Руси, интересно замечание И. Троцкого о наметившейся в этой области исторической науки тенденции к «пересмотру основных вопросов древнейшей русской истории», который не был связан с вненаучными влияниями. «Несмотря на разноценность и разнохарактерность как методологических взглядов отдельных авторов, так и их материалов, несмотря на разницу в оценке ими значения отдельных вопросов и в ширине их постановки, – характеризовал И. Троцкий положение в изучении древнерусской истории, – совершенно ясно, что новые работы никак не могут уместиться в рамки старых традиционных схем. Неслучайно стремление отдельных авторов перейти от частного материала к обобщениям более широкого порядка. Потребность в таком обобщении чувствуется очень остро, но прийти к нему можно, только изучив весь материал, свидетельствующий об общественных отношениях Древней Руси»⁵⁶. Таким образом, И. Троцкий констатировал рубежность ситуации в изучении Древней Руси, когда наблюдалась ломка прежних концепций исторической науки под напором вводимых в оборот новых научных фактов.

В 1928 г. в историографии все более получала распространение оценка исторических исследований с точки зрения факторов идеологической борьбы. Так, в рецензии на книгу М.Н. Покровского «Империалистическая война» подчеркивается роль этого издания как «орудия пропаганды». «Книга М.Н. Покровского, – отмечает ее рецензент, скрывшийся за инициалами Н.Р., – сыграет свою роль на фронте борьбы буржуазной и марксистской историографии, – недаром сборник “Империалистическая война” вышел в свет почти одновременно с антантофильской работой Е. Тарле»⁵⁷. И хотя опубликованные в середине 1928 года рецензии еще не наполнены духом «идеологической борьбы», тем не менее отмеченный факт также свидетельствует о рубежности этого года для отечественной историографии.

В публикациях 1928 г. стало обыденным походя покритиковать взгляды Е.В. Тарле, тем более, что эта критика была санкционирована сверху. В юбилейных статьях о творчестве М.Н. Покровского делались критические выпады в адрес Тарле из-за «ошибок» в освещении предвоенного европейского рабочего движения⁵⁸ или из-за якобы «антантофильского» характера его книги⁵⁹. Но критика в адрес Тарле пока не сопровождалась какими-либо политическими репрессиями. Еще в летом 1928 г. имя Тарле значилось в списке участников VI международного конгресса историков в Осло, но он не принял участия в его работе. Как писал И. Минц, при открытии конгресса он сообщил телеграммой из Парижа о своей болезни⁶⁰.

Высказанные М.Н. Покровским в начале 1928 г. идеи о судьбе немарксистской исторической науки в СССР нашли отклик и получили дальнейшее развитие в историографических работах историков-марксистов. Б. Горев, опубликовавший анализ военно-исторической литературы конца 1920-х годов, выделил две тенденции, характеризовавшие развитие исследований в области военной истории. С одной стороны, старые военные специалисты все более связывают исследование военно-исторических проблем с анализом социальных отношений, экономикой и политикой соответствующей эпохи. С другой, формируется новое поколение военных историков-марксистов. Соединением этих двух процессов военная история «ставится в рамки истории социально-политической»⁶¹. Даже немарксистские в целом взгляды А. Свечина, автора «Эволюции военного искусства»⁶², тем не менее включают в себя понимание зависимости эволюции военного дела от общественной обстановки и экономики конкретной эпохи⁶³. В целом Б. Горев оценил книгу сугубо положительно: «Капитальная работа А. Свечина вносит свежую струю в военно-историческую литературу, дает много интересного материала, будит мысль и прочтется с пользой»⁶⁴. Этот отзыв свидетельствовал о том, что развертывавшаяся в 1928 г. кампания травли историков-немарксистов не стала обязательной составной частью историографических подходов. Жесткая критика касалась только тех авторов, фамилии которых были обозначены лидерами «исторического фронта» в силу ряда политических в своей основе причин.

Но критическое восприятие немарксистских исследований, характерное для трудов историков-марксистов 1920-х годов, сохранялось и в рубежный 1928 г. Положительно оценив работу авторов «Записок историко-бытового отдела Государственного русского музея»⁶⁵, В.Зельцер обратил внимание на то, что без привлечения историков-марксистов к обработке архивных материалов ее результаты будут ничтожны⁶⁶. «Беспомощность по части выводов и обобщений» авторов сборника В. Зельцер объясняет слабостью их методологической позиции. «Авторы сборника, – пишет он, – умудрились в толстом томе, посвященном истории отношений помещиков, крестьян, купцов не употребить почти ни разу даже слов “класс”, “классовая борьба”, “эксплуатация”»⁶⁷.

Одним из центральных событий второй половины 1928 г., наложившим свой отпечаток на развитие ситуации в отечественной историографии, стало празднование 60-летнего юбилея М.Н. Покровского. Чествование признанного лидера отечественной марксистской исторической науки значительно выделялось из числа сходных юбилейных мероприятий, проведение которых вошло в обычную практику в тот период.

Идея организации юбилейных торжеств впервые была высказана на годичном собрании членов Общества историков-марксистов в начале июня 1928 г. По информации, опубликованной в газете «Правда», собрание приняло решение, «несмотря на решительные возражения его председателя М.Н. Покровского, принять активное участие по ознаменованию 60-летия М.Н. Покровского, основателя Общества и крупнейшего представителя современной марксистской мысли»⁶⁸. Образованная на заседании инициативная комиссия 7 июня была преобразована в соответствующий комитет при Комкадемии. В окончательно утвержденный президиумом Комкадемии состав Комитета по ознаменованию 60-летия Покровского вошли видные историки-марксисты – А.М. Васютинский, Н.Н. Вацаг, П.О. Горин, А. Криницкий, В.Н. Максимовский, В.В. Максак, И.И. Минц, М.А. Савельев и Ц. Фридлянд. В состав Комитета были включены также представители Истпарта ЦК ВКП(б), Агитпропов ЦК и МК партии, Института Ленина, Института Маркса и Энгельса, Центрархива, РАНИОН, Института красной профессуры, Наркомпроса, I МГУ, ряда журналов, музеев и других организаций, как московских, так и из других городов СССР. Был намечен план юбилейных мероприятий, включавший в себя издание историографического сборника о трудах Покровского и полного собрания его сочинений, а также ряда статей о Покровском в исторических журналах. Хотя день рождения Покровского приходился на 30 августа, празднование юбилея решено было перенести на октябрь. Официальной причиной переноса торжеств был объявлен отъезд Покровского за границу.

В августе 1928 г. прошла первая волна юбилейных мероприятий, связанных с 60-летием Покровского. В центральных газетах были опубликованы приветствия юбиляру. В редакционном приветствии «Правды» отмечалось значение деятельности Покровского как «выдающегося историка с мировым именем и пролетарского общественика»⁶⁹.

Пик торжественных мероприятий пришелся на 20-е числа октября 1928 г. Как отмечалось в обзоре журнала «Историк-марксист», «это чествование вылилось за пределы не только советских столиц, но и вообще больших городов, приняв неизбежно всесоюзный характер»⁷⁰. 25 октября, в день, определенный для торжественных мероприятий, чуть ли не по всей стране газеты вышли с материалами, посвященными Покровскому. Тон, естественно, задавала «Правда», юбилейные материалы которой занимали почти две полосы. Прежде всего, обращала внимание статья Н.И. Бухарина «Профессор с пикой», в которой не только подчеркивалось мастерское владение историко-материалистическим методом, но и отмечалось, что «уме-

лое использование материала, острая наблюдательность, образность языка, меткость характеристик, живость рисунка, узоры которого всегда покоятся на широком фоне смелых исторических обобщений, делают из произведений Михаила Николаевича шедевры исторического изложения»⁷¹. Как отмечалось в информации о юбилее в журнале «Историк-марксист», «всего мы насчитали 68 названий различных газет, откликнувшихся в какой бы то ни было степени на юбилей», «более или менее подробные биографии Михаила Николаевича (или статьи биографического характера) напечатали все без исключения газеты, даже самые «захолустные»⁷².

Чем можно объяснить этот поистине «всесоюзный» характер юбилейных мероприятий? Во-первых, безусловно, нужно учесть значение для марксистской исторической науки 1920-х годов деятельности М.Н. Покровского. Как отмечалось в адресе Ленинградского университета, «в настоящее время русская историческая наука течет в том русле, которое проложили вы своим строгим марксистским методом и огромным личным талантом»⁷³. К тому же необходимо учитывать и то, что Покровский был большевиком с дореволюционным стажем, продолжавшим вести государственную работу в Наркомпросе.

Во-вторых, юбилейные торжества органично вписывались в определенный руководством ВКП(б) политический курс, ярко проявившийся в 1928 г. Выступая с приветствием от имени ЦК ВКП(б), А.С. Бубнов особо подчеркивал важность работы Покровского «в нынешний период нашей огромной созидательной работы, когда в обстановке гигантского роста социализма в нашей стране и усиленного наступления на частнокапиталистические элементы в городе и в деревне, мы имеем картину того, как поднимает голову кулак, нэпман, бюрократ и реакционный профессор. Партия ведет жестокую борьбу против этой правой рати, ведя за собою громадные колонны передовых рабочих и крестьян. В связи с этим мы в настоящее время выдвигаем лозунг – “Огонь направо”, лозунг борьбы с правым уклоном в партии»⁷⁴. Указание Бубнова на «реакционных профессоров» конкретизировало задачи борьбы марксистов на «историческом фронте». Эти задачи были ими прекрасно поняты. Покровский ответил на это в выступлении на торжественном собрании: «Обостряющая классовая борьба отражается и в направлении исторической науки. Нам бросают вызов все буржуазные историки. В то же время немногие историки-марксисты Западной Европы группируются вокруг нас. В этой обстановке мы были бы изменниками, если бы не взяли на себя руководство борьбой и не открыли со всей ленинской непримиримостью огонь направо. И мы эту борьбу поведем»⁷⁵.

Использование юбилейных мероприятий для утверждения марксистского учения было хорошо понятно современникам. «Партийная и советская общественность, – отмечалось в журнале “Историк-марксист”, – сразу же ухватила характерную черту этого юбилея: огромную роль чествования М.Н. Покровского для дела пропаганды марксизма, марксо-ленинского научного метода и марксистской историографии»⁷⁶. Свидетельством подобного подхода к юбилейным мероприятиям может служить и тот факт, что газетная кампания была развернута в октябре в связи с выборами в Академию наук⁷⁷.

Что дал юбилей М.Н. Покровского в историографическом плане? Прежде всего достаточно полное определение роли и значения творчества ученого. Для анализа историографических аспектов юбилея обратимся к статьям о Покровском, опубликованным прежде всего в журнале «Историк-марксист».

Авторы статей, оценивая творчество Покровского, выделяли в первую очередь методологический аспект. Его работы провозглашались «образцом марксистского анализа»⁷⁸ и «ценным вкладом ...для философии истории вообще»⁷⁹. «Все они, взятые в целом, – отмечал Н. Рубинштейн, говоря о комплексе научных трудов Покровского, – остаются блестящим примером применения диалектического материализма в конкретной истории»⁸⁰. На особую, методологическую роль трудов Покровского в качестве «верного руководства» или «установок» для анализа конкретных проблем истории указывали и другие авторы⁸¹.

Но в конце 1920-х годов оценка методологического аспекта трудов даже лидера исторического фронта М.Н. Покровского должна была корректироваться с учетом особо подчеркиваемой зависимости взглядов историка от идей, правильнее сказать, цитат классиков марксистско-ленинского учения. А потому историографический обзор творчества Покровского неминуемо должен был содержать положения о соподчиненности взглядов историка идеям классиков. Любая «оригинальность» в исторических трактовках, особенно недавней истории, становилась синонимом «враждебности», «вредности», «ненаучности». Д. Кин, например, отмечал в статье о Покровском как историке революции 1917 г., что «концепция пролетарской революции М.Н. Покровского не является оригинальной в том смысле, как Ленин называл, напр., “оригинальной” теорию перманентной революции... Концепция Октября М.Н. Покровского является разработкой ленинской схемы, ленинского задания и “плана” революции»⁸². При этом необходимо подчеркнуть, что речь шла не только о верности основополагающим принципам ленинского мировоззрения (методологии ленинского анализа), но и о подчиненности взглядов историка конкретным ленинским положениям и

выводам. Рамки ленинских положений становятся границами для развития марксистской исторической мысли. На поиск соподчиненности ленинским идеям работ Покровского была направлена историографическая мысль авторов юбилейных статей о его творчестве⁸³. Покровский предстал как «воинствующий историк-марксист, при помощи марксистского метода беспощадно разоблачающий своих противников»⁸⁴. К их числу современники относили как представителей буржуазной историографии, так и партийных оппозиционеров.

Однако не только заслуги Покровского в области методологии истории вспоминали в связи с юбилеем его соратники. Весомость вклада лидера советской исторической науки в исследование целого ряда научных проблем не вызвала сомнений у историков-марксистов. А.В. Шестаков выделил три исследовательские области, приоритет в которых принадлежал Покровскому: «На первом месте должны быть поставлены его работы по периодизации русской истории, о торговом капитализме в России и история внешней политики»⁸⁵.

Периодизация позволила Покровскому выделить схему русского исторического процесса, которая, по мнению Шестакова, в конце 1920-х годов приобрела следующий вид: «Период с VIII по X век характеризуется им как “задружный” быт – первобытное коммунистическое общество, на котором вырастает разбойничий торговый капитализм, и затем древний феодализм, продолжающийся до XVI в. С этого времени до XVIII в. разворачивается новый “феодализм”, параллельно с которым растут элементы общественных отношений торгового капитала. Торговый капитализм, продолжая разворачиваться с XVII в., со второй половины XIX в. постепенно уступает место промышленному капитализму, который, в свою очередь, сменяется элементами финансового капитализма до Октября, а после Октябрьской революции социалистическими общественными отношениями при диктатуре пролетариата»⁸⁶.

В 1920-е годы и другими историками предпринимались попытки дать периодизация развития России. Например, С.Вознесенский представил историю России в виде восьми эпох. Но, как отмечал Шестаков, эта периодизация «никакой цены не имеет после того, что дал для русской истории М.Н. Покровский»⁸⁷. Авторитет Покровского делал бесперспективными в 1920-е годы попытки создания иной схемы исторического развития России.

Меньшим влиянием пользовалась периодизация Покровского истории советского общества, «в основу которой был положен политический момент – положение диктатуры пролетариата по отношению к непролетарским слоям в Советской республике и за

границей»⁸⁸. Были выделены пять периодов послереволюционной истории страны: 1) октябрь 1917 г. – осень 1918 г. (переход к социалистическому хозяйству при господстве пацифистских иллюзий в пролетарской среде); 2) 1918–1919 гг. (Гражданская война и стихийная милитаризация хозяйства); 3) 1920 г. – весна 1921 гг. (период военного коммунизма); 4) 1921–1923 гг. (начальный период нэпа, преодоление иллюзий военного коммунизма); 5) с 1923 г. (возвращение к плановому хозяйству в условиях нэпа)⁸⁹. Подобная периодизация претила менталитету историков-марксистов 1920-х годов. Но авторитет Покровского требовал в конце 1920-х годов оправдания и столь сомнительной с доктринальной марксистской точки зрения позиции, поскольку периодизация истории на основе массовых иллюзий не вкладывалась в марксистские стереотипы того времени. «Выпячивание момента иллюзий, являющееся несомненным фактом, – защищал Шестаков позицию Покровского, – преследовало лишь, по нашему мнению, задачу заострения внимания читателя на наиболее яркой стороне вопроса и имело скорее литературное значение, чем принципиальное»⁹⁰. Чтобы у читателей не оставалось никаких сомнений в правоверности Покровского, Шестаков прибегает к «убедительнейшему» в то время аргументу: «Перегибы палки с “педагогическими” целями допускал нередко и Ленин»⁹¹. Этот пример служит иллюстрацией проявившихся тенденций к формированию непогрешимых авторитетов, проникновения культовой идеологии в науку.

К числу особых заслуг Покровского перед отечественной марксистской исторической наукой в 1920-е годы относили разработку и применение к российской истории концепции торгового капитализма. Историографы и в настоящее время неразрывно связывают ее с именем Покровского. Господство этой теории в марксистской исторической мысли 1920-х годов объясняет то значение, которое придавали ее разработке историографы. Как особую заслугу Шестаков выделяет то, что «теория торгового капитализма по отношению к русской истории впервые сконструирована М.Н. Покровским»⁹². В середине 1920-х годов против этих идей Покровского с критикой выступили А. Слепков и Г. Марецкий, считая, что данный подход слишком схематичен, поскольку и купец, и помещик превращаются в торговых капиталистов. Развернувшуюся дискуссию представляли как полемику «учителя» и «учеников». В юбилейной статье Шестаков, разбирая разногласия по этому вопросу, выразил итоговое мнение: «В конце концов прав “учитель”, а не “ученики»⁹³.

С новым понимаем роли торгового капитала в истории России связывалась и заслуга Покровского в области интерпретации этапов отечественного освободительного движения. Его роль в этой сфере

А.В. Шестаков определил следующим образом: «О М.Н. Покровском, как об историке революционного движения XX века, можно сказать, что он является одним из пионеров и в этой области, давшим законченные *общие* очерки по этому вопросу»⁹⁴. Но эта заслуга оказалась возможной лишь в силу того, что он «во всем следует по стопам Ленина»⁹⁵.

Естественно, что в конце 1920-х годов с утвердившимися культовыми установками в отношении революционных событий невозможно было оценить значение творчества Покровского без учета его вклада в изучение истории Октября. Отсутствие у Покровского специального труда по истории Октябрьской революции не смущало историографов, поскольку, по мнению Д. Кина, «им разработана цельная, стройная схема, освещены основные моменты революции, и одно собрание уже опубликованных работ М.Н. Покровского по этому вопросу представляет собой крупнейший вклад в ленинскую историю Октября»⁹⁶. А поскольку для марксиста тех лет Октябрь, безусловно, являлся центром и вершиной всего российского исторического процесса, то вполне логично Д. Кин рассматривает и всю исследовательскую работу Покровского по истории России как изучение «подготовки Октября»⁹⁷, при этом делая необходимое для того времени указание на революцию как интернациональное явление, «начало международной пролетарской революции», ключи к пониманию которой следует искать на международной арене⁹⁸.

Поэтому не менее важными считали историки-марксисты конца 1920-х годов и заслуги Покровского в области истории международных отношений и внешней политики. В связи с этим необходимо отметить мнение Н. Рубинштейна, который считал, что «М.Н. Покровскому пришлось строить историю внешней политики на чистом месте», называя его первым марксистским историком внешней политики России⁹⁹. Особое значение придавалось стремлению Покровского увязать исследование внешней политики с политикой внутренней. «Внешняя политика, сама объясняемая из внутренних социальных отношений страны, – отмечал Н. Рубинштейн, – часто оказывалась для М.Н. Покровского тем звеном, которое тянуло за собой всю цепь социально-экономической истории рассматриваемого периода»¹⁰⁰. При этом Н. Рубинштейн даже говорил об установлении Покровским «своего рода исторического закона, который монистически объясняет взаимное отношение внутренней и внешней политики России. На протяжении более, чем полутора столетий периоды политической реакции в России неизменно совпадали с периодами активной внешней политики на Ближнем и Дальнем Востоке и, наоборот, внешнеполитическая агрессия затухала во время реформ»¹⁰¹. При этом Покровский относил к внешней политике

и колониальную политику России, что также рассматривалось как новация Покровского¹⁰².

Столь пышное и торжественное признание многочисленных и весомых заслуг Покровского перед марксистской исторической наукой, усиленное его руководящим положением в целом ряде научных и учебных учреждений страны, неминуемо вело к подчеркиванию значения места, занимаемого им на научном Олимпе СССР. Речь уже не ограничивалась только признанием научного положения Покровского как главы целой исторической школы, при том школы марксистской, т.е. «единственно научной». В юбилейных статьях это подчеркивал и Шестаков, называя Покровского «руководителем новой школы историков-марксистов»¹⁰³, и П. Горин, считавший, что вся вышедшая в СССР литература по истории классовой борьбы XX в. «находится под самым непосредственным влиянием общей концепции М.Н. Покровского»¹⁰⁴, а редакционная биографическая справка о М.Н. Покровском завершается признанием, что Покровский «имеет за собой целую школу последователей молодых историков-марксистов»¹⁰⁵. Повсеместные восхваления Покровского превращали его в культовую фигуру, вырастающую до ранга пролетарского вождя, хотя и «отраслевого». Об этом недвусмысленно писал Шестаков, утверждая, «М.Н. Покровский может считаться воистину историком русского пролетариата, его вождем в области исторической мысли»¹⁰⁶.

В 1928 г. о «школе Покровского» говорилось с известным пиететом, историки-марксисты не скрывали своего преклонения перед его именем. Но не пройдет и десяти лет, и это выражение станет одним из излюбленных штампов-обвинений.

Важной вехой в развитии отечественной исторической науки явилась проведенная на рубеже 1928–1929 годов Всесоюзная конференция историков-марксистов. В восьмом томе журнала «Историк-марксист» за 1928 г. было опубликовано решение Общества историков-марксистов о созыве конференции. Актуальность такого мероприятия не вызывала сомнений у руководителей Общества и прежде всего его председателя М.Н. Покровского. Общество еще не утратило претензий на руководящую и определяющую роль во всей отечественной исторической науке. Это нашло свое отражение и в предложенном порядке дня конференции. Первым вопросом был поставлен доклад Покровского «Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов». Далее следовали сообщения о работе научных исторических учреждений – Общества историков-марксистов, Института Маркса и Энгельса, Института Ленина и Истпарта ЦК ВКП(б), а также сообщения с мест. Завершающим вопросом повестки дня была определена работа секций.

Была запланирована организация восьми секций: истории России, истории ВКП(б), истории Запада, истории Востока, социологической, военной истории, архивной и учебно-методической¹⁰⁷.

Уже сама повестка дня была построена таким образом, что Покровский выглядел бесспорным лидером советской исторической науки. Информационные сообщения исторических институтов, намеченные после его доклада, могли бы лишь конкретизировать те принципиальные установки, которые давал бы Покровский. Это было для всех очевидно. В результате пришлось корректировать состав докладчиков по второму пункту повестки дня. Из представителей центральных исторических учреждений с докладами выступили П.О. Горин (Общество историков-марксистов), М.А. Савельев (Институт Ленина) и В.В. Максаков (Центрархив РСФСР). Местные учреждения представляли М.И. Яворский (Украина), М.А. Рубач (Украина) и Г.С. Зайдель (Ленинград). Намеченный замах на руководящую роль во всех исторических научных учреждениях страны остался без серьезных последствий. Можно было только жаловаться в резолюции конференции на «отсутствие общей для всей страны организации историков-марксистов», на «слабость коллективной работы на некоторых участках исторической науки, в особенности в области истории Запада», на «распыленность и неорганизованность историков-марксистов, работающих как в области изучения истории зарубежного Востока, так и народностей, входящих в состав СССР»¹⁰⁸. Создать координирующий орган для исторической науки не удалось, да и вряд ли могло утаться, поскольку подобный орган неминуемо бы вступил в конфликт с аппаратом ЦК ВКП(б), который в условиях раздробленности научной исторической работы выступал арбитром при разрешении возникающих трений и разногласий между научными учреждениями или «школами».

Задача оформления руководящей роли Покровского и его сторонников в исторической науке прямо не провозглашалась. Общество историков-марксистов формулировало задачи конференции таким образом: «В задачи конференции входит подведение итогов развития современной марксистской исторической науки, выявление анти- и псевдо-марксистских течений и намечение проблем, требующих своей научной разработки»¹⁰⁹. Эти задачи должны были решаться в ходе работы секций. Их перечень претерпел в ходе подготовки к конференции ряд изменений. Секция истории России была переименована в секцию истории народов СССР. Вместо секции истории Востока после конференции было проведено совещание историков Востока, на которое были приглашены участники конференции и представители востоковедческих учреждений страны. Секцию военной истории заменила Комиссия по исследованию

истории вооруженных восстаний и революционных и гражданских войн. Архивная секция не была проведена. Тем не менее Всесоюзная конференция историков-марксистов явилась одним из важнейших событий в истории советской исторической науки, ознаменовавшим определенный рубеж ее развития, начатый историческими дискуссиями первой половины 1928 г.

Таким образом, 1928 г. ознаменовал собой наступление периода превращения марксистской исторической науки не только в господствующую, но и единственно разрешенную. Курс на активизацию борьбы с немарксистскими научными течениями, представители которых фактически отождествлялись с политическими противниками режима, в условиях провозглашенного «обострения классовой борьбы» неизбежно вел по отношению к ним к применению политических репрессий. Но монополизм марксизма оборачивался его догматизацией, утратой эвристических возможностей. Эти негативные процессы осознавались в научной среде, что отражалось, в том числе и на страницах журнала «Историк-марксист», но отдельные выступления ученых уже не могли изменить создавшегося положения. Наступал новый период развития советской исторической науки.

¹ Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 3–17.

² Вечерняя Москва. 1928. 6 февр.

³ Доклад общества историков-марксистов в президиуме Комакадемии // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 309.

⁴ Там же. С. 309^310.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Покровский М.Н. Указ. соч. // Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 4, 5.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Куниский С. Рец. на кн.: Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927 // Там же. С.278.

¹² Покровский М.Н. Указ. соч. // Там же. С.10.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Щеголев П.П. Рец.: Eugene Tarle. Le blocus continentale et le Royaume d'Italie. Paris.1928 // Там же. С. 281.

¹⁵ Там же. С. 282.

¹⁶ Там же. С. 283.

¹⁷ П.Щ. Рец. на кн.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса по редакции Д. Рязанова. Кн. 3. М., 1927 // Там же. С. 280.

¹⁸ Тарле Е. К вопросу о начале войны (Ответ М.Н. Покровскому). // Там же. Т. 9. С. 101, а также С. 102, 105.

¹⁹ Там же. С. 106.

²⁰ От редакции // Там же. С. 108.

- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 109.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Покровский М.Н.* Указ. соч. // Там же. С. 13.
- ²⁵ Диспут о книге Д.М. Петрушевского // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 85.
- ²⁶ Там же. С. 115.
- ²⁷ Там же. С. 79.
- ²⁸ См., например: Там же. С. 82, 90; и др.
- ²⁹ Там же. С.91.
- ³⁰ Там же. С.99.
- ³¹ См., например: Там же. С. 104, 116, 117, 121, 126; и др.
- ³² Там же. С. 128.
- ³³ Там же. С. 126.
- ³⁴ Там же. С. 79.
- ³⁵ Там же. С. 115.
- ³⁶ Там же. С. 127.
- ³⁷ *Бухарин Н.* Профессор с пикой // Правда. 1928. 25 окт.
- ³⁸ *Нечкина М.* Новая работа по хозяйственной истории России // Историк-марксист. 1927. Т. 6. С. 221, 222.
- ³⁹ Там же. С. 222.
- ⁴⁰ Там же. С. 224.
- ⁴¹ *Нечкина М.* Рец. на кн.: *Райский Леонид.* Социальные воззрения петрашевцев. Очерк из истории утопического социализма в России. Л., 1927 // Там же. С.281.
- ⁴² *Рахметов В.* Об одном неудачном учебнике по истории России // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 224.
- ⁴³ Там же. С. 224–228.
- ⁴⁴ Там же. С. 224.
- ⁴⁵ Там же. С. 228.
- ⁴⁶ *Пионтковский С.* Очерки истории России в XIX–XX веках. Курс лекций. 2-е изд. доп. Харьков, 1930. С. 3.
- ⁴⁷ *Зайдель Г.* Большая Советская Энциклопедия. Т. I–VIII. Статьи по всеобщей истории // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 244.
- ⁴⁸ Там же. С. 239.
- ⁴⁹ *Лозовик Г.* Рец. на кн.: Проф. В.Г. Богораз-Тан. Христианство в свете этнографии. М.; Л. 1928 // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 203, 204.
- ⁵⁰ *Троцкий И.* Основные вопросы древней русской истории в литературе последних лет // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 182–191.
- ⁵¹ Там же. С. 183.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 182.
- ⁵⁴ Там же. С. 191.
- ⁵⁵ Там же. С. 182.
- ⁵⁶ Там же. С. 186.
- ⁵⁷ *Н.Р.* Рец. на кн.: М.Н. Покровский. Империалистическая война. Сборник статей 1915–1927. М., 1928 // Там же. С. 220.
- ⁵⁸ *Кин Д.* М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 23.
- ⁵⁹ *Рубинштейн Н.* М.Н. Покровский – историк внешней политики // Там же. С.78.
- ⁶⁰ *Мицц И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Там же. С. 96.
- ⁶¹ *Горев Б.* Новейшая военно-историческая литература // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 179.

- ⁶² *Свечин А.* Эволюция военного искусства: в 2 т. ГИЗ, 1927.
- ⁶³ *Горев Б.* Указ. соч. // Там же. С. 180.
- ⁶⁴ Там же. С. Указ. соч. // Там же. С. 181.
- ⁶⁵ Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. Л., 1928. Т. I.
- ⁶⁶ *Зельцер В.* Рец. на кн.: Записки историко-бытового отдела Государственного русского музея. Л., 1928. Т. I // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 227.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Правда. 1928. 20 июня.
- ⁶⁹ Правда. 1928. 30 авг.
- ⁷⁰ *И.Б.* Шестидесятилетие М.Н. Покровского // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 263.
- ⁷¹ *Бухарин Н.И.* Профессор с пикой // Правда. 1928. 25 окт.
- ⁷² *И.Б.* Шестидесятилетие М.Н. Покровского // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 268.
- ⁷³ Цит. по: Там же. С. 267.
- ⁷⁴ *Бубнов А.* Теоретик ленинской школы // Правда. 1928. 27 окт.
- ⁷⁵ Речь М.Н. Покровского // Правда. 1928. 27 окт.
- ⁷⁶ *И.Б.* Шестидесятилетие М.Н.Покровского // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 262.
- ⁷⁷ См., например: *Горин П.* М.Н. Покровский // Правда. 1928. 12 окт.
- ⁷⁸ *Шестаков А.В.* М.Н. Покровский – историк-марксист. (К 60-летию с дня его рождения) // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 9; *Рубинштейн Н.* М.Н. Покровский – историк внешней политики // Там же. С. 70 и др.
- ⁷⁹ *Шестаков А.В.* Указ. соч. // Там же. С. 15.
- ⁸⁰ *Рубинштейн Н.* М.Н.Покровский – историк внешней политики // Там же. С. 74.
- ⁸¹ См., например: *Кин Д.* М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Там же. С. 22, 33.
- ⁸² *Кин Д.* Указ. соч. // Там же. С. 20.
- ⁸³ См., например: *Кин Д.* Указ. соч. // Там же. С. 21, 22, 23, 28; *Горин П.* М.Н. Покровский как историк первой русской революции // Там же. С. 54, 57; *Рубинштейн Н.* Указ. соч. // Там же. С. 68.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ *Шестаков А.В.* Указ. соч. // Там же. С. 13.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Кин Д.* Указ. соч. // Там же. С. 31.
- ⁸⁹ См.: *Покровский М.Н.* Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. № 14. С. 10–19.
- ⁹⁰ *Кин Д.* М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 31.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² *Шестаков А.В.* Указ. соч. // Там же. С. 14.
- ⁹³ Там же. С. 15.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. С. 18.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. С. 21.
- ⁹⁹ *Рубинштейн Н.* Указ. соч. // Там же. С. 60, 78.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 75.
- ¹⁰¹ там же. С. 76.

- ¹⁰² См., например: *Шестаков А.В.* Указ. соч. // Там же. С. 15; *Рубинштейн Н.* Указ. соч. // Там же. С. 65, 66; и др.
- ¹⁰³ *Шестаков А.В.* Указ. соч. // Там же. Т. 9. С. 16.
- ¹⁰⁴ *Горин П.* Указ. соч. // Там же. С. 38.
- ¹⁰⁵ М.Н. Покровский. Краткая биографическая справка // Историк-марксист. 1928. Т. 9. С. 83.
- ¹⁰⁶ *Шестаков А.В.* Указ. соч. // Там же. С. 16.
- ¹⁰⁷ О созыве Всесоюзной конференции историков-марксистов // Там же. Т. 8. С. 261.
- ¹⁰⁸ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. II. С. 610.
- ¹⁰⁹ О созыве Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 261.

Н.Ф. Бугай

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ
ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ РОССИИ
В 1990-Е ГОДЫ – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*
(на примере российских цыган)¹**

Преобразования 1990-х годов в разных сферах российского общества, включая и сферу межнациональных отношений, вызвали к жизни необходимость обратиться к истории многих проживающих на территории государства этнических общностей. Это объясняется в первую очередь правильно избранным курсом в государственной национальной политике Российской Федерации, как сообщества, развивающегося на правовой основе. В данном случае национальная политика базируется на кардинальном принципе Российского государства, в котором носителем и единственным источником власти, как это провозглашено в Основном законе государства – Конституции России, является ее многонациональный народ².

В 1990-е годы состоялось обращение и к такой проблеме как цыганская этническая общность, ее роли и месту в системе межнациональных отношений в России в целом. Это необходимо прежде всего для того чтобы выявить ситуацию, складывающуюся в цыганской среде России, выработки рекомендаций по принятию кардинальных решений, связанных с улучшением положения этнического меньшинства.

Постепенно стала формироваться и историография проблемы³. Хотя она пока и находится в зачаточном состоянии, тем не менее

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности». Становление гражданского общества в России.

сдвиги очевидны, как очевидно и постепенное формирование источниковой базы науки по рассматриваемой теме.

Все это позволяет сделать однозначный вывод, что цыганская общность и в условиях проводившегося в Союзе ССР «социалистического эксперимента», и в условиях российской действительности переживала и переживает те же изменения и трансформации, что и все народы, населяющие государство. Это происходит в первую очередь за счет насильственных деструктивных вмешательств в жизнь общества или по причине нежелания принятия кардинальных мер, способствующих положительному изменению жизни той или иной этнической общности, улучшению среды ее обитания, решению социальных проблем, развитию национальной культуры, как и воспитанию культуры межнационального общения.

Несмотря на свой кочевой образ жизни, цыгане тем не менее претерпели в условиях Союза ССР и такую меру как принудительные переселения (депортацию) в 1930–1940-е годы, а частично и в последующие годы. Тяжело складывались отношения с цыганами и в условиях сталинизма.

Начиная с 1957 г. в отношении цыганской этнической общности фактически отсутствуют законодательные акты, регламентирующие ее положение на государственном уровне⁴. Только лишь в 1990-е годы в новых условиях развития демократической России состоялось обращение к проблеме цыган России в законодательных актах, связанных с решением социальных вопросов и национально-культурного развития.

В результате их рассеянного проживания по всему миру и традиционного образа жизни цыгане постепенно сформировались исторически в особую этническую общность. Трудно достаточно точно установить численность цыган в Европе. Большинство государств, где проживают цыгане, не имеют статистической информации о них. Общее население цыган, по оценкам экспертов, может варьировать между 7,5 и 14,5 миллионами.

По сведениям ученых, опубликованным в бюллетене Международной группы по правам меньшинств, в Румынии проживает от 1 млн 800 тыс. цыган (минимум) до 2 млн 500 тыс. (максимум), в Болгарии – от 700 тыс. до 800 тыс. цыган, в Испании – от 650 тыс. до 800 тыс. цыган, в Венгрии – от 550 тыс. до 600 тыс., в Российской Федерации – от 220 тыс. до 400 тыс. человек, в Германии – до 70 тыс. чел., в Норвегии – от 2 тыс. до 3 тыс. человек и т.д. Действительное или мнимое родство с цыганами России воспринимается положительно.

По данным Всероссийской переписи населения (октябрь 2002 г.), на территории Российской Федерации насчитывается более 182 тыс.

граждан цыганской национальности. Если предположить, что этот показатель отражает истинное количество цыганского населения на территории России, то увеличение за период с 1989 г. (в рамках Союза ССР) составило около 40 тыс. человек. В России проживают более 50 разных цыганских групп, 5–10 семей синти. Русские цыгане: колдерари, лувари, лахи, сервы, кишневцы, келдэари. Наряду с эти цыгане отличаются еще и региональной особенностью. Так, например, в Псковской обл. проживает группа цыган, называемая северо-русской (или «русса рома», «халадытка рома»; от «халедо» – «солдат», а также «русский»). Северо-русские цыгане относятся к балтийской диалектной группе цыган, куда входят также белорусско-литовские и латышские цыгане. Северо-русские цыгане делятся на более мелкие территориальные группы. Например, «смоленска рома», «питерска рома» и др.

Следует отметить, что во многих регионах России цыганское население сосредоточивается или непосредственно в областных центрах, или в прилегающих к областному центру районах. Так, из Приморского края сообщается: «С 2002 года в Приморском крае проживает 693 гражданина цыганской национальности, из них 84,4% являются городскими жителями».⁵ Более 50% цыган сосредоточены в городской местности в Оренбургской области (1109 человек)⁶. Подобные сведения содержатся в информации из Еврейской автономной области, Псковской области и др.

Сведения, поступившие в Правительство Российской Федерации, в 2003–2004 гг., а также в Минрегион России в 2005 г. из местных органов исполнительной власти показывают, что в 12 субъектах Российской Федерации проживает цыган от 2 до 3 тыс. человек. В остальных из 60 субъектов Российской Федерации, представивших сведения, значатся группы цыганского населения до 2 тыс. человек.

В последнее время вопрос о получении и использовании статистической информации по цыганам стал предметом специального обсуждения на международном уровне представителей государственных органов, неправительственных организаций и ученых-статистиков и демографов. Ему была посвящена дискуссия на двух «круглых столах», состоявшихся 8–9 октября 1999 г. в Париже и 22–23 мая 2000 г. в Страсбурге, организованных при содействии Совета Европы.

Особое негативное отношение цыганского населения к переписи и указанию «национальности». Это стояние объясняется историческими, психологическими, социологическими факторами, включая и события цыганского холокоста. Такое положение сохранилось и по настоящее время, в частности, в связи с существующей, так называемой криминальной статистикой⁷. Например, участником

одного из «круглых столов» из Болгарии было отмечено, что цыганами совершается 35% всех криминальных преступлений в стране. Однако не были приведены из-за отсутствия таких данных сведения по преступлениям, совершенными представителями других этнических групп.

В Румынии также собирается информация в отношении цыган, исключая остальные 14 этнических меньшинств, проживающих на территории государства. Таким образом, статистика о цыганах, необходимая в целом для принятия решений в любой сфере их общественной жизни, становится инструментом определенной дискриминации.

Необходимо отметить, что международные организации продолжительное время уделяют пристальное внимание и проявляют интерес к проблемам правового положения цыганского населения и обеспечения его прав. Об этом, в частности, свидетельствует и опубликованный доклад Центром по защите прав цыган Совета Европы. Проведенный мониторинг положения цыган в Российской Федерации, безусловно, вскрывает определенные недостатки в работе органов исполнительной власти. Это особенно касается уровня решения ими проблем цыганской общности⁸. В целом же состояние цыганского российского сообщества, как показывает проведенный анализ информации, поступившей с субъектов Российской Федерации в 2004–2005 гг., характеризуется мощным производственным и интеллектуальным ресурсом. Это важно для того, чтобы поправить положение во многих сферах жизнедеятельности цыганской этнической общности в условиях взаимодействия с государственными структурами власти.

В 1992 г. Комитет по правам человека принял резолюцию 1992/65 «О защите цыган». В рамках другой организации – ОБСЕ – были приняты не только широко известные документы, устанавливающие общие принципы обеспечения прав национальных меньшинств, но и разработаны конкретные рекомендации по итогам рассмотрения положения цыган, например, на Московском Совещании по человеческому измерению ОБСЕ (сентябрь–октябрь 1991 г.) и на следующем Совещании в Хельсинки (март–июнь 1992 г.). Активную деятельность в этом направлении ведет Совет Европы. Начало было положено принятием рекомендации 563 (1969 г.) по ситуации цыган и других племенных общин в Европе. В 1993 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла Рекомендацию 1203 «О ситуации цыган в Европе».

Предпринимаются международными организациями и конкретные шаги, такие как разработка обучающих программ, ориентированных на цыган в Словакии, издания брошюры по правам

человека, в частности, для цыган в Польше, разработка обучающих материалов по истории, литературе и музыке для преподавателей цыганского языка в Болгарии и т.д.

Одним из направлений деятельности Совета Европы является помощь государствам в определении стратегий и подходов в решении проблем цыганского населения, анализ внутригосударственного законодательства, оценка состояния проблемы.

Многие государства Западной Европы, да и государства Восточной и Центральной Европы, имеют достаточный как положительный, так и негативный опыт по решению проблем цыган. Существуют определенные различия в политических стратегиях, принятых разными государствами. В то же время наблюдается и значительное сходство. Один из основных вопросов, перед решением которого раньше или позже оказались все правительства, заключался в том чтобы расширить применение инструментов общей политики в отношении всех граждан или создать специальное законодательство (или нормативные акты), касающиеся цыганского населения. В большинстве стран Восточной и Центральной Европы выбрали второй подход.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что есть ситуации, когда в странах установлен правовой статус цыганского населения, но на практике эти нормы не реализуются, и наоборот, в условиях отсутствия правовых норм существует конкретная поддержка цыганских общин.

С учетом ограниченных рамок статьи приведем пример ситуации с цыганами, например, в Венгрии и Норвегии, а также предпринимаемых мер со стороны правительств государств по ее улучшению.

В Венгрии цыгане являются третьей по численности этнической группой. По данным переписи 1990 г., 142 683 человека причислили себя к цыганской национальности. Но более реальная цифра, по мнению Правительства Республики Венгрии, варьируется от 450 тыс. до 500 тыс. человек. Цыгане живут на всей территории Венгрии. В школах обучается небольшое число цыганских детей. За период 1970–1990 гг. были улучшены показатели по базовому (основному) уровню школьного образования.

По данным 1971 г., только 26% цыган в возрасте от 25 лет до 29 окончили начальную школу, по данным 1993 г. среди молодых людей этого же возраста показатель составил 77%.

Вместе с тем существует проблема качества образования, которая сказывается на дальнейшем обучении и получении среднего, высшего и профессионального образования. Это подтолкнуло Министерство образования и культуры в рамках Национальной образовательной программы принять программы по развитию меньшинств

и совершенствованию образования цыган, чтобы создать необходимые условия для успешного обучения цыганских детей. При поддержке этого Министерства образован Исследовательский институт по цыганам (1995 г.). Созданный Центром Цыганской антропологической документации Антропологический музей обеспечил документальной базой образованный позднее Цыганский Музей. Начиная с 1990 г. был намечен выпуск цыганских периодических изданий, журналов. Ежедневно Венгерское радио ведет 30-минутную передачу по проблемам цыган, на Венгерском телевидении ведется дважды в неделю 25-минутная передача для цыган.

Среди цыган высокий уровень безработицы. Если по стране этот показатель составляет 11%, то среди цыган эта цифра увеличивается в 5 раз. Есть поселения, где безработица среди цыган составляет 90–100%. В результате цыганские семьи полностью зависят от социальных выплат и пособий. Соответственно, состояние здоровья намного хуже, чем у остального населения. Цыгане живут на 10 лет меньше, чем не цыгане. 415 цыганских местных самоуправлений были созданы в декабре 1994 г. и в ноябре 1995 г. сформировались следующие 61 самоуправление. Вместе с тем в силу отсутствия опыта, представители национальных самоуправлений ориентированы на государственную поддержку, не предпринимают попыток поиска других источников финансирования для жизнеустройства. Но рамки национальных самоуправлений, безусловно, позволяют комплексно решать экономические, социальные, культурно-образовательные и иные вопросы цыганского населения.

Романи (также называемые татеры – скитальцы) в Норвегии признаны с 1998 г. в качестве национального меньшинства, говорящие на языке индоарийской группы, близком к санскриту. Численность этой группы романи в Норвегии, как отмечалось выше, составляет от 2 до 3 тыс. человек. Занимаются проблемами цыган Общевежская организация романи и Объединение романи. Они являются отделениями Международного союза романи. Работает в Норвегии и общественная организация по продвижению информации о языке и культуре романи в норвежском обществе.

В 1998 г. правительство Норвегии огласило официально извинения за исторические притеснения романи. Были сделаны существенные шаги в информации общества о жизни романи, в том числе и через музейную работу. В 2000–2006 гг. на проекты, связанные с языком и культурой романи, из госбюджета были выделены средства в сумме около 2,5 млн крон. Вторая групп цыган (романи), говорящих на языке индоарийской группы, близком к хинди и урду, в Норвегии насчитывает около 400 человек. Цыганский язык признан языком цыганского этнического меньшинства. Цыганами (романи)

этой группы созданы четыре общественные организации. В 2006 г. Правительство Норвегии выделило из госбюджета на проекты, связанные с сохранением языка и культуры цыган, 470 тыс. крон⁹.

В рамках комиссий ООН разработаны и приняты резолюции и другие документы, касающиеся положения цыган. Например, в резолюции, принятой 31 августа 1977 г., Подкомитет по предупреждению дискриминации и защите меньшинств и Комитет по правам человека Экономического и социального совета призвали государства, на территории которых проживают цыгане, предоставить им все права, которыми пользуются другие граждане.

Для изучения положения цыган в России в рамках взаимодействия Российской Федерации и Совета Европы в Санкт-Петербурге 25–26 июня 2001 г. состоялся Международный «круглый стол» по проблемам цыган, в развитие работы, начатой обсуждением проблем в Москве в октябре 2000 г.

По итогам первого заседания экспертом Совета Европы Ники Тороди был подготовлен доклад «Контактный визит Совета Европы, круглый стол по проблемам цыган в России», представляющий определенную ценность и интерес в связи с теоретико-методологическими посылками, информационными сведениями и рекомендациями, сформулированными с учетом международно-правовых стандартов и опыта других государств.

Что же представляет собой в количественном отношении цыганская община в России в 1990-е годы и в начале XXI в.? По официальным данным (1989 г.), в России числилось около 163 тыс. граждан цыганской национальности.

Цыгане проживают дисперсно практически на всей территории России, но в количественном отношении их больше (по переписи 2002 г.) в Москве (974 человека, 11 – среднеазиатских цыган).

В Санкт-Петербурге (1200 человек), в Астраханской обл. (4331 человек), Тульской обл. (3843 человека), Псковской обл. (3221 человек), в Брянской обл. (3572 человека), Пермской обл. (1606 человек), Кемеровской обл. (2503 человека), Костромской обл. (1542 человека), Ростовской обл. (15 138 человек), Саратовской обл. (2688 человек), Смоленской обл. (3011 человек), Самарской обл. (5244 человека), Свердловской обл. (4019 человек), Ставропольском крае (18 704 человека), Краснодарском крае (10 873 человека), Волгоградской обл. (7528 человек), в Чувашской Республике (701 человек) и др. Следует заметить, что эти данные весьма сомнительные.

Повышение доли цыган в структуре населения субъектов Российской Федерации последнее десятилетие XX – начале XXI в. было связано не столько с миграциями извне, сколько оседанием

цыган, кочующих по разным областям и краям России. Так, например, в 1970 г. в Псковской области цыгане занимали по численности среди этнических общностей, проживавших в области, пятое место, то в 1989 г. – уже третье. В 2007–2008 гг. они находятся на четвертом месте после русских, украинцев и белорусов. Более 70% цыган пользуется родным языком (для сравнения в 1979 г. – лишь 22,5%)¹⁰. Заметен переход в районах с наиболее компактным проживанием цыган к общению на русском языке.

Цыгане на всех срезах истории России привлекали к себе внимание. Однако, характеризуясь в основном консервативным мышлением, как и особым – кочевым – укладом жизни, они мало вписывались в этническую российскую картину, как бы оставаясь в России и отличаясь одновременно особой спецификой.

Сохраняя свои обычаи, традиции, верование, и в условиях оседлой жизни российские цыгане, несомненно, обретали то новое, что позволяло им оставаться самими собой и одновременно быть не только заметными, но и полезными обществу. Представляя особую цыганскую культуру, они впитывали и русскую культуру, обогащаясь взаимно.

Многие из цыган (прослойка культурной интеллигенции) приобретали мировую славу и известность, известен их вклад в культуру и науку России.

Значительная часть цыганского населения занята в аграрной сфере: животноводство и, особенно, коневодство. По-прежнему часть населения занимается традиционными промыслами: ковкой железа и меди, а также строительно-реставрационной деятельностью.

Безусловно, цыганской общине, как и многим другим национальным общностям, в условиях России 1990-х годов – начала XXI в. пришлось сразу же столкнуться с трудностями совершенно новых общественных отношений по различным векторам: народы и власть, взаимодействие с другими этническими общностями, выживание. Они, как и другие этнические общности, не готовы были к новым – рыночным отношениям, поэтому не случайно значительная часть цыган и особенно трудоспособных пополняла и в рассматриваемый период армию безработных.

Те сферы народного хозяйства, в которых были заняты ранее цыгане, разрушены (например, колхозы, совхозы, специализировавшиеся на животноводстве), а новые хозяйства с привлечением труда цыган не созданы. Произошло заметное нарушение сбалансированного соотношения между имеющейся производительной силой цыганской общины и возможностями в ее спросе.

Разумеется, задача не носит локальный характер, она приобретает государственный масштаб и требует кардинального пересмот-

ра проблемы трудовой занятости населения, включая и население регионов компактного поселения цыган (Самарская, Калининградская, Ленинградская, Псковская, Новгородская, Волгоградская, Пензенская, Тульская области, Краснодарский край и другие субъекты Российской Федерации).

Состоявшийся 25–27 июня 2001 г. в Санкт-Петербурге «круглый стол» как раз и акцентировал внимание участников (представители федеральных структур, администраций краев, областей России, специалисты международных организаций) на необходимости перехода от вербального состояния мер по улучшению жизни цыган к их практической реализации. Доктор этнографии, один из руководителей Федеральной национально-культурной автономии российских цыган Н.Г. Деметер, выступая на заседании «круглого стола», призывала участников активнее включиться на местах в процесс этнической мобилизации цыган, их натурализации, оказать им помощь в решении насущных проблем социального обеспечения и национально-культурного возрождения. Это же отмечалось и участниками «круглого стола» в обращении, направленном руководителем ФНКА российских цыган, профессором Г.С. Деметером, а также в выступлениях представителей Совета Европы Франсуазы Кемпф, Владимира Чернеги, независимого эксперта А. Торохова, заместителя министра Оренбургской области В. Амелина, А. Горбатова, В. Кутенкова, Д.Б. Вишневого и других участников.

Безусловно, был усилен акцент на вопросах законодательства Российской Федерации и соотношении его норм с соответствующими нормами международно-правовых документов. Несмотря на критический тон представителей общественных объединений, участники «круглого стола» сошлись во мнении о достаточном законодательном обеспечении специальных прав этнических меньшинств, в том числе цыган, если исходить из общего обеспечения законодательными актами сферы национальной политики в государстве.

В связи с принятием Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), а также законов «Об общественных объединениях» (1995, 1998 гг.), «О национально-культурной автономии» (1996 г.), повышением внимания со стороны государства к проблемам этнических меньшинств становится возможным усиление их этнической мобилизации в России, как и других этнических общностей. На лицо и определенный отход цыган от консерватизма и корпоративного мышления.

В разработанных субъектами Российской Федерации программах поддержки развития национальных культур включаются разделы, касающиеся цыганской общины.

Администрация Краснодарского края, принимая новый документ по проблемам межнациональных отношений – «Совершенствование национальных отношений в Краснодарском крае», отводил проблемам цыганской общины в крае специальный раздел, в котором давалась информация об общине, а в других разделах документа содержался механизм реализации мер по улучшению жизни этнических общностей, включая и цыганскую общность.

В Волгоградской области общественной организацией «Ассоциация цыган» (создана в 1999 г.) была разработана программа «Национально-культурное развитие цыганского населения Волгоградской области на 2001–2002 годы». Основная цель ее – активное содействие развитию культуры, языка и традиций цыганского народа, а также осуществление деятельности по укреплению межнациональных отношений на территории региона, что позволяет Администрации области, оказывающей поддержку организации, упорядочить ее, выделив приоритетные проблемы, нуждающиеся в помощи в первую очередь.

Как последовательную и целенаправленную можно было бы пять лет тому назад назвать работу с цыганской общиной Администрации Калининградской области. Ситуация с цыганами в области продолжительное время оставалась сложной и противоречивой, а точнее, запущенной. Затем, после создания областной Комиссии по проблемам цыганского населения, были установлены тесные связи с местными группами цыган. Пришлось во многом разбираться в новой обстановке, по заявлению консультанта Комитета по информации, печати и связям с общественностью Администрации области А.С. Куксина, когда, «рыночными отношениями были заметно сужены традиционные рамки жизни общества»¹¹.

Тем не менее был проведен учет проживающего контингента цыган в области, разработан план по улучшению положения цыган в селах, со старостами общин уяснены возможности трудоустройства цыганского населения. «Это не только нормализовало жизнь цыганского населения в области, – замечал А.С. Куксин, – но и коренным образом изменило отношение самих цыган к органам власти»¹². Однако меры по ликвидации цыганских домостроений в области (2006 г.), которые нельзя по-другому рассматривать кроме как волонтаристские, нанесли вред работе с цыганской общностью.

Следует отметить тот факт, что цыгане в целом свободно адаптируются к окружающей их среде, куда они поселяются на проживание. Дальнейшее же их существование обуславливается возможностями и трудностями инфраструктуры специальной трудовой деятельности, о чем уже отмечалось.

Так складывалась обстановка в 1990-е годы, что в качестве первоочередной задачи на первый план на практике выходила разработка мер по развитию национального сознания этнической цыганской общности. Несомненно, жизнь в последние годы в России, ставшей на путь развития правового государства, заметно изменилась, как и изменились ориентиры в развитии общества в целом.

В прошлом на формировании самосознания и национального сознания ощутимо сказывались объективные причины. Применительно к цыганам – это и ушедшие в историю сталинские времена, когда во избежание репрессий цыганам приходилось скрывать свое происхождение.

Цыгане, как и представители других этнических общностей, подвергались депортации – принудительным переселениям в 1930–1940-е годы. Незначительными по численности группами совместно с представителями других народов выселялись из районов Закавказья, Крымской АССР, а также других мест. Так, в Справке о количестве спецпереселенцев цыган, высланных из Крыма, на 1949 г. (проводился переучет спецпереселенцев) значилось 1109 человек¹³. В Узбекской ССР проживали 137 человек, в Таджикской ССР – 191 человек, Башкирской АССР – 20 человек, в Марийской АССР – 30 человек, в Свердловской области – 299 человек, Молотовской обл. – 81 человек, в Кемеровской обл. – 80 человек, в Костромской обл. – 22 человека¹⁴.

Тем не менее реанимация исторической памяти в современных условиях вряд ли сможет быть лучшим помощником в стабилизации обстановки в межнациональных отношениях.

Сложившиеся в обществе стереотипы не могли не влиять на состояние национального сознания цыганской общины и существовавшее предвзятое отношение к цыганам вообще. Все это приводило к частичной утере цыганского культурного наследия.

Общепризнано, что решение проблем образования и культуры – самое эффективное средство воспроизводства этнической общности. Анализ состояния образования цыганских детей выявил такой фактор, когда все еще сохраняется восприятие цыганами школьного обучения детей как одного из элементов принуждения. По данным пилотного проекта «Образовательная программа цыганского населения», средний уровень образования среди российских цыган равен 3–5 классам, а уровень безграмотных цыган в некоторых областях Федерации (Ивановская, Смоленская обл. и др.) достигает 30% от общего числа цыганского населения¹⁵.

В условиях жизни цыганских общин, где не было реальной возможности установить связь между школьным образованием и экономическими достижениями, получение образования не было

престижным. Фундаментальную ценность доступа к школьному образованию для будущего цыганского населения, будет означать создание условий для социальной мобильности и успешной интеграции в современное российское общество.

Вместе с тем с одной стороны, существует проблема анализа адаптационных возможностей цыганских детей и школы в этом двустороннем процессе. Насколько школа способна к изменению организации образования в условиях комплектования классов с разновозрастными и разноуровневыми по своей подготовке цыганскими детьми, прерывающими учебный процесс и переезжающими вместе с родителями из одного города в другой? С другой стороны, в условиях отсутствия квалифицированных преподавателей цыганского языка и учебников проблематичным становится и задача сохранения самого языка. Для ребенка существует риск окончить школу и остаться «без корней», и быть неготовым к тому, чтобы где-то обосноваться.

Не случайно, задача образования детей является основной в деятельности цыганских общественных объединений. По их инициативе классы для цыганских детей уже созданы и действуют в Москве, Санкт-Петербурге (школа № 466), Волгоградской области (школа № 97), Новгородской области (школа в цыганском селении Чудовского района), в Самарской области (школы № 98, 147, в пос. Зубчиновка школа № 147), в Тульской области, в селении Саватеевка Тверской области функционирует начальная школа для 12 учеников из цыганских семей.

Создаются классы и в других субъектах Российской Федерации. Такова реальность. Так, в Самарской области последовательно внедрялась в жизнь образовательная программа «Шаг за шагом», в которой функционируют четыре школы в цыганском компактном окружении. Эта программа предусматривает систему специального организованного наблюдения за развитием ребенка в группах для подготовки к школе. Подобные попытки организации обучения предпринимаются и в Астраханской области.

Безусловно, что школ подобного направления недостаточно. Необходимы усилия по их дополнительной организации. Возможности для администраций субъектов в данном случае различны. Так, в Тульской области выделяются средства на ремонт и оборудование школ в селах с компактным проживанием цыган, практикуется совместная с родителями воспитательная работа. В отделе национальной политики и политики отношений государства с религиозными организациями Ставропольского края подготовлено методическое пособие для преподавателей средних школ с описанием традиций и обычаев народов, населяющих Ставропольский край, в том числе и цыган.

Администрация Самарской области в 1990-е годы обеспечивает школы с этнокомпонентом образования необходимой школьной литературой, учебниками и методической литературой. А цыганское общественное объединение «Романмос» выпустило первое в государствах СНГ пособие по языку романи. Это пособие с успехом используется в школах Западной Украины, Болгарии, Македонии. «Дети цыган обучаются в общеобразовательных школах, преимущественно в начальных классах, с пятого класса массовое обучение не продолжают. Все учащиеся 1–4-х классов получают бесплатные завтраки, нуждающимся детям из малообеспеченных семей оказывается материальная помощь. Педагогические коллективы школ заинтересованы в изучении детьми истории и культуры цыган, но отсутствие письменности у народа значительно затрудняет такой вид деятельности», – сообщала Администрация Астраханской области в январе 2006 г. в Минрегион России¹⁶.

Однако это не означает на практике, что необходимо срочно насаждать только изучение цыганского языка. Очевидно, надо учитывать и индивидуальные интересы. Так, председатель Комитета по информации, печати и телекоммуникациям Правительства Ленинградской обл. М. Михайличенко писал: «Основная часть детей этнической группы цыганского населения предпочитают изучать русский язык, считая, что он более необходим для практического применения в жизни. В настоящее время нет никаких препятствий на пути развития цыганской национальной культуры и письменности...»¹⁷.

Таким образом, наиболее заметными и существенными являются изменения в сфере образования и создания условий для изучения цыганского языка и охвата цыганских детей общеобразовательной программой. В остальных направлениях принимаются лишь первые шаги.

Естественной опорой для государства в этом смысле могли бы быть прежде всего институты гражданского общества – общественные организации, национально-культурные автономии, центры цыганской культуры, землячества, для чего уже создана в Российской Федерации необходимая нормативно-правовая основа.

В связи с этим государство должно выступать гарантом проводимых мер, поддерживать те робкие начинания, которые имеют место в экономическом и культурном развитии цыганской среды (создание классов по изучению цыганского языка, вовлечение женщин-цыганок в общественную работу, установление тесных связей с другими национальными объединениями в России, активизация в научной жизни и т.д.).

Эти гарантии со стороны государства определены, в частности, принятым Законом Российской Федерации «О праве граждан на сво-

боду передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Прием граждан, в том числе и детей цыган, определяется пунктом 5 статьи 12 Закона «Об образовании», конкретно – типовым Положением об общеобразовательном учреждении, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 марта 2001 г. № 196. Отсутствие у ребенка или его родителей регистрации по месту пребывания или месту жительства не может являться основанием для отказа в принятии в школу.

Государство выступает гарантом и в организации общественной деятельности, в том числе и цыганского сообщества в России. На январь 2001 г. в Российской Федерации было создано 16 цыганских национальных общественных организаций и 7 национально-культурных автономий.

В ноябре 1999 г. на I съезде цыганских общественных объединений была создана Федеральная национально-культурная автономия, инициатором создания которой выступило Московское культурно-просветительское общество «Романо Кхэр» («Цыганский дом»), существующее с 1989 г. Зарегистрирована ФНКА российских цыган была в марте 2000 г.

В состав ФНКА, по данным А.Н. Бариева, входят 23 общественных объединения, функционирующие в Центральном, Южном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Сибирском федеральных округах¹⁸. Первым президентом ФНКА российских цыган был избран председатель общественного объединения цыган профессор Г.С. Деметер.

На II Всероссийском съезде общественных объединений российских цыган, проходившем в Москве в 2003 г., президентом ФНКА российских цыган становится А.Н. Бариев.

ФНКА российских цыган установила тесные связи с влиятельными международными организациями, стала полноправной их участницей. В Международный союз цыган (International Romani Union), объединяющий представителей 42 стран, московская организация «Романо Кхэр» вступила еще в 1990 г. (IRU был создан еще в 1971 г.). Восьмое апреля, день открытия I Всемирного конгресса цыган, во всем мире отмечается как Международный день цыган. На одном из конгрессов был принят гимн цыган, на другом – цыганский флаг: полосы зеленого и голубого цвета обозначают траву и небо, а расположенное посередине колесо – символ вечной дороги¹⁹.

Были налажены контакты ФНКА российских цыган и с 16 общественными объединениями цыган России, действовавшими в Республике Коми, Волгограде, Нижнем Новгороде, Твери, Самаре, Санкт-Петербурге, Пскове, Великом Новгороде и в других субъектах Российской Федерации.

Однако регулирование процессами в цыганской общине России продолжает оставаться на низком уровне. В информационных пестрят сообщения о нежелании самих цыган заниматься общественной деятельностью, что, конечно, объясняется спецификой их проживания. «Цыгане своих общественных объединений не имеют, – сообщает Правительство Кировской области. – Попытка создания такой организации на территории Кировской области в 1998 году ни к чему не привела. В общественной жизни города и области участия цыгане не принимают»²⁰.

Хотя до сих пор не все цыганское население охвачено работой общественных организаций, тем не менее можно констатировать о складывании системы этих общественных объединений, призванных действовать на основе названных законов. Председатель ФНКА российских цыган профессор Г.С. Деметер входил в состав Консультативного совета по НКА при Правительстве Российской Федерации (возглавлял Совет министр В.А. Блохин). В настоящее время А.Н. Бариев как председатель ФНКА российских цыган является членом Консультативного совета по делам НКА при Министерстве регионального развития Российской Федерации.

Наполняемость работы местных национально-культурных автономий различается. Так, Волгоградской общественной организацией «Ассоциация цыган», созданной еще в июле 1999 г., удалось накопить богатый опыт работы с общиной. Был проведен учет проживавших цыган в области (по данным Ассоциации, численность цыган в области составляла 70 тыс. человек), налажено издание первой газеты на языке цыган (газета распространяется и в других областях), выпущена в свет книга «Цыганский мир», организован первый факультативный класс с углубленным обучением цыганского языка, культуры, истории цыган, приняты меры по формированию нормативно-правовой базы, а также информационной базы для национально-культурного развития цыганского населения.

Проводятся и другие мероприятия по консолидации цыганского меньшинства. Летом 2004 г. появилась первая общественная организация «Конгресс ромских женщин» – «Джувликано Романо Конгрессо» (руководитель Е. Константинова). В июле 2005 г. в г. Волжском (Волгоградская обл.) состоялся под эгидой Европейского центра по правам цыган (ERRC) **первый семинар, собравший около 40 цыганских правозащитников и посвященный правам цыганских женщин в России.** По мнению участников семинара, необходимо «поднимать общий уровень культуры и образования лиц цыганской национальности, сохраняя при этом свои обычаи, традиции, язык»²¹.

Все перечисленные меры, несомненно, направлены на создание благоприятных условий, которые способствовали бы предупрежде-

нию межнациональной напряженности, согласию между народами, населяющими Волгоградскую область, приобщению цыганской молодежи к освоению национальных культур, обычаев, традиций, усилению участия цыган и особенно женщин-цыганок в политической жизни общества.

Действительно, в Волгоградской области сделано многое в плане изменения жизни цыган к лучшему. Однако это не свидетельствует об отсутствии других сложных социальных проблем в цыганской общине. Руководитель Территориального органа Минфедерации России в Волгоградской области в письме в Минфедерации России еще в марте 2001 г. сообщала: «В местах компактного проживания цыган на территории Волгоградской области процветает торговля наркотиками, нередки случаи столкновения цыган с населением на бытовом уровне. Все это несколько дестабилизирует обстановку в местах компактного проживания цыган»²².

О подобных фактах читаем в информации и из Пензенской области. «Анализ криминогенной ситуации в области, – сообщает заместитель губернатора Пензенской области Е.А. Столярова, – свидетельствует о резком увеличении активности определенной части цыган в сфере крупной и мелкотоварной торговли наркотиками с участием цыганской диаспоры соседних районов, прежде всего Самарской и Саратовской областей»²³.

В этом плане оставалась беспокойной обстановка в Тульской и других областях Российской Федерации²⁴.

Во многом такая ситуация складывается и по причине слабого внимания к нуждам цыган со стороны администраций субъектов Российской Федерации. Как замечал в своем письме в Минфедерации России заместитель председателя Екатеринбургской НКА цыган А.А. Торохов (образована в 1997 г.), работа строится только благодаря усилиям самой автономии цыган.

Что же касается Администрации Свердловской обл., то ее работа отличается некоторой непоследовательностью. В бытовых отношениях среди населения города; на уровне администраций районов и города процветают в основном антицыганские настроения (причина якобы повальное участие цыган в распространении наркотиков); имеет место проявление расовой нетерпимости; не обращается внимание и на тот факт, что 90% цыган не имеют среднего образования. Одним словом, в цыганском движении уральского региона спектр нерешенных вопросов весьма весом²⁵.

Для цыганской общины, как и других этносов России, важно состояние экономической стороны жизни общества, их вовлечение в производственный процесс. От этого во многом зависит социальное

обеспечение граждан, и, особенно, малоимущих цыган, занятых в сельскохозяйственной сфере.

Несмотря на трудности социально-политической обстановки в регионах, цыганам выделяются участки под строительство жилья, приусадебные земельные участки (Краснодарский край, Волгоградская, Тульская, Самарская, Пензенская, Ленинградская и др. области). Администрации Тульской и Пензенской областей занимаются также благоустройством селений с компактным проживанием цыган (электрификация, газификация, благоустройство дорог и т.д.).

Однако в этом важном деле особое место отводится все-таки аспекту проблемы, связанному с индивидуальным отношением цыган к труду, их занятию на приусадебном участке, стремлением организовать свое жизнеобеспечение. К сожалению, эта сторона вопроса в сознании цыганского населения не всегда получает должное признание и развитие. Посещение села Горелого Ленинградской области с компактным проживанием цыганского населения позволяет сделать именно такой вывод. Все это свидетельствует о том, что цыганское общество оказалось не подготовленным к переходу к новым общественным отношениям, с расширением возможностей применения своего личного труда.

Касаясь трудовой деятельности цыган в Орловской области, заместитель губернатора области М.Г. Михайлов сообщал: «Основными средствами к существованию у цыган являются частные промыслы, гадание, попрошайничество. До настоящего времени не зафиксированы случаи обращений представителей цыганской национальности в органы государственной службы занятости населения по вопросам трудоустройства»²⁶.

В информации администрации Белгородской области читаем: «Представители этой этнической общности, как правило, проживают компактно, занимаются индивидуальной предпринимательской деятельностью, имеют частные подсобные хозяйства»²⁷. Одновременно из Ярославской области сообщалось, что «цыгане официальной трудовой деятельностью не занимаются»²⁸.

Нестабильные трудовые отношения или их отсутствие лишают большинство цыганских семей постоянных источников доходов. «Крайне низок в цыганской среде процент имеющих постоянную работу. Из тех, кто трудоустроен – большинство занято в сельскохозяйственном производстве и в сфере торговли, – сообщается в информации администрации Ярославской области от 30 декабря 2006 г. «Цыгане практически не представлены в сферах производства. Они занимаются торговлей, личным приусадебным хозяйством, подрабатывают у частных предпринимателей, фермеров, часть незарегистрированных цыган занимаются попрошайничеством», – сооб-

стал в январе 2006 г. начальник Управления по взаимодействию с общественными объединениями администрации Краснодарского края Ю.А. Бурлачко²⁹. «Цыгане постоянного места работы не имеют, – констатируется в информационном материале правительства Кабардино-Балкарской Республики 13 января 2006 г. – Женщины, большей частью занимаются торговлей на рынках и гаданием. Большинство мужчин не работают, за исключением некоторых, которые занимаются кузнечным ремеслом на сельхозпредприятиях».

Такова разнообразная социальная характеристика по субъектам Российской Федерации цыганской общности, что позволяет сделать вывод о том, что в среде цыган наблюдается определенный процесс социального расслоения. Одни семьи выживают только за счет торговли наркотиками, другие заняты в более престижных сферах бизнеса. Наблюдается и процесс разобщения. Не последнюю роль в усилении названных явлений играют имеющие место нищета. Хотя, конечно, обстановка не везде одинаковая. Например, в Красноярском крае благодаря урбанизации цыгане предпочитают проживать в г. Красноярске (по данным администрации края, 40,5% от общей численности) и г. Норильске (12,5%)³⁰. Цыгане в значительной мере ведут закрытый образ жизни. Для них по-прежнему характерны самоизоляция, высокий уровень этничности и владения родным языком.

Наверное при рассмотрении данного аспекта проблемы было бы верным решение задачи, связанной с подготовкой цыган к трудовой деятельности через систему профессиональных училищ, специальные производственные курсы, более широкого вовлечения их в коммунальную сферу, в сельскохозяйственное производство, базирующееся на развитии животноводства и коневодства. Значительная часть трудоспособного цыганского населения могла бы быть занятой в различной системе народно-художественных промыслов, имевших широкое признание и известность в недавнем прошлом.

Дальнейшее решение проблемы формирования национального самосознания цыган России, обучения молодежи возможно будет только при активной поддержке со стороны региональных государственных структур. Сможет найти свое применение в этом плане и созданный аппарат полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах.

Решению проблемы формирования сознания и национального самосознания во многом содействуют средства массовой информации и в первую очередь издаваемые на родном языке (пресса, телевидение, радио). Это в полной мере относится и к решению рассматриваемой проблемы в цыганской общине.

В плане формирования национального самосознания цыганской общины России имело бы большое значение увековечивание памя-

ти погибших цыган в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

К сожалению, в этом направлении предприняты лишь первые шаги. Событием всероссийского значения явилось издание книги «История цыган. Новый взгляд» (Н.Г. Деметер, В. Кутенков, Н. Бессонов). В числе новых изданий значится также появившийся «Цыганско-русский и русско-цыганский словарь», сборники цыганских песен, музыки, налажен выпуск, газет «Цыганские вести» (Волгоградская обл.), «Романо кхэр» (Москва, отдельные выпуски), радиопередач для цыган (Самарская, Тверская и др. области). В 2007 г. вышел в свет первый номер журнала «Цыгане России» (руководитель проекта Иван Бариев, главный редактор Иван Перегудов).

Однако не следует упускать из виду, как замечает председатель Комитета по культуре Правительства Ленинградской области В. Богущ, что «в условиях рыночной экономики, интерес цыган к творческой деятельности и взаимодействию с учреждениями культуры резко снизился и был вытеснен различными видами коммерческой, предпринимательской деятельности»³¹.

Можно констатировать, что вопросы сохранения и развития национальной цыганской культуры и искусства в той или иной мере обеспечиваются действующими многочисленными творческими национальными коллективами. Однако они также требуют поддержки со стороны органов государственной власти. За непродолжительное время в субъектах образованы детские культурно-образовательные центры в Москве («Гилори», «Лулуди», Цыганский режиссерский актерский курс, цыганский музыкальный салон, выставки живописи, фотографии), в Санкт-Петербурге (цыганские семейные ансамбли и коллективы). Такие же коллективы созданы в Новосибирской, Пензенской, Ростовской, Самарской, Тверской, Свердловской областях. Пользуются огромной популярностью объединения самодельных цыганских артистов, цыганские ансамбли песни и танца («Ритмы ромэн» и др.).

Разумеется для реализации любых планов требовалась финансовая поддержка. Возможности государства в нынешних условиях ограничены.

Обнадеживающими являются и перспективные направления в сфере культуры. В 2001 г. в связи с 500-летием пребывания цыган в России проводились Дни культуры цыган, мероприятий, приуроченных 70-летию завоевавшего признание цыганского театра «Ромэн». В этом же ряду проведение Международного Дня цыган, участие в празднике Ивана Купалы в Санкт-Петербурге, организация новых культурно-образовательных центров.

В 2001 г. Минкультуры России была оказана помощь ФНКА российских цыган. Она осуществлялась путем долевого финансирования фестивальных мероприятий в рамках юбилея 500-летия пребывания цыган в России (Федеральная программа «Культура России (2001–2005 годы)»). В это же время Правительство Москвы выделило Московскому обществу «Романо кхэр» средства на приобретение костюмов для детских художественных коллективов «Гилори» и «Лулуди», на издание журнала «Шунен ромалэ» и специального выпуска журнала «Этносфера», посвященного юбилею цыган.

Можно констатировать, что в целом гражданам цыганской национальности приходится сталкиваться с тяжелыми условиями жизни и иметь недостаточный доступ к социальным благам, в том числе и в силу незнания своих прав, безразличием со стороны некоторых местных органов власти. Имеет место снижение посещаемости цыганскими детьми школ, следствием чего может быть социальная маргинализация, порождающая в свою очередь ситуацию, в которой часть цыганского населения вовлекается в противоправную деятельность. Все эти негативные факторы приводят к усилению предубеждений в отношении цыган.

Все отчетливее на первый план выдвигалась проблема, как замечал Министр Российской Федерации А.В. Блохин в Обращении к участникам второго Международного «круглого стола» (Санкт-Петербург, июнь 2001 г.), формирования инфраструктуры воспитания культуры межнационального общения. Это включает и активизацию деятельности общественных институтов российских цыган, и усиление их этнической мобилизации, и переход их в условиях России от консерватизма к естественному этническому развитию.

На практике особое внимание должно уделяться поддержке национально-культурного развития цыган. Эти меры включают изучение и распространение накопленного опыта организации обучения цыганскому языку, подготовку кадров-специалистов из цыган. В связи с этим важно также создание сети центров цыганской культуры в Москве, других субъектах Российской Федерации, налаживание их деятельности, поддержка цыганских хоров, других творческих коллективов, устройство радиовещания на цыганском языке в регионах с их компактным проживанием, организация передач по телевидению, организация выпуска периодических печатных изданий (газеты, информационные бюллетени и др.), доступ к материальным и духовным ценностям.

Решение намеченных задач путем реализации концепции государственной национальной политики Российской Федерации, последующих мер, определенных российскими нормативно-право-

выми актами применительно этнических общностей, несомненно, способствовало бы занятию цыганами достойного места в многонациональном российском сообществе. Одним словом, названные планы и определенные направления работы с цыганской общностью в России в начале 1990-х годов и в последующем были обнадеживающими.

Советом Министров иностранных дел (СМИД) ОБСЕ в ходе заседания, проходившего 25 августа 2001 г. в Бухаресте, было предложено подготовить проект «План действия ОБСЕ по улучшению положения рома и синти (цыган)». Затем эти указания реализовывались на практике уже рабочей группой в Вене.

По инициативе президента Финляндии Т. Халонен на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в 2001 г. была высказана идея о создании Европейского форума цыган (своего рода консультативной ассамблеи), представляющего цыган на общеевропейском уровне.

Предложение Т. Халонен обусловлено озабоченностью неспособности европейских государств и международных организаций сдвинуть решение проблемы обеспечения прав цыган с «мертвой точки», создать условия для участия цыган в политической жизни государств на общеевропейском уровне. Конкретно – путем учреждения консультативного (представительного) органа, состоящего из цыган, избираемого цыганами и действующего в интересах цыган. По этому вопросу продолжительное время работала исследовательская группа специалистов, подготовившая соответствующие рекомендации. В Оргкомитет созданного Европейского форума цыган входит представитель от российских цыган - доктор исторических наук Н.Г. Деметер.

Восьмое совещание ОБСЕ по рассмотрению выполнения обязательств в области человеческого измерения, состоявшееся 8 октября 2003 г. в Варшаве, возвратилось к анализу ситуации, сложившейся с возможностью выполнения намеченных планов. Предложенный ранее проект плана был существенно доработан с учетом пожеланий участвовавших в нем сторон. Было также предложено в окончательном варианте обсудить проект на постоянном совете и на заседании СМИД ОБСЕ в Маастрихте в начале декабря 2003 г.

Главная направленность плана сведена к тому, чтобы «отойти от бесплодных дискуссий и сосредоточить внимание на кардинальных вопросах организации жизни цыган»³², выработать конкретные методы борьбы с дискриминацией и расизмом.

Интеграция цыган (группа рома и синти) в современное общество, налаживание системы медицинского обслуживания, поддержка языков рома и синти, предоставление цыганским общинам равных

с другими народами возможностей в демократических обществах, искоренение дискриминации в отношении цыган – кардинальные задачи современности, требующие своего неотложного решения.

Свою позицию в отношении плана ОБСЕ определило и Правительство Российской Федерации. По мнению экспертов, в плане (п. 104) несколько в искаженном виде было представлено положение цыганского меньшинства на пространстве Восточной Европы.

Очевидно отсутствие учета специфики цыган, например, в Российской Федерации, и превалирование в большей части субъективного фактора при изложении выводов возможно для государств, в которых цыгане составляют по своей численности вторую или третью народность, следует предусматривать создание центров цыганской культуры. Однако, что касается России, то вряд ли возможно решение этой задачи в такой форме. Наличие в перечне более 160 народов предполагает создание сети «Домов народов», что позволяет самим народам избежать изоляции друг от друга.

Разумеется, задача сложная и требующая огромных затратных средств. Надо согласиться в данном случае с разработчиками проекта упоминавшегося плана, определившими конечными хронологическими рамками 2018 г., приурочив их к историческому событию, связанному с исполняющейся датой 1000-летием с момента исхода рома и синти из гор. Канаудж в Северной Индии, что и дало плану название «Перспектива – 2018».

В феврале 2003 г. в Смоленске прошел Единительный съезд цыганских общин стран СНГ и Балтии, целью которого являлось создание общественного объединения «Ассоциация ромов стран СНГ и Балтии “Амаро Дром”». На съезде были предложены к реализации программы и проекты социальной адаптации цыган в современных условиях.

В июле 2003 г. состоялся первый открытый съезд Межрегиональной общественной организации «Союз цыганских общественных организаций «Романэ прала»³³ с участием руководителей цыганских общественных организаций стран СНГ (Украина, Белоруссия и др.). Обсуждались вопросы разработки программы ромского образования с учетом ромской культурной специфики в рамках общероссийской системы образования.

²⁸ августа 2003 г. министр Российской Федерации В.Ю. Зорин утвердил первый состав Экспертной группы по делам российских цыган, в которой первоначально были включены шесть представителей от ФНКА российских цыган, цыганской творческой интеллигенции, Минкультуры России, МИД России³⁴. Таким образом, в экспертной группе были представлены все ключевые министерства Российской Федерации, заинтересованные в национально-культур-

ном возрождении цыганского населения Российской Федерации.

На совещании у министра В.Ю. Зорина, состоявшемся в конце августа 2003 г., было высказано предложение об увеличении численного состава экспертной группы в основном за счет представителей региональных национально-культурных автономий (НКА) российских цыган (Свердловская и Ростовская обл.), администрации Самарской области, представителей от МПТР России, МВД России, Минобразования России³⁵. Срочно реагировал на эту акцию Генеральный секретарь Совета Европы Е. Швиммер. Он положительно оценив принимаемые в России меры по улучшению положения цыганской общины.

В октябре 2004 г. в Италии состоялся VI конгресс IRU. Конгресс показал, что позиции и авторитет России на международной арене заметно укрепляются. Н.Г. Деметер стала первым вице-президентом IRU, А. Бариев – комиссаром по странам Центральной и Восточной Европы, М. Бауров – комиссаром по экономике. Предложения российской стороны – в основе всех наиболее важных решений Международного союза цыган³⁶.

Сеть региональных национально-культурных автономий цыган по-прежнему незначительная. На начало 2004 г. в 60 субъектах Российской Федерации их насчитывалось около 20, из них 5 – не получили соответствующую государственную регистрацию³⁷. Имеются и общественные объединения, заявившие о себе как активно действующие, в частности, в Калининградской, Свердловской, Ростовской, Омской, Смоленской, Тверской и других областях, в Краснодарском крае.

Было принято также решение о подготовке экспертной группой при участии ФНКА российских цыган плана работы в масштабе Российской Федерации, формировании банка данных об общем положении цыган в субъектах Российской Федерации, их взаимоотношениями с представителями других народов. После состоявшегося первого заседания экспертной группы были подготовлены обращения в министерства, Правительство Москвы с предложением проработать вопросы об организации школьного образования, изучения возможности открытия школы с этническим компонентом образования, отделения или факультета по подготовке преподавателей цыганского языка.

23 марта 2004 г. Межрегиональный союз цыганских общественных организаций «Романэ прала» рассмотрел вопрос о подготовке в России ромской образовательной программы в рамках Всероссийской программы образования.

На начало XXI в. у цыган России уровень образования, конечно, гораздо выше, чем, например, в Восточной Европе, потому что в

России было обязательным 10-классное образование. Цыгане с высшим образованием проживают в основном в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге.

Цыганский язык – один из индоевропейских языков (индийская или индоарийская группа). В России 85% цыган считают родным языком цыганский, 12% – русский язык.

Почти повсеместно условия проживания цыганского населения трудные. Хотя в некоторых субъектах Российской Федерации цыганское население, по данным областей, имеет от 70% собственное жилье.

И в середине 1990-х годов проблема трудовой занятости, жизнеобустройства цыганского населения оставалась в числе главных. Сказывается низкий уровень в стране образования общей массы цыганского населения. Наряду с упоминавшимися традиционными формами применения труда российских цыган, в частности, кузнечное ремесло, гадание, торговля, попрошайничество, в последние годы они расширили свое участие в производственной сфере, стали больше вовлекаться в работу в отраслях промышленности и сельского хозяйства. Так, например, по сообщениям администрации Сахалинской области, в сфере экономики трудятся 31 гражданин цыганской национальности. В Белгородской области во всех сферах хозяйственной деятельности было занято 180 рабочих цыган, Калужской области – 13 человек. Цыгане работают на сельхозпредприятиях Майского района Кабардино-Балкарской Республики. В Брянской области на предприятиях работает 881 цыган³⁸.

К сожалению, среди цыганского населения высокий уровень безработицы оставался в Республике Коми, в Пензенской и других областях Российской Федерации. Из администрации Ярославской области указывается, что «официальной трудовой деятельностью в основной массе (цыгане. – *Н.Б.*) не занимаются»³⁹. Администрация Смоленской области сообщает: «Крайне низок в цыганской среде процент имеющих постоянную работу. Из тех, кто трудоустроен – большинство занято в сельскохозяйственном производстве и в сфере торговли. Определенная их часть занята индивидуальной трудовой деятельностью без образования юридического лица»⁴⁰.

Как отмечалось, для цыганской общины Российской Федерации остро ощутимой остается проблема обучения цыганских детей в общеобразовательной школе, так и в высших учебных заведениях. В основном дети цыган проходят обучение совместно с детьми других национальностей, однако имеются субъекты Российской Федерации, в которых по просьбе родителей к середине 1990-х годов были образованы для обучения детей специальные цыганские классы.

Как сообщается в информации из субъектов Российской Федерации, дети цыган находятся в школе в основном до четвертого класса и на этом завершают получение ими образования. Эта сторона проблемы требует большой разъяснительной работы среди населения. Например, в Белгородской области из 1048 цыганских детей обучаются в школе 189, но и они не заканчивают школу, остальные заняты в основном бродяжничеством. В Костромской области из 240 учащихся цыган учатся в школе только 59%. В Орловской области в школах № 31, 41, где занимается наибольшее число цыганских детей, наблюдаются проблемы с посещаемостью. Основная часть оканчивает лишь четыре класса. Лишь отдельные дети в последующем продолжили образование в высших и средних специальных учебных заведениях⁴¹. По приблизительным экспертным данным, поступивших из 60 субъектов Российской Федерации, а также имеющихся информационных материалов, в школах на 2005 г. учились более 5 тыс. детей цыган⁴².

Разумеется, что ситуация не везде одинаковая. Имеется накопленный опыт организации обучения в школе детей цыган, он требует как обобщения, так и применения. Функционируют классы для цыганских детей в школах Красноярского края (пос. Солонцы), Ленинградской обл., Оренбургской обл. (Средние школы № 31, 41), Тульской обл., Удмуртской Республики⁴³.

Следует отметить и об особенностях организации обучения цыганских детей. Так, во Владимирской обл. в целях обеспечения права детей из цыганских семей, которые часто меняют место жительства, был налажен своевременный учет семей такой категории. Это позволило образовательным учреждениям области «организовать учебный процесс в различных формах, в том числе учебно-консультативную группу вечерней (сменной) школы на базе Анопинской средней школы Гусь-Хрустального района»⁴⁴.

По данным поступившей информации, процент обучения детей цыган в среднетехнических, профессиональных, высших учебных заведениях крайне низкий. Только из Челябинской области сообщалось, что в вузах занимаются и студенты цыганской национальности. В профессиональных же училищах учатся буквально единицы.

Содержание поступившей информации позволяют сделать вывод и о слабом решении в государственном масштабе такой проблемы как открытие на филологических факультетах кафедр по подготовке специалистов-преподавателей цыганского языка, выпуска учебников по языку и литературе на цыганском языке, а также методических пособий.

Правда, имеется и другая точка зрения на процесс организации обучения цыган. Так, зам. главы администрации Астраханской

области И.В. Родненко пишет: «Подготовка учителей цыганского языка при отсутствии у народа письменности, постоянной миграции и традиций, не позволяющих цыганам обучаться в основной школе и получать законченное среднее образование, вряд ли целесообразно»⁴⁵.

Некоторые из администраций областей Российской Федерации выражают готовность оказывать необходимую помощь по вопросам организации обучения детей из цыганских семей. Министр внешнеэкономических связей Правительства Московской области Т.А. Караханов в числе мер по работе с цыганской общиной предусматривал «представление школьного обучения цыганским детям на русском языке, при условии оседлости цыганских семей, а также организации этого обучения для мигрантов, прибывающих в цыганское поселение». «Министерство образования Московской области, – читаем далее в документе, – готово организовать такое обучение и ожидает конкретных предложений от Федеральной НКА российских цыган по месту и условиям обучения цыган...».

Утверждения, о каком бы то ни было характере ущемлений цыганского населения в оказании социальной помощи, беспочвенны. Информация о положении цыганской общины в субъектах свидетельствует об оказании социальной помощи отдельным цыганам и многодетным семьям. Так, например, в Республике Адыгея такую помощь получают 156 семей цыган, в Рязанской области – 242 семьи, 55 матерей-одиночек, в Вологодской области – 402 семьи и т.д. Об этом же сообщается и из Астраханской, Воронежской, Оренбургской областей, Республики Коми и Кабардино-Балкарской Республики и др. Заместитель губернатора Саратовской обл. В. Пучков по этому вопросу сообщал: «В области всем гражданам, независимо от национальности, предоставляются равные права и возможности. Органы социальной защиты населения в соответствии с действующим федеральным законодательством... производятся выплаты компенсаций, оказывается денежная и натуральная помощь малообеспеченному населению». В информации Смоленской области читаем: «В органах социального обеспечения Смоленской области и муниципальных образований все постоянно проживающие в регионе многодетные и малообеспеченные семьи состоят на учете, получая с федеральным и областным законодательствами все необходимые льготы и дотации из бюджета»⁴⁶.

По-прежнему оставалась в числе слабо разрешенных проблема занятости представителей цыган на должностях в государственных органах власти. Так, в качестве зав. отделом культуры работает представитель цыганской национальности только в Полесском районе Калининградской области.

Более зримо представлены цыгане в сфере учреждений культуры, художественных творческих коллективах. Из их состава созданы такие коллективы как пять художественных групп, действующих в Ленинградской обл., театр «Ромэн» в Москве, ансамбли «Ромалэ» (Волгоградская обл.), «Черная жемчужина» (Калининградская обл.), «Романэ Шатро» (Кемеровская обл.), «Шатрица «Коми Республика», студия «Эксперимент» (Курганская обл.), детский ансамбль «Гилори», культурно-просветительское общество «Романо Кхэр» (Московская обл.), шесть культурных центров (Рязанская обл.), инструментальная группа «Комби» (Саратовская обл.), ансамбль «Шатрица» (Смоленская обл.), «Ритмы Ромэн» (Свердловская обл.), ансамбль «Будулай» (Удмуртская Республика), фольклорный цыганский коллектив в Тверской обл. и др.

Анализ материалов о положении цыганской общины в субъектах Российской Федерации в 1990-е годы – начале XXI в. свидетельствует о скудной оснащённости издательской базы, подчиненной цыганской проблематике, изданию печатной продукции, направленной на воспитание культуры межнационального общения. По данным 60 субъектов Российской Федерации, можно констатировать только об издании газеты «Цыганские вести» (989 экз. – Волгоградская обл.), появлении в последнее время книг по истории цыган и современной жизни цыганской общины⁴⁷ и, как отмечалось, издается иллюстрированный журнал «Цыгане России».

В 2000–2001 гг. в субъектах Российской Федерации состоялись многочисленные заседания «круглых столов», научно-практические конференции по проблемам цыганского этноса в России. Так, в Волгоградской обл. в феврале 2003 г. проходил «круглый стол» по теме «Межэтническая толерантность в условиях Волгоградской области: проблемы и решения», а также по теме «Взаимодействие национальных общественных организаций с органами государственной власти». Все эти примеры свидетельствуют о возрастании внимания к проблемам цыганского этнического меньшинства.

В условиях современности особую важность приобретает сторона общественного поведения представителей цыганской общины в Российской Федерации. В значительной части материалов, поступивших из субъектов Российской Федерации, имеются сведения об участии представителей цыган в распространении наркотических средств. В письме из Воронежской области читаем: «Вместе с тем в повседневной жизнедеятельности со стороны лиц цыганской национальности отмечается многочисленные факты административных нарушений»⁴⁸. В информации администрации Кемеровской области указывается: «По оперативным данным ГОВД и РОВД МВД, зафиксированы факты участия граждан цыганской национальности в

незаконном обороте наркотиков. В 2003 г. за незаконное хранение и сбыт наркотических и психотропных веществ в г. Тайга привлечено к ответственности 7 лиц цыганской национальности, передано в суд аналогичное дело в г. Топки»⁴⁹.

По сообщениям МВД Республики Хакасия, из 17 лиц цыганской национальности, совершивших преступления, только один человек имеет постоянные источники доходов (рабочий Ширинского СПК). В январе–августе 2003 г. гражданам цыганской национальности было совершено девять преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, пять имущественных, в том числе разбойное нападение с применением оружия, два факта дачи взятки должностным лицам и одно нарушение прав дорожного движения, повлекшее причинение тяжелых телесных повреждений. Удельный вес лиц цыганской национальности, совершивших преступления в 2003 г. от общего количества выявленных лиц, составил 0,4%, уровень криминогенной активности – 3,5%⁵⁰.

Все это вызывает необходимость целенаправленной работы в среде цыганской общины России по ее консолидации и интеграции в российское общество в новых условиях. Вряд ли возможно решение этих кардинальных задач без усилий самой цыганской общины. При такой поступившей с мест информации, как, например, из Воронежской области, в которой сообщается о том, что «взрослое цыганское население в общественной жизни районов и городов области практически никакого участия не принимает... взаимодействие цыган с другими этническими группами и меньшинствами не выявлено...», вряд ли возможно продвижение в решении вопросов трудовой деятельности цыган.

Таким образом, ключевой проблемой остается замкнутость цыганской общины, нежелание встраиваться в систему взаимодействия национальных меньшинств с государственными и муниципальными органами.

Какие меры в этой ситуации следовало бы рассматривать в числе первостепенных? Не отказываясь от помощи международных организаций и, прежде всего Совета Европы, призванных к решению проблем этнических общностей, необходимо было бы, опираясь на существующее российское законодательство, рассмотреть на Парламентских слушаниях, проводимых Комитетом Государственной думы Российской Федерации по делам национальностей, вопрос о положении цыган России.

В числе этих мер значится и более широкое взаимодействие Департамента межнациональных отношений Минрегиона России с ФНКА российских цыган. Цель очевидна: активизация деятельности цыганских общественных объединений, повышенное внимание

к организации работы школ с этническим компонентом образования, оказание помощи через Минобразование России в изучении русского языка (организация нулевых классов в сельских школах с компактным проживанием цыганского населения).

Было бы целесообразным создание национальных групп при Уполномоченном по правам народов в субъектах, своевременное реагирование на нужды цыганского населения.

В этом ряду значились вопросы подготовки целевой комплексной программы национально-культурного развития российских цыган, управления национальными отношениями, достижения сбалансированного соотношения между интересами государства и цыганской общины: регулирование национальных отношений, подчинение их достижению межнационального мира и гражданского согласия в обществе. В этих целях была бы полезной разработка новых форм и методов взаимодействия общественных институтов российских цыган с правоохранительными органами на местах, решение вопросов на законодательной основе, связанных с правонарушениями.

Жизнь кочевого народа существенно ухудшилась в последние годы. Материальные и санитарные условия проживания цыган до сих пор ужасающие. Поэтому было бы целесообразным принятие целевой комплексной программы национально-культурного развития российских цыган, управления национальными отношениями, достижения сбалансированного соотношения между интересами государства и цыганской общины: регулирование национальных отношений, подчинение их достижению межнационального мира и гражданского согласия в обществе. В этих целях были бы полезными разработка новых форм и методов взаимодействия общественных институтов российских цыган с правоохранительными органами на местах, решение вопросов на законодательной основе, связанных с правонарушениями.

Особое внимание на практике должно уделяться поддержке этно-культурного развития цыган.

Решение намеченных задач, несомненно, способствовало бы занятию цыганами достойного места в многонациональной семье народов России.

Несмотря на имеющиеся трудности, проводится работа по вопросам цыганской жизнеобустройства общности в масштабе Российской Федерации, что непосредственно определено и решениями СЕ (Европейский центр по правам цыган).

На 2005 г. функционируют международные организации, занятые регулированием процессов, связанных с цыганами – Национальный конгресс цыган (в состав от России входят Н.Г. Деметер,

Г.С. Деметер), Международный союз цыган (входят пять представителей от российских цыган), Департамент по вопросам миграции и положению цыган (группа специалистов Совета Европы по проблематике цыган). В числе названных организаций и Консультативный комитет мониторинга Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. По инициативе бывшего президента Финляндии Тарьи Халонен была проведена большая работа по учреждению Европейского форума цыган. Ныне форум зарегистрирован в Совете Европы. Задача этого консультативного органа – обеспечить участие цыган в политической жизни европейских государств. В работе исследовательской группы форума участвует и представитель ФНКА российских цыган.

В Российской Федерации проблемами обустройства цыганской этнической общности занимаются МИД России, Минрегион России, Минкультуры России, Минюст России, Минобрнауки России.

7–8 апреля 2005 г. ФНКА российских цыган с участием МИД России, Минрегиона России, Минздравсоцразвития России, Правительства Москвы провели мероприятия, приуроченные к Международному дню цыган, в частности, митинг российских цыган, посвященный памяти цыган, погибших в годы Великой Отечественной войне. Одновременно в Центре цыганской культуры (Дом культуры «40 лет Октября») состоялось заседание «круглого стола» по вопросу о взаимодействии органов государственной власти с институтами гражданского общества в многонациональной России, в частности, общественными объединениями цыган России. Представители администраций Рязанского района г. Москвы, штаба ФНКА российских цыган, национально-культурных автономий НКА, НОО российских цыган городов Тулы, Рязани, Иванова, Владимира, Ростов-на-Дону, Москвы (около 200 человек), участвовавшие в заседании «круглого стола», сконцентрировали основное внимание на вопросах внутри российской жизни цыган. Однако это не означает, что не обращалось внимание и на международные организации ОБСЕ, СЕ, Форум цыган и др., в структуре которых действуют подразделения, занятые проблемами обустройства цыган в государствах Европы, включая цыган Российской Федерации. Констатировалось, что руководство международных организаций призывает Правительство Российской Федерации больше уделять внимания российскому цыганскому меньшинству, заниматься вопросами улучшения его экономического состояния и этнокультурного развития. Отмечалось также, что международные организации выражают готовность оказания целенаправленной помощи в решении этих задач. Ощущалось единодушное мнение, связанное с повышением этнической мобильности цыганского сообщества в Российской Федерации.

Приоритетным оставался по-прежнему вопрос о положении в образовании, обучении цыганских детей. На начало 2006 г. в ряде субъектов Российской Федерации, где эта проблема решается более или менее успешно, – Тульская, Волгоградская, Псковская и другие области. Опыт работы их в этом направлении заслуживает и внимания, и распространения. С этим аспектом тесно связана проблема борьбы с беспризорностью в цыганском сообществе. Менталитет цыганского общества таков, что в их среде не было беспризорности. В последние годы это находит проявление и у цыган.

По-прежнему оставался острым вопрос об освещении СМИ цыганской проблематики. В частности, констатировалось полное отсутствие положительной информации о цыганах, встреч и бесед с представителями цыганской элиты; о разрушительной силе СМИ в реализации мер по консолидации российского многонационального общества, о нетактичном, а порой и враждебном, освещении вопросов истории цыган, их современного положения, когда цыган в учебниках для общеобразовательных учреждений сравнивают с бомжами. В качестве примера можно рассмотреть учебник по гражданской обороне для 10 класса, изданный под редакцией заместителя министра (МЧС России)⁵¹.

По данным Т.Н. Катаниди, в 28 статьях, опубликованных тремя газетами Краснодарского края («Кубанские новости», «Вольная Кубань», «Краснодарские известия») по цыганской проблематике, 19 статей имели негативную эмоциональную окраску, 5 – нейтральную, 4 – положительную⁵². Так отображается цыганская действительность в СМИ.

Отмечалось и малое проявление внимания вопросам обустройства цыганского этнического меньшинства в России, недостаточное сохранение цыганского искусства, переживающего определенное кризисное состояние в своем развитии. Однозначно, без поддержки со стороны государства цыганское искусство будет испытывать больше трудности.

Вопросы деятельности ФНКА российских цыган в очередной раз обсуждались также 21 апреля 2005 г. на состоявшемся совещании в Департаменте межнациональных отношений Минрегиона России. Рассматривалась ситуация, сложившаяся в ФНКА российских цыган (Г.С. Деметер, А.Н. Бариев⁵³), анализировались роль и место цыган в социально-«географическом синтезе» России, в сфере международной политики (президент Международного Союза цыган Н.Г. Деметер). Был также поставлен вопрос об организации Экспертной группы по делам российских цыган при заместителе министра регионального развития Российской Федерации и др.

Отмечалось, что ситуация в российской цыганской общине остается сложной, отличающейся тяжелым экономическим положением цыганских семей, молодежи, трудностями адаптации цыган к новым условиям рыночных отношений.

В связи с этим остро стоит задача повышения внимания к жизни и нуждам общины российских цыган с учетом существующей напряженности в субъектах Российской Федерации с проживанием групп цыганского населения (Архангельская, Ленинградская, Свердловская, Волгоградская, Самарская области и др.). В то же время была названа и такая проблема как борьба с наркоманией в российском обществе, где не исключается деятельное участие цыган.

В связи с этим, несомненно, необходимы конструктивные меры по стабилизации ситуации в цыганской общине, во взаимоотношениях цыган с местным населением.

Решению вопросов формирования национального самосознания в цыганской среде было подчинено и такое событие как 75-летие существования театра «Ромэн» (2006 г.). Коллектив театра на всех этапах Российского государства вносит большой вклад в преумножение и обогащение многонациональной культуры народов России.

Получило поддержку предложение члена совета ФНКА российских цыган, народного артиста СССР Н.А. Сличенко о создании национальной цыганской студенческой труппы (театральной студии) при театральной школе им. Б. Щукина.

Федеральное агентство по культуре и кинематографии удовлетворило просьбу ФНКА российских цыган. В рамках контрольных цифр приема на 2005 г. Театральной школе им. Б. Щукина при Государственном академическом театре им. Е. Вахтангова выделено 20 мест для набора целевой национальной цыганской студии. При содействии Минрегиона России был решен вопрос и о предоставлении студентам 20 мест в общежитии.

В целях выработки коллективного решения в Минрегионе России в апреле 2005 г. специалисты Европейского центра по правам цыган и Департамента национальных отношений рассмотрели представленный доклад, подготовленный Центром, «В поисках счастливых цыган. Преследование отверженных меньшинств в России» (выпуск № 14), были выработаны рекомендации по улучшению положения в российской цыганской общине.

В то же время необходимо отметить, что проблема, связанная с интеграцией цыган в российский социум в условиях развивающихся рыночных отношений, организацией занятия их хозяйственной деятельностью, школьным обучением, их этно-культурным развитием, выполнением обязательств Российской Федерацией перед международными организациями (Совет Европы, ПАСЕ, Междуна-

родный союз цыган и др.), остается в числе преобладающей. Эти меры были определены в рамках предложений Совета Европы еще в 2006 г., предусматривавшие мониторинговую миссию в России.

Международные организации ОБСЕ, СЕ, Форум цыган и др., в структуре которых действуют подразделения, занятые проблемами обустройства цыган в государствах Европы, включая цыган России, вырабатывают различные практические предложения по вопросам улучшения экономического состояния и этнокультурного развития цыган. При этом международные организации выражают готовность оказания целенаправленной помощи в решении этих задач, что получало неоднократные подтверждения в заявлениях специалистов МИД России, курирующих вопросы национальных меньшинств, С. Толкалина и Т.Н. Смирновой, Н.Г. Деметера, А. Бариева как президента ФНКА российских цыган.

Примером взаимодействия и активной работы международных организаций явился проходивший 23–24 ноября 2005 г. в конференц-зале гостиницы «Альфа» Международный семинар (Россия-Великобритания) по проекту «Охрана правопорядка и уголовное судопроизводство – к безопасности в многонациональном обществе». В работе семинара принимали участие специалисты МИД России, ФСНК России, Мингрегона России, ГУВД Москвы, СЕ, ОБСЕ, Самарского областного УВД, лидеры ФНКА российских цыган, региональных НКА цыган Самарской, Ростовской, Волгоградской, Астраханской, Московской областей, Краснодарского края. Всего – более 50 человек.

По названной теме на обучающемся семинаре рассматривался комплекс вопросов: о положении цыган в России и Великобритании, о взаимодействии полиции Лондона с этническими меньшинствами по поддержанию правопорядка (выступали офицеры городской полиции Карл Петтерсон, Крис Тайлор), о привлечении граждан цыганской национальности к службе в полиции, о взаимодействии ФНКА российских цыган с региональными НКА цыган, о мерах по усилению контактов между этническими общностями и правоохранительными органами государственной власти.

Отношение к проблеме проявилось в выступлениях представителей федеральных ведомств, СЕ, ОБСЕ, ученых, общественных объединений Самарской, Волгоградской, Ростовской, Московской областей и Краснодарского края, Московской Хельсинской группы. Констатировалось о трудном положении цыганской общины на местах, о созданном надуманно прессой имидже цыган как исключительно торговцев наркотиками. По данным ФСНК России, цыгане в числе уличенных в 2005 г. в торговле наркотиками в Москве, составляли незначительный процент (М.Е. Бородулин). Отмечалось

о сложной ситуации с цыганами в Свердловской, Архангельской областях, где сжигаются жилые постройки цыган, проявляется негативное отношение администраций, общественности к цыганской общине.

Сотрудники ГУВД г. Москвы акцентировали внимание на возможностях развития положительного сотрудничества с этническими общностями, необходимости выработки «моделей» этого сотрудничества, анализа имеющегося опыта Великобритании, выявления общего и частного в опыте с целью использования применительно к московским условиям. Признано также, что внедрение обучающих программ с проведением тренингов с представителями разных этнических общностей может быть одной из приемлемых форм выработки направлений этого сотрудничества и реализации мер по работе с мультикультурными общностями.

В связи с этим специалисты ОБСЕ провели тщательный анализ реализации совместно подготовленного с ФНКА российских цыган проекта «Правопорядок и уголовное судопроизводство: к безопасности в многонациональном обществе». Было предложено выработать общую «модель», которую можно было бы кроме Москвы интерполировать на другие субъекты Российской Федерации, например, с компактным проживанием цыган. При этом были учтены имеющиеся негативные факторы: отсутствие взаимопонимания между милицией и цыганскими общественными объединениями и игнорирование последних, недоверие милиции к цыганской общине, коррупция.

Было предложено рассмотреть вопрос на заседании создававшейся Общественной палаты Российской Федерации⁵⁴. В качестве практической меры сформировать также общественные советы при ГУВД Москвы, с целью изменения существующего отношения к цыганам, привлечения цыган к милицейской службе, как и представителей других этнических общностей, что облегчило бы ситуацию работы с этническим меньшинством.

В числе направлений дальнейшего изучения и практической деятельности можно назвать следующие:

- обеспечение удостоверением (свидетельство о рождении, паспорт) идентифицирующейся личности;
- совершенствование (накопление) конструктивного диалога между органами государственной власти и этническими общностями на основе права;
- создание механизма оперативного взаимодействия между органами милиции и ФНКА как институтами гражданского общества с целью профилактики правонарушений, преступлений и терроризма в Москве;

- информационное сопровождение всех мероприятий, направленных на достижение стабильности в обществе;
- размещение информации о происходящих происшествиях в этнических меньшинствах, в том числе цыган, на официальном сайте ГУВД;
- подготовка «Памятки» для членов общин с информацией о законах, правилах поведения, предусмотрев особый раздел для молодежи.

Безусловно, механизм реализации перечисленных направлений может быть разным по своему содержанию и включать такие формы деятельности как:

- содействие диалогу правоохранительных органов с этническими общностями, в том числе путем проведения совместных с МВД России, других ведомств региональных совещаний по решению вопросов обустройства цыган и поддержания общественного порядка;
- подготовка и принятие Концепции государственной национальной политики применительно цыган России;
- выработка мер совместно с Министерством сельского хозяйства Российской Федерации по трудоустройству цыган в субъектах Российской Федерации и определение государственной позиции по отношению к цыганам и другими этническим общностям по этому направлению;
- совместно с Минобрнауки России содействовать открытию отделений по подготовке преподавателей цыганского языка в одном из вузов России;
- содействие в проведении мониторинга положения цыган в субъектах Российской Федерации.

«Уверен, только в тесном взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации и общественных объединений российских цыган, в первую очередь Федеральной национально-культурной автономии, национально-культурных автономий цыган и цыганских общественных организаций, – замечал заместитель Министра регионального развития Российской Федерации М.Н. Пономарев, – возможно решение задач по улучшению их социально-экономического положения, а также трудовой занятости, по обеспечению их правовой защищенности, сохранению языка и цыганской культуры, налаживанию школьного образования. Только таким путем возможно создание условий для социальной мобильности цыган в обществе, активного участия в его преобразованиях»⁵⁵.

Однозначно, эти отношения должны получать развитие на конструктивной основе.

Вряд ли возможно заниматься на практике вопросами совершенствования федеративных отношений без решения проблем жизнеобустройства, защиты прав и удовлетворения интересов национальных меньшинств, одним из которых являются российские цыгане.

Выше отмечалось, что общее количество представителей цыган составляет более 182 тыс. человек. Конечно, надо понимать, что приведенные данные весьма условные. Так, за последние годы в Российскую Федерацию прибыло значительное количество цыган из государств СНГ (Республики Средней Азии, Казахстан, Молдавия, Украина и др.). Разумеется, приток огромного количества цыган не только увеличил их численность в составе населения России, но и расширил комплекс трудно решаемых вопросов, в первую очередь социального направления – социальное обеспечение, трудоустройство, получение образования, интеграции в российское сообщество и адаптации цыган.

Минрегион России в компетенцию, которого входит решение вопросов национальных меньшинств на территории Российской Федерации, не мог не обратиться к вопросу о положении цыган. Не дожидаясь окончательного формирования Экспертной группы, в Министерстве были предприняты усилия по решению блока вопросов обустройства, развития культуры, взаимодействия с органами власти общественных организаций российских цыган, в первую очередь Федеральной национально-культурной автономии российских цыган.

Если ранее основной проблемой являлась адаптация цыган к новым общественным и экономическим отношениям, то в первое десятилетие XXI в. система рыночных отношений и законодательство позволяют цыганам самостоятельно решать свои проблемы, не обращаясь в органы государственной власти. К сожалению, интересы большинства российских цыган нередко находятся в криминальной сфере.

«Круглый стол»: «Роль и место российских цыган в системе межнациональных отношений в России», проходивший в рамках мероприятий, приуроченных к Международному дню цыган (апрель 2006 г.), рекомендовал активизировать помощь ФНКА российских цыган в решении накопившихся социальных проблем на местах, в обучении цыган, по сохранению цыганских народных традиций и их приумножению; усилить роль СМИ в преодолении трудностей, возникающих в цыганской российской общине, а не разжигании напряженности⁵⁶.

Эти вопросы находились в центре внимания проходившего в декабре 2006 г. под руководством Минрегиона России, МИД Рос-

сии и ФНКА российских цыган заседания «круглого стола» по теме «Положение цыган в системе межнациональных отношений в многонациональных государствах», проходившего под руководством директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России А.В. Журавского.

В рамках заседания «круглого стола» были обсуждены такие направления национальной политики как положение групп цыганского населения, выработка новых технологий реализации мер в отношении российских цыган, возможности улучшения их жизни, интеграции их в современное общество, усиление взаимодействия в выработке механизма активной работы в реализации государственной национальной политики в отношении российских цыган.

В перспективе, наверное, можно будет рассмотреть вопрос о подготовке совместно с ФНКА российских цыган Концепции государственной национальной политики в отношении российских цыган на 2006–2010 гг.

Безусловно, проведение этих мероприятий содействовало бы определению четких направлений в отношении сотрудничества между ФНКА российских цыган и федеральными органами государственной власти. Одним из институтов в данном случае могла бы выступить Экспертная группа по делам российских цыган при Министерстве регионального развития Российской Федерации.

Таким образом, в статье рассмотрена проблема на примере национального меньшинства российских цыган. Вывод может быть только один, необходимость выхода из кризисной ситуации посредством принятия государственной программы по возрождению цыганской общности в России ее культурному развитию, или решение острейших названных задач в рамках целевых государственных программ, принимаемых по реализации мер государственной национальной политики. Выставлять требования в этом плане перед цыганской этнической общностью вряд ли целесообразно. Без помощи государства решение проблем обустройства, трудовой занятости, определения ниши, в которой могут быть задействованными цыгане России, самостоятельным образом цыганское сообщество будет не в состоянии.

¹ Статья подготовлена на основе информационных материалов, поступавших в Департамент регионального развития Аппарата Правительства Российской Федерации и в Департамент межнациональных отношений Минрегион России в 2002–2006 гг.

² См.: Конституция Российской Федерации. Основной закон. М., 2004. С. 5.

³ См.: Цыгане. Сборник статей. М., 1999; Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.И. История цыган: новый взгляд. Воронеж, 2000; Бугай Н.Ф., Мукабенова А.Б. Цыганская община России: проблемы этнического развития // Этнопанорама

(Оренбург), 2001. № 3; *Зейналиева Э.С.* Цыгане Крыма: кочевье длиною в сотни лет. Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. Симферополь, 2002; *Бугай Н.Ф.* Это не проблемы разноцветных кибиток // Цыганский информационно-культурный журнал «Шунен Ромалэ». 2002, № 3; *Суховеров В.* Цыганский мир. Волгоград, 2003; *Бугай Н.Ф.* Цыгане России: начало XXI века // Этнопанорама (Оренбург), 2003. № 3–4; *Он же.* Проблемы российских цыган // Этносфера. М., 2004. № 4 (67); *Бариев А.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы... М., 2005; *Он же.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы... М., 2006; *Он же.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган. М., 2007; *Катаниди Т.Н.* Образ цыганского этноса в кубанских печатных изданиях // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг. Материалы краевой научно-практической конференции. Краснодар, 2006; и др.

⁴ Не отличалось особым сочувствием и состраданием и разрабатывавшееся законодательство в европейских странах. Достаточно вспомнить принятый в 1926 г. в Германии закон «против цыган, бродяг и туенядцев» и последствия такой политики в Европе.

Ксенофобия, разжигание межнациональной розни, безнаказанность за деяния, квалифицируемые как уголовные преступления, – все эти явления, – замечает руководитель ФНКА российских цыган А. Бариев, – не только противозаконны, но и глубоко аморальны. В цивилизованном обществе им должен быть поставлен эффективный заслон. Автономия российских цыган прилагает к этому максимум усилий (См.: *Бариев А.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы... М., 2005).

⁵ Информация Департамента социального развития и средств массовой информации Администрации Приморского края от января 2006 г. Текущий архив Минрегион России.

⁶ Информация Комитета по делам национальностей и связям с религиозными организациями Администрации Оренбургской области от 23 декабря 2005 г. за подписью председателя комитета В. Амелина (Текущий архив Минрегион России).

⁷ В этом недалеком прошлом наряду с другими народами многие лишения пришлось испытать цыганам как в странах Европы, так и на территории Советского Союза. Цыгане нашли свою родину в России, объединившись вокруг русского народа, сохранив себя и свой язык. В России не исчез с географической карты ни один народ. В связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. вспомнили о всех тех, кто погиб на полях сражений и в застенках фашистских концлагерей, мужественно сражался на фронтах войны, вносил заметный вклад в защиту своего Отечества. Действительно, цыгане мира, как и цыгане бывшего Советского Союза, перенесли годы горечи и страданий. Полмиллиона цыган Западной Европы были расстреляны, удушены газом и умирали от голода в фашистских лагерях.

Преследования цыган уникальны именно все тем же принципом бесконечных притеснений, принуждения и т.д.

Несмотря на все трудности, многие из представителей цыган были защитниками Отечества. С честью и достоинством сражались на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., погибли в тылу. Как известно, только в одной могиле селения Александровка Смоленской области похоронены 176 граждан цыганской национальности, расстрелянные в годы войны. А сколько осталось неизвестных могил участников Великой Отечественной войны – цыган на территории бывшего Союза ССР, где проходили военные сражения.

- ⁸ См.: In search of Happy Gypsies. Persecution of Pariah Minorities in Russia. Country Report Series No 14. May 2005.
- ⁹ Информация об итогах ратификации и имплементации положений Европейской хартии региональных языков и языков нацменьшинств. Август. 2006. Текущий архив Минрегиона России.
- ¹⁰ Информация Государственного Управления по информационной политике и связям с общественностью Псковской области от 6 февраля 2006 г. № 32 за подписью начальника Управления М.Э. Костикова.
- ¹¹ Текущий архив Минфедерации России.
- ¹² Там же.
- ¹³ В 1944 г. все цыганские семьи были депортированы из Крымской АССР. Старожилы цыганского населения на полуострове нет, часть из них ассимилировалась в среде крымских татар, часть – расселилась на территории бывшего Союза ССР (См.: *Араджионе М.А.* Крымские цыгане // <http://www.crimeagold.com.ua/peoples/crimea-cigane.htm>
- ¹⁴ ГАРФ. Ф.–Р. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 253. По указанию за подписью Председателя СНК Союза ССР А. Косыгина цыгане депортировались из Бессарабии в Нижний Тагил (Свердловской обл.) и в Акмолинскую область (См.: ГА РФ. Ф. – Р. 9479. Оп. 1. Д. 126. Л. 2–3, 8). В январе 1945 г. в докладной записке на имя заместителя Наркома внутренних дел Союза ССР В.В. Чернышова из Киргизской ССР сообщалось: «С эшелонем № 1051 оказалось два вагона цыган, без обуви, одежды. В районах расселения положение с продуктами тяжелое» (См.: ГАРФ. Ф.–Р. 9479. Оп. 1. Д. 241. Л. 13 об.). О численности цыган, следовавших в названном эшелоне, не указывалось.
- ¹⁵ См.: Пилотный проект «Образовательная программа цыганского населения России» // Текущий архив Департамента межнациональных отношений Минрегиона России.
- ¹⁶ Информация руководителя Администрации Астраханской области от 23 января 2006 г. № 02-01-10143 на имя директора Департамента межнациональных отношений Минрегион России Ю.В. Балахнина. Текущий архив Минрегиона России.
- ¹⁷ Текущий архив Минфедерации России.
- ¹⁸ Федеральная национально-культурная автономия российских цыган. М., 2007. С. 1.
- ¹⁹ См.: *Бариев А.* Федеральная национально-культурная автономия российских цыган: история, успехи, проблемы, перспективы. М., 2005.
- ²⁰ В области на 2006 г. проживало 1499 граждан цыганской национальности. Информационное сообщение Правительства Кировской области в Департамент межнациональных отношений Минрегиона России от 31 января 2006 г. № 04-09-12063 за подписью заместителя председателя Правительства области Е.А. Клевачкина.
- ²¹ Информация Комитета по делам национальностей и казачества Администрации Волгоградской области А.А. Бирюкова на имя Директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона России Ю.В. Балахнина от 18 января 2006 г.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Так, в Тульской области за 12 месяцев 2000 г. лицами цыганской национальности совершено было 131 преступление, в том числе: 2 убийства, 9 разбойных нападений, 8 грабежей, 41 кража, 2 мошенничества, 50 преступлений (незаконный оборот наркотических средств), 2 хулиганства, 1 преступление, связанное с незаконным оборотом оружия. В июле–августе 2000 г. была пресечена деятель-

ность преступной организации, состоящей преимущественно из лиц цыганской национальности, отличающейся иерархическим организационным построением. За этот же период в отношении лиц цыганской национальности было совершено 11 преступлений. (Текущий архив Минфедерации России).

²⁵ Текущий архив Минфедерации России.

²⁶ Информация заместителя губернатора–руководителя аппарата губернатора и административной Орловской области М.Г. Михайлова от 10. 01. 2006 г. Текущий архив Минрегиона России.

²⁷ Информация заместителя губернатора Белгородской области В. Пучкова от 19. 01. 2006 г. № 3/11-4337.

²⁸ Информация Управления общественных связей, информации и печати Администрации Ярославской области от 10.01.2006 г. Текущий архив Минрегиона России.

²⁹ Информация управления от 24 января 2006 г. № 15-59/06-08.

³⁰ Информация первого заместителя губернатора Красноярского края Л.В. Кузнецова на имя директора Департамента межнациональных отношений Ю.В. Балахнина от 20 января 2006 г. № 7-35218. Текущий архив Минрегион России.

³¹ Там же.

³² Информационное сообщение МИД России. Текущий архив Минрегиона России.

³³ «Союз цыганских общественных организаций «Романэ прала» был создан в августе 2002 г. Цель – содействие в интеграции цыганского населения в российское общество, борьба с криминальными явлениями в цыганской среде, поднятие экономического и культурного уровня жизни цыган через работу с государственными и общественными структурами, а также с цыганским населением. В Союз входят общественные организации 15 регионов России. Союз занимается проведением международных мероприятий, содействующих общению международных цыганских организаций, фестивалей цыганского искусства, международных конференций по истории, языку, культуре цыган, проблемам ромского образования, осуществляет проект «Юридическая консультация для ромов». Под руководством «Романэ прала» подготовлен «пилотный» проект «Образовательная программа цыганского населения России»: противодействие криминализации одного из наименее социально защищенных слоев российского общества, поднятие образовательного и культурного уровня цыган России, профориентация молодежи, ликвидация безграмотности, участие в легальном бизнесе, работа с цыганской молодежью, сохранение и развитие собственной национальной культуры и др.

³⁴ Текущий архив Департамента регионального развития Аппарата Правительства Российской Федерации.

³⁵ Там же.

³⁶ *Бариев А.* Указ. соч.

³⁷ По данным сведений, поступивших из субъектов Российской Федерации в Департамент регионального развития в 2004 г.

³⁸ Материалы взяты из информационных сообщений, поступавших в Департамент регионального развития Правительства Российской Федерации в 2004 г.

³⁹ Информация Администрации Ярославской области от 10 января 2006 г. за подписью заместителя начальника управления общественных связей Администрации Ярославской области В.Л. Ширшова. (Текущий архив Минрегион России).

⁴⁰ Информация заместителя губернатора Смоленской области А. Абраменкова от 30 декабря 2005 г. (Текущий архив Минрегиона России).

⁴¹ Информация заместителя губернатора – руководителя аппарата губернатора и административной Орловской области М.Г. Михайлова от 10.01.2006 г. (Текущий архив Минрегиона России).

- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Письмо за подписью губернатора области Н.В. Виноградова от 9 октября 2003 г. № 6095–01/02–54.
- ⁴⁵ Письмо И.В. Родненко от 17 сентября 2003 г. № 05–01–7287.
- ⁴⁶ Информация Администрации Смоленской области за подписью заместителя губернатора А.П. Абраменкова от 30 декабря 2005 г.
- ⁴⁷ *Суховеров В.* Цыганский мир. Волгоград, 2003.
- ⁴⁸ Письмо за подписью главы администрации Воронежской области по социальной политике Ю.А. Савинкова от 15 октября 2003 г.
- ⁴⁹ Письмо за подписью зам губернатора области И. Свиридова от 8 октября 2003 г.
- ⁵⁰ Письмо зам. председателя Правительства Республики Хакасия В. Цыганок от 22 сентября 2003 г. № ВЦ–М1596.
- ⁵¹ См.: Основы безопасности жизнедеятельности. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2004.
- ⁵² *Катаниди Т.Н.* Указ. соч. С. 109.
- ⁵³ Бариев А.Н. окончил среднюю школу в Москве, затем техникум, получив квалификацию зубного техника. С 1992 г. руководит спорткомплексом «Комета» – ведущим центром спортивной работы в одном из районов Москвы. С 1995 г. активно занимается общественной работой. В 2003 г. был избран президентом Федеральной национально-культурной автономии российских цыган. Совет автономии осуществил ряд проектов, в частности, компенсации гражданам цыганской национальности, пострадавшим от нацизма в годы Второй мировой войны. Известен как большой меценат, принимал участие в долевым финансировании реставрации нескольких храмов на территории России, оказывает постоянно помощь детским домам и учреждениям. В 2005 г. был удостоен престижной награды – ордена «Меценаты столетия России», награждён премией с вручением золотой медали им. М.В. Ломоносова за выдающийся вклад в развитие науки, культуры и искусства.
- ⁵⁴ Федеральный Закон «Об Общественной палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ определяет порядок формирования и деятельности Общественной палаты Российской Федерации, призванной обеспечить взаимодействие граждан Российской Федерации с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты их прав и свобод при разработке и реализации государственной политики. Общественная палата формируется из граждан Российской Федерации, имеющих особые заслуги перед обществом и государством, и представителей общероссийских, межрегиональных и региональных общественных объединений.
- ⁵⁵ Текущий архив Минрегион России.
- ⁵⁶ Текущий архив Минрегиона России. Материалы опубликована на сайте Минрегиона России // minregion.ru.

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ГУСИТОЛОГИИ –
ОТРАСЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

Гуситское движение в Чехии в XV в. является одной из самых ярких и судьбоносных страниц не только в истории этой страны, но и всей Европы. Поэтому неудивительно, что интерес к изучению гусизма не ослабевает у историков разных стран до сих пор. В разное время это движение в зависимости от политической и историко-научной конъюнктуры получало разные противоречивые оценки – от признания высшим и самым значительным событием национальной истории Чехии (периоды романтизма и марксизма) до почти полного отрицания его значения (чехословацкий историк Й. Пекарж в 1930-е годы, некоторые современные чешские историки).

В отечественном славяноведении середины XIX – начала XX в. изучение гуситского движения являлось одной из ведущих тем, разрабатывавшихся русскими славистами, и переживало период расцвета. В зависимости от своих взглядов и мировоззрения русские историки по-разному оценивали гуситское движение как в целом, так и в отдельных аспектах. В этом плане сложились славянофильское, народническое, народно-демократическое, позитивистское и другие направления¹.

Исследования по гуситологии были прерваны Октябрьской революцией 1917 г. и возобновлены в СССР уже на марксистской основе в конце 1930-х годов, пройдя сложный процесс становления. Периодом расцвета советской гуситологии стали 1960-е – 1980-е годы, когда определились отдельные аспекты исследований гуситской проблематики, и вышло наибольшее количество работ по данной проблеме.

Актуальность гуситологических исследований в настоящее время обуславливает факт постоянно меняющихся оценок гуситского движения в современной отечественной историографии, чутко откликающейся на новации прежде всего чешской исторической науки и общественно-политические реалии. Дело в том, что в новейшее время на первый план выходят проблемы глобализации и европейской интеграции в рамках ЕС, в который Чехия вступила в 2004 г. Политическая конъюнктура изменилась, и некоторые чешские историки занялись пересмотром оценок тех периодов истории своей страны, которые, по их мнению, благоприятствовали или препятствовали ее интеграции в Европу. Одним из таких исторических этапов и стало гуситское движение. В ряде популярных

работ, гусизм характеризуется только с отрицательной стороны, поскольку гуситское движение, дескать, оторвало Чехию от исторических и культурных процессов, протекавших в Европе в XV – начале XVI в., а гуситская культура развивалась изолированно от европейской культуры эпохи Возрождения². Полагаем, однако, что политическая конъюнктура переменчива, и со временем в чешской историографии возобладают более взвешенные комплексные оценки гуситского движения.

Следует отметить, что отдельные отечественные исследователи взяли на вооружение негативную характеристику гуситского движения, доминирующую в работах некоторых чешских современных гуситологов, а также чехословацких историков межвоенного периода, а в ряде случаев пытаются реанимировать концепции гусизма еще дореволюционной русской историографии (преимущественно историков славянофильского направления) (Г.П. Мельников). Другие российские историки настаивают на более сбалансированной трактовке (Л.П. Лаптева, А.В. Рандин, Л.М. Гаркуша). Таким образом, и в постсоветский период, в условиях отсутствия общей концепции гусизма, наши ученые находятся в процессе поисков новой его трактовки, отвечающей требованиям современной исторической науки.

В новейшей российской гуситологии больше внимания стало уделяться вопросам идеологии и культуры³. Продолжают выходить общие работы по истории гусизма (в основном учебные пособия⁴) и публиковаться и анализироваться гуситские источники⁵, рассматриваются историографические проблемы (отечественной и зарубежной гуситологии)⁶. Разрабатываются также вопросы характеристики отдельных персонажей гуситской эпохи⁷, роли отдельных слоев чешского общества в гуситском движении⁸, проблемы многоконфессиональности в Чехии в предгуситскую, гуситскую и послегуситскую эпохи и сопоставимости гусизма с немецкой Реформацией⁹. Вопросы откликов на гуситское движение изучаются в основном в культурном плане¹⁰.

В последнее время вышел ряд учебных пособий для студентов исторических факультетов, в которых так или иначе затрагивалась гуситская проблематика. Среди них можно отметить «Историю Средних веков» (1998)¹¹, подготовленную к печати коллективом преподавателей кафедры истории Средних веков МГУ. Гуситское движение, в отличие от ряда предшествующих аналогичных изданий, вышедших в советское время, в этом пособии было лишь вскользь упомянуто в разделе по истории католической церкви XI–XV вв., написанном Н.М. Богдановой и Н.Ф. Усковым. Охарактеризовав гусизм как «мощное социальное и национальное движение», авто-

ры тем не менее склонны рассматривать его в чисто религиозном аспекте. Хронологические рамки гуситского движения в разделе вновь были сужены до гуситских войн 1419–1434 гг., а главным его результатом, по мнению авторов, было лишь «появление в центре Европы национальной чешской церкви, в которой в отличие от римской разрешалось “причащение под обоими видами” (т.е. хлебом и вином)»¹².

В том же 1998 году вышла «История южных и западных славян»¹³, на которую ссылались авторы предыдущего пособия. Однако общая концепция гусизма, изложенная в разделе по истории Чехии в период Средних веков и Раннего Нового времени, автором которого являлась Л.П. Лаптева, была совершенно противоположной. По мнению автора раздела, гуситское движение сочетало в себе религиозный, национальный и социальный аспекты и продолжалось с 1400 по 1471 гг., включив в себя два этапа: подготовительный (1400–1419), на котором формировались идеология движения и два его крыла (чашники и табориты) и гуситскую революцию (1419–1471), делившуюся на три фазы¹⁴. Кроме того, в отличие от авторов «Истории Средних веков», Л.П. Лаптева защищала концепцию социально-экономического кризиса, охватившего Европу с середины XIV в. и послужившего одной из предпосылок гуситского движения в Чехии¹⁵.

Таким образом, в двух учебных пособиях, которыми до сих пор пользуются студенты исторических факультетов, были изложены прямо противоположные точки зрения на гусизм, существующие в современной российской литературе.

Пражский университет был центром формирования гуситской идеологии, и именно в этом качестве он привлекал внимание отечественных гуситологов советского и постсоветского периодов. В 1990-х годах вопрос о роли Пражского университета в формировании гуситской идеологии исследовал в ряде статей А.В. Рандин. Эти работы легли в основу его монографии «Гуситская революция и Пражский университет», в которой исследователь рассмотрел проблемы генезиса гусизма и роли Пражского университета в этом процессе, а также положение последнего в гуситский период.

В частности, рассматривая вопрос об отношениях чашников с католической Европой, исследователь, опираясь на работы чешских историков, пришел к выводу, что позиция умеренного крыла гуситов по данному вопросу не была единодушной, как это представлялось в предшествующей отечественной историографии. А.В. Рандин полагал, что в нем существовали две группировки: умеренная (консервативная) во главе с Яном Пршибрамом и радикальная во главе с Якоубеком из Стршибра, а затем Яном Рокицаной. Первая

из них выступала за компромисс с католиками любой ценой, а сторонники второй считали, что соглашение с ними возможно только путем взаимных уступок при сохранении «основных завоеваний гуситской революции»¹⁶. В конце концов, победило радикальное крыло умеренных гуситов, которое после поражения таборитов при Липанах в 1434 г. взяло на себя осуществление «умеренно-гуситской программы», которую А.В. Рандин назвал более реалистичной, чем «революционная» программа таборитов¹⁷.

В 2003–2007 гг. автор настоящей статьи опубликовал несколько работ, посвященных историографическим проблемам отечественной гуситологии. Он осветил развитие гуситоведения в советское время (в 1920-х – 1940-х¹⁸ и 1960-х – 1980-х годах¹⁹) и на современном этапе (в 1990–2005 гг.)²⁰, рассмотрел проблему публикации источников и источникововедческих исследований в советской историографии 1950-х годов²¹ и проанализировал исследование различных аспектов гуситской культуры в работах отечественных историков конца 1940-х гг. – начала XXI в.²² В них обращается внимание на тот факт, что отечественная гуситология советского периода (на начальном этапе своего развития) включала в себя работы немарксистских историков (А.Н. Ясинского и М.К. Любавского) и что не все направления советской гуситологии разрабатывались одинаково интенсивно (например, в советское время почти не освещались проблемы культуры Чехии гуситского периода).

В статье Л.М. Гаркуши «Литература как инструмент борьбы за новые идеи в Чехии XV века» рассматривался вопрос об идеологическом содержании чешской литературы гуситского периода – важного элемента культуры Чехии того времени. Автор охарактеризовала сочинения различного жанра: хроники, трактаты, памфлеты, авторами которых были как представители гуситского лагеря, так и противостоявшего им лагеря католиков, а также гуситские манифесты и боевые песни.

В статье Г.П. Мельникова «Исторический путь церкви в Чехии в XIV–XVII вв. в его общественно-политических аспектах» анализировалась проблема многоконфессиональности и веротерпимости в чешском обществе предгуситского, гуситского и послегуситского периодов.

Г.П. Мельников написал еще ряд работ, посвященных гуситской проблематике. В частности, его перу принадлежит раздел о чешской культуре гуситского периода в коллективной монографии «История культур славянских народов»²³. Автор отметил, что гуситское движение являлось религиозным «по преимуществу». Кроме того, он стремился доказать интерес гуситов к православию, приводя в качестве примера поездку Иеронима Пражского в Псков и участие его в

крестном ходе и посольства гуситских священников (прежде всего из Общины чешских братьев) в Константинополь и Москву²⁴.

Однако эти факты, неоднократно описанные в предшествующей историографии, в частности русскими историками-славянофилами XIX в., уже давно были опровергнуты последующими исследователями как несостоятельные. В своей основе гуситская реформационная идеология базировалась на учении Виклифа, а сам Гус не имел о православии ни малейшего представления. Кроме того, в русских летописях XV в. чешский реформатор однозначно был назван «еретиком». Что же касается интереса к православию Иеронима Пражского, то он был зафиксирован лишь в «Актах Констанцкого собора», осудившего его, как и Гуса, на смерть. Других свидетельств об этом так и не было обнаружено, несмотря на все старания и поиски русских историков-славянофилов. Посольства гуситов в Константинополь (в то время он был уже столицей Османской империи и назывался Стамбулом) предпринимались уже после окончания гуситского периода, и ездили туда в основном представители Общины чешских братьев (ОЧБ), которые искали лучшие образцы для своей веры и изучали все существующие христианские конфессии. В XVI в. представитель ОЧБ приехал в Москву ко двору Ивана IV Грозного, чтобы изложить свою, в то время уже практически протестантскую веру, однако вынужден был спастись бегством от преследований первого русского царя, объявившего его еретиком²⁵. Все эти факты отнюдь не свидетельствуют об общности православия и гуситской идеологии, а также об интересе гуситов к этой конфессии²⁶.

В разделе о гуситской культуре повторялись и некоторые другие утверждения, опровергнутые в современной историографии. Например, Г.П. Мельников вновь пытался доказать широкое распространение грамотности среди гуситов, хотя ни в Таборе, ни в других гуситских центрах школ практически не существовало, а образованием могли похвастать только представители умеренного крыла гуситского движения (пражане).

Кроме того, автор привел некоторые негативные факты из жизни гуситов, чтобы принизить значение гуситского движения, которое и в предшествующей историографии нередко оценивалось односторонне и несколько предвзято. Так, например, пикарты, по мнению Г.П. Мельникова, «проповедовали и практиковали нудизм, промискуитет, полную сексуальную свободу, отрицали труд, считая всех людей безгрешными и спасенными»²⁷ и совершали набеги на соседние деревни, только этим и добывая средства к существованию. Эти сведения были явно заимствованы из источников, враждебных гуситам, и некритически взяты автором из литературы.

Наконец, заключительный вывод Г.П. Мельникова о том, что гуситская культура стала для Чехии фактором, «сдерживавшим включение ее в пространство европейского Возрождения»²⁸, нуждается в некоторой корректировке. Дело в том, что главной заслугой гусизма в культурном плане было развитие в Чехии реформационной мысли, сделавшей рывок уже в сторону гуманистического, а не средневекового мировоззрения. Кроме того, именно в период гуситского движения реформированный и обогащенный чешский язык получил всеобщее распространение и стал существенным фактором для дальнейшего развития национальной культуры и чешской народности.

В статье А.В. Рандина «Чешская и немецкая реформация (некоторые аспекты взаимодействия)» указывалось на необходимость пересмотра некоторых укоренившихся стереотипов в оценке европейской Реформации. В частности, автор отнес к спорным вопросам периодизацию и само определение понятия Реформации как исторического явления. По мнению автора, Реформация состояла не только в межконфессиональном конфликте католицизма и протестантизма, она характеризовалась также возникновением в обеих церквях (особенно в протестантской) многочисленных ответвлений и течений и наличием национальных конфессий (например, Общины чешских братьев).

Л.П. Лаптева в статье «Реформатор второго плана»²⁹ на основании данных различных источников, в том числе враждебных Иерониму Пражскому, представила картину его жизни и деятельности на фоне бурных событий в социально-политической и духовной жизни Чехии конца XIV – начала XV в. и заострила внимание на проблемах, связанных с некоторыми спорными моментами биографии сподвижника Яна Гуса (в том числе на вопросе о том, что воспринял Иероним из учения Виклифа и как развил его далее). По мнению автора, соратник Яна Гуса, как и английский реформатор, являлся сторонником средневекового философского течения «реализма», согласно которому человек способен воспринимать окружающую его действительность и критиковать ее недостатки. Это, в частности, касалось и церковных догматов, которые по концепции «реалистов» нуждались в основательном пересмотре в духе реформирования церкви и приближения ее к раннехристианским устоям. Противники «реалистов» «номиналисты», напротив, считали, что церковные догматы недоступны человеческому пониманию, а значит, не должны подвергаться критике и восприниматься как данность, ниспосланная свыше. Практически это означало, что Виклиф и его последователи выступали за подчинение церкви светской власти и секуляризацию ее земельных владений. В Чехии виклифизм

усилиями Яна Гуса и его сторонников, к которым принадлежал и Иероним, по мнению Л.П. Лаптевой, постепенно перерос в революционную программу, направленную на переустройство не только церкви, но и всего Чешского королевства.

В конце своей статьи Л.П. Лаптева снова коснулась вопроса об отношении пражского магистра к православию. Не отрицая факта поездки Иеронима в Витебск и Псков в составе свиты великого князя литовского Витовта, которая приводилась в работах русских историков-славянофилов как доказательство его симпатий к православию, автор убедительно доказала, что Иероним имел весьма смутные представления о православии, равно как и православное духовенство – о гуситской идеологии. Даже то обстоятельство, что в Витебске Иероним присоединился к православной процессии «на глазах всей католической братии»³⁰, а в Пскове – посетил православный храм, где поклонился православным святыням, еще не означает его приверженности православию. Кроме того, как установила автор статьи, псковские летописи вообще ничего не говорят о поездке Иеронима в Витебск и Псков, сведения о которой дошли до нас только в изложении источников, враждебных пражскому магистру³¹. Католическое духовенство расценило поступок Иеронима как отступление от «истинной веры» и проявление симпатий к «схизматикам» (раскольникам, отступникам от «правоверия»), каковыми католики считали православных. По мнению Л.П. Лаптевой, терпимое отношение Иеронима к православным обрядам, объясняется его свободомыслием и убеждением, почерпнутым из учения Виклифа, что в вопросах веры насилие неприемлемо.

В ряде работ молодого саратовского историка А.П. Пашинина, которые в дальнейшем стали основой для его диссертации «Шляхта в гуситском революционном движении», рассматриваются вопросы, мало освещавшиеся в предшествующей отечественной историографии. Автор коснулся проблемы участия чешских феодалов (панства и шляхты) в социально-политической и религиозной борьбе в Чехии конца XIV – начала XV в. и гуситском движении.

В 2007–2008 гг. вышел ряд новых работ по гуситской проблематике. В статье Ю.Ф. Иванова³² сообщаются новые факты о научной деятельности известного советского медиевиста Н.П. Грацианского, который в своих работах уделял внимание истории западных славян и, в частности, упоминал и о гуситском движении как примере борьбы славян против немецкой агрессии. Л.П. Лаптева в своей статье, посвященной изучению в русской дореволюционной историографии деятельности Общины чешских братьев (далее – ОЧБ) в гуситскую и послегуситскую эпохи³³, подчеркивает, что русские историки различных направлений (славянофилы и т.д.) имели раз-

ные точки зрения о характере учения идеолога ОЧБ Петра Хельчицкого и его последователей. В работе рассматриваются сочинения крупных русских историков В.А. Смирнова, А.А. Кочубинского, И.С. Пальмова, Ю.С. Анненкова и некоторых других русских дореволюционных ученых. В.В. Степанова³⁴ касается проблемы освещения деятельности ОЧБ в современной историографии (зарубежной, прежде всего чешской и отечественной) и культурных аспектов ее деятельности, а Л.М. Гаркуша³⁵ рассматривает вопрос исследования национального аспекта в гуситском движении в современной чешской историографии.

В заключение наметим некоторые задачи, стоящие перед современным российским гуситоведением. Прежде всего это комплексный подход к изучению гуситского движения, т.е. признание его многоплановым явлением средневековой истории Чехии, сочетающим социальные, национальные и религиозные факторы. По-прежнему актуальным является изучение историографии гуситского движения, причем не только в Чехии (Чехословакии) и в России (СССР), но и в других странах Европы и в США. В отечественной исторической науке, в частности, предметом исследования может стать изучение гуситской проблематики русскими историками-эмигрантами, отечественными историками «старой школы», оставшимися в Советской России, и политэмигрантами из Чехословакии, проживавшими в СССР в военное время. Перспективно продолжение анализа роли Пражского университета в гуситском движении, а также разработка новых тем: рассмотрение взглядов гуситских идеологов не только первого, но и второго плана, взаимоотношений чешских государей с гуситами, психологических аспектов жизни и деятельности знаковых фигур гуситской эпохи, демографических, гендерных факторов движения и пр.

Полагаем, что решение перспективных задач исследований поможет гуситологии быть и оставаться и в начале XXI в. довольно креативной отраслью современного российского славяноведения.

¹ Подробнее см.: *Лантева Л.П.* Русская историография гуситского движения. (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978.

² *Гаркуша Л.М.* Современная гуситология в Чехии. Состояние и основные направления исследований. Автореф дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

³ *Рандин А.В.* Пражский университет и распространение в Чехии учения Джона Виклифа (первое поколение чешских виклифистов) // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1991. С. 76–92; *Он же.* Борьба внутри утравкистского лагеря и магистры Пражского университета в ходе гуситской революции (20-е годы XV в.) // Политика и культура стран Европы и Америки. Йошкар-Ола, 1994. Ч. 1. С. 28–59; *Он же.* Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994; *Лантева Л.П.*

- Чешская культура в период гуситского движения в Чехии // Средневековая городская культура. Тверь, 1991. С. 47–62; *Гаркуша Л.М.* Литература как инструмент борьбы за новые идеи в Чехии XV века // *Зарубежные славяне в прошлом и настоящем*. М., 1999. С. 37–55; и др.
- ⁴ *Лантева Л.П.* История Чехии периода феодализма (V – середина XVII в.). М., 1993. Учебное пособие. С. 71–95; История средних веков. М., 1998. Т. 1. С. 396, 542, 543; История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 278–290.
 - ⁵ *Лантева Л.П.* Гуситское движение в освещении современников. М., 1992. Учебно-методическое пособие; Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период. М., 1999. С. 68–77, 94, 95, 99–101; и др.
 - ⁶ *Кульшетов Е.Д., Рандин А.В.* Советская историография гуситского движения // Вопросы историографии зарубежной истории. Йошкар-Ола, 1991. С. 64–76; *Лантева Л.П.* Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970–1990 гг.) // Вопросы историографии зарубежной истории. Йошкар-Ола, 1991. С. 77–94; *Она же.* Чешский мыслитель XV в. Петр Хельчицкий в русской историографии. Петр Хельчицкий и Лев Толстой // Вестн. МГУ. Сер. ист. 1996. № 3. С. 48–56; Новейшая русская историография гуситского движения (1980-е – 1990-е гг.) // Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії. Львів, 1998. *Она же.* Пражский университет в русской историографии второй половины XX в. // Вопросы истории славян. Воронеж, 1999. Вып. 14. С. 137–153; *Она же.* Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // Вопросы истории славян. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 117–134; Чешский мыслитель XV века Петр Хельчицкий и Лев Николаевич Толстой // Яснополянский сборник-2002. Тула, 2003. С. 38–45; *Garkuša L.* Rozvoj české husitologie od roku 1989 do roku 2005 // *Husitský Tábor*. Tábor, 2006. 15. S. 319–363 и др.
 - ⁷ *Гаркуша Л.М.* Сигизмунд Люксембургский (1368–1437) как политик // Вопросы истории славян. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 49–68; *Лантева Л.П.* Реформатор второго плана // Человек второго плана в истории. Ростов н/Д., 2005. Вып. 2. С. 26–54 (об Иерониме Пражском);
 - ⁸ *Пащинин А.П.* Шляхта и военное искусство гуситов // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2003. С. 48–54; *Он же.* Из истории феодальных войн в Чехии // (гетман наемников пан Ян Сокол из Ламберка) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 16–18; *Он же.* Борьба панства и королевской власти в Чехии в конце XIV – начале XV века // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 12–20; и др.
 - ⁹ *Мельников Г.П.* Исторический путь церкви в Чехии // Церковь в истории славянских народов. Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17. С. 44–52; *Рандин А.В.* Чешская и немецкая Реформация // Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2. С. 130–166.
 - ¹⁰ История литератур южных и западных славян. М., 1997. Т. 1. С. 673, 674; История культур славянских народов. М., 2003. Т. 1. Древность и Средневековье.
 - ¹¹ История средних веков. М., 1998. Т. 1. С. 542, 543.
 - ¹² Там же.
 - ¹³ История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 278–290.
 - ¹⁴ Там же. С. 279, 280
 - ¹⁵ Там же. С. 276.
 - ¹⁶ *Рандин А.В.* Гуситская революция и Пражский университет... С. 100.
 - ¹⁷ *Рандин А.В.* Указ. соч. С. 100.
 - ¹⁸ *Бучанов И.И.* Советская историография гуситского движения 20-х – 40-х гг. XX в. // Проблемы славяноведения. Брянск, 2004. Вып. 6. С. 158–181.

- ¹⁹ Бучанов И.И. Историография гуситского движения в СССР в 60 – 80-е годы XX века // Проблемы славяноведения. Брянск, 2003. Вып. 5. С. 225–238.
- ²⁰ Бучанов И.И. Современная российская историография гуситского движения (1990–2005) // Славянский альманах. 2005. М., 2006. С. 188–209.
- ²¹ Бучанов И.И. Публикации источников и источниковедческие исследования по истории гуситского движения в СССР в послевоенный период (50-е гг. XX в.) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2005. Вып. 7. С. 208–227.
- ²² Бучанов И.И. Культура Чехии гуситского периода в работах отечественных историков конца 40-х годов XX – начала XXI века // Славяноведение. 2007. № 5. С. 87–92.
- ²³ История культур... С. 331–345.
- ²⁴ Там же. С. 334.
- ²⁵ См.: Лаптева Л.П. Рец. на кн.: История культур славянских народов. Т. 1: Древность и Средневековье. М., ГАСК. 2003. 486 с. // Вопр. истории. 2004. №7. С. 164.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ История культур... С. 338.
- ²⁸ Там же. С. 345.
- ²⁹ Лаптева Л.П. Реформатор второго плана... С. 26–53.
- ³⁰ Там же. С. 49.
- ³¹ Там же.
- ³² Иванов Ю.Ф. Профессор Н.П. Грацианский // Одиссей. М., 2007. С. 376–396.
- ³³ Лаптева Л.П. Община чешских братьев в исследованиях русских историков XIX – начала XX в. // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2008. С. 48–51.
- ³⁴ Степанова В.В. Община чешских братьев с 1457 по 1620 гг. // Вопросы истории славян. Воронеж, 2007. Вып. 18. С. 94–104.
- ³⁵ Гаркуша Л.М. Ранняя чешская Реформация как фактор самосохранения самобытности чешской нации в современной чешской историографии // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М., 2008. С. 30–34.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*

Ю. Янчаркова

ИСТОРИК ИСКУССТВА Н.Л. ОКУНЕВ (1885–1949). ЖИЗНЕННЫЙ И НАУЧНЫЙ ПУТЬ

Семья, образование, начало научной деятельности

Николай Львович Окунев¹ родился 22 апреля (5 мая) 1885 г. в Варшаве, в семье действительного статского советника², потомственного дворянина Псковской губернии Льва Илларионовича Окунева³ и его жены Ольги Окуневой, урожденной Деденовой⁴. После окончания Седлецкой мужской гимназии в 1905 г. он подал документы и был принят на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Тогда же, в 1905 г., умер отец Н.Л. Окунева. По данным семейного архива⁵, один из братьев Льва Илларионовича Окунева – действительный статский советник Алексей Илларионович Окунев скончался в возрасте 60 лет в 1894 г., второй брат – Михаил Илларионович Окунев ушел из жизни в 1907 г., когда Николай Львович перешел на второй курс. Семья Окуневых была обедневшей. В приписке, сделанной к аттестату зрелости, О. Окунева названа вдовой, имеющей двоих детей и получающей пенсию в размере 800 руб.⁶ Вторым ребенком в семье Окуневых была сестра Николая Львовича, Анна⁷. В связи с отсутствием средств, О. Окунева ходатайствовала о назначении сыну пособия, им помогала с платой за обучение и ее сестра, преподавательница Кронштадтской Александринской женской гимназии⁸.

Н.Л. Окунев учился у профессоров Н.Е. Введенского (психология), И.М. Гревса (история Рима), Н.В. Ястребова (история южных славян), Б.А. Тураева (история Востока), Ф.Ф. Зелинского (Софокл), В.Н. Бенешевича (история Византии), С.А. Жебелева (греческая филология), А.С. Лаппо-Данилевского (методология истории) и других, работал в семинарах по истории искусства и по русской истории профессоров Д.В. Айналова и С.Ф. Платонова. В 1911 г. Окунев получил выпускное свидетельство и был оставлен на два года в университете, на кафедре теории и истории искусств, для

приготовления к профессорскому званию. В финансовом плане он сильно нуждался, поскольку мать Н.Л. Окунева, получавшая пенсию после смерти мужа, умерла в 1908 г. Д.В. Айналов⁹, которого мы по праву можем считать учителем Окунева, помог своему ученику, в заявлении о денежной поддержке он написал: «Н.Л. Окунев обнаруживает вообще замечательную трудоспособность и рвение к научным занятиям и в высшей степени достоин дальнейшего поощрения. Давно лишившись родителей и всего достигает личным трудом и энергией, Н.Л. Окунев по окончании университета остался безо всяких средств к существованию. Ввиду того, что факультет по справедливости оценил способности Н.Л. Окунева оставлением его для приготовления к профессорскому званию по кафедре теории и истории искусств, я осмеливаюсь ходатайствовать о назначении ему полной стипендии, чтобы дать ему возможность предаться научным занятиям»¹⁰. Н.Л. Окуневу была назначена стипендия в размере 1200 руб. в год¹¹. Темой диссертации, так в силу разных причин и не защищенной Н.Л. Окуневым, являлось исследование лицевой рукописи Иоанна Кантакузина, хранившейся в Парижской национальной библиотеке (№ 1242).

В историю петербургского византиноведения¹² вошло понятие «айналовская шайка», родившееся непосредственно в недрах группы любимых воспитанников Д.В. Айналова, состоящей из четырех человек – В.К. Мясоедова¹³, Н.П. Сычева¹⁴, Л.А. Мацулевича¹⁵ и Н.Л. Окунева, находящихся на протяжении учебы в дружеских отношениях, тесном рабочем контакте и переписке¹⁶. Все они чтили и уважали своего учителя. В конце декабря 1913 г. в университете торжественно отмечалось 25-летие ученой деятельности Айналова. Н.Л. Окунев находился в то время на службе в Русском археологическом институте в Константинополе. Он писал: «Мне очень грустно и горько, что я не могу вместе с моими друзьями приветствовать Вас и быть с Вами в этот день. Позвольте же мне издалека от души поздравить Вас и пожелать Вам в течение нового двадцатипятилетия оставаться таким же живым и вдохновенным профессором, таким же идеальным человеком по существу. Ваше руководство во всех наших научных занятиях и предприятиях, Ваши советы и наставления всю жизнь не будут нами позабыты, а честь принадлежать к “Айналовской шайке” всегда будет нашей гордостью»¹⁷.

Позднее, уже в Праге и незадолго до собственной смерти, Окунев написал некролог ушедшего из жизни в 1939 г. Д.В. Айналова¹⁸, в котором вспомнил о студенческих годах и подчеркнул принципиально важные моменты методики преподавания и того исследовательского метода, который Айналов передавал своим ученикам. Окунев отмечал: «Связных рефератов на определенную тему Д.В.

требовал только от старших студентов, пробывших у него в семинаре не менее года, а главным образом занимался всесторонним разбором памятников, привлекая к нему всех участников семинара и настаивая на том, чтобы каждый достигал как можно большей изощренности в наблюдении и выражался кратко и точно. При этом, особенно в произведениях живописи, обращалось главное внимание на стилистические особенности памятника. Это было одной из главных заслуг Д.В. – он был первым из русских историков искусства, который занимался изучением стиля, давал ясное представление о том, что такое стиль и учил его пониманию других»¹⁹.

Активную научную деятельность Окунев начал еще на третьем курсе, в 1909 г., когда совместно с друзьями Сычевым, Мясоедовым, Мацулевичем на средства университета был командирован в Новгород, Порхов, Псков, Старую Ладугу, Изборск, Гостинополье, Грузино для изучения средневековых памятников. Следующую поездку в Новгород финансировало Императорское Русское Археологическое Общество, она состоялась летом 1910 г. Итогом явились сообщения в ИРАО, статья, посвященная архитектуре и ансамблю стенописи церкви Федора Стратилата²⁰, а также собранный материал по новгородскому и псковскому зодчеству²¹. Фотографии в количестве 300 ед., сделанные в памятниках, были переданы в собственность Музея Древностей при Императорском Санкт-Петербургском университете. В архиве Института истории материальной культуры хранится отчет, коротко характеризующий деятельность «айналовской шайки» по обследованию памятников Новгорода. Он дает почувствовать то, почти революционное, значение в науке этой поездки: «В Нередицкой церкви под штукатуркой открыты древние фрески и отмечены поновления нижнего пояса. Определен впервые ряд любопытных композиций и установлена наличность нескольких пошибов письма. Исследование Волотовской церкви заставляет отвергнуть существующую в литературе датировку ее живописи XVII веком и отнести ее к 1363 г., а 4 фигуры горнего места ко времени построения храма. Роспись церкви Святого Федора Стратилата, открываемая на средства г-на Стальнова²², приближается по стилю к Волотовской и должна быть датирована не позднее, как концом XIV в. Рельефы Корсунских врат подверглись реставрации еще в XIV в. при сборке их в Новгороде. Они выполнены не в одном стиле. Некоторые композиции даны в очень редком иконографическом типе»²³.

Мацулевич оставил любопытное письменное свидетельство о том, что на заседании, где ученики Айналова сообщали о своих находках, присутствовал акад. Н.П. Кондаков²⁴, который заинтересовался результатами и «пригласил всю компанию к себе, после чего

их сборы в квартире Кондакова по понедельникам стали традицией и превратились в своеобразный семинар»²⁵.

В эти годы Н.Л. Окунев вошел в ряды действительных членов двух культурных и научных организаций Новгорода и Пскова – Новгородского общества любителей древностей и Псковского археологического общества²⁶.

Раскопки в Ани.

Работа в Петербурге, начало педагогической деятельности

В 1911 г. Окуневу предоставилась, опять же в рамках университета, возможность поехать на раскопки в столицу средневековой Армении – Ани, начатые Н.Я. Марром²⁷ еще в 1892 г., позднее прерванные, вновь возобновленные в 1904 г., дававшие грандиозные результаты и превратившиеся в одно из самых крупных мероприятий российской гуманитарной науки того времени. Молодой ученый сосредоточился, в первую очередь, на архитектуре, он был включен Марром в работу над темами, посвященными церковным и гражданским постройкам города Ани. Следствием трудов под руководством Марра стали доклад в ИРАО, предварявший запланированную публикацию работы о круглых и многогранных храмах Ани и статья «Город Ани»²⁸, напечатанная Окуневым сразу же по возвращении, в 1912 г., и представляющая еще более широкую историческую панораму средневекового строительства в Армении. Работа в Ани захватила аспиранта. Академика Н.Я. Марра, вероятно, старания Окунева удовлетворили, он даже хотел устроить Окунева к себе на факультет лектором по истории армянского зодчества²⁹. Между Марром и Окуневым установился долговременный тесный рабочий контакт: последний многократно обращался к академику за помощью и советом, а организация Н.Я. Марром археологических и архитектурных исследований в Ани становится для Окунева, сумевшего оценить сложность подобного мероприятия, своего рода образцом.

Весной 1912 г. С.А. Жебелев, Я.И. Смирнов, Д.В. Айналов, Н.Я. Марр и др. на заседании ИРАО предложили принять Н.Л. Окунева и Н.П. Сычева в члены-сотрудники. Избрание состоялось на общем собрании общества 4 мая 1912 г.³⁰

События, происшедшие в личной жизни Н.Л. Окунева, несколько отодвинули его планы по изучению армянского искусства и архитектуры. 9 мая 1912 г. молодой ученый женился на Вере Петровне Патрик (1888–1961), дочери статского советника Петра Николаевича Патрика и Софии Оскаровны, урожденной Отт³¹. Венчание состоялось в церкви Петербургской Введенской мужской гимназии,

расположенной на Большом проспекте³². А спустя короткое время, весной 1913 г., Окунев начал свою педагогическую деятельность. Он читал лекции по истории в Императорском Воспитательном обществе благородных девиц. Н.П. Сычев писал Мацулевичу: «Львовича я известил. Он был у меня вчера вечером вместе с Верой Петровной. По его словам, он получил место преподавателя истории в Смольном институте, но т.к. там всего 5 уроков, то будет искать еще в какой-нибудь гимназии»³³. Несколько позднее Сычев вновь информировал своего коллегу: «Кроме уроков на “благородной” половине Смольного института, Львович взял уроки и на Александровской половине³⁴»³⁵. Также Н.Л. Окунев преподавал в Демидовской женской гимназии.

Поездка по древнерусским городам летом 1913 г., РАИК (1913–1914), работа в России (осень 1914 – лето 1917)

12 июня 1913 г.³⁶ ученый по собственному ходатайству, был назначен на должность научного секретаря Русского археологического института в Константинополе (1894–1914)³⁷. Перед отъездом в Турцию он совершил более чем месячное путешествие в Псков, Владимир, Боголюбово, Ярославль, Ростов, Александров, Юрьев Польской. В орбиту осмотренных городов попал и Киев, где Окунев подробно исследовал крещальню Софийского собора. Собранный материал несколько позднее вылился в интересную статью, опубликованную в 1915 г. и затронувшую важный и актуальный тогда вопрос о самостоятельности русской архитектурной школы³⁸.

Очевидно, что в конце лета ученый с женой, дочерью Ириной, родившейся 23 января 1913 г.³⁹ и прислугой перебрался в Константинополь. РАИК сделал исключение из правил своего устава, приняв Н.Л. Окунева без ученой степени⁴⁰. Ему обещали создать условия для научной работы и командировки за границу. Выбирая этот путь, Окунев руководствовался фактической неотложностью поездок, поскольку тот период его работы над диссертацией заключался в необходимости личного знакомства с памятниками Балкан и стран западной Европы. Любопытно замечание Н.П. Сычева по поводу новой должности Окунева: «Не могу не сознаться со своей стороны, что из всех нас Львович – человек наиболее подходящий для этой “дипломатической” службы, однако мне лично жаль будет, если он уедет. Не верю я, что там можно свободно отдаваться научным интересам»⁴¹.

Новый этап научной деятельности в РАИК принес Окуневу как успехи, так и разочарования, связанные с неосуществлением планов. Именно из Константинополя он писал Н.Я. Марру письма,

в которых делился несбывшимся, сетуя на подход к делу Ф.И. Успенского⁴² и плохую организацию проводимых мероприятий: «Глубокоуважаемый и дорогой Николай Яковлевич, мое более, чем четырехмесячное пребывание здесь было связано со многими неудачами и волнениями – с одной стороны очень трудно было устроиться с минимальными средствами при здешней дороговизне, с другой – постоянно происходили трения и недоразумения между мною и начальством. Оказалось, что я не так понял свою деятельность здесь, думал, что буду заниматься ученым трудом по преимуществу, а выходит, что я прежде всего “неимеющий чина и состоящий в VI классе чиновник”»⁴³. Окунев, впитавший в себя метод ведения раскопок от Н.Я. Марра, сетовал: «Вот если бы здесь были в качестве главы заведения Вы, М.И. Ростовцев⁴⁴, или Я.И. Смирнов!⁴⁵». Ни в желанную Сербию, ни далее на запад ему, несмотря на прилагаемые старания и обещания Ф.И. Успенского, так и не удалось поехать, поэтому он ограничился Константинополем: наблюдениями над мозаиками Кахрие Джами, архитектурным строением храма Святой Софии и др. «Материал же для исследований здесь неисчерпаемый. Интересуясь живописью и церковными росписями, я за это время исподволь собирал сведения и получил ряд указаний на, по-видимому, очень важные памятники, о которых почти ничего не известно», – сообщал Н.Л. Окунев Марру. Время пребывания Окунева в Константинополе было коротким, немногим более года: 28 октября 1914 г. молодой ученый был прикомандирован для научных занятий к Академии наук, где патронат над ним взял на себя уже хорошо его знавший академик Н.П. Кондаков⁴⁶.

В Петербурге Окунев обрабатывает привезенный из столицы Византии материал, осенью 1915 г. выступает с сообщением в ИРАО о перестройках собора Святой Софии Константинопольской, публикует текст доклада в журнале «Старые годы»⁴⁷, мечтает издать отдельную, богато иллюстрированную книгу о Святой Софии в Константинополе.

Работая при Академии наук, Окунев продолжает разрабатывать начатые ранее темы. Он занимается вопросом происхождения архитектурных форм древнерусских храмов, интересуется происхождением «грановитых палат» в контексте влияния готики на русское каменное зодчество, занимается программой росписи дьяконника Спасомирожского собора во Пскове. Ученый продолжил работу по составлению ряда статей для «Нового энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона⁴⁸. В этот период своей научной деятельности, молодой ученый вновь возвращается к проблемам изучения армянского искусства.

1 апреля 1915 г. семья Окунева увеличилась, на свет появилась вторая дочь – Вера⁴⁹.

В июне 1917 г. Окунев был принят в Петроградский университет в качестве приват-доцента «с допущением его в сем звании к чтению лекций по кафедре теории и истории искусств»⁵⁰. Молодой искусствовед предложил к прочтению на учебный год 1917/18 курс «История древнерусской архитектуры», что в связи с политическими событиями в России не было осуществлено.

Экспедиция РАН по охране памятников в районе военных действий на Кавказском фронте. Одесса, юг России

На летние месяцы 1917 г. Окунев был снова приглашен Н.Я. Марром для участия в экспедиции, на этот раз по охране памятников в районе военных действий на Кавказском фронте, организуемой Российской академией наук с 1915 г.⁵¹ Окунев выехал в Тифлис 21 июня, вернулся он в Петроград 28 сентября 1917 г. Первоначально предполагалось, что ученого будет сопровождать архитектор-художник В.Н. Максимов, коллега по планам издания книги о Святой Софии Константинопольской, так и не реализованным, однако в последний момент отказавшийся от поездки. Максимова заменил А.Я. Белобородов⁵², отправившийся вслед за Окуневым 2 июля 1917 г. Единственным опубликованным свидетельством данной командировки является отчет Н.Л. Окунева, вышедший в «Известиях РАН»⁵³.

Из Тифлиса в направлении Эрзурума поехала группа из трех специалистов, кроме Окунева и Белобородова в ней находился фотограф, командированный Управлением Генерал-Комиссара Турецкой Армении, Бульбенко. В Гассан-Кале к экспедиции планировал присоединиться хранитель Кавказского музея С.В. Тер-Аветисьян, производивший там раскопки. Семейные обстоятельства не позволили ему выполнить задуманное, и Окунев, Белобородов и Бульбенко, сфотографировав Гассан-Калинскую крепость, развалины армянского монастыря Аствацацин и руины церквей в окрестностях Гассан-Кале, двинулись дальше. Потом экспедиция проследовала в Эрзурум, Мемахатун, Эрзинджан, потом опять в Эрзурум, Бейбурт (Байбурт)⁵⁴ и в Испир. Вторая часть пути, проходившая вдоль течения реки Чороха, внезапно осложнилась, поскольку А.Я. Белобородов, заболевший лихорадкой, покинул группу и вернулся в Россию. Окунев с фотографом прибыли в села Кале-Касрык, Данзут (Тандзот), Арсис и Киским с целью собрать среди местных жителей сведения о находящихся в районе архитектурных постройках. Опираясь на полученные указания, Окунев составил дальнейший маршрут

рут: Дорт-Килиссе (Дорт-Килисе, Кирк-Килиссе), Бархал (Пархал), Ишхан, Эошк (Ошк, Оэшк), Хахул (Хаху, Хахо). На обратном пути Окуневу удалось посетить, исследовать и сфотографировать крепость и мечеть в Ольтах, руины церкви в Бане, около деревни Пеляк, собор в Карсе. Во время 2-недельного ожидания отпечатанных фотографий в Тифлисе, Окунев съездил в Мцхет для ознакомления с его древностями, посетил музеи. Результатами экспедиции Окунев считал свои дневники с записанными наблюдениями, позднее вывезенные в Прагу, меры, принятые им по спасению наиболее ценных компартиментов храмов, а также планы, чертежи и фотографии в количестве 500 штук⁵⁵. Подробную информацию об этом он отправил Марру из Одессы, куда попал в октябре 1917 г. Судя по тому, что в Петербурге у Окунева не было времени даже систематизировать привезенные негативы и предоставить Марру отчет о поездке, мы можем предположить, что Окунев переехал в Одессу в экстренном порядке.

Одесский период (1917–1920) в жизни Н.Л. Окунева был связан, главным образом, с деятельностью в Новороссийском университете. Спустя два месяца после приезда в этот южный город он писал Н.Я. Марру: «Я уже несколько осмотрелся и акклиматизировался. Познакомился со всем профессорским составом и покуда, вследствие полного отсутствия квартир и комнат, живу у профессора Линниченко⁵⁶. Впечатление от коллег очень неутешительное – есть два-три милых и интересных человека, а остальные все какие-то монстры и в физическом, и в нравственном смысле. В факультете и в совете занимаются только взаимным подсиживанием и интригами, невероятными интригами. Т.к. существует несколько лагерей, и политических, и основанных на чисто личных отношениях, я ни к одному не пристал и стараюсь держать себя независимо. Вступительная моя лекция прошла с большим даже успехом, а количество слушателей на моих лекциях вызывает уже, как я слышал, даже у некоторых зависть»⁵⁷. Мы можем предположить, что после устройства ученого в Одессе, к нему перебралась и его семья⁵⁸. Вероятно, находясь в Одессе, Окунев узнал ужасающие новости о гибели всей 16-летней работы Н.Я. Марра в Армении – пропаже в 1918 г. целого вагона, следовавшего в Тифлис и содержащего весь анийский архив.

В Одессе в 1917 г., в соответствии с новым законом, ликвидировавшим должность приват-доцента как таковую, Окунев был повышен и стал профессором. Молодой ученый в университетской среде активно общался с Н.П. Кондаковым, посещая совместно с А.Н. Грабаром лекции академика⁵⁹. Тогда и произошла размолвка коллег, вылившаяся в неприятие Кондаковым Окунева на все остав-

шиеся годы. Причины изменения отношений, очевидно, коренятся в сословном мышлении того времени. Потомственный дворянин, сын статского советника Н.Л. Окунев в своем педагогическом звании встал на один уровень с неимеющим дворянского происхождения Н.П. Кондаковым. Кондаков не смог спокойно отнестись к этому факту. Не помогло и то, что оба они, спустя несколько лет, оказались в эмиграции в Праге. Уже из столицы Чехословакии, в 1923 г. Кондаков писал С.А. Жебелеву: «Из прежних учеников Окунев при большевиках в Одессе выскочил в ординарные профессора, не написав ничего, потом был низведен факультетом, когда большевики ушли, в доценты, бросил всякие занятия и университет и ушел товарищем министра к Деникину»⁶⁰.

Кроме преподавания, Н.Л. Окунев основал в Одессе Общество по изучению искусств, где велись дискуссии на актуальные тогда темы эстетического восприятия произведений искусства. Интерес ученого к творениям современников и его тонкое понимание живописных вопросов взаимосвязи зрителя с картиной, вылился позднее, в Праге, в масштабную акцию по спасению наследия русских художников-эмигрантов и исследованию русского искусства XVIII–XX вв.⁶¹ Косвенную информацию о некоторых взглядах Окунева мы находим также в письме Н.П. Кондакова сыну, С.Н. Кондакову: «Вчера я сильно спорил и по этому случаю плохо спал. Спорил же по вопросу о значении эстетического значения в истории искусства. Окунев составил здесь Общество изучения искусств, сделался его председателем и начал вещать: эстетическое суждение субъективно, поэтому не обязательно ни для кого, потому не научно. И стало быть не должно быть никаких выборов художественных произведений, как лучших, оригинальных и пр. Признаюсь, я намеренно не пошел в общество, чтобы не слушать глупостей. Но компания настигла меня на прогулке вечером, и у них шел спор против Окунева, и они обратились с вопросами. Я уже давно видел, что Окунев покровительствует в университете и в рисовальной школе кубистам, футуристам и иным ерникам современного типа. Его положение позволяет всем хулиганам быть художниками и даже историками искусства»⁶².

18 марта 1919 г. семья Окуневых вновь пополнилась, на свет появился третий ребенок – сын Михаил. Средства к существованию семьи были ограничены, деньги постоянно задерживали, выплачивали разными и часто сомнительными ценными бумагами. Н.Л. Окунев, согласно данным заполненного его рукой формуляра члена Славянского института в Праге, хранящегося в архиве АН ЧР, преподавал еще в нескольких учебных заведениях Одессы. К ним относились Народный университет, Высшее художественное учи-

лице, Консерватория, он являлся также директором женской гимназии⁶³.

Деятельность ученого в системе управления белой армии А.И. Деникина⁶⁴, предшествующую его эмиграции, в настоящее время, к сожалению, конкретизировать не удалось. Согласно упомянутому выше документу, в 1919 г. Н.Л. Окунев был начальником культурно-просветительского отдела Правительства при главкоме ВСЮР⁶⁵.

Эмиграция в Югославию. Изучение памятников

Февральская революция, Октябрьский переворот и Гражданская война 1917–1921 гг. привели к массовой эмиграции подданных Российской империи, граждан Российской республики и возникновению нового понятия – Русское зарубежье⁶⁶. Терпящая с октября 1919 г. поражение армия Деникина в лице своего руководства вела с соседними славянскими странами переговоры об интернировании. В январе 1920 г. правительство Королевства СХС⁶⁷ дало согласие принять беженцев с юга России, официальное решение о разрешении на въезд касалось 8 тыс. человек⁶⁸. Так Окунев «по политическим причинам», как было указано в анкете, эмигрировал в Югославию⁶⁹. Он был приглашен преподавать археологию и историю искусства в отделении Белградского университета, расположенном в Скопле (Македония). Отделение представляло собой Семинар по истории южных славян, основанный в том же 1920 г.⁷⁰ Его возглавлял Тихомир Остоич, в нем работали С.М. Кульбакин, Р. Груич, М. Костич. Именно им, по предположению И.М. Джорджевича, и принадлежала идея пригласить Н.Л. Окунева. В перечне лекционных занятий за 1921–1922 гг. Окунев числится экстраординарным профессором, читающим курс «Древнего христианского искусства Восточной Европы». Семья ученого осталась в России, до лета 1923 г. она находилась у родителей В.П. Окуневой в Сумах Харьковской губернии.

О времени, проведенном в Македонии, можно судить лишь по опубликованному ученым материалу. Документальных свидетельств о деятельности Окунева на Балканах в архивах Сербии, Македонии и Чехии не сохранилось.

Необходимо вспомнить, что предшественником Окунева в изучении памятников Македонии и, собственно говоря, родоначальником науки о ее древностях был Н.П. Кондаков, лично объехавший эту территорию и издавший в 1909 г. книгу о своем путешествии⁷¹. В ней присутствуют живописные описания тех мест, где Окуневу было суждено прожить два года. Кондаков писал: «город с его вековыми кучами мусора, страшной пылью, сбившейся на улицах в

четверть аршина в глубину, с его единственной замощенной улицей, рядом пустырей в самом центре, пересохшим Вардаром, зловонной падалью, здесь никогда неубираемой, и убогим восточным типом построек, напоминающим базарные кварталы Стамбула, производили угнетающее впечатление»⁷². Это место, многократно переходившее в силу сложной средневековой истории из рук в руки, соединяло в себе черты славянской, греческой и восточной культур. Кондаков, рассуждая о типе греческого города и Скопье, отмечал, что сопоставление этих двух культур приходит невольно и «не в пользу славянской»: «все здесь живущее напоминает какую то усевшуюся орду, построившуюся и там и сям, без всякого порядка, смысла и резона по долине. Что-то похожее на осадок орды, представляют собою и другие восточные города, но в них по крайней мере есть любопытная паутина круговых линий, обходящих со всех сторон ядро крепости, есть разнохарактерные кварталы. Ничего подобного нет в Скопии, и найтись в ином лабиринте его улиц без помощи туземца совершенно немислимо. Здесь, чтобы войти в лавку, надо или через невылазную грязь, или по каким-то мосткам, жердочкам и камушкам подняться на несколько ступенек, чтобы ступить на крыльцо и шаткий порог убогой лачуги и, с трудом откинувши перекошенную стеклянную дверцу, влезть внутрь затемненной хибарки»⁷³.

Окунев, прибывший в Македонию, был благодаря трудам своих старших коллег подготовлен к этим непростым условиям. Он использовал ситуацию своего временного пребывания в области, буквально перенасыщенной достопримечательностями, но страдающей отсутствием элементарного комфорта, а главное, библиотек и условий для научной работы для знакомства с памятниками.

Удача сопутствовала ему. В 1922 г. Н.Л. Окунев вошел в коллектив экспедиции под руководством русского эмигранта С. Смирнова, снаряженной королем Александром с целью подбора материалов для украшения королевского мавзолея Карагеоргиевичей (Оплеца)⁷⁴. Участникам удалось посетить 29 монастырей и соборов, к ним относятся церкви в Арилье, Градаце, Грачанице, Дечанах, Жиче, Любостыни, Манасии, Печи, Раванице, Студенице, Сопочанах и многие др. Участники подготовили обширную фотографическую документацию в объеме 452 ед., а также 24 кальки, 66 копий, 54 чертежа и 21 описание состава фресок. Таким образом, в руках Окунева оказался богатейший материал для дальнейшей работы.

Период, прожитый в Скопле, Окунев охарактеризовал в письме Д.В. Айналову, посланному уже из Праги летом 1923 г. Он писал: «Два с половиной года я провел в Македонии – в Скопле, где был профессором университета. Было очень трудно и материально, и морально, особенно в последнем смысле, настолько были некуль-

турны, грубы и так лишены были всякой душевной тонкости и красоты наши гостеприимные хозяева. Но все же за это время, с большим трудом и преодолевая иногда совершенно фантастические препятствия, которые ставились опять-таки теми же гостеприимными хозяевами, мне удалось собрать очень большой материал, особенно в области сербской церковной живописи XIII–XV вв. Интересного, нового и значительного в этой области так много, что приходится многие старые, уже казалось бы решенные вопросы перерешать и ставить бесчисленное количество новых»⁷⁵. В 1923 г. ученый опубликовал программную статью о предмете своего настоящего и будущего изучения. Под общим названием «Сербские средневековые стенописи» она вышла в чешском научном журнале «Славия»⁷⁶. В ней Окунев представил некоторые свои результаты и планы: «Получив возможность познакомиться на месте с большою частью сербских памятников церковной живописи, позволяя себе, не дожидаясь окончания своей работы над собранным материалом, в настоящем предварительном кратком отчете поделиться некоторыми сделанными наблюдениями и некоторыми напрашивающимися выводами»⁷⁷.

Проблема, поставленная ученым, была обращена к актуальной научной дискуссии. Ученый мир первого и второго десятилетий XX в., кроме интенсивного собирательного периода, переживал время поиска ответа на вопрос, где находился источник, питавший такую интенсивную художественную жизнь восточной части Европы. Окунев предложил свой ответ на ключевой в то время вопрос: существовала ли определенная зависимость между «художественными формами этой живописи и живописью раннего итальянского Возрождения и, если существовала, то как и в чем выражалась?». Поставленная таким образом задача предполагала использование двух составляющих комплексного научного метода – иконографического и стилистического анализа фресок. Н.Л. Окунев, воспринявший метод от Айналова, Кондакова и Марра, пришел к закономерному выводу, что «на Балканском полуострове происходило художественное движение подобного же характера, что и в Италии. Известные влияния итальянской живописи эпохи раннего возрождения на Восток проникали, но и здесь производилась самостоятельная художественная работа и по составлению новых композиций, и в области иконографии, и в области чисто живописной». И этот труд Окунева, так же как и предыдущие, гармонично укладывается в историю развития русской науки о византийском и древнерусском искусстве, логично продолжая мысли, намеченные Айналовым и отражая в себе все грани решаемых краеугольных вопросов. Необходимо отметить, что Окунев был первым в истории югославского византиноведения,

250

кто начал применять и развивать принципы стилистического анализа, чем положил начало основанию искусствоведческой школы и формированию ее методологии. Он стоял и у истоков возникновения Скопльского научного общества, являясь одним из его членом-основателей.

Русский ученый обзавелся в Сербии и Македонии многочисленными рабочими контактами и научными связями, на протяжении всей своей дальнейшей деятельности в Чехословакии он обращался к ним, продолжая посещать памятники этого региона, сделавшиеся главной научной темой исследователя на все оставшиеся годы.

Предпосылки переезда в Чехословакию. «Русская акция помощи». Первые шаги ученого в Праге

В 1921 г. по инициативе первого премьер-министра ЧСР, политика пророссийской ориентации Карела Крамаржа⁷⁸ с поддержкой президента страны Т.Г. Масарика⁷⁹, чехословацкое правительство начало на государственном уровне разработку «Русской акции», уникальной по своим масштабам и целям программы помощи России и покинувшим ее пределы⁸⁰. По словам чешского историка З. Сладека, «проблема русских беженцев в Чехословакии решалась в соответствии с определявшимися внешнеполитическими приоритетами молодого государства»⁸¹. Продолжением русской политики Масарика считает «русскую акцию» и Е.П. Серапионова⁸². «В начале она развивалась в двух направлениях. Первое концентрировалось на оказании помощи голодающим в самой России, второе – на решении проблемы беженцев. Помощь голодающим должна была оказываться в рамках широкой международной программы. 15 августа 1921 г. по инициативе Чехословакии в Женеве была созвана конференция международного Красного Креста. Был организован особый комитет по оказанию помощи России во главе с ученым и общественным деятелем Ф. Нансеном»⁸³. Чехословакия отправляла в Россию лекарства и продукты, на поддержку чехословацких колонистов в России и на Украине было выделено около 10 млн крон, в целом на помощь было потрачено 13 млн крон. С середины 1922 г. в России была запрещена деятельность иностранных благотворительных миссий, «с этого времени под “русской акцией” подразумевались лишь мероприятия по поддержке русских эмигрантов на территории Чехословацкой республики»⁸⁴. Е.П. Серапионова говорит о том, что Министерство иностранных дел ЧСР во главе с Э. Бенешем «фильтровало» поток беженцев, предпочитая сосредоточивать у себя лишь их определенные категории»⁸⁵. Ссылаясь на исследование

Савицкого, она упоминает, что осенью 1921 г. произошел пересмотр взглядов Масарика на сотрудничество с учеными вне зависимости от их политических взглядов⁸⁶. Появилась идея превратить Прагу в центр образования русских эмигрантов. Согласно данному замыслу, роль Чехословакии заключалась в том, чтобы подготовить молодую российскую интеллигенцию к будущей работе на родине. Кроме этого Прага стала крупнейшим культурным и научным центром русского зарубежья. Президент Чехословакии особо подчеркивал следующий важный аспект – поддержка и помощь должна была предназначаться, кроме студентов, в первую очередь выдающимся научным и культурным деятелям России, он лично заботился об их приезде в ЧСР и предоставлении им работы⁸⁷.

Реализация программы была поручена в июле 1921 г., главным образом, Министерству иностранных дел ЧСР, а также ряду вновь возникших организаций. Известие о «Русской акции» быстро распространилось среди стремительно растущей в Европе русской диаспоры. В ЧСР была создана широкая общеобразовательная сеть, от детских садов и начальных школ до высших учебных заведений, возникло много научных и культурных организаций и учреждений. В Праге находился Союз русских академических организаций, здесь возникли историческое, философское, педагогическое научные общества, был создан Русский зарубежный исторический архив (РЗИА), Русский культурно-исторический музей (РКИМ), Экономический кабинет профессора С.Н. Прокоповича, Археологический институт им. Н.П. Кондакова.

В течение 1921–1922 гг. в Прагу были приглашены около 70 профессоров и преподавателей. «В период 1921–1934 гг. 6818 русских и украинских студентов получили возможность закончить образование в Чехословакии»⁸⁸. Приехавшие в ЧСР обеспечивались денежными пособиями, бесплатной медицинской помощью, молодежи была представлена возможность получения диплома, профессора и преподаватели включались как в русскую, возникшую для беженцев, так и в чехословацкую образовательную систему. В течение 5–6 лет Чехословакия являлась крупнейшим центром подготовки кадров для будущей России, заслуженно называясь «русским Оксфордом».

С Прагой связаны имена таких научных светил как Н. Кондаков, Д. Чижевский, Г. Вернадский, П. Струве, Н. Лосский, П. Сорокин, Р. Якобсон, финансово были поддержаны известные представители русской культуры И. Бунин, Д. Мережковский, М. Цветаева, А. Аверченко, Вас.И. Немирович-Данченко, К. Бальмонт, И. Шмелев и др. Вклад русской эмиграции в чехословацкую культуру и науку не ограничивался только гуманитарной сферой. Русские спе-

циалисты работали и в таких областях, как астрономия, математика, медицина, химия, биология, машиностроение и пр.

1 марта 1923 г. по приглашению Министерства иностранных дел ЧСР Н.Л. Окунев перебрался в столицу Чехословакии, где и началась новая глава его жизни. Сложившиеся условия позволили ему продолжать заниматься научным трудом, политическая и экономическая ситуация дала возможность ученому начать организацию переезда семьи в ЧСР. В письмах он делился своими заботами с Д.В. Айналовым: «Уже более четырех лет, как я в разлуке со своими – они продолжают жить в Сумах, где пришлось им очень много вытерпеть и лишений, и болезней, и моральных тягот. Но, слава Богу, все живы. Теперь я хлопочу о том, чтобы раздобыть их сюда и опять объединиться всем вместе. Надеюсь к осени это устроить»⁸⁹. В.П. Окунева с тремя детьми смогла приехать из СССР в ЧСР уже 1 июля 1924 г. По воспоминаниям внука Н.Л. Окунева Олега Покорны, Вера Петровна была больна дистрофией, находилась в тяжелом состоянии и некоторое время провела на лечении.

С момента своего приезда в ЧСР Окунев проживал в Праге, где комнаты были дорогими, с 1927 г., по экономическим соображениям, семья Окуневых снимала жилье в пригороде Праги, деревне Радошовице, где проживало много русских эмигрантов. В сентябре 1929 г., когда финансовое и социальное положение Н.Л. Окунева уже значительно улучшились, он приобрел собственную кооперативную квартиру, расположенную на Подбабской улице в Праге, куда и переехал с женой и детьми. Нансеновский паспорт был выдан Н.Л. Окуневу в 1930 г., а 14 января 1936 г. он стал гражданином Чехословакии.

Профессиональный путь искусствоведа в ЧСР был сложен и тернист. По прибытию в Прагу, в 1923 г. Окунев начал читать лекции по истории искусства для русских студентов-эмигрантов в разных учебных заведениях, возникших в рамках русской акции. В декабре 1925 г. он был назначен на должность экстраординарного профессора философского факультета Карлова университета, где занял место ушедшего из жизни академика Н.П. Кондакова. Здесь необходимо было бы вернуться к взаимоотношениям Кондакова и Окунева, повлиявшим на контакты Окунева с основанным в 1925 г. в Праге учениками и коллегами Кондакова Семинарием⁹⁰, носящим имя академика, и на положение молодого ученого в среде русского научного мира в Чехословакии вообще.

Обратимся к письмам Н.Л. Окунева С.А. Жебелеву: «я в последнее время избегаю иметь дело с этим господином (Кондаковым. – Ю.Я.) – и мне пришлось убедиться, насколько это человек умный, но в то же время и дурной. Ко всем своим известным ка-

чествам он еще очень постарел и совершенно попал под влияние своей секретарши⁹¹ – злобной, развратной и едва ли не преступной женщины. Когда я ему был нужен в Одессе, он мне пел дифирамбы, а здесь почему-то ему было неудобно, чтобы я попал в Прагу, и чтобы помешать этому он не остановился даже перед клеветой на мой счет»⁹². Организаторы Семинария «благодаря» отзывам Н.П. Кондакова с настороженностью отнеслись к Н.Л. Окуневу. Имя Окунева отсутствует в числе учредителей этой научной организации, вопрос о публикации его трудов в сборниках Семинария тоже был дилеммой и специально обсуждался с С.А. Жебелевым. И это при том, что один из членов Семинария, его научный секретарь, искусствовед Николай Михайлович Беляев⁹³, являлся учеником не только Н.П. Кондакова, но и Н.Л. Окунева. Последнему удалось заинтересовать своим предметом молодого коллегу, совершившего в 1927 г. поездку в Сербию и начавшего изучать сербские настенные росписи. В фонде Кондаковского института хранятся некоторые фотографии, сделанные Окуневым в экспедиции по охране памятников в район военных действий на Кавказском фронте. Именно Беляеву Жебелев написал: «На меня Окунев всегда производил хорошее впечатление, как скромного и дельного человека. Он очень аккуратно и хорошо работал у меня по византийскому искусству, когда я был редактором в “Новом энциклопедическом словаре Брокгауза–Эфрона”, и недоразумений у меня с Окуневым никогда не было. Мне думается, *Seminarium* в отношении Окунева слишком щепетилен. Основываться на отзывах Никодима Павловича невозможно; если им следовать всецело, придется остаться почти в одиночестве»⁹⁴. Совет возымел свое действие, статьи Окунева неоднократно печатались в периодическом издании «Семинариум Кондаковианум».

Условия для научного труда в Праге были более подходящими, чем в Югославии. И несмотря на это, Окуневу не хватало литературы, особенно изданной в России до революции. Об этом он с горестью сообщал и Айналову, и Марру. С одной стороны, он пытался договориться о пересылке наиболее нужных книг, с другой, уже в 1923 г., сразу по приезде в ЧСР, начал предпринимать действия по перевозу в Прагу своей библиотеки, переправленной в свое время в Константинополь и оставшейся там в связи со спешным отъездом сотрудников РАИК из Турции. Более чем 500 книг, запакованных в ящики, хранились в Русском Николаевском госпитале в Константинополе. Окунев обратился в Министерство иностранных дел ЧСР со словами: «Книги, составляющие ее (библиотеку, – Ю.Я.), для моей научной работы здесь, в Праге, мне чрезвычайно необходимы, тем более, что они, будучи в большинстве очень редкими, являются за границей единственным собранием этого рода и большинства из

них ни в одной из библиотек Праги не имеется. Но, к сожалению, у меня нет средств на перевозку их из Константинополя, а потому, в виду особенного интереса моей библиотеки и того, что в случае моего возвращения в Россию, я имею намерение оставить ее в Праге, прошу Министерство посодействовать доставке ее в Прагу»⁹⁵.

Окуневу удалось осуществить задуманное, библиотека была перевезена в Прагу и продана Славянской библиотеке за 45 тыс. чехословацких крон. Кроме книжного собрания ученый ходатайствовал и за пересылку из Одессы оставленных там научных материалов. Он писал: «При отъезде моем из России мною был оставлен в Одессе на хранение у знакомых очень ценный научный материал, состоящий из выписок и из моих записей, наблюдений и описаний памятников средневекового искусства, сделанных мною во время моих многочисленных научных командировок и путешествий по России и по Востоку. Узнав в настоящее время, что этот материал сохранился в целости, имея в нем настоятельную необходимость для текущей научной работы и не имея иных возможностей доставить его сюда, обращаюсь в Министерство с покорнейшей просьбой помочь мне в этом деле и доставить его в Прагу через чехословацкого представителя в Одессе с курьером»⁹⁶. Просьба была удовлетворена и в руках у Окунева оказались результаты новгородских, псковских, киевских, кавказских научных экспедиций, которые он начал использовать для работы. Так одним из результатов явилось его выступление на конференции в Варшаве, посвященное архитектуре Новгорода и Пскова и напечатанное в 1928 г.⁹⁷

Продолжение исследований сербских и македонских памятников

Церковь Святого Пантелеймона в Нерези

Не успев еще после переезда в Прагу обустроиться на новом месте, Окунев начал искать возможность поехать в командировку в Югославию и продолжить начатые там исследования. Первая поездка состоялась в 1923 г., она продлилась с 24 августа до 1 октября и финансировалась Министерством просвещения и образования ЧСР, с этого момента Окунев почти каждый год, за исключением периода Второй мировой войны, отправлялся в полутора-двухмесячное путешествие по Балканам. Посещал русский ученый и европейские страны с целью работы в библиотеках. Последняя экспедиция в Югославию состоялась летом 1947 г.

В 1926 г., находясь в Югославии и работая в районе г. Скопле, Окунев заинтересовался церковью Святого Пантелеймона в Не-

рези, в окрестностях города, на высоком, поросшем лесом холме, находящейся в плохом состоянии сохранности. Каменная надпись при входе в храм, прочитанная и опубликованная в свое время еще Н.П. Кондаковым⁹⁸, уточняла дату построения храма – 1164 г. Кондаков описал настенный декор сооружения, назвав его деревенской мазей. Произведенные в 1926 г. Н.Л. Окуневым собственноручно, с разрешения тогда еще епископа, а с 1930 г. сербского Патриарха, Митрополита Белградско-Карловарского и Архиепископа Печского Варнавы, пробные расчистки поздней живописи 1885 г., покрывавшей стены собора, открыли византийскую живопись XII столетия. Окуневу удалось найти в МИД ЧСР средства на реставрацию фресок, которая была проведена им в 1927 г. В статье на македонском языке Окунев сообщал: «Теперь, когда удалось освободить фрески от грубых узоров, их покрывавших, они снова засияли своим чистым и выразительным, первозданным цветом. Одно за другим открывались изображения “Сретения Господня” с прекрасным ликом Богородицы, держащей на руках Христа, “Преображения”, “Воскрешения Лазаря” с необыкновенно тонко выполненным ликом самого Лазаря, чудесная композиция “Рождества Богородицы”, фрагмент сцены “Введение Богородицы в храм”, фреска “Снятие с креста”, а также и сохранившаяся в целостности сцена “Положение во гроб” с замечательно написанным ликом Христа и плачущим ликом Богородицы. Кроме того, в верхнем ряду открыты 24 фигуры отдельных святых, в основном монахов и воинов. Все фрески в подающем большинстве находятся в хорошем состоянии сохранности. На восточной стене, направо от иконостаса, открыта огромная фреска Святого Пантелеймона, которому храм посвящен»⁹⁹. Так вошел в научный оборот совершенно новый, высокохудожественный памятник Комниновской эпохи, сравнимый Окуневым по своему художественному значению с мозаиками Палермо и Монреала. Ученым была напечатана статья в журнале «Славия», рассказывающая о новом памятнике¹⁰⁰, были опубликованы результаты исследования алтарной прегады церкви Святого Пантелеймона в Нерези¹⁰¹. Ученый представил свое открытие на IV Международном конгрессе византинистов, проходившем в Софии в 1930 г., а также в обществе «Икона» в Париже. Муратов отзывался в отклике на сообщение: «теперь, после доклада, где был показан полностью имеющийся материал, можно судить как следует о нерезских росписях, которые навсегда останутся связанными с именем Окунева. Я представляю себе живо его волнение, его ощущение – «глазам своим не верю», – когда открывал он эти замечательные, необычные композиции, эти огромной силы и натуральности портретные изображения святых. Открывал – это слово надлежит понять в буквальном смысле, ибо

русскому ученому пришлось собственными руками сшибать штукатурку, покрывающую стены храма и замазанную, кроме того, безобразной деревенской росписью»¹⁰². Готовившаяся книга, посвященная храму Святого Пантелеймона в Нерези и монументальной живописи XII столетия, к сожалению, не была опубликована, рукопись ее до сего дня не найдена.

Преподавательская деятельность в Карловом университете

Преподавательская деятельность профессора Н.Л. Окунева в Праге не прерывалась на протяжении всей его жизни, вплоть до смерти в 1949 г. В 1924–1925 гг. он читал лекции по-русски в Русском свободном университете, а также в ряде других русских учебных заведений. В 1925–1935 гг. Окунев, заменив Н.П. Кондакова, стал «гостевым профессором» кафедры истории искусства Карлова университета и начал преподавать историю византийского и восточнославянского искусства на чешском языке. Ученому благодаря его дипломатическим способностям удалось адаптироваться в чужой стране и влиться в коллектив чехословацких научных деятелей и педагогов. Первого марта 1935 г. он был назначен на должность профессора.

С приходом Н.Л. Окунева в Карлов университет стала расширяться и сама кафедра. Так, уже в 1929 г. ее заведующий, чешский коллега Окунева, профессор В. Бирнбаум¹⁰³ подал в Министерство просвещения и образования ЧСР заявление с предложением основать на кафедре семинар византийского и восточнославянского искусства. Он писал: «по причинам научным и культурно-политическим было бы необходимо расширить рабочую программу кафедры, включив в нее названные специальности. В связи с тем что взаимоотношения между Западной Европой и Византией на протяжении всего Средневековья были активными и важность их изучения постоянно растет, научное исследование одной области было бы неполным без изучения другой. Если говорить о культурно-политических мотивах, то нужно напомнить, что Прага в настоящее время стала крупным центром славянских исследований, важной составляющей которых является история искусства. Чтобы эту необходимость реализовать, на кафедру был приглашен преподавать ныне покойный Н.П. Кондаков, место которого занял позднее Н.Л. Окунев. Было предложено и достигнуто увеличение дотаций, позволяющее приобретать в больших объемах новые книги и иные необходимые материалы. Но если студентам кафедры не будет предложена возможность практического обучения методическому

способу работы, то уже сделанное не может дать обучающимся полной научной эрудиции. Практическое обучение можно организовать только посредством семинара. В связи с большой необходимостью предлагаю его основание»¹⁰⁴. 18 октября 1929 г. семинар по византийскому и восточнославянскому искусству, согласно решению, принятому Министерством просвещения и образования ЧСР, начал свое существование. Возглавил его Н.Л. Окунев.

В 1931 г. нагрузка Окунева, по просьбе В. Бирнбаума, возросла с трех до пяти часов. Это было связано с желанием кафедры основать самостоятельное отделение византийского и восточнославянского искусства. В заявлении писалось: «руководство кафедрой истории искусства приняло решение открыть отделение византийского искусства, используя то, что лекции приглашен читать именно Н.Л. Окунев. Для отделения было выделено самостоятельное помещение, ему отводится часть дотации кафедры, а также основан семинар под руководством Окунева. И тем не менее это все носит провизорный характер, поскольку соотношение представителя отделения к факультету характеризуется только тем, что ему разрешено читать лекции без каких-либо дальнейших обязательств как с его стороны, так и со стороны слушателей. В интересах византиноведческого отделения было бы это соотношение изменить и упрочить»¹⁰⁵. Кроме увеличения лекционной нагрузки Окунева добавилось также ведение семинара.

Двадцатого июля 1948 г. Окунев был возведен в ранг ординарного профессора Карлова университета и возглавил отделение византийского и восточнославянского искусства кафедры истории искусства на философском факультете. Учебный год 1948/49 стал последним годом работы Окунева в университете. Уже в феврале 1949 г. в связи с болезнью профессора Окунева количество лекций было сокращено.

Ученый прочитал за время преподавания в университете более 25 редких и даже уникальных в системе европейского образования курсов. К ним принадлежали «Русская архитектура», «Древнерусское искусство», «Русское современное искусство», а также «Византийская живопись», «Византийская архитектура», «Византийская скульптура», «Сербская средневековая архитектура», «Сербская средневековая живопись», «Болгарское средневековое искусство», «Искусство мусульманских народов», «Иконография восточнохристианского искусства».

Пражскими учениками Н.Л. Окунева можно назвать Н.М. Беляева (1899–1930), рано ушедшего из жизни и Йозефа Мысливца (1907–1971)¹⁰⁶, талантливого искусствоведа, творческая деятельность которого по политическим причинам была очень ограничен-

ной. И. Джорджевич говорит об Окуневе как о научном руководителе известного сербского искусствоведа Светозара Радойчича, написавшего и защитившего в Праге под руководством русского ученого диссертацию.

Работа в Славянском институте. *Byzantinoslavica*

Второй организацией, давшей Н.Л. Окуневу простор для научной деятельности и возможности творческой самореализации, явился Славянский институт в Праге¹⁰⁷. Закон, учреждающий институт был издан 25 января 1922 г. «Инициатива основания Славянского института принадлежала президенту Чехословацкой республики Т.Г. Масарику, интересующемуся проблематикой славянского мира и, особенно, России, знающего это государство не только по научным трудам, но и по личному опыту»¹⁰⁸. Вновь возникший научный центр славистики, однако, по различным административным и организационным причинам, смог начать свою работу только лишь в 1928 г. «Ко времени образования института в Чехословакии уже завершила свое действие программа «Русская акция помощи» и успели отхлынуть в страны Западной Европы первые волны эмигрантов, сделавших остановку в Праге, оставшиеся в Чехословакии приспособивались к сложившимся более жестким условиям. Славянский институт открывал новые возможности применения своих сил для представителей науки и культуры эмиграции в Чехословацкой республике, и более всего это касалось работавших в гуманитарных областях знаний»¹⁰⁹.

Около 40 русских эмигрантов носили почетное звание членов Славянского института в Праге. Система членства в институте была непростой. Согласно исследованию Л. Белошевой¹¹⁰, действительным членом его мог быть лишь гражданин Чехословакии. Эмигранты, в подавляющем большинстве имевшие Нансеновские паспорта, были лицами без гражданства, а посему после избрания становились экстраординарными членами. Ученые, жившие вне пределов государства, числились иностранными членами. После получения гражданства эмигранты переходили в статус действительных или ординарных членов.

Среди членов института мы встретим целую плеяду известных представителей Русского Зарубежья – литературоведов, историков, философов, музыковедов, экономистов, теологов. Для примера приведем лишь несколько имен: В.А. Францев, А.Л. Бем, Г.В. Вернадский, С.И. Гессен, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, П.Н. Милуков, М.М. Новиков, С.Н. Прокопович, Е.В. Спекторский, П.Б. Струве. Н.Л. Окунев стал экстраординар-

ным членом Славянского института в 1929 г., в 1936 г., после получения чехословацкого гражданства, переведен в ординарные члены. Сфера применения сил ученого на поле деятельности Славянского института была широкой, он занимался научным, издательским трудом, а также коллекционированием.

Идея включить в научную программу Славянского института исследования в области византийского мира и византийско-славянских отношений, поданная Т.Г. Масариком, привела к организации византиноведческой комиссии, председателем которой стал Я. Бидло¹¹⁰, профессор восточнославянской и византийской истории Карлова университета¹¹¹. Главной целью византиноведческой комиссии стало ежегодное издание сборника «Byzantinoslavica»¹¹², решение о возникновении нового периодического органа было принято в апреле 1928 г.

В редакционный совет входили члены комиссии – Я. Бидло, профессор церковной истории Ф Дворник¹¹³, профессор южнославянских языков и литератур М. Мурко¹¹⁴, специалист по истории славянского права Т. Сатурник¹¹⁵, из русских ученых-эмигрантов – профессор, археолог, директор Семинария им. Н.П. Кондакова А.П. Калитинский¹¹⁶ и профессор Н.Л. Окунев. Ответственным редактором журнала стал профессор М. Вейнгарт¹¹⁷.

Журнал «Byzantinoslavica», в связи с закрытием «Византийского временника»¹¹⁹, вступил в европейскую византинистику в качестве периодического издания, представляющего исследование славянских ученых в данной области. В предисловии первого номера редакционный совет поставил целью целенаправленное изучение византийско-славянских отношений, исследуемых всесторонне, т.е. в областях церковной и политической истории, в литературе и языке, в истории права, истории искусства и в этнографии. Основатели сборника обратились во все крупные центры византистики с приглашением к сотрудничеству, при этом особенный интерес к славянским ученым проявился уже в том, что на страницах первого номера редакция заявила, что в сборнике будут публиковаться статьи, рецензии, сообщения на всех славянских языках, которые будут сопровождаться кратким резюме по-немецки и по-французски.

«Обращение к традициям “Византийского временника” в первом номере журнала “Byzantinoslavica” символически выражалось в том, что там была опубликована большая статья главного редактора М. Вейнгарта¹¹⁹, посвященная жизни и научному труду последнего редактора «Византийского временника» Федора Ивановича Успенского, умершего незадолго до того и являвшегося, кроме всего прочего, заграничным членом Чешской академии наук и искусств. Статья М. Вейнгарта была, в сущности, расширенным вариантом

речи, произнесенной ученым на собрании, посвященном памяти Успенского в Славянском семинаре Карлова университета, на котором выступили также А.П. Калитинский, Н.Л. Окунев и Г.А. Острогорский»¹²⁰. Речь Н.Л. Окунева была напечатана в чешском искусствоведческом периодическом издании¹²¹.

Помимо работы в качестве редактора журнала, Н.Л. Окунев регулярно публиковал в нем свои исследования, сопровождаемые иллюстрациями, а также рецензии и сообщения.

Продолжение научной деятельности по изучению сербского искусства 1928–1932. Публикация фресок

Обозначенный период был очень плодотворным для ученого. Используя свою базу данных и расширяя ее далее, он продолжал работу по изучению ансамбля стенописей Нерези и византийского искусства XII в., выпустил большое количество научных трудов, посвященных отдельным памятникам Сербии и Македонии.

Одной из задач ученого во второй половине 1920-х годов была публикация сербских и македонских памятников, бывших в то время все еще фактически неизвестными в научном мире. Небольшая часть росписей этого региона была издана в дореволюционных трудах Н.П. Кондакова, П.Н. Милюкова, П.П. Покрышкина, фотографиями были снабжены, кроме перечисленных исследований русских ученых, книги Г. Милле, В. Петковича. В течение 1928–1932 гг. Н.Л. Окуневу удалось издать четыре папки с качественными фотографиями настенных росписей Сербии и Македонии в количестве 48 ед. под названием «Monumenta Artis Serbica». На средства спонсора И. Стерна из Загреба в 1928 г. вышла первая часть издания. Окунев предполагал, что подобные папки с фотографическими снимками формата писчебумажного листа, напечатанными на картоне в количестве 12 штук будут выходить каждые полгода в течение четырех лет. Планам удалось осуществиться лишь частично, тираж первой части не раскупался и вопрос о выходе второй в том же издательстве уже не стоял. Н.Л. Окунев в 1929 г. на собрании Славянского института в Праге выступил с предложением о продолжении издания, на что было получено принципиальное согласие чешских коллег. После завершения сложной процедуры выкупа прав, в Праге в 1930–1932 гг. вышла вторая, потом третья и четвертая части задуманной публикации памятников. Остальным четырем папкам, подготовленным Окуневым, к сожалению, не суждено было увидеть свет. Почти 50 фотографий представляют собой фрески наиболее известных соборов Сербии и Македонии – храмов в Милешево, Со-

почанах, Студенице, Печи, Грачанице, Старо-Нагоричино, Дечанах, Манасии, Калениче, Раванице и др. Благодаря тому что Окуневу удалось составить широкое представление о сербском монументальном искусстве на основе собранного в Югославии еще в начале 1920-х годов материала, ученый мог продолжать рассматривать уже частично разработанные им основополагающие вопросы, подобные проблеме генезиса сербской архитектуры и искусства, влияний армянского зодчества, византийской культурной среды и итальянского ренессанса и др. Так в предисловии к «Monumenta Artis Serbica» Окунев предложил последовательную концепцию стилового развития сербского искусства XIII–XIV и начала XV столетий.

В 1929 и 1930 гг., параллельно с изданием «Monumenta Artis Serbica», вышло около десяти статей Окунева, посвященных зодчеству и фрескам Старо-Нагоричино, Сопочан, Нового Пазара, Матейча, Леснова, Охрида. Необходимо отметить и еще одно, до сей поры совершенно неизвестное, открытие Окунева. В 1928 г. им была опубликована работа, посвященная архитектуре и настенной живописи монастыря Давидовица (конец XIII столетия), расположенного в Сербии на р. Лим и уже в конце 1920-х годов находящегося в очень плохом состоянии сохранности¹²². Исследование ученого, введившее уникальный 3-купольный памятник в научный оборот, в силу малодоступности оказалось незнакомо последующим исследователям и не было учтено при дальнейших изучениях как архитектуры церкви, так и ее росписи. В издании «Monumenta Artis Serbica» ученый заявил о подготовке монографии, посвященной сербской монументальной живописи XIII в¹²³.

Архив и галерея славянского искусства

Н.Л. Окунев проявлял интерес к современному ему искусству, как упоминалось выше, еще в годы преподавания в Новороссийском университете. Находясь в эмиграции, он тяжело переживал, что в своем послереволюционном витке развития Россия лишается грандиозной части национальной культуры, которая в виде полотен, рисунков, скульптур и документов стремительно и безконтрольно передвигается из страны в страну, меняя хозяев, оседая в руках случайных владельцев, отрываясь от почвы и теряя свою принадлежность к ней. Окунев констатировал тот факт, что безвозвратно уходит в область преданий драгоценная информация, а без нее не на чем будет в будущем воссоздавать оборвавшуюся в 1917 г. историю культуры. Спасение произведений русских художников-эмигрантов, разбросанных по всему миру, стало реальной для искусствоведа задачей в Праге, где в рамках деятельности Славянского института

возникли относительно благоприятные для этого начинания условия. Окуневу удалось убедить чешских коллег, принявших все аргументы и поддержавших идею основать при Славянском институте Архив славянского искусства.

Архив славянского искусства¹²⁴ возник в 1932 г. Нужно подчеркнуть, что Окунев занялся организаторской, собирательской, популяризаторской и научной работой в области русского изобразительного искусства XX столетия в ущерб главному предмету своей научной деятельности. Большое количество времени, вложенное им в развитие и обработку новой коллекции сказалось на исследованиях в области сербского искусства, в промежутке времени между 1931 и 1936 гг. ученый не опубликовал ни одной статьи.

Первым шагом после выполнения многочисленных формальностей по организации данного подразделения, управляемого выбираемой комиссией, было письменное обращение к мастерам искусств, выходцам из России, с сообщением о существовании нового собрания; они активно поддержали инициативу русского искусствоведа путем передачи институту своих работ. Кроме этого посылали в Прагу и заполненные анкеты с развернутыми данными о себе и о коллегах. Так начала возникать информационная база, которую Н.Л. Окунев надеялся в будущем использовать для составления Словаря русских художников. Первыми произведениями, прибывшими в столицу ЧСР, стали картины А.Н. Бенуа и В.Н. Ландшевской, цикл гуашей Н.С. Гончаровой под названием «Литургия», насчитывавший по одним данным 14, по другим 16 листов¹²⁵, большое полотно живописца, реставратора, бывшего хранителя голландского искусства Эрмитажа, Осипа Эммануиловича Бразда (1873–1936) «Мост в Новгороде».

В конце 1933 г. в коллекции насчитывалось около 30 произведений. Переломным этапом в формировании пражского собрания стала организованная Н.Л. Окуневым «Большая историческая выставка русского искусства XVIII–XX столетий»¹²⁶ – одна из самых значительных в истории эмиграции в период между Первой и Второй мировыми войнами вообще. Она состоялась весной 1935 г. во дворце Клам-Галласов в Праге. Ученому удалось собрать в столице ЧСР свыше 450 произведений из чешских и европейских коллекций, принадлежавших как известным художникам XVIII, XIX, XX вв., так и малоизвестным тогда молодым мастерам, получившим художественное образование уже за рубежом. Открытие выставки было торжественным, на нем присутствовало свыше 300 человек, в Прагу приехали из Парижа и выступили с публичными лекциями А.Н. Бенуа, К.А. Терешкович и О. Цадкин. Плакат безвозмездно выполнила Н.С. Гончарова, тоже приглашенная, но не прибывшая в

Прагу. Ее имя на выставке было представлено четырьмя полотнами, среди них – две картины из знаменитой серии «Испанки»: «Испанки. Весна» (х., масло), созданная в 1920 г., и «Испанки с собакой» (х., масло), 1922 г. После закрытия выставки, работавшей в течение трех месяцев и принявшей свыше 6 тыс. посетителей, коллекция галереи пополнилась целым рядом картин.

Так к крупным поступлениям принадлежали две работы Константина Андреевича Терешковича (1902–1978), приобретенные Славянским институтом¹²⁷. «Я получил сегодня перевод из Праги от Славянского института за мои две картины. Я очень благодарен, и надеюсь, что Музей Славянского искусства понемногу расширяется и благодаря Вашей и профессора а Окунева энергии займет то видное положение, которое ему, конечно, полагается. Моя супруга и я мы всегда вспоминаем теплый прием, который Вы нам оказали во время нашего приезда в Прагу. Желаю Вам здоровья и бодрости и еще раз благодарю Вас»¹²⁸, – писал Терешкович 7 января 1937 г. профессору М. Мурко.

К выдающимся мастерам русского зарубежья принадлежит имя скульптора по образованию, художника и иконописца Дмитрия Семеновича Стеллецкого (1875–1947). В историю искусства эмиграции он вошел как автор, оставшийся на протяжении всей своей жизни верным русской, а точнее, древнерусской культуре. Еще в 1900-х годах он начал заниматься стилизацией форм иконописи и миниатюры, посещал с целью изучения национального наследия старинные русские города и монастыри. В пражском собрании находилось несколько произведений Стеллецкого как скульптур, так листов, выполненных им в любимой технике темперы, среди них на временном хранении было десять листов серии «Слово о полку Игореве», которую Стеллецкий завершил в 1928 (считается утерянной)¹²⁹. Наиболее известен ее первый вариант (1900–1906), по рекомендации В.А. Серова приобретенный Третьяковской галереей. Цикл, созданный в эмиграции, в 1928 г. экспонировался на выставке русского искусства во Дворце Искусства в Брюсселе, в 1930 г. находился в вилле автора на побережье Средиземного моря, недалеко от Канн, позднее длительное время хранился в стенах Славянского института, в годы Второй мировой войны большая часть серии попала в частные руки, две работы остались в Чехии¹³⁰.

Имя Леопольда Сюрважа (1879–1968), ученика К.А. Коровина и Л.О. Пастернака, проживавшего во Франции с 1909 г. и посещавшего там академии А. Матисса и Ф. Коларосси, также пополнило собрание Славянского института. В настоящее время две работы этого представителя кубизма с абстрактными названиями – «Пейзаж» (х.,

масло), 1930 г., и «Живопись» (х., масло), 1928 г., украшают стены Национальной галереи ЧР.

Архив и галерея славянского искусства при Славянском институте в Праге – уникальная попытка создать музей, где должны были быть по идее инициатора представлены разновременные вещи всевозможных направлений. Подчеркнем, что в планы Окунева не входило возвращение собрания на Родину, как это программировалось у иных подобных инициатив (с умыслом будущего перемещения в Россию, например, основывался Русский культурно-исторический музей в Праге). При организации Архива и галереи целью стали сохранение произведений и научная обработка материала.

Данная акция – реализованная идея Н.Л. Окунева разобраться в современной ученому русской живописи, в существующих школах, движениях, развивающихся на Западе. Ему удалось на протяжении многих лет находиться в контакте с русским художественным миром, он провел большую работу как научного, так и популяризаторского толка. К пропагандированию русского современного искусства можно отнести многочисленные лекции, статьи в газетах, журналах и энциклопедиях. Курс современного русского искусства, прочитанный Окуневым в Карловом университете, внес существенный вклад в изучение русского искусства в ЧСР. Задуманный Словарь русских художников Окунев, к сожалению, издать не успел. Основной материал к нему в виде картотеки репродукций русских мастеров изобразительного искусства интенсивно обрабатывался ученым и его учениками в рамках деятельности в Славянской библиотеке в годы Второй мировой войны. На сегодняшний день, местонахождение 12 тыс. биографий, подготовленных искусствоведом, пока неизвестно.

Строительство Храма-Памятника в Брюсселе

Н.Л. Окунев принимал деятельное участие в крупном начинании русского эмигрантского мира – строительстве в Брюсселе храма «Во имя Святого и Праведного Иова Многострадального, в память Царя-Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой власти в смуте убиенных»¹³¹. Решение построить этот храм возникло в 1928 г. на заседании приходского совета брюссельской домашней церкви Воскресения Христова. Строительный комитет возглавил настоятель церкви о. Василий (Виноградов), его работа проходила под почетным председательством и покровительством Патриархов Сербских Димитрия и Варнавы, а также членов Российского Императорского Дома – великой княгини Ксении Александровны и великой княгини Елены Владимировны и Первоиерарха Русской православной церкви за рубежом митрополита Антония (Храповиц-

кого). Для подготовки проекта в 1931 г. была создана Художественно-техническая комиссия под председательством И.Я. Билибина, в состав которой, кроме Окунева, входили Н.П. Краснов, П.П. Муратов. Н.Л. Окунев приезжал в Брюссель осматривать отведенный под церковь участок, присутствовал на заседаниях комиссии.

Согласно документальной хронике, в основу проекта (автор Н.И. Исцеленнов) легла предложенная Н.Л. Окуневым идея «...о воспроизведении одного из двух приделов Храма Спаса Преображения в подмосковном селе Острове Подольского уезда, сооруженного в начале XVI в.»¹³². Обоснованием явилось то, что «Тип храма, который представлен в Островском приделе, удобен тем, что купол в нем опирается не на столбы, а на ступенчатые арки и это, оставляя все внутреннее пространство свободным, делает храм более вместительным»¹³³. Окунев считал также, что «Островский придел соединяет в себе архитектурные формы псковского происхождения с особенностями раннемосковской архитектуры, а потому не имеет характера местного или провинциального, но относится уже к архитектуре общерусской Московского государства XVI в., что будет иметь символическое значение при постройке нового храма»¹³⁴. Подумал ученый и о том, как вольются инородные формы в существующий городской пейзаж, для этого ему и было необходимо знакомство с местностью. По мнению Окунева и остальных членов комиссии, «четкие, но простые архитектурные детали такого типа храма не будут вызывать неприятного контраста с окружающей современной архитектурой новой части города, где он будет строиться»¹³⁵.

В 1936 г. состоялась закладка храма, строительство было завершено в 1950 г. В связи с этой соборной инициативой русского эмигрантского сообщества мы можем говорить и о начале формирования иконографии изображений Николая II и членов его семьи, в чем тоже был использован теоретический опыт Н.Л. Окунева, занимавшегося в области сербского и русского средневекового искусства изучением портретов королей-ктиторов¹³⁶.

Научная работа второй половины 1930-х годов

Середина 1930-х годов явилась своеобразным водоразделом, четко показав изменение политической атмосферы в Чехословакии, признавшей в 1935 г. *de jure* Советский Союз. После проведения выставки русского искусства, ученый продолжал работу над комплектованием и расширением собрания, средства на которое уже фактически не выделялись.

Первого марта 1935 г. он был повышен в статусе – переведен из категории «гостевой профессор» на должность профессора Карло-

ва университета. В зимнем семестре он читал курсы «Русской архитектуры» и «Сербского средневекового искусства», вел семинар на тему «Анализ художественных памятников, методология».

Во второй половине 1930-х годов на основе уже собранных сведений, а также опираясь на новые данные, почерпнутые в экспедициях (1937 г. – Югославия) и командировках, появляется и несколько крупных трудов в области главного предмета его научных интересов.

В 1936 г. в сборнике «Семинариум Кондаковианум» Н.Л. Окуневым была опубликована статья, посвященная архитектуре и живописному ансамблю церкви Святого Ахиллия в Арилье (XIII столетие)¹³⁷. Искусствоведу удалось познакомиться с ансамблем еще в 1922 г. Окунев был первым, кто детально исследовал архитектуру и росписи церкви и опубликовал фотографии собора, настенной живописи, а также планы церкви, схемы храмовой декорации. Благодаря подробной статье ученого комплекс уникальных фресок XIII столетия в 1936 г. вошел в научный оборот.

Готовясь на V Международный конгресс византинистов (Рим, 1935 г.), в журнале «Byzantinoslavica» Н.Л. Окунев писал о важности комплексного изучения древностей Константинополя¹⁴⁰, дублируя листовку, напечатанную и розданную им на IV конгрессе, проходившем в Софии в 1930 г. И листовка, и данное сообщение в органе периодической печати ставили целью создание международного комитета по осуществлению систематического исследования Константинополя. Окунев, знакомый с техникой раскопок городов, справедливо замечал: «Частная инициатива при таких обстоятельствах, ограниченная в своих возможностях, приводит к ведению дела “в разброд” и без той системы, которая в деле исследования города является одним из главных условий достижения безукоризненных результатов»¹³⁹.

К 1938 г. относится труд, представляющий читателю уникальный памятник сербского монументального искусства XIII в. – церковь Благовещенья в Милешево. Окунев первым в истории изучения сербской культуры провел, позднее подтвержденную, параллель между фресками Милешево, выполненными на желтых фонах, имитирующих золото, и византийскими мозаиками. Окунев, размышляя об изысканности, тонкости и возвышенности стиля живописи, не находил в сербском искусстве ничего равного Милешево. Правильность его слов подтверждается сегодня мнением в. Джурича, утверждающего, что ансамбль стенописи в Милешево не имел отклика, отголоска в монументальном искусстве Сербии, поскольку мастерами были греки, пришедшие из мозаичных мастерских Константинополя, Никеи, или Салоник¹⁴⁰.

В конце 1930-х годов Н.Л. Окунев вернулся к армянскому и грузинскому искусству – в статье, написанной в 1938 г., опубликованной в пражской газете «Русский зодчий за рубежом». В ней ученый говорил об особенностях перечисленных и иных церквей, существенно дополняя основополагающее на тот момент исследование Й. Стржиговского «Архитектура армян и Европа»¹⁴¹. Окунев подчеркнул важность изучения построек этого региона, давшего миру разнообразие форм и богатство вариантов, нашедших отражение в архитектуре Византии, Древней Руси, Болгарии, Румынии. Сельджукские памятники Окунев называл детищем армянского зодчества, он видел «поразительное сходство» храмов Армении с романскими сооружениями Запада. В данной статье, наконец, нашли своего зрителя и некоторые уникальные фотографии, сделанные в экспедиции в 1917 г.

Окунев, будучи членом византиноведческой комиссии Славянского института и редактором журнала «Byzantinoslavica», участвовал в работе редакции, публикуя, кроме научных статей, рецензии и информационные сообщения. Он продолжил во второй половине 1930-х годов лекционную деятельность, труд в области популяризации науки и искусства, что отразилось в периодической печати, а также в составлении и написании целого ряда статей как для чехословацких, так и иностранных энциклопедических словарей.

Жизнь и деятельность конца 1930-х и в 1940-х гг.

Политическая ситуация конца 1930-х годов в Чехословакии была сложной как для граждан этой страны, так и для эмигрантов, живущих на ее территории. Мюнхенский договор, подписанный в конце сентября 1938 г. завершил демократический период так называемой первой республики. Протекторат «заморозил» деятельность и чешских, и эмигрантских, русских научных и учебных организаций и заведений. Так, Карлов университет и Славянский институт прекратили свою работу.

Военные годы Н.Л. Окунев провел в Праге, работая сотрудником Славянской библиотеки, где хранилось проданное им Чехословакии его собственное книжное собрание, привезенное в Прагу из Константинополя. Он занимался конкретным делом – составлением каталога репродукций русских мастеров искусств¹⁴². Очевидно, что этот каталог являлся определенной ступенью в упомянутой выше подготовке словаря русских художников, создаваемого на протяжении ряда лет. Согласно документам архива¹⁴³, Окуневу в обработке материалов помогали его ученики. Одним из них, очевидно, был студент в. Фиала, использовавший после смерти Окунева этот каталог для написания своей докторской диссертации.

Окунев в годы Второй мировой войны, как и его коллеги, почти не публиковался, занимаясь научным трудом благодаря собранному ранее материалу. К вышедшему в этот период относится книга профессора А. Матейчека «История искусства»¹⁴⁴, в которой главы, посвященные поздневизантийскому искусству, средневековому искусству, искусству восточных и южных славян и современному русскому искусству, были написаны Н.Л. Окуневым.

К 1938–1939 гг. относится конфликт Археологического института им.Н.П. Кондакова и Славянского института, который касался переезда Кондаковского института с его ценными собраниями и библиотекой в Югославию¹⁴⁵. Славянский институт выступил противником вывоза имущества Кондаковского института за границу. В итоге большая часть собраний и книг остались в Праге. Имя Н.Л. Окунева ни прямо ни косвенно не фигурировало в корреспонденции институтов. Возобновление диалога между Министерством образования и народного просвещения ЧСР, Славянским институтом и Кондаковским институтом относится уже к 1945 г. В связи с арестом в мае 1945 г. исполняющего обязанности председателя Археологического института им. Н.П. Кондакова Н.Е. Андреева первым шагом Министерства образования было закрепление ответственного за библиотекой АИНПК лица. 2 октября 1945 г. в Карлов университет пришло сообщение о том, что, согласно решению министра профессора З. Нейедлы, хранителем библиотеки и коллекций Кондаковского института был назначен сотрудник Славянского института Н.Л. Окунев¹⁴⁶.

В начале войны в жизни Н.Л. Окунева произошла глубокая личная трагедия. Погибла старшая дочь ученого, 28-летняя Ирина Николаевна Окунева-Расовская, незадолго до смерти вышедшая замуж за сотрудника Кондаковского института Дмитрия Александровича Расовского¹⁴⁷ и переехавшая с мужем во вновь открывшееся отделение института в Белград. Ирина, единственная из трех детей, согласно материальным возможностям и совместному решению семьи, пошла по стопам отца, получив искусствоведческое образование в Карловом университете и пройдя годовую стажировку в Болгарии, занималась византийским и древнерусским искусством. 6 апреля 1941 г., во время налета немецкой авиации на Белград, здание института было разбито, вместе с И.Н. Окуновой был убит и Д.А. Расовский¹⁴⁸. Это несчастье сильно подорвало здоровье Н.Л. Окунева.

Славянский институт после окончания войны возобновил свою деятельность, в 1946 г. вышел очередной номер журнала «Byzantinoslavica», который содержал статьи и материалы 1939–1946 гг. Накануне войны, в 1937 г., Окуневу удалось посетить труднодоступ-

ный, расположенный в ущелье, на границе Сербии и Черногории, средневековый монастырь Морача. Свою статью об архитектуре и ансамблях настенной росписи двух храмов обители, написанную в военное время, Окунев посвятил памяти преждевременно ушедшей из жизни дочери. Некролог Д.В. Айналову, умершему в 1939 г., написанный Окуневым и содержащий теплые слова и воспоминания о студенческих петербургских годах, проведенных под руководством и опекой учителя, открывал пространный отдел некрологов. Чешский ученый Й. Мысливец, ученик Н.Л. Окунева, поместил здесь же некрологи И.Н. Окуновой и Д.А. Расовского.

Летом 1946 г. Окунев совершил 2-месячную командировку во Францию с целью работы в библиотеках. В Париже ему удалось встретиться с А. Грабаром¹⁴⁹.

После окончания войны была обновлена деятельность Карлова университета, где Н.Л. Окунев продолжил свою работу. Он трудился также над составлением каталога русских художников в Славянской библиотеке. 20 июля 1948 г. он был удостоен звания ординарного профессора университета. В начале 1949 г. здоровье Н.Л. Окунева ухудшилось, он подал заявление в профессорско-преподавательский совет факультета с просьбой о снижении в летнем семестре нагрузки и отказался от цикла лекций, посвященных истории мусульманского искусства¹⁵⁰. Но сокращение количества учебных часов не помогло поправить здоровье: 22 марта 1949 г., не дожив месяца до 64-х лет, от сердечного приступа Н.Л. Окунев скончался. 25 марта на пражском кладбище (Бубенеч) с ним прощались семья, профессура Карлова университета, коллеги из Славянского института, ученики, друзья и знакомые.

¹ О жизни и деятельности ученого см.: *Вздорнов Г.И.* Материалы для биографии Н.Л. Окунева. In: *Зборник за likovne umetnosti*. Нови Сад, 1976. № 12. С. 309–318; *Джорджевич И.М.* Вклад Н.Л. Окунева в сербскую историю искусства // *Руска емиграција у српској култури XX века*. Зборник радова. Београд, 1994. Т. 1. С. 213–219; *Янчаркова Ю.* Н.Л. Окунев. Архив и галерея славянского искусства // *Сборник конференции «Русские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии»*. М., 2008. С. 140–147; *Она же*. Коллекция профессора Окунева. Как в межвоенной Праге сохраняли русскую живопись // *Родина*. 2006. № 4. С. 93–95; *Jančárková J.* Nikolaj Okunev und die «Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.-20. Jh.)» in Prag // *Adelbert Davids, Fedor B. Poljakov (eds.) m. The Russian Diaspora in Europe: Religious and Cultural Relations*. Bern, Peter Lang Verlag.; Некрологи: *Myslivec J.* Nikolaj Lvovič Okunev. 5.V.1886–22.III.1949. In: *Byzantinoslavica*. 1949. R.X. Č. 2. S. 205–218; *Радојчић С.* Николај Лвович Окуњев (5.V.1886–22.III.1949) // *Старинар*. Београд, 1951. II. С. 356.

Расширенные упоминания о деятельности Окунева: *Вздорнов Г.И.* Волоотово. М., 1989. С.25–32; *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. М., 2000. С. 23; *Пивоварова Н.В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде.

Иконографическая программа росписи. СПб., 2002. С. 10, 11; *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 2004. С. 653–654; *Бондарева Е.А.* Сотрудничество Пражского и Белградского русских научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005. С. 125–134; Необходимо отметить, что в труде сербского ученого М. Йовановича (Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005) упоминания об Окуневе отсутствуют.

² 24 января 1722 года Петр I утвердил Закон о порядке государственной службы в Российской империи («Табель о рангах»), введший новую классификацию служащего люда. Все должности выстроены по табели в три параллельных ряда: воинский, статский (гражданский) и придворный, с разделением каждого на 14 рангов, или классов. Действительный статский советник – гражданский чин 4-го класса, соответствовал должности директора департамента, губернатора и градоначальника, давал право на потомственное дворянство. Титуловался «Ваше превосходительство». Для производства в чин Действительного статского советника был установлен срок службы в 10 лет со времени получения предыдущего чина. Чин упразднен декретом Советской власти 10(23) ноября 1917 г. об уничтожении сословий и чинов.

³ Род Окуневых был утвержден указом Сената дворянским и записан в Дворянскую родословную книгу Псковской губернии 5 октября 1846 г. за № 20649. Данные о происхождении, периоде учебы Окунева в гимназии и университете приводятся по материалам его студенческого дела. См.: ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 43536. Информация о родителях и родственниках приводится на основе архива семьи ученого (см. след. примеч.), а также личного дела Н.Л. Окунева. см.: NA ČR. F. PŘ 1941–1951. K. 8127. O 107/4.

⁴ В эмиграции, в выданном Н.Л. Окуневу нansenовском паспорте, год рождения ученого (1885) был по ошибке заменен на 1886, что фигурирует во всех дальнейших документах.

⁵ Частный архив семьи Н.Л. Окунева. Приношу глубокую благодарность внуку Н.Л. Окунева О. Покорны за возможность использовать материалы собрания. В 1909 г. Н.Л. Окунев будучи студентом 3 курса побывал во Пскове и посетил кладбищенскую церковь Святого Дмитрия (XVII в.). На этом кладбище и были захоронены перечисленные родственники как по отцовской, так и по материнской линии.

⁶ Эта сумма соответствовала годовому доходу, например, городского врача, или же чиновника VII гражданского чина.

⁷ Имя Анны Окуневой присутствует в выписке из метрической книги о родившихся за 1913 г. Она названа восприемницей (крестной матерью) старшей дочери Н.Л. Окунева Ирины, восприемником (крестным отцом) стал брат его жены – студент Императорской военно-медицинской академии Николай Петрович Патрик. NA ČR. F. PŘ 1931–1940. K. 9350. O 92/5. Согласно информации, полученной у О. Покорны, Анна жила под Москвой.

⁸ Имя, к сожалению, установить не удалось.

⁹ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939), историк искусства, специалист по раннехристианскому, византийскому, древнерусскому, итальянскому искусству, ученик Н.П. Кондакова, член-корреспондент Петербургской АН (1914), профессор Казанского и Петербургского (Ленинградского) университета, член и сотрудник многих научных организаций. К основной литературе о нем относится: *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой жи-

- вописи. XIX век. М., 1986. С. 267–273; *Мацулевич Л.А.* Памяти Д.В. Айналова: Роль византиноведения в деятельности Н.П. Кондакова и Д.В. Айналова. Публ. О.А. Белобровой // Советское искусствознание. 1986. № 21. С. 338–351; *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 1995. С. 259–312; *Кызласова И.Л.* История отечественной науки С. 24; Профессор Д.В. Айналов: публикация документов. Публ. Вал.А. Булкина // Искусство Древней Руси и его исследователи / Под ред. Вал.А. Булкина. СПб., 2002. С. 199–213 (публикация автобиографии Айналова 1930 г.).
- ¹⁰ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10587. Л. 28.
- ¹¹ Соответствовало годовому доходу, например, полицмейстера (начальник губернской полиции) Омска.
- ¹² О петербургской византиноведческой школе см.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2005.
- ¹³ Мясоедов Владимир Константинович (1885–1916), историк искусства, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, магистр (1915), хранитель Музея Древностей Петербургского университета, любимый ученик Д.В. Айналова. См.: Сохор Т.Е. Владимир Константинович Мясоедов: письма другу // Искусство Древней Руси и его исследователи / Под ред. Вал.А. Булкина. СПб., 2002. С. 222–251.
- ¹⁴ Сычев Николай Петрович (1883–1964), историк искусства, специалист по древнерусской живописи, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, магистр (1914), приват-доцент (1916), профессор (1917–1930), сотрудник и директор Русского музея, член и сотрудник многих научных организаций, преподаватель ряда вузов. К основной литературе о нем относятся: *Антипов И.В.* Эпизод из научно-исследовательской деятельности Н.П. Сычева // Искусство Древней Руси и его исследователи / Под ред. Вал.А. Булкина. СПб., 2002. С. 261–268; *Кызласова И.Л.* Н.П. Сычев (1883–1964). М., 2006.
- ¹⁵ Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959), историк искусства, доктор искусствоведения (1939), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1912), преподаватель ряда вузов, сотрудник ГРМ, ГЭ, профессор ЛГУ, член и сотрудник многих научных организаций. К основной литературе о нем относятся: *Кызласова И.Л.* Прощание с юностью // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В. Банк. СПб., 2004. С. 87–92; *Соленикова Е.В.* Л.А. Мацулевич: архив ученого // Мир русской византистики / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 2004. С. 436–457.
- ¹⁶ О творческом сообществе учеников Айналова см.: *Кызласова И.Л.* Прощание с юностью. С. 87–92. Копрус переписки Мацулевича, Сычева, Мясоедова и Окунева с Айналовым и между собой хранится в ПФА РАН в личном фонде Мацулевича. См.: ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 67, 110; Ф. 991. Оп. 3. Д. 47.
- ¹⁷ ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 160. Л. 6 об.
- ¹⁸ В наиболее обстоятельном труде о жизни и творческом пути Д.В. Айналова, принадлежащем А.Н. Анфертьевой, приводится список некрологов Айналову, среди них некролог, написанный Н.Л. Окуневым отсутствует. См.: *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив. С. 261.
- ¹⁹ *Окунев Н.Л.* Д.В. Айналов // *Byzantinoslavica*. 1939–1946. R. VIII. S. 323.
- ²⁰ *Окунев Н.Л.* Вновь открытая роспись церкви св. Федора Стратилата в Новгороде // Известия Археологической комиссии (далее – ИАК). СПб., 1911. 39. Г.И. Вздорнов говорит о рано сложившейся специфической манере Окунева излагать материал сжато, ясно, логично и доступно, что отчетливо видно уже на примере названной работы. См.: *Вздорнов Г.И.* Материалы для биографии Н.Л. Окунева. С. 312.

- ²¹ Материал по новгородской и псковской архитектуре был опубликован Окуневым позднее, в эмиграции в 1928 г. : Архитектура Пскова и некоторые ее особенности // *Travaux de Conference des historiens de l'Europe Orientale et du Monde Slave. Varsovie, 1928. S. 147–165.*
- ²² Имеется в виду Леонид Иоакимович Стальнов, купец, член Новгородского общества любителей древности. На его пожертвования производились реставрационные работы в церкви Федора Стратилата.
- ²³ Архив Иститута истории материальной культуры (далее – ИИМК). Ф. 3. Дело 302. Л. 48, 49.
- ²⁴ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, археолог, ординарный академик Петербургской АН (с 1900 г.) и других иностранных академий, действительный член многих научных обществ и организаций. О нем см., например: Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926; *Айналов Д.В.* Академик Н.П. Кондаков как историк искусства и методолог // *Seminarium Kondakovianum.* 1928. Р. II. С. 311–321; *Лазарев В.Н.* Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). М., 1925; *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М., 1985; *Тункина И.В.* Н. П. Кондаков: обзор личного фонда // *Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Отв. ред. И.П. Медведев.* СПб., 1995. С. 91–119; *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 гг. М., 2000; Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). Личность, научное наследие, архив. Сборник статей к 150-летию со дня рождения / Науч. рук. Е.Н. Петрова. СПб., 2001; *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // *Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Отв. ред. И.П. Медведев.* СПб., 2004. С. 641–765; *Мир Кондакова: публикации. Статьи. Каталог выставки / Сост. И. Л. Кызласова.* М., 2004.
- ²⁵ *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив. С. 276.
- ²⁶ *Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 10.*
- ²⁷ Марр Николай Яковлевич (1865–1934), русский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф, археолог, академик Императорской академии наук (1912). К основной литературе о Н.Я. Марре относится, например: *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. М.; Л., 1948; *Голубева О.Д.* Н.Я. Марр. СПб., 2002. О проектах Марра, в которых принимал участие Окунев подробнее см.: *Янчаркова Ю.* К истории взаимоотношений Н.Л. Окунева с Н.Я. Марром.
- ²⁸ *Окунев Н.Л.* Город Ани // *Старые годы.* Пг., 1912. С. 3–16.
- ²⁹ См.: письмо В.К. Мясоедова Л.А. Мацулевичу. Петербургский филиал архива РАН (далее ПФА РАН). Ф. 991. Оп. 3. Д. 138. Л. 247–248 об.
- ³⁰ Архив ИИМК. Ф. 3. Д. 346. Л. 23, 29.
- ³¹ Софья Оскаровна Патрик-Отт (1867–1939, Прага).
- ³² ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 142. Л. 15.
- ³³ ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 172. Л. 10.
- ³⁴ Смольный институт, основанный в 1864 г., имел две части – так называемые благородную и мещанскую половины. Последняя, где обучались девушки дворянского происхождения из менее обеспеченных семей, в 1848 г. была преобразована в Александровское училище.
- ³⁵ ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 172. Л. 12.
- ³⁶ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10587. Л. 56–57. По другим данным 5.6.1913. ПФА РАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 23. Л. 12.
- ³⁷ О деятельности РАИК см.: *Архимандрит Августин.* Русский Археологический институт в Константинополе (1894–1914) // *Богословские труды.* М., 1986. № 27. С. 266–293; *Патулидис К.* Русский Археологический Институт в Константино-

- нополе (1894–1914). Фессалоники, 1987; *Пятницкий Ю., Избалян К.* Русский Археологический Институт в Константинополе (к 90-летию со дня основания) // Палестинский Сборник. Л., 1987. № 29. С. 3–12; *Пятницкий Ю.А.* Русский Археологический Институт в Константинополе // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 28–31; Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.
- ³⁸ *Окунев Н.Л.* Крещальня Софийского собора в Киеве. Отдельный оттиск // Зап. Отд. русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества (далее – ЗОРСА ИРАО). Пг., 1915. Т. X.
- ³⁹ Окунева-Расовская Ирина Николаевна (1913–1941), окончила Карлов университет, искусствовед, специалист по древнерусскому и византийскому искусству, автор статей, посвященных иконам, литой пластике, иконографии святых. Жена историка, сотрудника Археологического института им.Н.П. Кондакова, Д.А. Расовского. Погибла при бомбардировке Белграда.
- ⁴⁰ Согласно уставу РАИК, научный секретарь должен был иметь ученую степень. Исключения были сделаны не только Н.Л. Окуневу, но и всем предыдущим секретарям.
- ⁴¹ ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 704. Л. 4.
- ⁴² Успенский Федор Иванович (1845–1928), историк-византист, славист, академик Петербургской АН (с 1900 г.), директор РАИК (1894–1914). В 1929 г. в чешском периодическом издании, ориентированном на искусствоведов и интересующихся, на чешском языке Н.Л. Окуневым был опубликован некролог Ф.И. Успенского, в котором автор подчеркнул все основные научные достижения этого крупнейшего русского ученого. Подробнее см.: *Okuněv N. Feodor Ivanovič Uspenskij // Ročenka pro pěstování dějin umění za rok 1928.* 1929. S. 80–83. Об Ф.И. Успенском см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе; *Басаргина Е.Ю.* Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 1995. С. 45–56.
- ⁴³ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 172. Л. 33 об. Письмо полностью опубликовано: *Янчаркова Ю.* К истории взаимоотношений Н.Л. Окунева с Н.Я. Марром.
- ⁴⁴ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), историк античности, археолог, действительный член РАН (с 1917 г.) и многих других иностранных академий, обществ. Он являлся одним из первых членов-сотрудников РАИК, оказавшим институту помощь при комплектовании библиотеки и обустройству. Подробнее об этом см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. С. 125. О М.И. Ростовцеве см.: Скифский роман. Под общей редакцией акад. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
- ⁴⁵ Смирнов Яков Иванович (1869–1918), историк искусства, византист, востоковед, археолог, сотрудник Эрмитажа, член-корреспондент РАН (с 1907 г.) Один из первых членов-сотрудников РАИК, участвовал в комплектовании коллекций РАИК. Подробнее об этом см.: *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. С. 126. О Я.И. Смирнове см.: *Климанов Л.Г. Я. И. Смирнов: из рукописного наследия // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 1999. С. 444–477.*
- ⁴⁶ Н.П. Кондаков написал Окуневу характеристику для представления в Академии наук с анализом его научной деятельности, приведенную в полном варианте Г.И. Вздорновым. См.: *Вздорнов Г.И.* Материалы для биографии Н.Л. Окунева. С. 314, 315.
- ⁴⁷ *Окунев Н.Л.* Храм св. Софии в Константинополе // Старые годы. Пг., 1915. С. 3–29.
- ⁴⁸ К ним относятся, например, статьи: Новый Энциклопедический Словарь. СПб., 1911–1916: Иконописание или иконопись. Т. 19. С. 173–177; Иконостас // Там

- же. С. 176–178; Древне-христианское искусство. Т. 16. С. 775–782; Грановитая палата. Т. 14. С. 732–733; Византийское искусство. Т. 10. С. 485–493.
- ⁴⁹ Окунева В.Н. (1915–1998), в замуж. Покорна, медицинская сестра.
- ⁵⁰ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10587. Л. 54.
- ⁵¹ Подробнее см.: Янчаркова Ю. К истории взаимоотношений Н.Л. Окунева с Н.Я. Марром.
- ⁵² Белобородов Андрей Яковлевич (1886–1965), фотограф, художник, архитектор, умер в эмиграции в Италии. О нем см.: *Пайман А.* Белобородов в Риме // Наше наследие. 2004. № 71. С. 152–156; *Shishkin A.* Andrei Beloborodov and Italy // Archivio russo-italiano. IV. A cura de Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2005. P. 369–384.
- ⁵³ Предварительный отчет приват-доцента Петроградского университета Н.Л. Окунева о командировке летом 1917 г. на Кавказский фронт для охраны памятников древности и культуры // Известия РАН. 1917. № 17. С. 1435–1438.
- ⁵⁴ Написание названий селений, в которых находились постройки в письмах в отчете, а позднее в статье, несколько отличны. Варианты приводятся в скобках.
- ⁵⁵ Хранятся архиве ИИМК.
- ⁵⁶ Имеется в виду Линниченко Иван Андреевич (1857–1926), историк, профессор русской истории Новороссийского университета, член-корреспондент ИАН.
- ⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 800. Р. 3. Д. 704. Л. 15–16 об. Полностью опубликовано: Янчаркова Ю. К истории взаимоотношений Н.Л. Окунева с Н.Я. Марром.
- ⁵⁸ Данных, подтверждающих этот факт, к сожалению, найти не удалось.
- ⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Кызласова И.Л.* Новое о раннем этапе научной деятельности А.Н. Грабара (1919–1924) // Древнерусское искусство. Византия. Древняя Русь. К 100-летию А.Н. Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С. 82–96.
- ⁶⁰ Опубликовано: *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 698.
- ⁶¹ Подробнее см.: Янчаркова Ю. Н.Л. Окунев. Архив и галерея славянского искусства; *Она же.* Коллекция профессора Окунева. С. 93–95; *Idem.* Nikolaj Okunev und die «Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.-20. Jh.) in Prag».
- ⁶² Опубликовано: *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 700. Примеч. 11.
- ⁶³ Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 10.
- ⁶⁴ Деникин Антон Иванович (1872–1947), выдающийся русский военачальник, герой русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант, один из главных руководителей Белого движения, главнокомандующий вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Сентябрь и первая половина октября 1919 г. были временем успеха для войск Деникина. С середины октября положение белых армий Юга заметно ухудшилось, зимой 1920 г. деникинские войска оставили Харьков, Киев, Донбасс, Ростов-на-Дону. 4 апреля 1920 г. Деникин эмигрировал в Англию.
- ⁶⁵ Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 10.
- ⁶⁶ Подробнее об этом см.: *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994.
- ⁶⁷ Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, образовалось в результате распада Австро-Венгрии в 1918 г., существовало до 1941 г. С 1929 г. носило название – Королевство Югославия.
- ⁶⁸ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах.
- ⁶⁹ Сведения о дате отъезда в эмиграцию и деятельности в Скопле приводятся по материалу личного дела. См.: NA ČR. F. PR 1941–1951. K. 8127. O 107/4.
- ⁷⁰ *Джорджевич И.М.* Вклад Н.Л. Окунева в сербскую историю искусства.
- ⁷¹ *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909.

- ⁷² Там же. С. 169.
- ⁷³ Там же. С. 170.
- ⁷⁴ О создании мавзолея, а также о данной экспедиции см. подробнее: *Јовановић М.* Оплепац. Топола, 1989.
- ⁷⁵ Опубликовано полностью см.: *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 711–713; часть письма опубликована: *Кызласова И.Л.* Новое о раннем этапе научной деятельности А.Н. Грабара (1919–1924). С. 94.
- ⁷⁶ *Окунев Н.Л.* Сербские средневековые стенописи // *Slavia*. 1923–1924. Р. II. С. 371–399.
- ⁷⁷ *Ibid.* S. 372.
- ⁷⁸ О К. Крамарже см.: *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006.
- ⁷⁹ О Т.Г. Масарике см.: *Souligou A.* Tomáš Garrigue Masaryk. Přelož. H. Beguivinová, L. Hořáček. Praha, 2004; Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика.
- ⁸⁰ Подробнее об этом см.: *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 28–38; *Chinyeva E.* Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // *Slovanský přehled*. 1993. Č 1. S 14–24; *Sládek Z., Beloševská L.* Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha, 1998; *Sládek Z.* Ruská emigrace v Československu // *Slovanský přehled*. 1993. № 1. S. 1–13; *Idem.* České prostředí a ruská emigrace (1918–1938) // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice. 1919–1939. Méně známe aspekty.* (Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике 1919–1939. Менее известные аспекты темы / Под ред. Л. Белошевой.) Praha, 1999. S. 7–46; *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha, 1999; Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика // По материалам Международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005.
- ⁸¹ *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 29.
- ⁸² *Серапионова Е.П.* Т.Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / Отв. ред. М. Г. Вандалковская. М., 2005. С. 61–69.
- ⁸³ Там же. С. 31.
- ⁸⁴ *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 31.
- ⁸⁵ *Серапионова Е.П.* Т.Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. С. 65.
- ⁸⁶ Там же. С. 65; *Savický I.* Osudová setkání.
- ⁸⁷ *Sládek Z., Beloševská L.* Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939).
- ⁸⁸ *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции». С. 35.
- ⁸⁹ Письмо опубликовано: *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 711–712.
- ⁹⁰ О Семинарии (позднее Археологическом институте) им. Н.П. Кондакова см.: *Hrochová V.* Les études byzantines en Tchécoslovaquie // *Balkan Studies*. 1972. 13. P. 301–311; *Skálová Z.* Das Prager Seminarium Kondakovianum, spater das Archaiologische Kondakov-Institut und sein Archiv (1925–1952) // *A Thousand*

- Year Heritage of Christian Art in Russia. Slavica Gandensia. Gent, 1991. 18. P. 21–43; *Hlaváčková H.* Ze sbírek bývalého Kondakovova institutu. Ikony, koptské textilie. Praha, 1995; *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institut // CSP – Revue Canadienne des Slavistes. 1974. P. 331–351; *Hrochová V.* Das Institut N.P. Kondakov und Ivan Dujčev // Studies on the Slavo-Byzantine and West-European Middle Ages. In memoriam Ivan Dujčev. 1988. Vol. I. P. 90–102; *Roháček J.* Nikodim Pavlovič Kondakov a jeho pražské dědictví // Dějiny a současnost. 1995. №17. S. 34–38; *Roháček J., Jančárková J.* Kondakovův ústav – vědecké pracoviště ruské emigrace v Praze a jeho dědictví // Exil v Praze a Československu 1918–1938. Katalog výstavy. Praha, 2005. S. 34–44; *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 32–44; *Аксенова Е.П.* Институт им. Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 63–74; *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария имени академика Н.П. Кондакова // Русская эмиграция в Европе. 20-е – 30-е годы. М., 1996. С. 3–34; *Росов В.А.* Неудавшееся почительство. К истории взаимоотношений Института Гималайских исследований «Урусвати» и Института им.Н.П. Кондакова в Праге // Ариаварта. 1996. Начальный выпуск. С. 153–198; Письма А.П. Калитинского в Семинарий им.Н.П. Кондакова / Публикация В.А. Росова // Ариаварта. 1997. № 1. С. 227–273; *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум. Хроника реорганизации в письмах 1929–1932. СПб., 1999; *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. М., 2000; *Беляев С.А.* Семинарий имени академика Н.П. Кондакова – неотъемлимая часть русской национальной культуры // Древняя Русь. М., 2000. Т. 1. С. 95–105; *Басаргина Е.Ю.* Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Семинариум Кондаковианум) // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 2004. С. 766–811; Мир Кондакова / Сост. И. Л. Кызласова. М., 2004; *Янчаркова Ю.* Прага–Белград–Прага. (Археологический институт им. Н.П. Кондакова в 1938–1941 гг.) // Prilozi za knizevnost, jezik, istoriju i folklor. Bělehrad. 2004. Kn. 70. 1–4. S. 269–280; *Она же.* Русская научная традиция в Праге. Борьба за самосохранение. Взаимоотношения Археологического института им. Н.П. Кондакова со Славянским институтом в Праге // Slavia. 2006. R. 75. S. 123–135; *Она же.* «Теперь же, уходя в небытие...» (Письма А.П. Калитинского (1880–1946) и М.Н. Германовой (1885–1940) сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова княгине Н. г. Яшвилль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю) // Rossica. 2007. С.158–198; *Она же.* Русская научная традиция в Праге. Борьба за самосохранение. Взаимоотношения Археологического института им. Н.П. Кондакова со Славянским институтом в Праге // Slavia. 2006. R. 75. S. 123–135.
- ⁹¹ Имеется в виду Яценко Е. Н. (1888 – после 1938). О ней см. также: *Кызласова И.Л.* История отечественной науки С. 27.
- ⁹² Письмо Н.Л. Окунева Д.В. Айналову // *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия). С. 711, 712.
- ⁹³ Беляев Николай Михайлович (1899–1930), искусствовед, византист, служил в Добровольческой армии, эмигрировал в 1920 г., в ЧСР с 1922 г., выпускник Карлова университета, доктор философии, и ученый секретарь Семинария им. Н.П. Кондакова. Трагически погиб в 1930 г. О нем см.: *Окунев Н.Л.* Н.М. Беляев // Ročenka Slovanského ústavu za rok 1930. 1931. Sv. III. S. 204–213.
- ⁹⁴ UDU AV ČR.F. KI. K. 19. L. 44.
- ⁹⁵ Archiv MZV ČR. Sekce 2. K. 2.
- ⁹⁶ Ibid. K. 52.

- ⁹⁷ Окунев Н.Л. Архитектура Пскова и некоторые ее особенности // Travaux de Conference des historiens de l' Europe Orientale et du Monde Slave. Varsovie, 1928. P. 147–165.
- ⁹⁸ Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. С. 174.
- ⁹⁹ Окунев Н. Манастир у селу Нерези. Јужни преглед // Скопле, 1927. Бр. 2. Год. II. С. 51.
- ¹⁰⁰ Окунев Н.Л. La decouverte des anciennes fresques du monastere de Nerez // Slavia. 1927–1928. R. VI. S. 603–609.
- ¹⁰¹ Окунев Н.Л. Алтарная преграда XII в Нерез // Seminarium Kondakovianum. 1929. R. III. S. 5–23.
- ¹⁰² Муратов П.П. Нерез // *Вздорнов Г.И., Залеская З.Е., Лелекова О.В.* Общество «Икона» в Париже. Москва–Париж, 2002. С. 109, 110.
- ¹⁰³ Бирнбаум Войтех (1877–1934), чешский историк искусства, экстраординарный (1921 г.) профессор Карлова университета, ординарный (1927 г.) проф., декан философского факультета, занимался проблемами древнехристианской, романской, готической архитектуры, методологией.
- ¹⁰⁴ Archiv UK. F. Seminář byzantského a východoslovanského umění. K. 46.
- ¹⁰⁵ Ibid. K. 546.
- ¹⁰⁶ Мысливец Йозеф (1907–1971), юрист, историк искусства, специалист в области византийского и южнославянского искусства. О нем см.: *Hlavačková H. Josef Myslivec (1907–1971)* // *Byzantinoslavica*. 1972. R. XXXIII. S. 256–264.
- ¹⁰⁷ Славянский институт начал свою работу в 1928 г. Подробнее об истории института см.: *Bečka J. Slovanský ústav v letech 1922–1963* // *Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti*. Praha, 2000. S. 19–38; *Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace* // Ibid. S. 85–88; *Вавржинек В.* Славянский институт в Праге вчера и сегодня // *История и историки*. 2006. *Историографический вестник*. М., 2007.
- ¹⁰⁸ *Белошевская Л.* Славянский институт и русские ученые-эмигранты // *История и историки*. 2007. *Историографический вестник*. М., 2007.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Бидло Ярослав (1868–1937), чешский историк, профессор (1905 г.) всеобщей истории, специалист в области истории Византии, Восточной Европы и Балканского полуострова, основатель этих дисциплин в чехословацкой науке. Подробнее см.: *Z dějin východní evropy a Slovanstva. Sborník věnovaný J. B. Praha, 1928; Weingart M. Jaroslav Bidlo* // *Byzantinoslavica*. 1937–1938. R. VII. S. 461, 462.
- ¹¹¹ *Havliková L. Česká byzantologie a Slovanský ústav* // *Slovanský ústav v Praze. 70 let činnosti*. S. 60–69.
- ¹¹² Подробнее см.: *Вавржинек В.* Участие русских византинистов и славистов в сборнике «Byzantinoslavica» в период между Первой и Второй мировой войной // *Сборник конференции «Русские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии»*. М., 2008. С. 90–95.
- ¹¹³ Дворник Франтишек (1893–1968), чешский историк, специалист в области церковной истории Византии, занимался вопросами миссии Кирилла и Мефодия в Великоморавском государстве. Подробнее см.: *Vavřínek V. František Dvorník* // *Byzantinoslavica*. 1968. R. XXIX. Č. 1. S. 265–280.
- ¹¹⁴ Мурко Матия (1861–1952), славист, председатель Славянского института в Праге (1932–1941). Подробнее см.: *Murko M. Izbrano delo*. Ljubljana, 1962.
- ¹¹⁵ Сатурник Теодор (1888–1949), правовед, профессор (1928), специалист в области византийского, славянского и средневропейского права. О нем см.: *Roučka B. Theodor Saturnik* // *Byzantinoslavica*. 1949. R. X. Č. 2. S. 322–324.
- ¹¹⁶ Калитинский Александр Петрович (1880–1946), археолог, выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета, Московского

- археологического института, профессор МАИ, эмигрировал как муж М.Н. Германовой, с группой МХАТ в 1920 г., в ЧСР с весны 1923 г., основатель и долговременный председатель Семинария им. Н.П. Кондакова. С 1931 г. жил в Париже. Подробнее см.: *Янчаркова Ю.* «Теперь же, уходя в небытие...». Там же библиография о нем.
- ¹¹⁷ Вейнгарт Милош (1890–1939), филолог, славист, специалист по церковнославянскому языку. Подробнее см.: *Kurz J.M. Weingard // Byzantinoslavica.* 1939–1946. R. VIII. S. I–VI.
- ¹¹⁸ В 1928 г. в СССР вышел последний номер «Византийского временника» – научного сборника, занимавшего с момента основания в 1894 г. заслуженное место в мировой византистике.
- ¹¹⁹ *Weingard M. Feodor Ivanovič Uspenskij a jeho význam v dějinách ruské byzantologie // Byzantinoslavica.* 1929. R. I. Č. 1. S. 165–181.
- ¹²⁰ *Вавржинец В.* Участие русских византистов и славистов в сборнике «Byzantinoslavica» в период между Первой и Второй мировой войной // Русские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии.
- ¹²¹ *Okuněv N. Feodor Ivanovič Uspenskij.*
- ¹²² *Okuněv N.H. Tříkupolový kostel z XIII. Století ve Starém Srbsku // Bidlův sborník.* Praha, 1928. S. 91–99.
- ¹²³ Труд не был издан, рукопись до настоящего времени не обнаружена.
- ¹²⁴ Об основании и работе Архива и галереи см.: *Běloševská L. Slovanský ústav a ruská emigrace; Mišková A. Slovanský ústav v ČSAV v letech 1952–1963 (od georganizace k likvidaci) // Slavia.* 1993. R. LXII. Seš. 2. S. 157–174; *Янчаркова Ю.* Коллекция профессора Окунева; *Она же.* Н.Л. Окунев. Архив и галерея славянского искусства; нами использованы материалы из Архива АН ЧР (Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 40. Složka 309).
- ¹²⁵ Местонахождение перечисленных произведений неизвестно.
- ¹²⁶ Подробнее см.: *Jančárková J. Nikolaj Okunev und die «Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.-20. Jh.)» in Prag.*
- ¹²⁷ Имеются в виду картины «Пейзаж» и «Нагюрморт». Собрание АН ЧР.
- ¹²⁸ Archiv AV ČR. F. SLÚ. K. 40, Složka. 310.
- ¹²⁹ Сегодня в собрании Галереи изобразительных искусств в Находе (ЧР) хранятся следующие работы: «Перед крепостью», «Автопортрет», два листа из серии «Слово о полку Игореве».
- ¹³⁰ Галерея изобразительного искусства в Находе.
- ¹³¹ Храм-памятник в Брюсселе. Документальная хроника / Сост. А.М. Хитров, О.Л. Соломина / Под ред. М.Н. Апраксиной. М., 2005.
- ¹³² Там же. С. 16.
- ¹³³ Там же. С. 94.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. С. 95.
- ¹³⁶ Ктитор, лицо, на средства которого построен или заново убран православный храм. В церковном искусстве распространено изображение ктиторов.
- ¹³⁷ *Окунев Н.Л. Арилье. Памятник сербского искусства XIII в. // Seminarium Kondakovianum.* 1936. R. VIII. S. 221–258.
- ¹³⁸ *Окунев Н.Л. Константинополь и вопрос об исследовании его древностей // Byzantinoslavica.* 1935–1936. R. VI. S. 343–345.
- ¹³⁹ Ibid. S. 344.
- ¹⁴⁰ *Ђурић В.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1974. С. 35.
- ¹⁴¹ *Strzygovski J. Die Baukunst der Armenier und Europa.* Wien, 1918.
- ¹⁴² Archiv Národní knihovny. Osobní spis N. Okuněva.
- ¹⁴³ Там же.

- ¹⁴⁴ *Matejček A.* Dějiny umění v obrysech. Praha, 1942: *Okuněv N.* Umění pozdně byzantské // *Ibid.* S. 244–260; Středověké umění východních a jižních slovanů // *Ibid.* S. 493–502, Ruské umění nové doby // *Ibid.* S. 503–518.
- ¹⁴⁵ Подробнее см.: *Янчаркова Ю.* Прага–Белград–Прага; *Она же.* Русская научная традиция в Праге. Борьба за самосохранение (Взаимоотношения Археологического института им. Н.П. Кондакова со Славянским институтом в Праге).
- ¹⁴⁶ Archiv UK. K. 46 (Okuněv).
- ¹⁴⁷ Расовский Дмитрий Александрович (1902–1941), историк, занимался проблемами кочевых народностей. В Праге с 1922 г., образование получил в Карловом университете, принимал участие в делах Семинария им. Н.П. Кондакова, преобразованного позднее в Археологический институт им. Н.П. Кондакова, фактически от самого начала его работы. После смерти одного из основателей Семинария Н.М. Беляева (1899–1930), стал ученым секретарем.
- ¹⁴⁸ Некрологи на безвременно умерших молодых ученых написал ученик Н.Л. Окунева Й. Мысливец см.: *Myšlivec J. Dimitrij A. Rasovskij* // *Vuxantinoslavica*. VIII. (1939–1946). S. 329–331; *Idem. Irina N. Rasovskaja-Okuneva* // *Idim.* S. 331, 332.
- ¹⁴⁹ Упоминание см.: *Кызласова И.Л.* Новое о раннем этапе научной деятельности А.Н. Грабара (1919–1924). С. 87, 94.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

В.В. Тихонов

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА*

Борис Иванович Сыромятников принадлежал к тому поколению историков, чей творческий путь пришелся на переломные для русской исторической науки годы.

Он родился 4 октября 1874 г. в семье земского врача. В 1895 г. Сыромятников поступил на юридический факультет Московского университета. Молодой человек попал в благоприятную научно-педагогическую атмосферу. Среди тех, кто учился одновременно с Сыромятниковым, были впоследствии известные ученые С.И. Викторский, М.Н. Гернет, Н.Н. Полянский. На факультете в то время преподавали такие блестящие специалисты в области права, как Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич и др. Несмотря на то что на юридическом факультете были собраны выдающиеся преподаватели и ученые, истинным своим учителем Сыромятников считал в.О. Ключевского.

Большинство преподавательского состава придерживалось либеральных взглядов, всячески стараясь привить подобное мировоззрение и своим студентам. Их идеи находили благодатную почву. Противоречия, пронизывавшие российское общество, и неспособность правительства их решить подталкивали учащуюся молодежь к оппозиционным настроениям, иногда более радикальным, нежели взгляды самой профессуры.

Не избежал подобных настроений и Сыромятников, уже тогда отличавшийся активной общественной позицией. В своей биографии, написанной в 1938 г., он упоминает о том, что принимал деятельное участие в студенческих сходках и был в 1899 г. на некоторое время выслан в Казань¹. Однако вскоре он вернулся в Москву, успешно окончил университет в 1900 г. и был оставлен для подготовки к магистерскому званию².

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Грант № 08-01-00225а.

После сдачи экзаменов, как было положено, он прочитал две пробные лекции: «Общественные классы в Древней Руси»³ и «Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств»⁴. Вскоре Сыромятникова пригласили в Московский университет на должность приват-доцента на кафедре государственного права специалистом по истории русского законодательства⁵.

Благодаря широко распространенной практике отправки наиболее перспективных молодых ученых на стажировку за границу, Сыромятников совершил в 1903–1905 гг. поездку в Европу, где обучался в Париже и Дижоне, а также посетил Берлин. Сохранился подробный отчет самого Сыромятникова о времени, проведенном во Франции⁶. Основной задачей историка было «изучение сравнительной истории права и истории французского права, существовала также специальная задача – изучение феодальных учреждений»⁷. Кроме этого большой интерес вызвала организация архивного дела во Франции, основные принципы которой Сыромятников предлагал применить и в России. Он даже ратовал за введение курса архивоведения для юристов, поскольку, по его мнению, это значительно повысит эффективность их работы как практикующих специалистов.

Во Франции Сыромятников познакомился с новейшими достижениями историко-правовой науки в Западной Европе и неоднократно встречался и вел беседы с известным историком средневекового права Э. Глассоном, который занимал пост декана факультета права Сорбонны. Кроме личных встреч с ведущими учеными Сыромятников значительное время посвятил работе в архивах и библиотеках. В архиве Сыромятникова сохранились многочисленные конспекты трудов немецких и французских историков, правоведов и философов⁸.

В это время формируются основные теоретико-методологические взгляды историка. Их стержнем стал критический позитивизм. Сыромятников считал, что исторические исследования можно вести лишь отталкиваясь от представлений об эволюционном характере развития общества, применении многофакторного подхода и сравнительно-исторического метода. В широком использовании сравнительного подхода историк видел выход для русской науки, которая, с его точки зрения, находилась в кризисе⁹. В трактовке всемирно-исторического процесса он утверждал непреложность законов эволюции для всего человечества. По его мнению, Россия развивалась по тем же законам, что и Европа, но с некоторым запозданием.

По возвращении из заграничной командировки Сыромятников продолжил работу в Московском университете. С 1906 г. он начал преподавать в Константиновском Межевом институте на кафедре истории русского права землевладения, где и проработал до 1922 г.,

получив должность экстраординарного профессора. В Межевом институте он читал курс по истории русского государственного права, изданный литографическим способом в 1909 г.¹⁰.

В 1907 г. Сыромятникова пригласили вести занятия на Высших женских юридических курсах¹¹. С 1908 г. историк начал преподавать в Московском коммерческом институте, где читал курс по истории русской торговли и русского торгового права¹².

Бурные события Первой русской революции не обошли стороной Сыромятникова: он принимал деятельное участие в общественной жизни страны, завел знакомства среди ученых и историков, творческой интеллигенции. Его друзьями были М.О. Гершензон, в.Ф. Ходасевич и др.¹³

С 1905 г. Сыромятникова активно сотрудничал в газете «Русское слово», издававшейся товариществом И.Д. Сытина и сочувствовавшей партии конституционных демократов. Его статьи появлялись в других кадетских изданиях: «Век», «Столичная молва», а также в ряде провинциальных печатных органах. С 1906 г. Сыромятников неоднократно печатался в газете Рябушинских «Утро России», посещал «экономические беседы» в их доме¹⁴.

В 1905 г. Сыромятников участвовал в создании Академического союза – объединения либерально настроенных преподавателей высших учебных заведений. Летом того же года на совместном съезде земцев-конституционалистов и второго делегатского съезда Академического союза была выдвинута идея о создании принципиально нового для России образовательного учреждения, которое могло бы привлечь в свои аудитории не только выходцев из образованных и обеспеченных слоев населения, но и простых рабочих и служащих. Съезд выступил за «осуществление идей высшей вольной школы, за создание такого учебного заведения, которое, не будучи связанным ни правительственными требованиями, ни обязательной программой преподавания, отличалось бы по сравнению со школой государственной большей подвижностью, вводя новые методы преподавания»¹⁵.

На реализацию идеи были получены деньги от Московского литературно-художественного кружка и Немецкого клуба. Было образовано Временное бюро по организации народного университета в составе профессор ов А.С. Алексеева, Н.Д. Зелинского, И.А. и Н.А. Каблуковых, В.К. Рота, приват-доцентов А.Н. Реформаторского и Б.И. Сыромятникова. 25 февраля Сыромятников был избран секретарем Временного бюро¹⁶. Его деятельность положила начало существования Московского общества народных университетов (МОНУ)¹⁷. Таким образом, Сыромятников выступил одним из основателей Общества народных университетов, работа в котором

превратилась для него в основную деятельность вплоть до самой Октябрьской революции.

Сыромятников обладал целостной системой взглядов на задачи просвещения и народные университеты. Он считал, что народный университет является абсолютно новой формой организации образовательного процесса и связывал ее с процессами демократизации общества и эмансипации личности. «Вовлеченная в общее движение масса народа особенно остро почувствовала свою трагическую беспомощность перед лицом новых жизненных явлений (...) Призванный историей к самостоятельной гражданской жизни, он (народ – *В.Т.*) должен был прежде всего, сознать, что на открывшемся для него новом пути ему не удастся сделать ни одного самостоятельного шага, пока не спадет с его глаз завеса, скрывающая от него источник света и знаний»¹⁸. Но, несмотря на социально-политические истоки стремления народных масс к образованию, все же в учебных местах, по убеждению Сыромятникова, не должно быть политики: «Политика привела его в аудиторию Народного университета, но не для “политики” пришел в эту аудиторию. Ошеломленный зрелищем великой исторической драмы, тайный смысл которой был от него сокрыт, он понял только одно – глубину своего невежества»¹⁹. Народный университет – организация, несущая исключительно просветительские функции, далекие от злобы дня.

Просветительские взгляды Сыромятникова теснейшим образом были связаны с его общественно-политической позицией. Либерал-западник по своим убеждениям, он считал, что для нарождающегося в России общества западного типа необходима эмансипированная, образованная личность, способная не только осмыслить свое место в мире, но и настойчиво бороться за свои права. Задачу народных университетов ученый видел в том, чтобы помочь людям осознать свою личность, способности быть активными членами социума.

Активно участвуя в общественной жизни, Сыромятников продолжал работать над диссертацией «Происхождение феодальных отношений в Древней Руси». Работу над ней историк начал еще в период стажировки за границей²⁰. В 1906 г. была опубликована ее первая глава²¹. К 1911 г. он закончил часть, представляющую собой фундаментальный историографический очерк под названием «Традиционная теория русского исторического развития»²².

В ней Сыромятников задавался целью выяснить причину господства в отечественной науке представления об особом пути исторического развития России. Практически всеобщее признание этой концепции привело к отрицанию наличия феодализма в русской истории. Стремясь опровергнуть этот стереотип, Сыромятников обратился к истокам исторических построений своих оппонентов,

пытаясь показать их архаичность. При этом автор провел серьезный сравнительно-исторический анализ отечественной и мировой исторической мысли.

Историк-правовед указал на то, что в XVIII в., на заре своего становления, отечественная историография переняла многие черты допетровской исторической литературы. В частности, следуя официальному летописанию, историки XVIII в. стали рассматривать русское прошлое как историю деятельности правителей. Более того, заранее заложенная в летописании схема была органично объединена с пришедшей с Запада философской мыслью эпохи Просвещения, с ее верой в «просвещенного монарха», творящего историю.

Первая половина XIX в. ознаменовалась отходом от рационализма и господством идеалистических концепций. Освоив наследие немецкой классической философии, отечественные историки, в особенности историко-юридическая школа, сконцентрировались на изучении государства как выразителя «народного духа». Подобный ракурс исследования привел к мнению, что история России – это история государства, а не общества. Наиболее отчетливо подобную точку зрения выразили историки государственной школы. Их концепции, по мнению Сыромятникова, продолжали доминировать в российской историографии и в начале XX в. «Теория контраста» П.Н. Милюкова была органичным продолжением концептуальных построений историков-государственников.

В схеме Сыромятникова противовесом государственной школе выступала школа Ключевского²³. Признавая преемственность поколений историков, Сыромятников пришел к выводу о новизне предложенной автором «Боярской думы Древней Руси» методологии. Новаторство в.О. Ключевского заключалось, по мнению автора, в том, что от изучения государства как выразителя духа народа, он переходит к изучению истории общества, от истории «сверху» - к истории «снизу».

Историографические взгляды Сыромятникова органично вписывались в дореволюционную историческую науку. Исследователь примыкал к направлению, которое своей целью видело исследование исторических концепций при учете философских и политических взглядов историков.

Существенное влияние на историографические взгляды Сыромятникова оказал Милюков²⁴. Но, если П.Н. Милюков связывал развитие русской историографии преимущественно с влиянием на нее европейской мысли, то Сыромятников – с внутренним генезисом. Европейские историографические идеи, по его мнению, воспринимались так необычайно легко, потому что внутренние потребности

отечественной исторической мысли органически совпадали с эволюцией мировой науки.

Диссертация уже была в наборе, когда разразился конфликт между преподавателями Московского университета и министром образования Л.А. Кассо. В 1911 г. последовало распоряжение министра об увольнении членов университетского президиума Московского университета: профессор ов А.А. Мануилова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова, протестовавших против вмешательства во внутреннюю жизнь университета. В знак солидарности прошение об увольнении подало огромное количество сотрудников университета²⁵. Среди них был и Сыромятников. Этот шаг на определенное время поставил крест на дальнейшем пребывании ученого в Московском университете, не говоря уже о том, что фактически был погублен труд многих лет жизни: книга о феодальных отношениях так и не увидела свет. Впоследствии в своей автобиографии историк писал: «Я не имел уже возможности на свои средства возобновить ее печатание, тем более что прошло уже несколько лет с ее написания»²⁶.

Вторая часть монографии так и не была написана. Предполагалось, что она будет посвящена обоснованию феодального строя в истории России. Несмотря на это, мы можем проследить представления историка-правоведа об эпохе Древней Руси по его лекционным курсам.

Проблема феодализма для историка-юриста была тесно связана с вопросом самобытного/типичного развития русского общества. Доказательство существования феодального порядка на Руси было важным аргументом в признании общего пути развития России и европейских стран.

Образованию древнерусского государства Сыромятников предварял особый доисторический этап, характеризующийся как период господства отношений коллективизма. Эволюция социальных отношений в дальнейшем привела к выделению классовой структуры. Вслед за В.О. Ключевским под термином «класс» Сыромятников понимал любую общественную группу.

Начало следующего периода не было отмечено автором какими-либо хронологическими рамками. Но, судя по содержанию, мы вправе отнести его начало к IX в. На этом этапе происходила дальнейшая ломка родового общества. Колонизация разрывала доселе прочные кровные узы. На смену пришло новое образование, территориальное государство, «земля-волость»²⁷.

Историк рассматривал сложившееся государство как слабо централизованное образование. Он синтезировал «городовую теорию» В.О. Ключевского и концепцию «территориальных отношений» М.Ф. Владимирского-Буданова. По его мнению, Киевская Русь

представляла собой сложную систему из «старших» и «младших» городов, включенных в волостные образования. Основной экономики была торговля.

В социальном смысле «земля» в интерпретации Сыромятникова предстает как классовое общество²⁸. В его структуре автор выделял три «ярко обособленных элемента»: бояр, горожан и смердов.

В политической сфере господствовали три силы: князь, боярство и вече. Постепенно княжеская власть стала доминировать. Изменение социально-экономической конфигурации сил привело к переждению сущности государства: из «земли-волости» государство превращается в «княжение-вотчину». К этому времени происходит падение Киевского государства вследствие социального расслоения и упадка торговли.

С распадом Киевской Руси, государства-волости, начался новый этап в русской истории, этап «политического феодализма». Исследователь, практически одновременно с Н.П. Павловым-Сильванским, научно обосновал существование феодального порядка на Руси.

Феодализм Сыромятников, следуя за марковой теорией Г.Л. фон Маурера, выводил из разложения общинной системы и закрепощения свободного крестьянства²⁹ и добавлял к этому мысль о трансформации социальных отношений, обусловленных процессом колонизации. Перемещение населения с юга на северо-восток привело к смене хозяйственной деятельности с ремесленно-торговой на земледельческую. Это способствовало натурализации экономики, что, по мнению Сыромятникова, являлось основным показателем феодального государства, где главным богатством была земля, на которой господствовали примитивные формы хозяйствования. Изменилась и роль князя, который превратился в крупного вотчинника³⁰.

К XIII в. четко обозначается процесс формирования крупных боярских вотчин, основанных на использовании рабского труда. В дальнейшем вотчина расширяется, подмятая под себя местных ранее свободных общинников. Рабы и земледельцы-общинники смешиваются, превращаясь в зависимое население. Постепенно крупная боярская вотчина становится одной из основ феодального порядка.

Историк-правовед рассматривал феодализм как закономерный и необходимый этап существования русского общества. В его концепции феодализм распадался на ряд этапов: политический феодализм, сословно-представительная монархия и полицейское государство.

После отставки из Московского университета, Сыромятников сосредоточился на работе в Обществе народных университетов, где в 1912 г. был избран товарищем председателя. В 1914 г. он занял пост

председателя общества. На этой должности он находился вплоть до самого конца существования Московского общества народных университетов, которое было закрыто в 1918 г. С 1910 г. историк начинал преподавать в Университете имени А.Л. Шанявского³¹, тесно сотрудничавшего, но не входившего в структуру МОНУ.

Одновременно с лекторской и организационной деятельностью Сыромятников продолжает публикацию трудов, носящих образовательный характер. Так, в учебной книге для чтения по мировой истории, составленной П.Г. Виноградовым, Сыромятников поместил два очерка по проблемам исторического развития Отечества³².

Не оставил историк-юрист и научно-исследовательской деятельности. Наибольшего внимания заслуживает работа о «Наказе» П.И. Пестеля³³. Несмотря на складывающийся в общественном сознании ореол мучеников, Сыромятников постарался критически подойти к проблеме движения декабристов. Объектом анализа стали политические идеи Пестеля, изложенные в «Наказе» («Русской правде»). Автор подчеркивал связь движения декабристов и идей Просвещения. В понимании историка, они были «сыновьями» XVIII в., идеалами которого были воспитаны. Их деятельность была завершающим этапом эволюции общественно-политических движений, основанных на рационализме и радикализме уходящей эпохи. В наиболее яркой форме эти идеи получили воплощение в политической доктрине Пестеля. «Пестель – рационалист чистой воды. В своих построениях идеального государства он исходит из популярнейших предпосылок философии просветительной эпохи»³⁴, – замечал автор. Тщательно проанализировав сущностные характеристики политической программы, историк-юрист пришел к выводу, что в своих построениях лидер Южного общества не ушел дальше характерного для XVII в. идеала «полицейского государства», общественной системы, в которой поставлено на службу государственной машине, действующей, якобы, в интересах всего общества. Пестель, по мысли автора, борясь против самодержавия, сам закладывал предпосылки для возрождения основных принципов абсолютизма. «Республика Пестеля, воздвигнутая на развалинах монархического принципа, в основе своей, таким образом, сохранила все предпосылки абсолютизма, а потому и вылилась, в конечном итоге, в типические формы полицейского государства»³⁵, – заключил исследователь. Таким образом, в понимании историка, декабристы не открыли новой эпохи, а лишь подвели черту под предыдущим периодом русской истории.

Начало Первой мировой войны существеннейшим образом отразилось и на Сыромятникове. Он, как и подавляющее большинство тогдашнего российского общества, испытывал патриотический

подъем, призывая к объединению всех сил для скорейшей победы. С его точки зрения, несомненным инициатором военных действий являлась Германия, чьи агрессивные действия вынудили страны Антанты защищаться. Выступил он и против немецкого засилья в российской экономике. Он рассматривал зависимость от немецкой промышленности как следствие культурной отсталости России. «Немецкое засилье – в конечном счете – не что иное, как наша собственная культурная немощь. И действительно, наша промышленность спит, многомиллионный народ пребывает во «власти тьмы» и безграмотности»³⁶. Выход из сложившейся ситуации один – дальнейшая демократизация образования, его распространение, доступность для широких слоев населения.

С изменением ситуации и поворотом от патриотической эйфории к критике правительственных действий появлялась новая тематика. Например, в лекционном плане на 1916/17 г., кроме указанных тем, можно найти и такую, как «Ответственное правительство»³⁷ – популярный лозунг, выдвинутый Государственной думой. Вообще же, по мере роста разочарования в политике правящего режима, выступления Сыромятникова в печати становятся все более критическими³⁸.

В 1917 г. Сыромятников снова возвратился к работе на юридическом факультете Московского университета³⁹. Впрочем, его пребывание там оказалось недолгим в связи с началом Октябрьской революции и последовавшими за этим событиями.

Наступившую Февральскую революцию Сыромятников встретил с воодушевлением. Несмотря на то что, по его убеждению, Россия переживала великий этап в своей истории – этап, который закончится кардинальным переустройством всей общественной системы, историк считал, что подобные явления не новы, и русское общество лишь проходит тот же путь, что и развитые страны западного мира. «Россия в настоящий момент, как страна исторически более молодая, со значительным запозданием, переживает то же самое, что пережили в свое время другие нации в соответствующий революционный период борьбы со старым самодержавным государством, на место которого они поставили государство «правовое» или – говоря иначе – государство народоправное, демократическое», – писал Сыромятников⁴⁰. Убежденность в неизбежности западного пути для России теснейшим образом связана с историческими взглядами ученого, считавшего, что законы истории для всех одинаковы.

Конкретным механизмом для перехода от самодержавной монархии к буржуазно-демократической республике, по мысли Сыромятникова, должно было стать Учредительное собрание. Исходя из этого, роль Временного правительства виделась ему в основном в

подготовке к выборам во всероссийский представительный орган. Переходный период, символом которого являлось Временное правительство, Сыромятников считал опасным явлением, грозившим негативной деформацией всего государственного механизма. Поэтому единственный представлявшийся ему выход из сложившейся ситуации – скорейший созыв Учредительного собрания, с помощью которого можно было бы обсудить и выработать стратегию рассмотрения острых вопросов, придав принятым решениям легитимный статус⁴¹.

Но мечтам историка о правовом, демократическом государстве не суждено было сбыться. Прогнозы Сыромятникова опровергла наступившая Октябрьская революция. Эти события, а также нарастающая разруха и анархия в стране послужили причиной его глубокого разочарования в революции.

Сыромятников категорически не принял большевистскую власть. Особенное неприятие вызывали попытки кардинально реформировать образование. Он писал: «Одновременно с гонениями на независимую науку и автономную высшую школу, советская власть выкинула знамя «демократизации» науки и академической школы, попытавшись противопоставить научной школе как таковой, университету, классовую или так называемый пролетарский университет»⁴². Сторонник внесословности и надклассовости образования, он не смог смириться с курсом большевиков на усиление пролетарской составляющей образовательных учреждений. Для историка аудитория университета была не ареной классовых битв, а храмом знаний.

О том, как Сыромятников прожил последовавшие за революцией годы Гражданской войны и разрухи, известно крайне мало. Он не уехал из страны, хотя у него были связи за рубежом, а попытался продолжить научную и преподавательскую деятельность в условиях советского режима. После увольнения из Московского университета Сыромятников получил должность декана Общественно-философского отделения университета им. А.Л. Шанявского. Здесь он проработал вплоть до 1921 г.

В 20-е годы Сыромятников недолгое время работал в Иваново-Вознесенском политехническом институте (ИВПИ)⁴³. После ухода с работы из ИВПИ Сыромятников был вынужден подрабатывать в различных организациях. В архивах сохранились отрывочные упоминания о его работе в Межевом институте, где с 1923 г. он начал читать курс по историческому материализму⁴⁴. С 1922 г. Сыромятников приступил к преподаванию на одном из рабфаков Москвы⁴⁵.

Пытался он продолжить в непростых условиях и научно-исследовательскую работу. В 20-е годы ученый сотрудничал с юриди-

ческим изданием «Право и жизнь», в котором в юбилей восстания декабристов опубликовал нашумевшую статью «Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов)»⁴⁶.

Во многом статья являлась продолжением работы, посвященной «Наказу» П.И. Пестеля. Тема была актуальна в связи с наступившим 100-летием восстания на Сенатской площади, историческая оценка которого приобрела особую злободневность. Так, в статье видного партийного деятеля и историка М.С. Ольминского «Две годовщины» проводилась мысль, что декабристы это дворяне-землевладельцы, обманом заставившие солдат пойти на восстание, а затем их предавшие и в связи с этим он предлагал не праздновать юбилей. С таким упрощенным взглядом на важное историческое событие Сыромятников не согласился. Он подчеркнул большое значение восстания для развития освободительного движения: «Рассматриваемые в исторической перспективе, декабристы являются перед нами как пионеры великого дела русской революции, отмечая своим подвигом ее ранний, самый первый этап»⁴⁷. Одновременно автор трактует декабрьское восстание как «последний дворцовый переворот»⁴⁸. С его точки зрения, декабристы оставались сыновьями своего века и своей социальной среды. Они попытались реализовать свои устремления при помощи переворота без участия широких народных масс, которые они даже не попытались привлечь, так как боялись наступления новой «пугачевщины». Еще одной причиной выбранной тактики стало для них общее мировоззрение эпохи Просвещения, по которому радикально изменить ситуацию к лучшему могли лишь отдельные просвещенные личности, а не массы. Такие взгляды привели к тому, что вместо народного восстания выступление заговорщиков приобрело характер банального вооруженного переворота, на которые была так богата русская история XVIII в. Фактически Сыромятников во многом повторял точку зрения Ключевского, высказанную им в «Курсе русской истории»⁴⁹. Но во взгляде историка-правоведа было немало и оригинальных черт. В отличие от Ключевского он тесно связал идеологию Просвещения и движение декабристов. Более того, в отличие от Ключевского, считавшего, что восставшие не имели развернутого плана, а хотели лишь разбудить общественное мнение, Сыромятников, основываясь на только что рассекреченных документах, показал, что у заговорщиков существовал четкий план по преобразованию России.

Журнал «Право и жизнь» просуществовал до 1928 г. В дневнике В.И. Вернадского по этому поводу можно найти следующую запись от 15 августа 1928 г.: «Этим летом закрыто последнее более свободное (если можно говорить о свободе у нас) юридическое издательство «Право и жизнь». Последние возможности юридической

научн[ой] работы прекращены и лица, соприк[асавшиеся] с этим (Сыромятников, Полянский из московской юридической «молодежи» 1911 года) не печатаются нигде»⁵⁰.

Видимо, в это время Сыромятников начинает понимать, что советская власть – это надолго. Он старается приспособиться к сложившейся обстановке. В 1925 г. исследователь опубликовал научно-популярную книгу по истории русской текстильной промышленности⁵¹.

Еще одним плодом научного поиска Сыромятникова того времени стала сохранившаяся в рукописи в архиве ученого незаконченная монография (датирована 1926 г.), рассматривающая историю России во времена Ивана Грозного. Книга получила название «Эпоха Ивана Грозного (Из истории борьбы классов и политических идей XVI в.)». До нас дошли две части: «Иван Грозный перед судом русских историков» и «Иван Грозный и его время»⁵². Книга начиналась с анализа работ Р.Ю. Виппера и С.Ф. Платонова, освещавших время и правление Грозного⁵³. Сыромятникова не удовлетворила ни одна из данных указанных работ. По его мнению, у авторов получалось, что исторический процесс эпохи Грозного целиком и полностью зависел от персоны царя. Представитель московской школы отвергал такой подход; политические процессы и их результаты рассматривались им как следствие сложившихся общественных отношений.

Сыромятников утверждал, что в эпоху Ивана Грозного происходит столкновение двух социально-политических систем: удельного порядка и сословной монархии⁵⁴. Историк считал, что нельзя согласиться с суждением, что Грозный боролся против «отдельных лиц» или против «удельных правительств, но не против удельных порядков». Позиция историка-правоведа однозначна: процесс образования московской централизованной монархии сопровождался крайним обострением классовой борьбы и коренной перегруппировкой общественных классов.

По его мнению, к XV в. сложилась следующая конфигурация классов. С одной стороны, удельная аристократия, являвшаяся противником создания централизованного государства, а с другой – сторонники сильной царской власти. Среди противников Ивана Грозного историк выделял в первую очередь феодальную верхушку и «византийскую церковь» (нестяжателей). Они были объективно против усиления царской власти. Но царь нашел поддержку у дворянства, торгово-промышленного класса, иосифлян и простого народа. Борьба указанных социальных групп и стала основным содержанием рассматриваемого времени.

Большое значение имела и персона царя. Сыромятников пришел к выводу, что личные качества Ивана Грозного были важным факто-

ром в социальной борьбе. Но не следует преувеличивать экстраординарности его действий. Вся его социальная программа, опричнина не были исключительной новостью. По мнению Сыромятникова, Грозный сделал эту политику последовательной, облек в идеологически обоснованные формы. А что касается массовых казней, то «правительственный террор сделался обычным приемом московской политики задолго до Грозного»⁵⁵. Политика Ивана IV основывалась на идее «грозного царства», т.е. такого, где монарх являлся неограниченным правителем, вольным «казнить и миловать».

Так историк изобразил процесс общественной борьбы, в том числе и в сфере идеологии в XV–XVI вв. Данный этап эволюции Русского государства и общества был закономерен и корреспондировался с общемировым развитием. Деятельность Ивана Грозного была борьбой с удельными порядками и старыми классами. Сыромятников был уверен, что именно Грозный заложил основы абсолютной монархии, которая установится в правлении Петра Великого.

В советское время Сыромятников так и не стал «своим» для марксистского поколения историков. Для него обстановка оставалась напряженной, в особенности с 1928 г., когда начали запрещать деятельность негосударственных общественных учреждений. На Сыромятникова был написан донос, в котором говорилось, что историк, якобы, будучи изгнанным из Московского университета за антисоветские взгляды, не имел права работать на рабфаке⁵⁶. Ученному пришлось оправдываться перед Рабоче-крестьянской инспекцией, доказывая клеветнический характер поступившей информации. Скорее всего это событие, а также закрытие журнала «Право и жизнь», и заставили Сыромятникова переехать в Казань, подальше от московских неурядиц. В Казани он начал преподавать в местном университете на факультете советского права.

Он официально был зачислен на должность профессора кафедры Правовых институтов Казанского университета 11 сентября 1928 г. Историк не только занимался преподавательской деятельностью, но и заведовал университетской библиотекой⁵⁷. Пребывание в Казанском университете оказалось недолгим. Уже 1 марта 1930 г. Сыромятников по неизвестным причинам официально уволился, покинул университет и вернулся в Москву. Здесь он довольно продолжительное время занимает должность заведующего библиотекой Центрального научно-исследовательского текстильного института (НИТИ)⁵⁸.

Постановление 1934 г. изменило отношение к роли исторической науки в обществе и месту в ней дореволюционной историографии. Это позволило гуманитариям, сформировавшимся еще в дореволюционное время, занять свою нишу в советской науке. Среди них был и Сыромятников.

После произошедших изменений его знания, педагогический опыт снова становятся востребованными. Он приступил к работе в Московском государственном юридическом институте⁵⁹.

В 1938 г. поступило приглашение работать в Институте государства и права АН СССР, в котором незадолго до этого была проведена реорганизация и расширен круг проблем для изучения. Сыромятникова пригласили работать в секцию Государственного права, которую он и возглавил. Официальной задачей секции была «разработка вопросов советского государства и административного права, а также вопросов буржуазного государственного права»⁶⁰. Сыромятникова привлекли к работе в институте как крупнейшего из оставшихся специалистов по истории дореволюционного государства и права. Параллельно с исследовательской деятельностью в Академии наук ученый не оставлял преподавание в юридическом институте. В этом же году, по широко распространенной тогда практике присуждения степеней по совокупности опубликованных трудов, он получил степень доктора юридических наук.

В качестве основной работы исследователь предоставил проект по созданию сборника правовых документов с подробнейшими комментариями. Объем издания, почти законченного к 1941 г., должен был составлять около 50 печатных листов. В этой работе Сыромятников, по сути, представил концепцию социально-экономической истории Древней Руси, альтернативную теориям Б.Д. Грекова, трактовавшего общественный строй той эпохи как феодальный. С точки зрения Сыромятникова, Киевскую Русь следует классифицировать как рабовладельческое общество. На проект издания был написан положительный отзыв академика Ю.В. Готье. В нем он замечал: «(...) следует по всей справедливости признать, что Б.И. Сыромятников высококвалифицированный специалист и знаток истории русского права, лучший, быть может, представитель этой научной дисциплины в настоящее время (...)»⁶¹. Ю.В. Готье он дал высочайшую оценку труду. Но, несмотря на поддержку Ю.В. Готье, книга из-за активного противодействия Института истории во главе с Б.Д. Грековым так и не увидела свет. Одной из причин такого итога было и то, что в Институте истории готовилось свое собрание законодательных памятников под редакцией Б.Д. Грекова и в русле его концепции существования феодализма в Древней Руси. Так что конкуренты ему были не нужны. Следствием такого положения дел стало то, что в печати в виде статей появились лишь отдельные главы и разделы задуманной книги⁶².

Конфронтация с Б.Д. Грековым началась у Сыромятникова еще с конца 30-х годов. Главной причиной этого стал доклад Сыромятникова, прочитанный в Институте государства и права 9 января

1940 г., посвященный социально-экономическим проблемам Древней Руси⁶³. На докладе присутствовали Б.Д. Греков и С.В. Юшков. Докладчик разделил свое выступление на две части: в первой он подробно разобрал основные тезисы концепции Б.Д. Грекова, а во второй обосновал рабовладельческий характер социально-экономического строя Древней Руси.

Если Б.Д. Греков полагал, что Киевская Русь, миновав этап рабовладения, сразу вступила в феодальную эпоху, то Сыромятников стремился доказать универсальность формационной теории для всех народов. Это утверждение органично вытекало из дореволюционных представлений историка о всеобщности исторического процесса России и Европы. Он сконцентрировал внимание на критике положений автора «Киевской Руси» о существовании крупной феодальной вотчины, обрабатываемой зависимым населением. По мнению историка-юриста, фактов наличия феодального землевладения не существовало. Греков стремился доказать существование крупной вотчины путем ссылки на «Повесть временных лет» в том месте, где упоминалось о существовании деревни Ольжичи, принадлежавшей княгине Ольге. Сыромятников не отрицал существование этого факта, но недоумевал по поводу искусственного стремления Грекова трактовать это как свидетельство наличия огромных феодальных владений у княгини: «⟨...⟩ спрашивается, как же это единственное село превращается у Грекова в колоссальные земельные владения княгини Ольги?»⁶⁴. Далее он объяснял это устремление: «По-видимому, и т. Греков и т. Юшков полагают, что если бы им удалось доказать, что у нас «крупное землевладение» появилось хотя бы в VI в., то это значит, что у нас появился феодализм». Но сам факт наличия крупного землевладения, по мнению историка-юриста, еще не свидетельствовал о наличии феодальных отношений: «⟨...⟩ мы знаем, что крупное землевладение было признаком рабовладельческих обществ, например, античных»⁶⁵. Исходя из этого, Сыромятников выдвигал важный методологический посыл: «Таким образом, вопрос заключается не в том, было ли в XI–XII вв. на Руси крупное землевладение или его не было, а в том, каковы были формы, характер этого землевладения. Следовательно, чтобы доказать, что крупная вотчина Киевской Руси была феодальной, нужно доказать, что она имела феодальные признаки»⁶⁶. Этих-то признаков Сыромятников и не находил. В его понимании, Древняя Русь – государство, где феодальные порядки можно найти лишь в зачаточном состоянии. А доминирующими являлись рабовладельческие отношения.

По мысли Сыромятникова, в доклассовую эпоху рабовладение не играло определяющей роли. Но ситуация поменялась с началом

социальной дифференциации древнерусского общества. Выделение класса профессиональных воинов способствовало тому, что рабы превратились в важную часть военной добычи, за счет которой и существовали дружинники. Увеличение количества рабов первоначально не привело к превращению рабства в ведущий способ производства. Это происходит со второй половины X в. и особенно с XII в. В это время дружинники оседали на своих вотчинах, начиная использовать для их обработки рабов, захваченных в результате войн и набегов. «В руках поднимающейся знати скапливаются целые стада рабов. Наступает момент «первого крупного» классового деления общества на свободных и рабов»⁶⁷, — отмечал историк.

Таким образом, Сыромятников трактовал крупное земельное владение не как феодальную вотчину, а как рабовладельческую хозяйственную единицу. Следовательно, общество, базирующееся на этом экономическом фундаменте, также являлось рабовладельческим, то есть таким, «⟨...⟩ господствующий класс которого базирует свою силу на эксплуатации несвободного труда, подобно тому, как и «античное государство» было преимущественно рабовладельческим»⁶⁸.

Сыромятников утверждал: «Начиная известиями VI ст. древнерусское рабство идет по восходящей линии, от свидетельств источников через Краткую Русскую правду X в. к Пространной Русской правде XII – XIII вв. Именно Киевская Русь XII в. — наивысшая точка роста рабовладельческого хозяйства и поработительных тенденций»⁶⁹.

Таков был вывод о характере социально-экономического строя Киевской Руси, сделанный Сыромятниковым в докладе. Очевидно, такие воззрения не были приемлемы для академика Б.Д. Грекова, который сделал ответное выступление через две недели.

К сожалению, до сих пор большая часть документов, касающихся академика Б.Д. Грекова недоступна, в том числе и упомянутый доклад. Поэтому мы считаем нужным осветить содержание выступления, используя работу об историке, написанную Н.А. Горской. Как ученица знаменитого ученого она имела доступ к частному архиву семьи Грековых, и была знакома с содержанием его выступления. «С ответным докладом выступил Б.Д. Греков, опиравшийся на свидетельства письменных источников («Русская Правда», летописи), на данные археологии (добытые к тому времени раскопками Б.А. Рыбакова, П.Н. Третьякова, А.В. Арциховского и других исследователей, активно поддержавших Грекова). Б.Д. Греков старался показать не только научную несостоятельность, но и политическую тенденциозность построений Б.И. Сыромятникова. К временному затуханию полемики по проблеме рабовладения в древнерусском

обществе на этом этапе привела явная неубедительность аргументов Б.И. Сыромятникова (на фоне мнения ведущих специалистов), а также еще одно неудобство: «мешал» и Ф. Энгельс, утверждавший, что славяне и германцы миновали стадию рабовладения»⁷⁰.

Не будем заострять внимание на спорных моментах концепции Б.Д. Грекова, они стали более очевидны для современных исследователей, но что касается «тенденциозности построений» Б.И. Сыромятникова, то здесь следует возразить. Заметим, что картина социально-экономического строя киевского государства, нарисованная историком-юристом, была впервые им обнародована задолго до появления «Истории ВКП(б). Краткий курс» и высказана в курсе «История русского государственного права»⁷¹. Признание рабства едва ли не доминирующим способом производства в Древней Руси имеет глубокие корни в дореволюционной историографии. Так, о рабстве как фундаменте боярской вотчины и вообще экономики Руси писали еще Ключевский⁷², М.К. Любавский⁷³.

Свою концепцию Древней Руси Сыромятников развивал и в собрании исторических памятников. В данной работе историк заострил свой основной методологический посыл, от которого он отталкивался при изучении Киевской Руси. Он утверждал, что Русь развивается так же, как и другие народы, следовательно, она также прошла стадию рабовладельческой формации. Эту закономерность он признавал универсальной: «При таких условиях говорить об «исключениях» закономерного процесса не приходится, ибо закономерность, как таковая, никаких исключений не допускает». Впрочем, существуют и исключения: «⟨...⟩ эти исключения возможны там, где самый закономерный процесс уже не имеет места»⁷⁴. Здесь Сыромятников заочно спорил с Б.Д. Грековым, который обосновывал концепцию перехода славян к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. По мнению историка-юриста, такой переход был возможен лишь в случае какого-либо неординарного события, круто изменявшего естественный ход развития народа, например, завоевания. Но в русской истории Сыромятников не видел такого события. Таким образом, «⟨...⟩ пока же естественноисторический процесс налицо, закономерность носит универсальный, абсолютный характер»⁷⁵.

Не был согласен автор и с пониманием Б.Д. Грековым Киевской Руси как раннефеодального государства, «державы Рюриковичей». С его точки зрения, централизованность этого образования несколько преувеличена историками. «Исследователи должны были переключить свое внимание от «державы Рюриковичей» на исследование тех подлинных древнерусских государств («отдельных земель»), которые в течение ряда веков стойко сохраняли свою областную

самостоятельность и политическую автономию. Эти «государства-города», с их демократичностью, издревле утвержденным «народо-правным» строем, а не междукняжеские отношения должны стоять на переднем плане для историка-исследователя, который ставит своей целью изучение древнерусского «государства» в его типических и конкретно исторических формах, не поддаваясь односторонности и тенденциозности традиции летописи»⁷⁶.

Развивая свою мысль, и ссылаясь на А.Е. Преснякова⁷⁷, он сравнивал русские города с античными полисами, которые также базировали свою демократию на эксплуатации рабов. «Вместе с Пресняковым мы сходимся в той мысли, что в лице древнерусских городов-государств, «земель» или «волостей» {...} мы имеем типический образец древнерусской вечевой демократии, подобный античной «политии», естественно со всем своеобразием, присущим каждому конкретному историческому явлению»⁷⁸. Эта парадоксальная, казалось бы, мысль в последнее время получила дальнейшее и плодотворное развитие, в частности, в рамках школы Фроянова⁷⁹.

Итак, в труде была нарисована кардинально иная картина общественного строя Киевской Руси, чем та, что имела место у Б.Д. Грекова. Это была главная причина, почему Институт истории АН СССР всячески противодействовал попыткам автора опубликовать уже готовый многотомный труд.

С началом Великой Отечественной войны Сыромятников вместе с Институтом государства и права был эвакуирован в Ташкент. Еще в эвакуации Сыромятников был назначен руководителем секции истории государства и права⁸⁰.

В 1943 г. было опубликовано самое известное исследование Сыромятникова, посвященное идеологии государства Петра Великого⁸¹. Книга выделялась на фоне не только исторической литературы военного времени, носившей скорее пропагандистский, чем научный характер, но и не вписывалась в советскую академическую историографию. В первой главе рассматривалась историография вопроса. Сыромятников выделил следующие периоды в изучении петровского времени: 1) XVIII в. – эпоха рационализма и Просвещения; 2) деятельность Карамзина в качестве переходного этапа; 3) период полемики славянофилов и западников; 4) научная деятельность Соловьева как промежуточный этап от идеализма к позитивизму; 5) позитивизм; 6) советский период. Он пришел к выводу, что ни дореволюционные, ни советские авторы не дали адекватного толкования просвещенного абсолютизма Петра Великого.

Истоки абсолютизма Сыромятников находил в Московском царстве. Его развитие привело к равновесию между двумя ведущими общественными силами – дворянством и посадом. На этом равнове-

сии и зародилась абсолютистская империя Петра. Отличие петровского этапа от других периодов развития российского государства заключалось в отсутствии противовеса по отношению к правителю. Если раньше такую роль выполняло последовательно вече, дума и земский собор, то в XVII в. такого сдерживавшего власть царя учреждения просто не оказалось.

Но не только это предопределило появление полицейского государства. С выходом Московского царства из изоляции открылось окно для влияния европейской культуры на русское общество. Идеалом тогдашних философов было государство всеобщего благоденствия, построенное на принципах разумной необходимости и вере в человеческий разум. С точки зрения философии прагматизма, такое государство мог построить философ на троне, «просвещенный монарх». Таким монархом и стал Петр.

Важной чертой внутренней политики Петра Великого исследователь считал антидворянские тенденции в законодательстве. По его мнению, реформы привели к такой ситуации, когда интересы государства были поставлены выше узкословных интересов дворянства.

Книга Сыромятникова была не характерна для советской историографии, в первую очередь потому, что опиралась, в основном, на достижения дореволюционных историков. Во многом в нем повторялась концепция, впервые изложенная самим же историком в его дореволюционной статье «Абсолютизм в России в XVIII в.»⁸².

Труд, посвященный идеологии «регулярного» государства, в историографическом контексте был синтетического свойства. В нем концептуально обобщены достижения русской дореволюционной науки. Признание существования идеологического базиса в петровских преобразованиях привело Сыромятникова к признанию наличия у Петра четкого плана в проведении реформ.

Тезис о рецепции западноевропейских философских доктрин в российской историографии Сыромятников дополнил идеей о появлении петровского государства и его идеологии вследствие внутреннего развития русского общества. Представления, схожие с идеологией абсолютизма, Сыромятников находил еще в эпохе Ивана Грозного⁸³.

Основанием господства абсолютного монарха, по мнению исследователя, был сложившийся баланс сил между дворянством и буржуазией. Эту мысль Сыромятников высказывал еще в дореволюционное время. В новой книге эта идея дана со ссылками на классиков марксизма - ленинизма. В связи с этим очень верно мнение И.Л. Беленького: «Многочисленные обращения к трудам «классиков марксизма-ленинизма» и формулирование основных задач иссле-

дования на теоретическом языке, близком к построениям М.Н. Покровского, ни в коей мере не могут скрыть органической связи основных идей книги с ранними работами автора»⁸⁴.

Подводя итоги, мы вправе сказать, что работа об идеологии «регулярного» государства – труд синтетический. В ней концептуально обобщены достижения русской дореволюционной науки. Анализ монографии позволяет опровергнуть расхожее представление о труде Сыромятникова как возрождении концептуальных построений М.Н. Покровского⁸⁵. К такому выводу приводят следующие наблюдения. По мнению М.Н. Покровского, в основе петровской империи лежал союз буржуазии и феодальной знати, причем последняя играла определяющую роль. Благодаря этому союзу произошел расцвет торгового капитализма, впрочем, на короткое время. Но когда феодалам стал невыгоден этот союз, они от него отказались⁸⁶. Сыромятников же исходит из концепции не «союза противоборствующих сил», а «равновесия», когда ни феодалы, ни нарождающаяся буржуазия просто не имели сил для окончательной победы. Этим воспользовалось государство. Именно государство стало доминирующей силой в этот исторический период. Кроме того, историк-правовед не гипертрофирует значение торгового капитализма, используемый им термин «торгово-промышленный посад» понятие более широкое. Нет у Сыромятникова и негативного портрета личности Петра. Тезис о покровительственном отношении Петра к купцам (в чем критики видели намек на торговый капитализм) был общим местом в дореволюционной историографии, более того он повторялся и в исторической науке русского зарубежья⁸⁷, а уж ее представителей трудно заподозрить в симпатиях к М.Н. Покровскому. Перед нами яркая попытка возродить достижения дореволюционных историков в новых историографических условиях.

Опубликованная книга вызвала противоречивые отклики. Если рецензия С.А. Покровского⁸⁸ была благожелательной, то последующие, написанные С.М. Бахрушиным, Б.Б. Кафенгаузом, С.В. Юшковым и В.И. Лебедевым, в основном отрицательными⁸⁹. Особенно разгромной и даже грубой была критика С.В. Юшкова и В.И. Лебедева. Авторы утверждали, что Сыромятников якобы изобразил Петра учеником немецких философов: «Итак, Петр I, ученик немецких публицистов – Лейбница, Пуффендорфа и Вольфа – пересадил на русскую, совершенно неподготовленную почву, полицейское государство. Таков первый тезис Сыромятникова, тезис, который, по сути дела, отбрасывает русскую историческую науку к временам господства немецких историков в российской АН – Миллера, Шлецера»⁹⁰. Кроме того, автора книги о Петре обвинили в возрождении концепции Покровского о буржуазных тенденциях во внутренней

политики абсолютистского государства. Вменяли ему в вину и возрождение концепции государственной школы. Напоследок его обвинили в незнании марксистско-ленинско-сталинского учения.

Все это могло дорого обойтись Сыромятникову. Обвинения в апологетике немецких философов (хотя историк писал не только о немецких, но и об английских и французских мыслителях) были очень опасны в военное время, это «попахивало» антипатриотизмом и провокацией. Авторы рецензии на этом не остановились, они поставили в вину историку-правоведу возрождение сразу двух официально осужденных концепций: буржуазной государственной школы и официально признанной «антимарксистской» концепции Покровского.

Сыромятников пытался дать ответ своим критикам. Он писал: «Все рецензии, повторяя себя, написаны по одному шаблону и представляют собой систематические искажения наших основных положений, граничащие в отдельных случаях с явной недобросовестностью»⁹¹.

Итак, «Регулярное государство Петра Первого» стало одной из главных мишеней для критики того времени. Причины эти заключались, с одной стороны, в тех личностных противоречиях, которые сложились в среде историков. Так, например, отношения между Сыромятниковым и Лебедевым с Юшковым были, судя по всему, крайне натянутыми. Это выразилось, в частности, и в негативных отзывах на работы друг друга по самым разным вопросам. Сыромятников неоднократно критиковал книги Лебедева и Юшкова, в том числе и по истории Петра⁹². Для мести своему оппоненту указанные историки избрали такой путь. С помощью обвинения в следовании концепциям Покровского, хотя книга Сыромятникова имела с работами Покровского мало общего, они стремились свести личные счеты.

Во многом причины крылись в борьбе между как различными историографическими направлениями, так и между научными учреждениями Советского Союза. Ситуация осложнялась существованием в исторической науке нескольких поколений историков. С одной стороны, продолжали работать дореволюционные ученые, с другой – важнейшую роль начало играть новое поколение, в первую очередь ученики Покровского. Разный взгляд на прошлое страны, разное понимание задач исторического исследования неминуемо приводили к острым конфликтам.

Существующие противоречия обнажила война. В ходе Великой Отечественной войны сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, историческая наука стала частью пропагандистской машины. Ведущие историки разъезжали по всей стране с публичными

лекциями, примерами из прошлого поддерживая боевой дух солдат. С другой – историки, в силу того что ослаб контроль государства над наукой, получили значительную свободу в своем научном творчестве. Такое положение дел устраивало ученых старой формации, в том числе и Сыромятникова, потому что они получили возможность более свободно высказывать свои взгляды. Но ситуация совсем не устраивала учеников Покровского, привыкших следовать партийной линии в изучении прошлого и решать научные проблемы при помощи вмешательства партийного аппарата. Камнем преткновения стала оценка военной экспансии Российской империи.

Апогеем конфликта стало совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Инициатором встречи была А.М. Панкратова, написавшая письмо в ЦК с просьбой разобраться с возмутительными, по ее мнению, случаями апологетики царской России и неверными трактовками отдельных событий. Среди тех авторов, которые допустили эти ошибки, Панкратова назвала Ефимова, Яковлева, Бушуева, Сыромятникова и Аджемьяна.

В ответ на это была сформирована комиссия в составе председателя А.С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. Совещание началось 29 мая 1944 г. и проводилось с перерывами 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля. На совещание были приглашены ведущие историки Советского Союза.

Мы не будем подробно останавливаться на этом, поистине ключевом эпизоде истории отечественной исторической науки⁹³, коснемся лишь сюжетов, непосредственно относящихся к книге «Регулярное государство Петра Великого» и лично к Сыромятникову.

Сыромятников принимал заметное участие в совещании, тем более что его книга была подвергнута активной критике в ходе мероприятия.

Критические отзывы звучали со стороны Н.Л. Рубинштейна, А.Л. Сидорова, С.В. Бахрушина, Б.Д. Грекова. Главным образом, в вину историку-юристу вменяли возрождение «буржуазной исторической концепции государственной школы»⁹⁴.

Сыромятников сделал выступление 5 июня⁹⁵. Он отказался признавать справедливость критических замечаний своих оппонентов. По его словам, при разборе его концепции все они пользовались источниками, опубликованными с ошибками. Но основной пафос его доклада был направлен против деятельности Института истории и лично Б.Д. Грекова. По его мнению деятельность этого учреждения тормозит развитие исторической науки в СССР.

Совещание стало важной вехой развития советской историографии. Но, несмотря на то что формально совещание было инициировано историками, главным действующим лицом на нем

была власть. Для советской идеологической системы проходившая конференция была хорошим поводом вернуть контроль над исторической наукой.

История была важной частью пропагандистской машины. По изменению интерпретации отечественного прошлого легко улавливались повороты как во внутренней, так и во внешней политике. После того, как исчезли надежды на мировую революцию, а во внутренней политике начали преобладать патриотические мотивы, советская историческая наука совершила поворот к позитивному (в умеренной форме) освещению русской истории. Но во время войны вновь появились обоснованные надежды на дальнейшее распространение коммунистических идей за пределы СССР. А излишние патриотическая риторика могла этому помешать. Поэтому нужно было сохранить не только патриотические элементы идеологии, которые показали себя крайне эффективно во время войны, но и не отпугнуть советским патриотизмом другие народы. На основании этих соображений и принималась резолюция совещания.

В итоговом документе были осуждены как крайне негативные взгляды на русское прошлое, так и излишняя апологетика. Резолюция, авторами которой были Г. Александр, П. Поспелов, П. Федоров, включала несколько разделов: «О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию», «О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины», «Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу», «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков»⁹⁶. В последнем разбирались работы Сыромятникова. Историка обвиняли в возрождении буржуазных концепций. Но если проанализировать всю часть резолюции, то можно прийти к выводу, что главное неприятие у властей вызвала идея о государстве Петра как реализации идей европейских философов. «Некоторое возрождение националистической идеологии у ряда историков тем более опасно, что оно связано с идеализацией буржуазно-демократического строя и надеждой на эволюцию советского государства к обычной буржуазной республике»⁹⁷, – утверждали авторы. Возможно, авторы резолюции считали, что Сыромятников, рассматривая Россию как часть общеевропейской исторической эволюции, тайно лелеял надежду на возвращение России к европейскому пути развития.

Несмотря на официальное осуждение, дальнейших санкций не последовало. Тем не менее Сыромятников рассматривал свое положение как критическое. Об этом свидетельствует и письмо лично Сталину, которое он, впрочем, так и не решился отправить. В нем он писал:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович. Я отлично понимаю, что мое обращение к Вам в тот момент, когда Вы, как великий вождь нашей страны, всецело поглощены решением грандиозных мировых задач, являлось бы непростительной дерзостью, если бы в настоящем письме к Вам я позволил бы себе руководствоваться только личными интересами, как автор специального исследования о государстве Петра Великого, первой в русской научной литературе попытке научного анализа «регулярного» государства начала XVIII века. Но положение с моей книгой, которая сделалась предметом организованной травли в печати в ответ на мою критику основных установок сотрудников Института истории АН, заставило меня обратиться к Вашему авторитету, так как в данном случае речь идет о правильном понимании и оценке одного из поворотных этапов в развитии русского государства, этапа привлекающего к себе в наши дни широкое внимание. В моем исследовании, разумеется, как и во всякой научной работе, могут быть те или иные недочеты, но в данном случае вопрос идет о том, как следует понимать учение марксизма-ленинизма.

{...} У меня нет уверенности, что мои возражения и разъяснения по поводу выступления моих критиков могут появиться в печати (в чем мне не раз приходилось убеждаться), так как многие издания, где заготовленные мною ответы могли бы найти место, находятся в исключительном обладании моих противников на фронте исторической науки»⁹⁸.

В последние годы жизни ведущей темой его научных работ становится история права славянских народов, изучение которого могло помочь, как считал историк, глубже понять и древнерусское законодательство, а также проследить связи «братских народов»⁹⁹. От Московского государственного юридического института ему поступил заказ на написание монографии «Проблемы истории государства и права славянских народов»¹⁰⁰. К сожалению, книгу историк написать не успел. До нас дошла статья «К истории изучения права славянских народов», датированная 14 апреля 1946 г. Эта статья являлась первой главой так и ненаписанной книги о славянском праве. В работе освещалось становление славяноведения со времени его появления как особого направления научных исследований до 40-х годов XX вв. Следуя духу времени, автор подчеркивает героический характер славянской истории: «Современное возрождение славянских народов, конечно, исторически связано с их многовековой, упорной борьбой за свою национальную, государственную и культурную самобытность»¹⁰¹.

Историк-правовед умер 12 января 1947 г. После его смерти в журнале «Советское государство и право» появился некролог, в

котором отмечались его огромные заслуги перед исторической и юридической науками. Его подход к изучению историко-правовых проблем назывался новаторским и прогрессивным по сравнению с «формально-юридической школой»¹⁰².

В целом анализ исторических взглядов Сыромятникова позволяет охарактеризовать его как сильного и научно-добросовестного исследователя, чутко и глубоко понимавшего основные тенденции развития исторической науки, умевшего уловить актуальные потребности развития этой дисциплины, восприняв и развив пути исследования, намеченные предшественниками. Научная деятельность историка-правоведа свидетельствует о том, что масштабные социально-политические катаклизмы могут существенно осложнить, но не в силах окончательно разорвать тематическую, содержательную и теоретическую связь и преемственность между отдельными периодами историко-познавательного процесса. В этом смысле историографическая память сродни памяти исторической.

Научно-литературное наследие Сыромятникова помогает опровергнуть утверждение о полном разрыве между дореволюционной историографией и советской наукой. Благодаря широкой эрудированности, умению перенять и переработать достижения как отечественной исторической науки, так и зарубежной историографии, историк разработал целостную концепцию исторического процесса, придерживаясь ее, с определенными изменениями, на протяжении всей научной биографии. В своих трудах историк-правовед сохранил как лучшие традиции, так и недостатки дооктябрьской историографии.

Научное наследие Сыромятникова не получило должного признания среди специалистов, его имя известно достаточно узкому кругу историков науки. Во многом такая ситуация сложилась в силу особой судьбы его трудов, многие из них не были опубликованы по причинам, не имеющих к науке прямого отношения. Тем не менее, историографическая наука всегда отличалась устойчивым интересом к наследию историка-правоведа. Научное творчество Сыромятникова является ярким и заслуживающим внимания эпизодом развития русской исторической науки.

¹ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 524.

² Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 366. К. 30. Ед. хр. 3. Л. 1.

³ Сыромятников Б.И. Общественные классы в древней Руси // Научное слово. 1903. Кн. 2. С. 32 – 49.

⁴ Сыромятников Б.И. Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств // Научное слово. 1903. Кн. 8. С. 59 – 74.

- ⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 24. Ед. хр. 9. Л. 1.; *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятннко. С. 525.
- ⁶ Там же. К. 30. Ед. хр. 1.
- ⁷ Там же. Л. 1 об.
- ⁸ Там же. К. 11. Ед. хр. 5, 12, 14; К. 12. Ед. хр. 14, 15, 17; К. 13. Ед. хр. 1, 2.
- ⁹ Там же. К. 30. Ед. хр. 1. Л. 15 – 15 об.
- ¹⁰ *Сыромятников Б.И.* История русского государственного права. М., 1909.
- ¹¹ Вестник высших женских юридических курсов в Москве. 1907/08 г. № 4.
- ¹² *Сыромятников Б.И.* История русской торговли и русского торгового права. М., 1916.
- ¹³ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 73. Л. 1.
- ¹⁴ *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 70; *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятников... С. 526.
- ¹⁵ Цит. по: *Пархоменко Т.А.* Московское общество народных университетов // Педагогика. 1996. № 6. С. 96.
- ¹⁶ Отчет о деятельности Московского общества народных университетов в 1906–07 году. М., 1907. С. 4.
- ¹⁷ Там же. С. 96.
- ¹⁸ *Сыромятников Б.И.* Что дает своим слушателям народный университет? // Общее дело. 1912. С. 4.
- ¹⁹ Там же. С. 5.
- ²⁰ *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятников. С. 525.
- ²¹ *Сыромятников Б.И.* Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № 10. С. 71–97.
- ²² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 1. Ед.хр. 2.
- ²³ *Сыромятников Б.И.* В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 59 – 93.
- ²⁴ *Миллюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913.
- ²⁵ История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 376, 540, 541; Сыромятников Б.И. Московский университет // Энциклопедический словарь Гранат. Б/г. Т. 29. Стб. 384.
- ²⁶ Цит. по: *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятников. С. 525.
- ²⁷ *Сыромятников Б.И.* История русского государственного права. М., 1909. С. 109 – 112.
- ²⁸ *Сыромятников Б.И.* Общественные классы в древней Руси // Научное слово. 1903. Кн. 2. С. 3.
- ²⁹ *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего Средневековья в немецкой историографии конца XIX – нач. XX в. М., 1958. С. 141–170.
- ³⁰ *Сыромятников Б.И.* История русского государственного права. С. 274.
- ³¹ НИОР РГБ. Ф.366. К. 30. Ед. хр. 3.
- ³² *Сыромятников Б.И.* Абсолютная монархия в России в XVII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 511–548; Славянофильство // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. IV. Вып. 2. С. 291–339; Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913.
- ³³ *Сыромятников Б.И.* Политическая доктрина «Наказа» П.И. Пестеля // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 679–718.
- ³⁴ Там же. С. 682.
- ³⁵ Там же. С. 718.
- ³⁶ *Сыромятников Б.И.* Война и культура // Камско-Волжская речь. 1915. 21. 11.
- ³⁷ НИОР РГБ. Ф.366. К. 30. Ед. хр.11 Л. 2.
- ³⁸ *Сыромятников Б.И.* Продовольственный кризис // Нижегородский листок. 1916. № 234.

- ³⁹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 38. Ед. хр. 10. Л. 4.
- ⁴⁰ *Сыромятников Б.И.* Верховенство народа и учредительное собрание. М., 1917. С. 5.
- ⁴¹ Там же. С. 35.
- ⁴² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 7. Ед. хр. 4. Л. 1.
- ⁴³ *Савенко Г.В.* Юристы социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918 – 1922 гг.) // Иваново-Вознесенский юридический вестник. 2002. № 2. С. 34.
- ⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 30. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Сыромятников Б.И.* Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов) // Право и жизнь. 1926. Кн. 1. С. 3–15.
- ⁴⁷ Там же. С. 3.
- ⁴⁸ Там же. С. 4.
- ⁴⁹ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9-ти т. М., 1989. Т. 5. С. 233, 234; См.: *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 162.
- ⁵⁰ «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В.И. Вернадского. 1928 г. / Публ. В.П. Волкова // Исторический архив. 1999. № 1. С. 183.
- ⁵¹ *Сыромятников Б.И.* Очерк по истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925.
- ⁵² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 2. Ед. хр. 1.
- ⁵³ *Виллер Р.Ю.* Иван Грозный. М., 1922; *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923.
- ⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 5.
- ⁵⁵ Там же. Л. 54.
- ⁵⁶ Там же. К. 37. Ед. хр. 72. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. К. 30. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ⁵⁸ Там же. К. 24. Ед. хр. 2.
- ⁵⁹ Там же. К. 34. Ед. хр. 25.
- ⁶⁰ Там же. К. 36. Ед. хр. 16. Л. 30.
- ⁶¹ Там же. К. 39. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ⁶² *Сыромятников Б.И.* Из истории политической учений в России (XVI в.) // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 21–42.; М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3; О «смерде» Древней Руси (к критике текстов Русской правды) // МГУ. Учен. зап. МГУ. Вып. № 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. 1946. С. 26 – 40.
- ⁶³ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 26. Ед. хр. 14. В архиве сохранился как сам доклад, так и протоколы заседания.
- ⁶⁴ Там же. Л. 5 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 7 об.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. Л. 63.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122, 123.
- ⁷¹ К таким же выводам (правда в более осторожной форме) пришел и И.Л. Беленький, см.: *Беленький И.Л.* Борис Иванович Сыромятников // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 208.
- ⁷² *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 278, 279.
- ⁷³ *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2002. С. 191.
- ⁷⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 27.

- ⁷⁵ Там же. Л. 27.
- ⁷⁶ Там же. Л. 34, 35.
- ⁷⁷ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938. Т. 1.
- ⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 38.
- ⁷⁹ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города – государства Древней Руси. Л., 1988.
- ⁸⁰ Исторический журнал. 1944. № 9. С. 108.
- ⁸¹ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М., Л., 1943. Ч. 1.
- ⁸² Сыромятников Б.И. Абсолютная монархия в России в XVII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 511–548.
- ⁸³ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого... С. 88.
- ⁸⁴ Бельский И.Л. Указ. соч. С. 209.
- ⁸⁵ Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982. С. 128.; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 221; Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 11, 14, 28, 32, 38 – 40, 78, 102 – 104; Попов Д.Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С. 301–303.
- ⁸⁶ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М.: СПб., 2005. Т. 2. С. 113, 114.
- ⁸⁷ Например: Ковалевский П.Е. Исторический путь России // История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М., 2006. С. 497.
- ⁸⁸ Покровский С.А. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1. // Исторический журнал. 1943. № 8–9. С. 95.
- ⁸⁹ Бахрушин С.В. Книга Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого» // Большевик. 1944. № 22. С. 54–59; Кафенгауз Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 37, 38; Лебедев В., Юшков С. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1 // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 126 – 131.
- ⁹⁰ Лебедев В., Юшков С. Указ. соч. С. 126.
- ⁹¹ Там же. К. 4. Ед. хр. 2. Л. 1.
- ⁹² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 28. Ед. хр. 17.
- ⁹³ Подробнее см.: Константинов С.В. Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП (б) в мае–июле 1944 года) // Власть и общественные органы России в первой трети XX столетия. М., 1995. С. 254 – 268; Бранденберг Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Археографический ежегодник 1998. М., 1999. С. 148–163.
- ⁹⁴ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопр. истории. 1996. № 3. С. 97.
- ⁹⁵ Там же. С. 99–105.
- ⁹⁶ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 188–205.
- ⁹⁷ Там же. С. 203.
- ⁹⁸ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 37. Ед. хр. 5. Л. 1–14.
- ⁹⁹ Сыромятников Б.И. К вопросу об изучении истории и права славянских народов // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 109, 110.
- ¹⁰⁰ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 34. Ед. хр. 25. Л. 30.
- ¹⁰¹ Там же. К. 10. Ед. хр. 10. Л. 5.
- ¹⁰² Б.И. Сыромятников [Некролог] // Советское государство и право. 1947. № 2. С. 87, 88.

ВСПОМИНАЯ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ

В.В. Трепавлов

Сергей Григорьевич АГАДЖАНОВ
(к 80-летию со дня рождения)

Сергей Григорьевич Агаджанов родился 30 августа 1928 г. в туркменском городе Мары. Его отец, служащий Ашхабадской железной дороги, рано умер, и вся забота о семье легла на плечи матери. На всю жизнь Сергей Григорьевич сохранил любовь и память об этой простой женщине, которая смогла в тяжелые военные годы поднять сыновей и дать им образование. Закончив с отличием школу, С.Г.Агаджанов в 1946 г. поступил на исторический факультет Ашхабадского педагогического института. Началось формирование молодого ученого. Уже с первых лет студенчества определились его научные интересы – история тюрок-огузов (предков туркменского народа) и державы Великих Сельджуков.

В 1948 г. столица республики была разрушена страшным землетрясением. От стихии пострадала и семья Агаджановых. Сопровождая тяжело раненую мать, Сергей Григорьевич вынужден был уехать из Ашхабада в Баку. Там он стал учиться на восточном отделении исторического факультета Азербайджанского университета. Через два года, после выздоровления матери, он вернулся на родину и закончил институт в Ашхабаде.

Годы учебы, несмотря на драматические обстоятельства, позволили С.Г. Агаджанову получить превосходное востоковедческое образование. С большой теплотой он всегда вспоминал своих учителей – В.М. Массона, В.А. Ромодина и др. Совершенствованию его квалификации послужила и языковая среда, в которой жила армянская семья Агаджановых. С детских лет Сергей Григорьевич армянскую, русскую, туркменскую речь, позднее в совершенстве овладел языками турецким, азербайджанским и персидским, а также западноевропейскими.

В 1950 г. С.Г. Агаджанов поступил в аспирантуру Института истории АН Туркменской ССР. Первыми результатами его профессиональной научной деятельности стали защищенная в 1956 г. диссертация «Падение Восточно-Сельджукского государства» и

выпущенная на ее основе книга¹. Автора занимал последний этап существования одного из осколков империи Великих Сельджуков – некогда могущественной и обширной мусульманской державы. Он рассмотрел мотивы и движущие силы восстания огузских племен в 1153–1158 гг., показал причины и общую картину падения Восточно-Сельджукского султаната.

Великолепное знание средневековых источников, географических и бытовых условий жизни народов Центральной Азии, талант тонкого исследователя вскоре позволили С.Г. Агаджанову стать ведущим специалистом по истории огузов. Данная тема получила развитие в фундаментальной монографии «Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.»², по которой в 1970 г. была защищена докторская диссертация. Спустя десятилетия эта книга несколько не устарела и до сих пор остается единственным в отечественной историографии крупным исследованием о кочевой державе огузов и о раннем этапе этнической истории туркмен.

В «Очерках» получил освещение самый загадочный на тот момент этап огузской истории – период жизни племенного союза огузов после распада Западно-Тюркского каганата и история их государства на Сырдарье. На огромном материале средневековых хроник развернута 500-летняя панорама расселения, экономики, общественного и политического строя этих воинственных кочевников. Получило подробное освещение так называемое сельджукское движение – массовое переселение огузских племен на Средний Восток в X в. и создание империи Великих Сельджуков. С.Г. Агаджанов уделил внимание генеалогии первых «великих» султанов, показал причины (с его точки зрения, главным образом социально-экономические) грандиозной миграции среднеазиатских номадов в южные страны.

В 1954–1976 гг. С.Г. Агаджанов трудился в ашхабадском Институте истории. Начал он свою деятельность там младшим научным сотрудником, закончил в должности и.о. директора. В течение нескольких лет он возглавлял сектор этнографии. Исследовательскую работу он совмещал с преподаванием в Туркменском государственном университете, был активным участником Туркменского географического общества и Общества охраны памятников истории и культуры, редколлегии «Известий АН ТССР». Научные достижения и организаторские способности ученого были отмечены в 1971 г. орденом Трудового Красного Знамени, а в 1978 г. избранием его членом-корреспондентом Академии наук Туркмении.

В 1973 г. Сергей Григорьевич опубликовал в Ашхабаде книгу «Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв.»³, которая развивала некоторые положения предыдущей монографии. В центре внимания

автора на этот раз оказались отношения туркмен с теми их сородичами-огузами, которые ушли в Иран и Малую Азию и основали там державу Сельджукидов.

В интенсивной исследовательской и преподавательской работе, этнографических экспедициях и дискуссиях на научных конференциях продолжалась жизнь авторитетного ашхабадского историка. Его познания и квалификация были общепризнанными в родной республике. Эти качества были известны и привлекли внимание руководства Академии наук СССР и Института истории СССР в Москве, когда в середине 1970-х годов встал вопрос об организации в головном историческом институте структурного подразделения для изучения народов СССР. В 1976 г. С.Г. Агаджанов с семьей – женой и двумя сыновьями-школьниками – переехал в Москву и вскоре возглавил новый отдел истории общих проблем истории народов СССР (впоследствии разделившийся на «досоветский» и «советский» сектора).

На этом посту ему довелось руководить уникальным многонациональным коллективом ученых – дружным, веселым и обожающим своего «шефа». В отделе в разное время работали русские и армяне, узбек и аварец, татарин и молдаванин, казашка и осетинка, эстонка и азербайджанка. Знание местных национальных источников, литературы, языков и проблематики позволили отделу начать разработки коллективных исследований по общим, принципиальным проблемам истории взаимоотношений народов в нашем огромном государстве. Инициатором и душой этой работы стал С.Г. Агаджанов.

Для начала он предложил сотрудникам готовить ежегодные обзоры исторической литературы, издающейся в союзных республиках, и эта практика стала традиционной в отделе, просуществовав до начала 90-х годов. Она позволяла быть в курсе сложных процессов, развернувшихся в исторической науке национальных регионов и вообще на «идеологическом фронте» в последний период существования СССР.

Со всей страны, из национальных регионов в отдел ехали на учебу аспиранты. Семерым из них, в том числе и автору этих строк, посчастливилось готовить диссертации под руководством Сергея Григорьевича. Стиль его отношений с молодыми коллегами вызывал восхищение и даже зависть у других аспирантов. Он никогда не навязывал своих суждений, полностью доверяя интуиции аспиранта и предлагал внести какие-то исправления в текст лишь в том случае, если автор писал совсем уж несообразные вещи. Здесь сказывалось не только уважение к труду ученика, но и общая терпимость к чужому мнению, отличающая настоящего интеллигента.

Помню, однажды он зачитывал нам свой отзыв на чью-то диссертацию. Прозвучала фраза: «Автор должен был бы внимательнее отнестись к свидетельствам...» – и приводилось название источника. В этом месте Сергей Григорьевич осекся: «Да никому он ничего не должен!» – и переправил предложение, превратив его из замечания в доброжелательную подсказку.

Отдел общих проблем превращался в авторитетный центр исследований истории народов. Главная заслуга в этом принадлежала его руководителю. Сергей Григорьевич многократно выезжал в союзные республики для обсуждения дискуссионных вопросов и выработки совместных исследовательских проектов, редактировал академические сводные труды по истории Туркмении, Киргизии, Казахстана (и сам писал для них главы и разделы).

В 1989 г. отдел во главе с С.Г. Агаджановым провел всесоюзный «круглый стол», посвященный особенностям складывания полиэтнической державы, – «Присоединение народов к России и его объективно-исторические последствия»⁴. Это был закат «перестройки». На окраинах разгорались межнациональные конфликты, особенно на Кавказе. Их отголоски звучали и в бурных спорах в зале Звенигородского пансионата, где проходил «круглый стол». Обсуждение показало нарастание кризиса как в советской исторической науке, так и в союзном государстве в целом. В центре дискуссии оказался программный доклад С.Г. Агаджанова, в котором ставились новые задачи в изучении прошлого народов. Было ясно, что прежние трактовки и объяснения исторических событий не работают; благостное описание присоединения народов и территорий как мирного и добровольного процесса разительно отличалось от исторической истины. Требовалось заново приступать к анализу вопросов, которые, казалось бы, давно и прочно утвердились в историографии. Однако в тех условиях координировать из центра работу ученых в разных союзных республиках уже оказалось невозможным.

После распада СССР отдел общих проблем не только не утратил своей значимости, а наоборот: под названием Центра истории народов России и межэтнических отношений он занялся одним из центральных вопросов в жизни новой России – межнациональным взаимодействием. С.Г. Агаджанов оказался на высоте новых задач. Под его руководством коллектив подготовил большой научный труд о системе управления в национальных регионах России⁵. В нем впервые давалось подробное описание административной структуры многонационального государства на протяжении четырех столетий (до начала XX в.). Сергею Григорьевичу принадлежит заключительная глава – «Основные черты системы управления национальных окраин России (опыт сравнительно-исторического анализа)», в которой

разобраны многообразные факторы складывания управленческих институтов в национальных регионах империи, поднят вопрос об изучении автономий различного типа и местных административных особенностей (генерал-губернаторства, наместничества, протектораты, система военно-народного управления и т.д.). Такой акцент был необходим, чтобы сломать сложившийся в историографии стереотип об унитарном характере дореволюционной России.

Этот коллективный труд до сих пор широко используется и цитируется коллегами в России и за рубежом, на его основе читаются лекционные курсы в университетах. Интересно, что он был востребован еще в рукописи, когда чиновники тогдашнего Министерства по делам национальностей обращались к ней для консультаций. К сожалению, С.Г. Агаджанов не дожил до выхода книги в свет.

Едва закончив работу над коллективной монографией, Центр по инициативе своего руководителя приступил к исследованию другой сложнейшей проблемы – истории русского населения в национальных регионах России XVI–XX вв.⁶ Несмотря на сложности постсоветского времени, основное ядро коллектива сохранилось и оказалось способным на решение глобальных познавательных задач. Во многом это было заслугой Сергея Григорьевича, в котором сотрудники видели не только старшего коллегу и наставника, первоклассного научного лидера, генератора идей, но и тонкого, умного администратора, организатора. Постепенно вырисовывалась тема уже для следующего этапа – изучение природы межэтнических контактов на территории нашей страны. С.Г. Агаджанов поддержал инициативу молодых сотрудников по периодическому проведению научных конференций Центра, посвященных контактными зонам, т.е. регионам наиболее интенсивного контакта⁷.

Вместе с тем он не оставил и огузскую тематику. Как-то раз в беседе с коллегами Сергей Григорьевич обмолвился: «Огузы для меня незабываемы – как первая любовь». Он имел репутацию ведущего специалиста по истории огузов, расселившихся по огромным пространствам Азии, и в целом истории средневекового кочевого мира. В этом качестве его постоянно приглашали оппонировать диссертации, писать разделы в коллективных трудах по этому кругу проблем⁸.

Последней монографией, вышедшей из-под пера ученого стало «Государство Сельджукидов и Средняя Азия в IX–XII вв.»⁹. Этот труд основан на огромной источниковой базе. Во всю мощь проявился талант зрелого исследователя. Не случайно уже через два года книга была переведена и издана в Германии, а позже поступили аналогичные запросы из Ирана и Египта (но Сергей Григорьевич об этом уже не узнал).

В ней проанализированы уже не просто отдельные важнейшие аспекты прошлого огузов и сельджуков, но вся истории Сельджукидской империи от зарождения до распада. Основное место заняло изучение вопросов политической и социально-экономической истории Средней Азии, входившей в состав этого государства. Особое внимание на этот раз автор уделил долгосрочным последствиям сельджукского периода для социального развития стран Востока, сформировавшимся в то время административным институтам и поземельным отношениям.

Неожиданным показателем мастерства анализа и искусства изложения стало появление этого сочинения Сергея Григорьевича в коммерческой книжной торговле. Разумеется, сам автор отнесся к этому факту с иронией, но не упускал случая поинтересоваться ценой своей книги на лотках и потом с удовлетворением отмечал, что она оказалась отнюдь не самым дешевым товаром в ряду разномастных детективов и любовных романов.

Сложные обстоятельства периода перестройки и реформ не могли не вызвать обостренной реакции у Сергея Григорьевича. После отделения бывших союзных республик его родная Туркмения превратилась в далекую зарубежную страну. Трагические обстоятельства сложились у его армянских родственников в Азербайджане, откуда они были вынуждены бежать и искать пристанище в Москве, в семье Агаджановых. Сергей Григорьевич редко делился душевными переживаниями, но окружающие замечали, насколько сильно сказывались на нем стрессы последних лет. Огромное потрясение он пережил, узнав о смерти своего близкого друга, члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева, а затем члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Сердце Сергея Григорьевича не выдержало.

С конца 1995 г. он тяжело и долго болел. Иногда он собирался с силами и появлялся в институте, выступал на заседаниях Центра, делал доклады. До последних дней он старался не оставлять научную работу, приглашая аспирантов для консультаций даже в больничную палату. Во время своего последнего посещения института Сергей Григорьевич сделал великолепное сообщение по проблеме русского населения окраин. Он разработал памятку для авторов – в сущности концепцию исследования, которой авторский коллектив, сотрудники Центра продолжали придерживаться и после ухода своего руководителя из жизни в феврале 1998 г.

Сергей Григорьевич Агаджанов оставил около 200 научных работ, много учеников, живущих ныне в разных странах. А главное – он оставил о себе благодарную память у всех, кто его знал и видел в нем образец порядочности, интеллигентности, скромности, высокого служения науке.

- ¹ Агаджанов С.Г. Восстание огузов 1156 г. и падение Восточно-Сельджукского государства. Ашхабад, 1956.
- ² Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- ³ Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад, 1973.
- ⁴ Публикацию некоторых его материалов см.: Российское многонациональное государство. Формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995. С. 6–167.
- ⁵ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998.
- ⁶ Русское население национальных окраин России (XVI–XX вв.). М., 2000.
- ⁷ Удалось провести всего две конференции. Материалы первой опубликованы: Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.
- ⁸ См., например: История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986 (гл. «Средняя Азия. Афганистан»); История Востока: В 6-ти т. Т. II. Восток в Средние века. М., 1995 (гл. «Сельджукское завоевание и государств Сельджукидов», «Чингисхан и Чингисиды в Средней Азии»).
- ⁹ Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в IX–XII вв. М., 1991.

А.А. Данилов

Юрий Иванович КОРАБЛЕВ

Когда мы пытаемся оценить кого-нибудь, особенно тех, кого знали много лет, то чаще всего вспоминаем о том, как этот человек вел себя в различных ситуациях, тем более – в разных исторических обстоятельствах. Именно это позволяет нам спустя какое-то время сделать вывод не только о правильности поведения других людей, но и об их жизненной мудрости (или отсутствии таковой).

Юрия Ивановича Кораблева я знал много лет. Вначале это было, конечно, знакомство заочное. В пору учебы на историческом факультете Хабаровского педагогического государственного института в курсах истории КПСС, истории СССР советского периода, историографии отечественной истории я привык к тому, что фамилия Кораблева упоминается в числе ведущих авторов многотомной «Истории КПСС», в фундаментальной «Истории Второй мировой войны», в известной «Революции 1906–1907 гг. в России», во многих других изданиях.

В годы обучения в аспирантуре в Московском государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина я впервые увидел и услышал самого Юрия Ивановича во время его выступлений на кафедре у О.И.Тернового (напомню, что он был выпускником исторического факультета МГПИ 1940 г.). В то время он на меня произвел большое впечатление не только своими фундаментальными знаниями, вполне осознанной и далеко не апологетической позицией в вопросах

истории Гражданской войны, но и убежденностью в правоте этой позиции, умением доходчиво объяснить начинающим ученым, как именно следует выбирать тему исследования и настойчиво идти вперед к намеченной цели.

Вообще годы обучения в аспирантуре дали мне уникальную возможность увидеть крупных ученых, которые уже тогда вошли в историю отечественной науки. Вспоминаю, как в темном коридоре главного здания МГПИ стоял, опершись на палочку, старый и усталый человек в старомодных круглых очках и черной вытертой феске. На недоуменный вопрос коллеге-аспиранту: «Кто это?» – был ответ шепотом, повергший меня в священный трепет: «Тшшш! Это великий ученый Алексей Федорович Лосев!». Так и хотелось воскликнуть: «Неужели он жив?». Алексей Федорович тогда приезжал в институт нечасто. А когда отмечалось его 90-летие, в большой «Ленинской» аудитории (где в свое время блистали яркими речами и Ленин, и Троцкий, и Луначарский, и Бухарин) негромким, но четким и слышным всем в абсолютной тишине голосом великий ученый говорил о своем пути в науке, о том, что считал смыслом своей жизни.

Позже довелось встретиться и с другим легендарным академиком – Исааком Израилевичем Минцем. В то время (а это был первый поистине «перестроечный» 1987 г.) уже начиналось переосмысление исторического прошлого нашей страны, правящей партии, а вместе с ними, естественно, роли и места историков. Для И.И. Минца это было, наверное, самое непростое время в его большой и сложной жизни. Позже от Юрия Ивановича мне посчастливилось узнать немало интересного об этом удивительном человеке.

Большое впечатление на нас, молодых аспирантов, производили выступления крупных отечественных ученых, приглашаемых регулярно для теоретических докладов на кафедру Олегом Ивановичем Терновым, – К.Н. Тарновского, В.З. Дробижева, В.С. Лельчука, В.П. Наумова, А.И. Зевелева, В.А. Лаврина, Л.М. Спирина, Н.Н. Маслова. С их помощью мы, молодые аспиранты, не просто усваивали те или иные знания – мы учились слушать и слышать порой то, о чем говорить в ту пору было еще нельзя по многим причинам. В ряду этих выступлений научные доклады профессора Кораблева всегда занимали свое неповторимое и особое место.

Переосмысление исторического прошлого, преимущественно советского, потребовало подготовки новых учебников, которые отражали бы современный взгляд на нее. Первой из таких книг стал вышедший уже в 1986 г. учебник для 9-го класса «История СССР», авторами которого, наряду с Ю.И. Кораблевым, стали Ю.С. Кукушкин, И.А. Федосов и В.П. Шерстобитов. В начале 90-х годов, в пылу

политических страстей и мировоззренческих перемен, этой книге, как и ее авторам, немало досталось от тех, кто сумел быстрее других приспособиться к новой конъюнктуре. Но факт остается фактом – именно с этого учебника началось реальное переосмысление советской истории. И начало этому было положено, в том числе, и Ю.И. Кораблевым. Конечно, концептуально эта книга не была, да и не могла быть в то время иной, чем в «доперестроечное» время. Но она уже содержала немало новых подходов и оценок. Быть может, с позиций сегодняшнего дня эти подходы и оценки может увидеть лишь специалист, но чего никто не может оспорить, так это того, что в переосмыслении советской истории авторы этой книги *были первыми*.

Позднее мы не раз беседовали с Юрием Ивановичем именно об этом учебнике. Поводом к этому послужил выход в свет в 1995 г. нашего с Л.Г. Косулиной нового учебника по истории России XX в. Ю.И. Кораблев был одним из первых, кто по-доброму отнесся к этой книге и к нам, начинающим авторам. Его высокие оценки были для нас особенно важны, ведь высказывал их автор *первого учебника* перестроечного времени. Тогда он рассказывал нам и о проблемах, с которыми сталкивались он и авторский коллектив при подготовке рукописи своего учебника. В глазах властей они были едва ли не диссидентами. А век этой книги, к сожалению, оказался весьма короток – ускорение перестроечных процессов заставило обновлять содержание учебников едва ли не каждый год, а позже отказаться и от ряда авторов. Издательства не успевали за динамикой политических процессов, и им приходилось теперь создавать не новые учебники, а «вкладыши» к ним. И в этом деле Юрий Иванович был среди первых. Особенностью и сложностью этого этапа переосмысления истории СССР было то, что еще отсутствовали новые документальные материалы, скрытые до поры до времени в архивах. Отсюда во многом и та осторожность, с которой профессиональные историки относились к новым версиям и оценкам, звучавшим с подачи публицистов.

Сегодня, спустя немало лет после этих встреч, я по-новому оцениваю не только взгляды Ю.И. Кораблева на оценки, содержащиеся тогда в учебнике, но и собственно то непростое отношение его к себе, как автору, которое было ему тогда продемонстрировано многими, увы, даже весьма близкими и казавшимися надежными людьми. Он никогда не сетовал на это, никогда не жаловался, хотя обид, судя по всему, пришлось пережить немало. По себе знаю и могу с уверенностью сказать – желающих уязвить и задеть за живое не тогда, когда нет желающих что-либо сделать впервые, а потом, когда это уже спокойно может сделать любой – всегда достаточно

в нашей жизни. Вспоминаю, как был приглашен к ответственному чиновнику министерства образования, где мне было высказано пожелание «написать *либеральный* учебник по истории». Речь шла о том предмете, по которому никто не хотел тогда писать учебных книг – по истории России XX в. для 9 класса (т.е. именно написать учебник, идущий на смену книге Ю.И. Кораблева). Оно и понятно, почему было так – нужно было ни много, ни мало предложить не просто новую структуру учебного курса, но, по сути, новую ее концепцию. Тогда и было высказано пожелание властей «написать либеральный учебник». Ответил я тогда так же, как ответил бы и сейчас, если бы поступило предложение написать «коммунистический», «националистический» или «государственнический» учебник: «Я напишу так, как сам думаю и понимаю нашу историю». В министерстве, правда, никто не настаивал, а когда книга появилась и была опубликована, был дан и рекомендательный гриф. Сегодня как никогда модно критиковать учебники истории – о высоконачальственных оценках действующих книг мы слышим едва ли не каждый день. Не оттого ли, что власть вновь, как и 70 лет назад, пытается «подсказать» ученым что и как они должны писать и оценивать? Порой, когда слышишь заявления о необходимости «объективного» и «беспристрастного» изложения исторического материала, закрадывается невольная мысль о том, что кто-то именно в высоких кабинетах считает, что он знает некую Истину и требует ее предъявить народу. Не потому ли это происходит, что в нашей стране всегда каждый считал себя специалистом в двух областях – в истории и в медицине? Об этом мы тоже немало говорили с Юрием Ивановичем, когда он делился своими мыслями о взаимоотношении власти и научного сообщества, в первую очередь, историков.

Но вернемся к главному. С 1992 г. кафедра истории МПГУ выступила инициатором серии научных конференций, посвященных памятным датам в истории нашей страны, которые юбилейными в полном значении этого слова назвать невозможно, – 75-летию Октября 1917 г., а затем и 75-летию начала Гражданской войны. Эти конференции мы проводили совместно с Научным советом РАН «История русских революций», который возглавлял в это время Павел Васильевич Волобуев. Контакты с руководством Научного совета – П.В. Волобуевым, В.И. Миллером, В.П. Булдаковым, а также с наиболее известными учеными, занимавшимися этим периодом отечественной истории, стали более регулярными. Чаще стали мы общаться и с Юрием Ивановичем, который был непременным участником всех этих мероприятий, где он выступал с докладами, привлекавшими всеобщее внимание.

Мне всегда импонировали исключительная доброжелательность Ю.И. Кораблева, его толерантность к иной точке зрения. Вспоминаю, как мы беседовали на кафедре с известными зарубежными специалистами – Р. Такером, А. Рабиновичем, С. Козном, Н. Вертом. Многие положения их работ были прямо противоположны тем позициям, на которых стояли отечественные ученые, но это не затрудняло уже диалога, а, наоборот, способствовало выработке научно выверенных выводов и оценок. Хотя бывало и так, что именно зарубежным коллегам приходилось урезонивать не в меру ретивых историков из России, желавших непременно увидеть и показать то негативное, что несла в себе наша история этого времени.

В условиях «архивной революции» начала 90-х годов, связанной с открытием партийных и государственных архивов и «обвальным» появлением в открытой печати множества новых документов и материалов, сложилась принципиально новая историографическая ситуация. Необходимо было если не концептуально переосмыслить весь советский период отечественной истории, то хотя бы попытаться по-новому взглянуть на отдельные, наиболее важные его события в свете новейших архивных публикаций. К числу ключевых тем относилась, конечно, история революций 1917 г. и Гражданской войны. Не стану упрекать тех историков, которые с учетом этих новых материалов быстро сменили «плюсы» на «минусы» в своих оценках, – сработал «закон маятника», известный всем, пережившим революционные перемены в обществе. Обращусь к другому – к судьбе и позиции тех, для кого смена устоявшейся научной позиции оказалась наиболее болезненной и тяжелой.

Конечно, Юрий Иванович относился к их числу. Но нельзя не отметить и того, что он вовсе не был закрыт для новых взглядов. Наше с ним общение показывает, что для него были вполне очевидны многие новые оценки характера большевистской власти, истоков и сущности Гражданской войны, он не исключал пересмотра собственных взглядов на казалось бы хорошо известное.

Вспоминается такой случай. Проходило очередное ежегодное заседание Научного совета академика В.П. Волобуева. В повестке дня стоял и доклад Юрия Ивановича по Кронштадтскому восстанию. Однако незадолго до этого мероприятия (оно уже было объявлено) вышел в свет сборник документов по Кронштадту, подготовленный на основе новейших архивных материалов. Юрий Иванович не стал снимать доклад или менять тему, хотя это было не поздно сделать. Он вышел на трибуну и сказал: «Недавно я подготовил и сдал в печать большую статью по Кронштадтскому восстанию. Предполагал сделать и сегодняшний доклад по этой проблеме. Но вышедшие только что документы делают необходимым по-новому взглянуть

на то, что казалось мне понятным раньше. Я принял решение отозвать свою статью из печати, а также повременить с заявленным на сегодня докладом. Мне нужно вначале внимательно изучить все эти материалы». Это был поступок мужественного и честного человека, настоящего ученого, который не боялся таким необычным шагом уронить свой авторитет профессионала. Именно этот факт произвел на меня тогда самое сильное впечатление, заставившее взглянуть на Ю.И. Кораблева во многом по-новому. Ценить и уважать его после этого мужественного поступка я стал еще больше.

Много добрых слов Юрий Иванович заслуживает за постоянное, внимательное отношение к молодым коллегам. Он многим сумелоказать поддержку. Сложилась целая когорта молодых ученых, которым он помог найти свой путь в исторической науке. В их числе хотелось бы выделить И.Х. Урилова (ныне академика РАН), которому советы Юрия Ивановича были весьма полезны при подготовке к защите докторской диссертации. В наших разговорах с Ю.И. Кораблевым он постоянно говорил о нем как об одном из перспективных молодых исследователей. Называл также В.Л. Телицына, В.П. Булдакова, других работников Института российской истории, которые, как он говорил, «обязательно будут нашими преемниками в исторической науке».

Последние годы Юрий Иванович работал на кафедре новейшей отечественной истории нашего университета у Э.М. Щагина, и мы виделись чаще. Последняя встреча состоялась в октябре 1996 г. Я уезжал в командировку, и мы встретились в коридоре на историческом факультете. Обменявшись приветствиями, вновь говорили о перспективах научно-педагогического сотрудничества, новых конференциях и сборниках их материалов. Прощаясь тогда, я, конечно, не думал, что больше не увижу Юрия Ивановича.

А последнюю весточку от него я получил уже тогда, когда профессора Кораблева не было в живых. Е.Г. Гимпельсон (увы, также уже ушедший от нас) подарил мне свою монографию «Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг.», которую я не сумел вовремя купить и о чем посетовал Юрию Ивановичу при последней с ним встрече. Он тогда обещал мне помочь, и это обещание, как всегда, выполнил.

ПУБЛИКАЦИИ

*

ПИСЬМА М.С. КОРЕЛИНА В.И. ГЕРЬЕ*

Милан. 1/13 ноября 1886.

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Вчера получил Ваше письмо и отвечаю на него, не откладывая дела в долгий ящик, так как вопрос о диссертации имеет для меня весьма важное значение. Вашей угрозы я не только не испугался, но она меня даже порадовала, так как я очень хорошо понимаю ее психологический источник. Вы не Каульбарс¹ (которого впрочем, я знаю только по иностранным газетам), да и я не Болгария; тем не менее, по поводу ультиматума позвольте предоставить некоторые объяснения.

Я могу себе представить два случая, когда Вы можете отказаться быть моим оппонентом на диспуте. Во-первых, если моя диссертация по существу будет того заслуживать. Смею Вас уверить, что я тогда никуда не поеду, напишу другую, потому что настолько-то у меня всегда останется здравого смысла, чтобы этим фактом вполне убедиться в негодности работы. Но возможен и другой случай, когда Вы сделаете это по формальным соображениям. К Карееву² я, конечно, и тогда не пойду, но огорчусь порядочно. Между тем этих-то формальных препятствий я и боюсь, делая Вам в замену Вашего требования нижеследующее предложение: в августе привезу в Россию в готовом виде 1-й том моей работы, написанной по старому плану. Она будет заключать в себе I. Историографическое введение, состоящее а) из обзора изданных источников с некоторыми теоретическими соображениями; в) из критической оценки биографий гуманистов изучаемого периода и отдельных монографий по этой же

* Продолжение, начало см.: История и историки. 2005. М., 2006. С. 298–361. Публикация осуществлена при поддержке РГНФ. Проект 07-01-00213-а «Письма к учителю» (Подготовка к изданию писем московских историков П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.С. Корелина, Р.Ю. Виппера, Е.Н. Щепкина, П.Н. Ардашева, С.А. Котляревского к В.И. Герье). Подготовил Д.А. Цыганков

эпохе; с) из такого же обзора общих сочинений по историографии гуманизма; d) наконец, обозрение взглядов на Возрождение у главнейших общих историков, а также историков церкви, философии и литературы (последнее только, впрочем, только в том случае, если найду некоторые новые книги: кое-что сделано и сделать остальное не особенно трудно). II. Молодость Валлы³, его учителя и гуманисты Мартина V⁴. III. Философские воззрения и общее мирозерцание (т.е. отношение к природе и человеку, семье; собственности и государству, науке, поэзии и искусству) в их историческом развитии от Петрарки⁵ до Валлы включительно. Философские сочинения Валлы. IV. Мораль в такой же системе. De vero Bono Валлы (последняя глава только в том случае, если 3 первых не составят более 40 печатных листов). V. Приложение – интереснейший и неизвестный диалог P.C. Decembrio⁶ De ignorantia vitae и, может быть, еще кое-что. Все главы отчасти, а III и IV, по преимуществу, будут написаны на основе неизданных источников. Годится это или нет для магистерской диссертации? Тогда на 2-й том – религия, политика, критика и наука, и он будет приведен в такой вид, что через год можно будет печатать. Позвольте предусмотреть некоторые возражения – их два, во-первых, это не книга, а полкниги; но и магистерская степень теперь в особенности не цель, а перепутье, без всяких практических результатов. Во-вторых, существенное содержание этой части книги не история в строгом смысле, а по-моему история, потому что гуманисты этого периода были такими же философами, как Троицкий⁷, и что философского интереса их сочинения не имеют. Впрочем, должен признаться, что сам я хорошенько не знаю, можно ли представить книгу в такой половинчатой форме, хотя прецеденты были (Чупров и Миллер, если не ошибаюсь). Для меня это был бы наилегчайший и наиудобнейший путь; но пусть Вам принадлежит решение, и обращаюсь на этот раз не к Вашему состраданию, а к профессорскому чувству долга, недоступному пристрастию. А если нельзя, что тогда? Тогда альтернатива: или два тома, или Валлу отдельно, и я не знаю, что хуже. Представлять два тома на магистерство, конечно, абсурд; это, значит, стрелять из пушки по воробьям, потому что сами составители нового устава покраснели за бесплодность магистерского звания и предоставили факультетам право давать прямо докторство. Кроме того, мне самому хочется сделаться профессором гораздо раньше, чем я буду тестем, но вырвать Валлу из его обстановки тоже ужасно тошно. Не упрямство и не какие-нибудь подобные причины препятствуют мне принять Ваш совет немедленно, а совсем другие. Я поставил себе задачей показать, каким образом из семьи Фомы Аквината через благочестивого Петрарку выработался Валла с его решительной критикой, с сомнительной

религией и с, несомненно, отчаянной моралью. Задача казалась мне посильною: дело не хитрое, метод простой, читай памятники, делай из них характеристику (т.е. просто выписывай) каждого гуманиста, сортируй современников, сопоставляй их с предшественниками и пытайся объяснить различия, смотря по обстоятельствам, то психологически, то из условий современной жизни. Никакой здесь не требуется хитроумной интерпретации, источников довольно и в результате получится систематическое описание не описанного как следует общественного течения с добавлением посильного исследования его причин. Допустим, что причины исследованы неверно, работа не утрачивает значения, лишь бы описание было сделано *sine ira et studio*⁸, а это я могу. Вы видите, Владимир Иванович, что ни сатанинская гордость заставила расширить работу, а естественное желание, чтобы за казенные деньги было сделано что-нибудь путное. Вопрос, кроме того, меня всегда интересовал и продолжает интересоваться и в настоящую минуту, и я собирал материал и работал по этому плану. Сама биография Валлы была для меня внешней рамой, не имеющей существенного значения, а кроме того, поводом дать индивидуальную характеристику нескольким гуманистам, что мог бы я сделать и другим способом. Теперь представим себе, что я выделил Валлу. Конечно, я могу написать его биографию, как пишут другие: характеризовать среду, в которой он вращался, рассказать внешние факты его жизни, напечатать в приложении полтора десятка писем, которые я до сих пор нашел. А что делать с его сочинениями? Изложить их содержание и самое большое воспользоваться ими для характеристики Валлы, тогда как для истории-то важнее сделать как раз наоборот, потому что сочинения важнее автора. Вследствие этого первая работа сохраняет только чисто технический интерес научного исследования, а во второй придется изложить существенное содержание первой. Согласитесь, что этого мало. Итак, назовите мою магистерскую диссертацию «Л.В. и основные течения», потому, что т. I. – Общее мирозерцание и мораль, а в докторскую идет т. II – «Религия, политика, наука». Если нельзя, то придумайте что-нибудь.

Для заключения о гуманистах – Ваше поручение относительно книг. Я не думаю, чтобы я нашел много по этой части. В Берлине и здесь я искал для себя Валлу и Бекаделли⁹, и не нашел ни того, ни другого, хотя известные стихотворения последнего изданы в Германии в 1827. Дело в том, что гуманистов издавали только в XV и XVI столетии, немного в XVIII да и то далеко не всех. Впрочем, с библиографией я знаком хорошо только для моих гуманистов до половины XV в. Из них *Opera omnia* имеют Петрарка, Biondo¹⁰, Гаспарино да Барцицца¹¹, Поджио¹² и Валла; изданы письма не-

которых. Изданные сочинения по большей части в разных сборниках, исторические у Муратори¹³. Масса в рукописях. Мне бы было удобнее, если бы Вы прислали списочек; особенно важно это для новых книг. Так, например, работ о Петрарке довольно много и новых и старых. (В прошлом письме я наврал, введенный в заблуждение Гейгером (его статьей): Петрарка недавно издан весь). Не нужно даже делать списка, а посмотрите в конце Фогта и Гейгера, и напишите, что желали бы иметь. Обе книги у меня за собой. Ваши заботы о моем здоровье, за которые я Вам искренно благодарен и которые показывают, что между Вами и Каульбарсом нет ничего общего, дают мне повод наполнить письмо моей персоной. С этой стороны я совсем спокоен. Во-первых, я работаю не так много, как Вам написала жена, а, во-вторых, у меня внутри есть очень точный регулятор. Утомленный я не могу работать и немедленно получаю головную боль: значит переутомления бояться нечего. Правда, я работаю больше нормы, но ведь не гулять я сюда приехал на чужие деньги, а кроме того, что прикажите делать в Милане, да еще при отвратительной погоде? Еще теперь хоть не особенно холодно, а октябрь я просто дрожал от стужи. Выдалось, правда, несколько хороших дней, и я побывал на озерах и съездил в Венецию. В Милане я не скучаю, но хотелось бы куда-нибудь в центр, чтобы производительнее проводить досуги; здесь же, по неволе, должен отдыхать между кафе и ресторанами. Спасает еще красавица-галерея, на которую у меня чудеснейший вид из окна, особенно вечером, когда она облита электрическим светом. Самое интересное здесь – клерикализм, который я понемногу изучаю, абонировался на клерикальную газету и два раза в неделю беру уроки итальянского у попа, к величайшей радости моей хозяйки. (Сначала она считала меня язычником, а теперь повесила над моей кроватью огромную богородицу и, уходя в театр, где у нее буфет, зажигает лампаду на своем домашнем алтаре, и открывает дверь в мою комнату. Православие она решительно осуждает и не может понять, как женатые попы могут служить свободно, хотя я ей объяснил, что у нас обычно бывает служба раз в неделю). Суть здешнего клерикализма, кажется, я постиг и теперь искренно забавляюсь своими ...¹⁴: точно читаешь средневековую газету, редактором которой состоит обозлившийся св. Бонавентура. Тем не менее хотелось бы поскорее в Рим, а мне еще предстоит Флоренция. Жена мне писала, что, по Вашему мнению, мне главным образом нужно работать в Риме. Это вполне совпадает с моими желаниями, но я не имею никакого представления о тамошних библиотеках. Здесь работать очень удобно, и рукописного материала хватит еще на месяцы, что есть в...¹⁵, я знаю по каталогу Бандина; не можете ли

Вы мне дать каких-нибудь указаний на счет римских библиотек. Жена сосплетничала также, что Вы не одобряете моего намерения захватить в Лондон, потому что это потребует много денег и времени. Но денег у меня много нет – значит, мне нечего бояться, что я израсходуюсь, а времени больше того, сколько нужно для отдыха, я все равно не дам в особенности теперь, когда от скитаний впечатлительность значительно попрегупилась: теперь ходишь иногда по какому-нибудь corso точно по Арбату. А между тем получу представление об Англии и усовершенствуюсь немного в языке. Поеду, конечно, только в таком случае, если мне будет совсем все равно, где работать.

В заключение, позвольте сообщить Вам свои планы на будущую зиму и попросить у Вас совета и помощи. Правда, это будет еще не скоро, но время летит, да и к слову в этом письме. Я думаю вернуться в Москву в конце августа или в начале сентября, вернусь, конечно, без денег, без дела и даже, благодаря Кананову, без паспорта. Нужно озаботиться прежде всего делом, а остальное приложится. Если не прогоните с курсов, одно пристанище есть, желательно было бы получить несколько уроков в казенной гимназии не только ради денег, но и ради службы также. Может быть, Вы найдете возможность сказать кому следует в подходящее время подходящее слово. В округе, кажется, довольны моей пед(агогической) деятельностью. Кроме того, после я напишу Шварцу¹⁶, который хорошо осведомлен на счет разных вакансий. Я не прочь вернуться и в Центральную Азию, хотя меня, наверное, туда не пожелают. При небольшом количестве уроков я мог бы прожить зиму без хозяйства, как жил перед отъездом за границу. Доцентировать ужасно бы не хотелось, так как иначе будет трудно в одну зиму свалить с плеч одну книгу и докончить другую. Но защитивши в декабре или январе диссертацию, охотно начал бы приват-доцентировать с сентября. Одобрите ли Вы такое поведение?

Простите, что столь несвоевременно написал целую диссертацию и на такую эгоистическую тему. Буду ждать письма от Вас с большим нетерпением, и если не успеете написать в Милан (я остаюсь здесь до 9 декабря нового стиля), то жена сообщит Вам мой флорентийский адрес. Передайте мой глубокий поклон Авдотье Ивановне и простите, что обременяю Вас таким количеством просьб: лъщу себя надеждой, что, может быть, и мне удастся когда-нибудь быть полезным, если не Вам лично, то Вашим друзьям и родственникам.

Искренно Ваш М. Корелин

Большое спасибо Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, за Ваши послания. Будем надеяться, что на этот раз от слова станется вопреки пословице. Но какая печальная весть слышна отовсюду об университетских делах! Внутренний строй университетской жизни и внешнее на нее влияние принимают такой характер, который может в значительной степени отравить возможную для меня радость в этом году. Обидно это ужасно; но все кажется, что можно что-нибудь сделать, что можно изменить если не факты, то, по крайней мере, дух, ими созданный...

В Риме чувствую себя превосходно: во-первых, тепло, и я еще ни разу не озяб здесь; во-вторых, работать можно, хотя не особенно удобно. Библиотек масса, но по части книг беднота большая и притом время распределено довольно нелепо. Зато проник в Ватикан, где нашел дела Валлы (вообще бумажек разных понабрал здесь значительное количество). Теперь стараюсь достать из архивов инквизиционный процесс над Валлой и, если останется время, то *res gestae*¹⁷ некоторых пап; но здесь встречаются затруднения, для преодоления которых думаю завязать знакомства с русскими иезуитами. Вообще на знакомства я здесь первое время понабросился. 4 месяца я вращался с итальянцами, и это мне порядком поднадоело: разговоры шаблонные, самому говорить совсем неинтересно, а под конец и слушать приходилось почти одно и то же, так что потребность поболтать сделалась весьма чувствительной, и в Риме я нашел возможность вполне ее удовлетворить. Прежде всего встретил двух своих гимназических товарищей, из которых один фельетонист «Недели», странствует в качестве корреспондента, другой – дипломат – приехал с важными бумагами. Хотя такие встречи наводят на печальные хронологические размышления, тем не менее они доставили мне большое удовольствие. Кроме того, познакомился с двумя всеобщими историками: одесским профессором Успенским¹⁸ и петербургским магистрантом Регелем¹⁹; оба византийцы, оба, в сущности, милые люди, оба немного тупы и нестерпимо скучны. Самое интересное, что первый извлек из греческого мира – это его гречанка жена, которая была очень недурна уже в новейшей истории. Остальные восторги более поучительны, чем приятны: я посещал кружок не особенно важных дипломатов и довольно известных художников и затрудняюсь решить, где больше пошлости. Но особенно занимательно для меня было знакомство с сыном одного из наиболее титулованных вершителей наших судеб. Эта встреча – одно из наиболее интересных и в то же время тяжелых впечатлений заграничной жизни. В загородном кабачке в S(an) Paolo я слышал такую беседу, что совсем уверовал

в Немезиду. За жадностью к россиянам весьма быстро наступило пресыщение, и я теперь снова провожу большую часть времени в одиночестве. К сожалению, осматривать Рим очень неудобно: в 3 часа вместе с библиотеками закрыто все, а терять утро жалко. До сих пор еще не собрался в парламент и не был в театре; но времени впереди еще достаточно. Теперь позвольте продолжить свои итальянские наблюдения и рассказать о радикалах. Об них я знаю из трех источников: из газет, из речей на митингах, из бесед, случайных, конечно, в ресторанах и кафе. Между русскими и итальянскими радикалами есть одна общая черта – оба замечательно невежественны и в особенности в политическом отношении. В сущности, их радикалами назвать нельзя, слишком много чести, потому что эта кличка предполагает известную совокупность определенных политических воззрений, чего у них нет. В одном и том же номере газеты я встретил требование уничтожения постоянной армии и восторженные похвалы Мольтке²⁰ с его портретом, и таких примеров сколько угодно. Но русский радикал производит более выгодное впечатление в силу своего общественного положения и условий нашей жизни. В большинстве случаев это человек благовоспитанный, обеспеченный и лично порядочный, а кроме того, независимый обстоятельствами, он имеет возможность в трудную минуту, когда сказать нечего, поставить многоточие с геройским видом возмущенной добродетели. Итальянский – прохвост в полном смысле слова: жадный, хищный и нахальный. Самый главный орган партии – миланский «Secolo»²¹, по невежеству и приемам настоящий наш «Московский листок», но только социалистического-анархического-радикального направления. Газета имеет огромное распространение. Еще в Швейцарии, в Люцерне и Интерлакене, я видел на домах огромные расписанные рекламы, и первая газета, которую предлагают в любом итальянском городе – это «Secolo». Редакция заявляет, что продает около 200 000 копий ежедневно – цифра огромная, если принять во внимание, что деревня не читает и что в кафе один и тот же экземпляр читается десятками людей. На этот раз редакция не лжет, потому что одна крупная немецкая промышленная фирма заплатила 1 млн лир за право раз в неделю печатать большое объявление на последней странице этого социалистически-патриотического журнала. Этот огромный успех создал подражателей: почти все газеты, продающиеся за 5 сантимов, а таких большинство, держатся того же самого направления. Мое представление о радикализме в Италии, составленное, прежде всего, по этой газете, подтверждалось самым блестящим образом на митинге в том же Милане, который был раздут газетами, даже немецкими, до крупного исторического

события. Эту характерную картиночку я Вам изображу в следующем письме, если Вам это еще не надоело. Кареев пишет мне, что курсы не будут закрыты, а только подвергнутся реформам. Хоть одна приятная весть с родины.

Передайте мой глубокий поклон Авдотье Ивановне.

Искренно Ваш М. Корелин

Paris. 1/13 июня. Rue de Tournon 9. <1887>

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Ваше письмо, встретившее меня в Париже, я оставил до сих пор без ответа не потому, что мне пришлось долго его дожидаться: так далеко я не довожу своего подражания. У меня были другие более уважительные причины: мне хотелось поделиться с Вами парижскими впечатлениями, но их было недостаточно, а главное, я им не доверял. Даже и в настоящую минуту говорить о них слишком рано и по тем же причинам, но не желаю откладывать письма. Дело в том, что я жестоко простудился при переезде морем от Неаполя в Геную, да и в Париже, вообще говоря, прескверная погода, так что хорошо себя чувствую не более недели. Кроме того, работы масса, много и рукописного материала, и я долгое время делил время между Национальной библиотекой и Женевьевой, с одной стороны, и своей конурой в Латинском квартале – с другой. Сказать по правде, меня это очень огорчает: нигде не было такого соблазна перескочить из XV века в XIX, и из рукописей в жизнь, как в Париже. Кругом так много жизни и такая она деятельная, кипучая, веселая, и для меня пока мало понятная. А кое-что видел, конечно: был в Комедии и оперетте, слушал лекцию в Сорбонне и Луизу Мишель²², читаю газеты, приглядываюсь к уличной жизни, вступаю в разговоры, но все это так мельком, так урывками, что над всем нижеследующим ставлю большой вопрос. Прежде всего Париж показался мне самым большим, самым живым и самым блестящим городом из всех, какие я видел. Первое впечатление – самое благоприятное, мне показалось, что старинная аристократия растворилась в этой толпе, и в этой семье чувствовалось и присутствие изящных манер и умственного блеска старинного двора и прежних салонов. В театре это впечатление еще усилилось и окрепло. Я видел...²³ Дюма²⁴; это – не художественное произведение; в нем нет ни фабулы, ни живого драматического действия, ни характеров. Это легковесный трактат в диалогической форме, с довольно неглубокой и не вполне определенной общей мыслью, но с необычайно изящным остроумием и блестящим диалогом. На всякой другой сцене пьеса должна неми-

нуемо провалиться, но здесь она идет с успехом и смотрится даже профаном не без удовольствия. Причина этого заключается отчасти в актерах, отчасти и, главным образом, в публике. Труппа держится ensembl'ем; крупных талантов, которые бы затмевали других, нет; но зато я нигде не видел такого высокого общего уровня представления, как здесь. Труппа напоминает мейнингенцев, но там чувствовалась выучка, дрессировка, результат долгого и упорного труда, между тем как в «Com'ide Francaise» все идет так легко и свободно, точно и репетиций не было. Было бы легкомысленно утверждать, что в этом отражается дух теперешней Франции; но впечатление выносишь то же самое, что от всего Парижа. Много характернее публика, обладающая особенной чуткостью. В Германии представление редко прерывается аплодисментами, и это бывает обыкновенно при какой-нибудь патриотической выходке в новейшем грубом вкусе; в Италии приходят в восторг от сильных или просто мелодраматических моментов пьесы, выраженных притом совсем по театральному. Здесь аплодируют остроумной мысли, ловкому и блестящему обороту фразы и самому тонкому намеку. Театральная толпа не утратила одного из симпатичнейших свойств французского национального характера. Для меня неясно только, где кончается демократия и начинается охлос, и насколько велика его сила. М-ме Michel et Co, несомненно, полупомешанные люди: стоит только послушать, с каким добродушием собираются расстрелять всех, с ними несогласных. Но вопрос в том, сколько же их и как велико их влияние. Мои кратковременные наблюдения привели меня пока к очень утешительным для Франции и культуры впечатлениям. Сила этих течений заключается, по-моему, в фанатизме и невежестве; среди радикально-анархических листков есть, конечно, и «Secolo» и «Моск(овский) листок»; но в общем уровень и этой прессы гораздо выше, и с...²⁵ можно спорить и считаться, а главное они спокойнее и рассудительнее. Кроме того, влияние сволочи (простите за выражение, я его употребляю без морального оттенка), по-моему, довольно слабо. Я любовался достоинству, с которым вели себя французы. Допустим, что поведение правительства обуславливалось внешними соображениями; но с каким единодушием почти вся пресса стала на правовую точку зрения, просто поразительно. Даже брани на немцев не было. Демонстрация перед ...²⁶ во-первых, раздутые пустяки, а во-вторых, устроена она была мальчишками и студентами, которые вовсе не радикальны. Ненависть к немцу здесь не менее сильна, чем vice versa²⁷; но я нарочно читал «Kölnisch Zeitung», которая не только ругала площадными словами Буланже²⁸, но и называла министра другой страны Finanz Taschenspieler²⁹ за ненравящийся ей налог. Страсти, следовательно, в полном разгаре, а французы умеют

их сдерживать, а это большая редкость для такого политического и социального слоя. Или я очень уже грубо заблуждаюсь?

Крепко жму Вашу руку. Искренно и весь Ваш М. Корелин. Мой поклон Авдотье Ивановне. На днях пришлю ей свою защиту по Римскому вопросу.

Paris. Rue de Tournon 9. 23июня/5 июля (1887)

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Я не могу придумать удовлетворительного оправдания своему столь продолжительному молчанию, тем более что должен был особенно благодарить Вас за заботы о моем пропитании на следующий год. Остается надеяться на Вашу снисходительность и утешать себя тем, что Вы очень хорошо знаете мои к Вам чувства. Не могу сказать, чтобы и материала для письма не было: его так много, что хватит на целую диссертацию. Но прежде чем говорить о своих делах, позвольте ответить на Ваш вопрос относительно Aulard'a³⁰. Он читал в этом семестре Hist<oire> du pouvoir execute en France depuis le 10 aout jusque 9 thermid<or>³¹ раз в неделю, один раз в неделю объяснял современные документы и один раз cours pratique en vue des examens³². После Вашего письма я зашел раз к нему на лекцию и слушал факты из учебника, пересыпанные болтовней. Может быть, это была случайность, но другой раз заходить мне не хотелось. Я очень рад, что виноградковский диспут³³ оставил хорошее впечатление; впрочем, другого исхода нельзя было и ожидать. Но меня очень удивило, что Вас до сих пор печалит вонючая фигура С. Фортунатова³⁴: ведь Вам известно, конечно, что он искал повсюду того, что не получил от Вас, и с одинаковым успехом. Не верю я также и в ученое происхождение дружбы Ковалевского³⁵ к Виноградову: на его докторской диссертации напечатано посвящение «неутомимым исследователям английской жизни – Финлею³⁶ и Стороженке³⁷». К крайнему сожалению, я не могу отнестись с таким же оптимизмом к печальному известию о женитьбе Виппера³⁸ на толстосумой Ахрамович. Огорчает это меня несказанно, хотя я и не такой принципиальный противник ранних браков, как Вы, и в особенности Авдотья Ивановна. По-моему, все зависит от характеров и темпераментов, отчасти от экономических условий; а у Виппера все это сложилось крайне неблагоприятно. Я с ним сблизился еще в университете, очень его люблю, но должен признать, что в нем очень заметна принадлежность к семье, которая имеет много общего с Бедламом. Стремления у него идеальные до невыполнимости, строгость к себе невероятная. Ко всему этому присоединяется мысль о неспособности к серьезной работе.

В Москве он вечно терзался, что плохо дает уроки; за границей работал страшно много и постоянно мучался, что мало сделал, что не умеет работать. Всякая пустяковая неудача приводила его в отчаяние и влекла за собой ряд глупостей. А тут еще роман, который завязался года 4 тому назад. Я еще в Москве отлично видел, что эта возня с возлюбленной имеет на Роберта самое скверное влияние: до поездки за границу он только готовился к урокам и комментировал Ахрамович курсовые лекции. Я выдумал поездку за границу и возился здесь с ним, как с писаной торбой. Вы себе представить не можете, сколько он мне крови за границей испортил: дважды чуть не за фалды я удержал его в Берлине, удержал в Вене, в Мюнхене, уговорил провести зиму в Париже. Надоело мне это занятие хуже горькой редьки; но считаю ...³⁹ своим долгом делать это, потому что убедился, что и любви-то у них друг к другу нет. Роберт желает сдерживать слово и боится, что его больше никто не полюбит, а его теперешняя супруга, у которой нет ничего, кроме лени да сумасшедшего брата, – устроится. Это – случкая мещанка, с черствой практичностью и другими недостатками своего сословия, и совершенно лишенная плебейской гордыни, которая заставляет трудом и энергией добиваться того, что не дала случайность рождения. Она только и делала, что тащила Виппера из-за границы и нужно отдать ей справедливость делала это ловко и с тонким пониманием его характера. Тем не менее удавалось противодействовать, и в Мюнхене – легче, чем в Вене, потом удалось бы удержать и в Париже, если бы он не обманул меня с ловкостью сумасшедшего, решившегося на самоубийство. Я нашел его здесь бодрым и спокойным, как никогда, навел справки о его поведении и остался вполне доволен полученными сведениями. Беречь раны не хотелось, и я только мельком спросил о романе и получил ответ – «пустяки». Можно было успокоиться, тем более что уезжать из Парижа ему, видимо, не хотелось – и вдруг из Москвы какая-то безумная записка с извинением, что не может пригласить меня на свадьбу, а через несколько дней получаю от жены известие, что Роберт женился Простите, что так подробно рассказал эту дурацкую историю, но мне всегда казалось, что Вы равнодушны к судьбе моего приятеля.

Хотелось бы порассказать Вам о своей диссертации, но она Вам еще успеет надоесть. Выходит что-то вроде фотографической группы с Валлой в центре. Хочу описать и объяснить настроение гуманистической среды в половине XV века, но не знаю, удастся ли: для этого нужен, между прочим, и большой литературный талант, которого в себе не ощущаю. Главную надежду возлагаю на массу интересного рукописного материала, который удалось собрать. Те-

перь трачу значительную часть времени на выписки из рукописи для второй диссертации. Пристрастился я к манускриптам: неизданный кодекс, да если он еще и в печатном каталоге не обозначен, манит девственной прелестью, точно первый поцелуй. На книги и смотреть не хочется.

Мой глубокий поклон Авдотье Ивановне. Искренно Ваш М. Корелин.

В Париже останусь до получения министерских денег, т.е., *mini-tum* 2 недели. Потом поеду в Лондон. Во французах я значительно разочаровался.

Paris 29 июля/10 августа. (1887)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Если бы я зависел только от себя, то Ваше письмо не застало бы меня в Париже; но, как Вы видите, я и теперь еще обретаюсь здесь, благодаря крайней неаккуратности надлежащего начальства. Только на днях получил деньги из Петербурга и принужден вследствие этого изменить свои планы, без всякого, впрочем, ущерба для диссертации. Я не хочу, однако, совсем отказываться от Англии, хотя важного для меня рукописного материала в Лондоне нет и есть очень немного в Оксфорде. Но, во-первых, не люблю отказываться от раз принятого решения, если не представляется особенно уважительных причин; а во-вторых, для полноты впечатлений хочется посмотреть и на англичан. Есть, впрочем, одно соображение и так сказать ученого характера. В старинных библиотеках указывают два печатных сочинения Валлы, которых не видал никто из писавших о гуманистах, включая сюда и меня. Я не встречал их и в рукописях и хочу для очистки совести навести справку в Британском музее, последней большой библиотеке в Европе. Если прибавить к этому, что возвращение на родину через Лондон и Гамбург почти не увеличивает расходов и что отдохнуть мне недельку не мешает, потому что за последнее время начал страдать бессонницей, то и Вы, вероятно, одобрите мое намерение. Числа 6 августа покидаю Париж и около 22 буду у отца в Комлеве, а к 1 сентября в Москве.

Теперь о парижских впечатлениях. Большую часть из них я занес в протокол, пославши на днях анонимную статью в «Вестник Европы» о Салоне, где пытаюсь на картинах отметить общественное настроение. За статью, если она будет напечатана, мне жестоко достанется от Авдотьи Ивановны, хотя я резко нападаю на крайности несимпатичного ей направления (Покаюсь, кстати. Из Берлина я напечатал в В(естнике) Е(вропы) анонимную статью о юбилейных речах⁴⁰ Ранке⁴¹ и Трейчке⁴² и две псевдонимных корреспонденции⁴³

в Рус(ских) Вед(омостях). Последнее сделал главным образом для того, чтобы попробовать на всякий случай свои силы и на этом поприще, а относительно первой усердно Вас прошу прочитать ее как-нибудь после обеда. Она напечатана в февральской или мартовской книжке прошлого года). Но туда вошло не все. Уже в прошлом письме, кажется, я Вам писал, что во французах несколько разочаровался и главным образом по двум причинам. Во-первых, мне не нравится общий характер здешней науки (говорю только о нашей отрасли): очень уж она литературна, чтобы не сказать фельетонна. Напр(имер), Рамбо⁴⁴ очень недавно написал историю русской цивилизации, а после этого уже выпустил несколько томов истории французской цивилизации, а теперь готовит к печати – византийскую. Или лучше мне известный историк Ренессанса Nisard написал очень талантливую вещь, между прочим, о Филельфо⁴⁵ и Валле и присоединил приложения из их печатных изданий, тогда как под носом целая масса рукописного материала. Тебар совсем специалист по эпохе, курсы постоянно читает; но в книгах цитирует только Tigaboschi, а при личном свидании советовал мне обратиться к Фогту, как к последнему слову науки. Я не поклонник того направления, которое не хочет ничего знать, кроме факта. Обыкновенно такие ученые за деревьями леса не видят и часто утрачивают способность отличать важное от неважного в исторических фактах. В Германии таких не мало; но там и бездарность сделает полезную работу, если ей дадут хорошую тему; а зато, если историк обладает талантами, то получается Ранке (не говорю о последних годах: теперяшняя наука в Германии сильно попорчена политическими настроениями). Во Франции посредственность только болтает, да и крупные таланты, вроде Тэна⁴⁶ и даже Куланжа⁴⁷, сильно страдают недостатком всесторонней объективности, что, по-моему, в значительной степени зависит от отсутствия строгой научной системы. Что особенно печально, у французов были некогда Токвиль⁴⁸ и Гизо⁴⁹, которые умели соединять широту горизонта и глубину мысли с основательностью исследования, а теперь я не знаю, кого им можно противопоставить, и их духа как-то не чувствуется ни в лекциях, ни в том, что приходится читать. Другая причина моего разочарования простирается не на одну только Францию, но и на всю Западную Европу. Вздор, конечно, что Запад гниет; сильно преувеличено и опасение за современную цивилизацию от враждебного ей революционного социализма, который гораздо менее страшен, чем я думал. Но зато теперь господствует на Западе крайний материализм сильно взбудораженного национального чувства. Это крайне несимпатичное и антикультурное направление чувствуется решительно повсюду только в разных формах. В торжествующей Германии, где нет оснований

таиться, оно получило форму грубого хвастовства, самодовольства и принципы *Macht ist Recht*⁵⁰ и *Deutschland über alles*⁵¹ – проповедуются с возмутительной откровенностью на всех перекрестках. В Австрии, где не до завоеваний, национальная борьба доходит до настоящего человеконенавистничества. В Италии оно создало самую жалкую внешнюю политику и настоящий бред величия в самой стране. Быть великой державой – эта мысль буквально вскружила голову итальянцам, и они производят теперь впечатление, которое отлично характеризуется нашей поговоркой: на грош амуниции, а на рубль амбиции. В результате одни щелчки: союзники презирают, противники насмежаются, а какие-то дикари абиссинцы бьются и истощают силы страны. Все это чувствуют и от всего этого больно и стыдно. Я помню, каким плаксивым тоном жаловались итальянские газеты на Бисмарка⁵², что он не упомянул об Италии в своей речи перед септенатом; теперь нечто аналогичное случилось по поводу циркуляра Флуранса⁵³: Одни смешно, другие жалко негодуют. Во Францию я ехал в этом отношении с большими надеждами: родина космополитизма, не чуждая идеалистических порывов в политике, должна было, как мне казалось, устоять от этой эпидемии. Но, присмотревшись, я и здесь нашел то же самое, только в очень непривлекательной в нравственном отношении форме. Отчасти это зависит от обстоятельств. Реванш, чувство психологически понятное, и сам по себе не особенно благороден, но он соединяется еще с сознанием собственного безволия, вследствие чего приходится его скрывать и из боязни поражения обнаруживать миролюбие. Отсюда вытекает, во-первых, лицемерие, а во-вторых, искательство, – т.е. ложь в том и другом случае. Я писал Вам как-то, что меня огорчает отношение к России немецкой прессы; не радует меня и французская печать. Трудно решить, действительно ли существуют глубокие национальные симпатии между нами и французами, но не подлежит сомнению, что они сознательно раздуваются с очень определенными целями. Славянофилов и панславистов во Франции больше, чем в России, и даже у покойного Аксакова⁵⁴ я не встретил таких шатких доказательств в необходимости для нас разных заливов и проливов, таких горячих панегириков нашей культурной миссии в Азии и т.п., как в здешних головах. Но под всем этим пылом ясно чувствуется фальшь и самое недостойное заискивание, которое делает то же самое впечатление, как объяснение в любви богатой женщине промотавшегося да еще женатого прощелыги. Я глубоко убежден, что такое направление западноевропейского патриотизма, по существу, весьма культурного, явление временное, иначе он поведет к одичанию, к естественному состоянию, как его понимает Гоббс⁵⁵ – *bellum omnium contra omnes*, а я прогрессист.

Но нет худа без добра, и во Франции это течение имеет, по крайней мере, благотворное влияние на внутреннюю политику: оно смягчает политическую борьбу, ослабляет влияние крайних партий и содействует установлению большего порядка, не стесняя свободы. Едва ли можно думать, чтобы монархические партии оставили свои надежды, но они отказались от революционных средств для их осуществления. Образовавши консервативную партию в республиканском парламенте, монархисты усердно поддерживают теперь умеренное правительство, веря или делая вид, что верят в возможность мирной и легальной реставрации монархии. С другой стороны, радикалы положительно утратили кредит доверия даже в парламенте: их удаление от власти после последнего министерского кризиса было довольно смелым вызовом со стороны оппортунизма, потому что мимолетная популярность неприлично скоро забытого Буланже была тогда в апогее; между тем свое положение они утратили без большого шума. Об анархистах и говорить нечего. Собратия сумасшедшей Л. Мишель совсем пусты, а всякая попытка анархистов вмешаться в студенческие или радикальные сходки оканчивается свистками, а то и дракой. Мне казались более опасными немецкие социалисты: они трезвее, систематичнее и упорнее...

Собственно, пора бы спать, но мне хочется отметить еще две черты современной парижской демократии. Я думал найти здесь гораздо больше беспорядка и был приятно разочарован. Уличный порядок здесь такой же, как в Берлине; только там чувствуется еще необходимость *Schulzeugnis' a*⁵⁶, представителя того начала, которое порядок воспитало; без него я видал сцены не лучше наших. Здесь порядочно сама толпа, и полицейский только исполняет ее желания. Впрочем, может быть, это только оптический обман. Больше всего шума и беспорядка в палате и вообще в больших собраниях, как это и полагается по традиции, но в парламенте я видел трогательные сцены. В первый раз я был на обсуждении военного закона; вопрос жгучий, крайняя левая была страшно обозлена и шум был невообразимый. Тем не менее, радикал Флок⁵⁷ не без усилия прогнал с кафедры радикала ...⁵⁸, чтобы дать слово...⁵⁹, и он же простым заявлением, что «правительство имеет право всегда быть выслушанным», смирил своих единомышленников, не пускавших на кафедру министра. Вообще он держал себя, как строгий учитель в классе, и суверену приходится выслушивать от него очень горькие вещи. Другой раз я был на том заседании, когда Флок; измучившийся установлением дисциплины, подал в отставку и, по единогласному требованию палаты, взявши ее назад, излагал при страшных рукоплесканиях свое безукоризненное президентское *profession de foi*. Даже чем-то катковским пахнуло.

Вообще я выношу из Парижа то впечатление, что порядок здесь стоит прочно, но что парижанину начинает наскучивать и его порядок, и его свобода. Современное французское просветительство – и все другие деятели – совершенные посредственности по своим личным свойствам. Строго говоря, это и есть самая настоящая демократия – хоть по жребии выбирай, разницы большой не будет, и французы могли бы быть вполне довольны, потому что с практической точки зрения, для повседневной правительственной деятельности все эти Рувье⁶⁰ совершенно удовлетворительны. Но парижанин начинает скучать от будней. Это чувствуется, а вот и факты. Новый министр сократил бюджет на весьма значительную сумму, и на это почти не обратили внимания. С другой стороны, достигнутая свобода больше не занимает. Я уже давно в Париже, и только раз слышал Марсельезу, да и то официальную на смотре 14 июля. Да и понятно: зачем формировать батальоны, когда не предвидится никакой тирании. Прежде пели бедственное *c'est qu'il nous faut*⁶¹, а теперь уже с месяц поют просто шансонетки. Наконец, в чем причина популярности ех-министра? Говорят, его патриотическое настроение; но так настроены все генералы и большинство французов. Буланже болтал и имел любовницей одну актрису из французского театра, которую знал весь Париж (талантливая, но рожа), и в нем заподозрили гения, а потом рассмотрели поближе и немедленно позабыли. Просто, парижанин скучает по талантливому человеку, и я ему в этом от души сочувствую.

Однако пора спать. Простите за болтовню. Передайте мое приветствие Авдотье Ивановне. Надеюсь, что ее болезнь уже прошла, а бывшая гимназистка уже наверное выздоровела. Поздравляю ее с торжественным переходом из девочек в барышни. Крепко жму Вашу руку.

Искренно преданный Вам М. Корелин.

На страничку Авдотьи Ивановны отведу из Англии, и очень бы желал получить от Вас какую-нибудь весточку. За границей вашего письма получить не успею. Не напишите ли по такому адресу. Руза (Московской губернии) Петру Викторовичу Фролову для передачи в с. Комлево мне.

Еще раз Ваш М. К.

Петербург. Ждановка. (1888)

Давно собирался писать Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, да и есть кое-что интересное, чем хотелось бы поделиться с Вами, но все времени как-то не хватало. Нашлись знакомые старые, завел несколько новых, а кроме того, пока здесь был Кареев, все досуги уходило на разговоры. Теперь почти все

поразъехались, и меня тянуть домой начинает, но дела много, и работа идет очень недурно. Новостей много, но все они не утешительные. Недели полторы тому назад совет здешних курсов совещался о подаче прошения на Высочайшее имя, но мысль была оставлена, потому что совет не составляет юридического лица, которым является комитет. С одним из членов этого комитета я недавно познакомился, и он сообщил мне предполагаемый план действий. Проект женского университета выработан окончательно в ужасном виде: кроме древних языков, в нем находится и следующее требование. Университет можно открывать в каждом университетском городе, если общество или частное лицо внесет сумму, проценты которой покрывали бы 1/3 бюджета, а бюджет рассчитан так, что эта сумма должна составлять 300 000 тысяч руб. сер(ебром). Другая треть бюджета покрывается взносом слушательниц (?!), последняя – правительством. Не подумайте, что я переврал: так передают видевишие и читавшие сие произведение. Комитет думает, что в государственном совете эта мера не пройдет; а если бы она прошла, то перед его утверждением будет подано прошение. Когда Аничкову сказали, что это значит запретить курсы, он имел решительность ответить: вы плохо знаете энергию русской женщины, которая всегда своего добьется. В своих кругах они не скрывают, что проект представляет средство убить дело, не расписавшись в обскурантизме. Это говорил мне сегодня Лаврентьев⁶², к которому я заходил, так как он расспрашивал обо мне Кареева. Кстати о Лаврентьеве. Он хотел просить Высотского⁶³, не желая беспокоить Вас пустяками, достать диплом наших курсов. Екатерина Михайловна⁶⁴ поручила ему составить проект рисунка для аттестата в каком-то из своих заведений, а он не может найти художника, чтобы нарисовать подходящую виньетку. Ему хотелось бы взять образец с курсового диплома, который произвел на него, как оказывается, неизгладимое впечатление, а поручение должно быть исполнено летом. Я ему сказал, что Высотскому летом диплома не достать, и что я могу это сделать, если Вы разрешите мне проникнуть в Вашу квартиру. В крайнем случае, я могу послать ему на поддержание наш адрес, но мне этого не хотелось бы.

На днях вышли программы филологического государственного экзамена. Мне еще не удалось достать их, и история моих попыток это – превосходная тема для Щедрина; но я знаю, что по всеобщей истории удержана ваша программа. Их было прислано, кроме Вашей, 2 – Лучицкого⁶⁵, кажется, и Осокина⁶⁶. Министерство передало их на просмотр Васильевскому⁶⁷, а он призвал на помощь Кареева. Они остановились на Вашей программе, но Ва-

сильевский прибавил древний восток и сократил кое-что из средневековой Германии.

Материала для меня в Публичной библиотеке очень достаточно; теперь я обрабатываю мелкие книжки, а несколько толстых думаю при Вашем содействии выписать через университет в Москву. Погода в Петербурге очень хорошая (а жена пишет, что на даче они с Надюшкой мерзнут); жаль, что народ знакомый поразъехался. В утешение мне остался Регель, воплощение тоски византийской с немецкой аккуратностью, да Софья Семеновна Иванова, которую Вы немного знаете. Встретил на днях в библиотеке одну нашу курсистку (Конради, кажется, хорошенькая брюнетка); хочется ей сделать какую-нибудь работу по средневековой французской литературе, да не может выбрать темы. Хочу помочь. Однако до свидания. Передайте вместе с поклоном Авдотье Ивановне, что 18 июня вышлю ей заказной бандеролью Всемирную Иллюстрацию и надеюсь угодить. Барышням побольше веселья, пока замуж не повышли.

Искренно Ваш М. Корелин.

На счет диплома, а также поручения, если будут, сообщите так, чтобы я мог получить письмо здесь до 22–26 июня.

28 июня. Листвяны. <1888>.

Еще из Петербурга хотел писать Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, но не было подходящего настроения, а писать только для того, чтобы ответить на Ваше письмо, не хотелось. Теперь я вернулся уже к пенатам и нахожусь в самом благодушном настроении, которое нарушается только совершенно невероятной для конца июня погодой: не было еще ни одного дня без дождя, а прошлую ночь лило, как из ведра, и сегодня такой холодище, что приходится сожалеть о шубе. Если бы не чудесная зелень, свежая и яркая, как весной, наше лето походило бы на глубокую осень. В Петербурге была лучше погода, чем у нас, так что Москва начинает утрачивать свое последнее преимущество. О последних неделях своего пребывания в Питере рассказать Вам нечего: тогда начался уже мертвый сезон, да и я проводил большую часть времени в библиотеке. Впрочем, был в Царском Селе у Лаврентьева, и Ваш приятель произвел на меня очень приятное впечатление довольного или почти довольного судьбой человека. Я и не знал, что у него есть сын, очень симпатичный гимназистик 3 класса, а кроме того, у него на даче живет семья его брата с огромным количеством маленьких детей. Нужно видеть за обедом Леонида

Ивановича, когда он, восседая на хозяйском месте, не старается скрыть своего блаженного состояния. Только одно облачко затемняет несколько его благополучие – это невозможная фигура его принципала. Он говорил мне на прогулке, что считал бы счастьем служить с дураком, как Мещерский⁶⁸, а его начальство не просто идиот, а вдобавок сумасшедший. Из массы приведенных им в доказательство этому эпизодов видно действительно, что у Новикова есть своя особенная логика, не имеющая ничего общего с здравым смыслом, и потому весьма своеобразная. Позвольте передать Вам только один рассказ, весьма характерный для наших административных нравов.

Содержатель частной гимназии Гуревич желал устроить музыкальный экзамен в вербную субботу вечером и просил у попечителя разрешения. Новиков нашел неудобным веселиться накануне праздника, а когда Гуревич ему возразил, что экзамен не забава, а проверка результатов обучения, то попечитель учебного округа воскликнул: «Все вы вечно с наукой. А что такое наука? Г-о – вот ваша наука». Когда Кареев просил разрешения читать публичную лекцию «О причинах падения Польши», то попечитель требовал выпустить «причины», потому что, по его мнению, отыскивать причины – это болезнь и очень опасная.

По возвращении домой начал заниматься, систематически распределивши время: пять часов работаю над диссертацией, два над искусством⁶⁹ (...это мне искусство. Вы себе представить не можете, сколько оно мне крови перепортило, хотя я до сих пор еще не знаю, что буду читать в ближайшем семестре), и два час занимаюсь папством. Более 9 часов заниматься не буду, потому что эта порция совершенно достаточная для того, чтобы работать без утомления. При правильности занятий, не требующих пока особой поспешности, я всегда погружаюсь в благодушие и чрезвычайно люблю лето, потому что это единственное время в году, когда я могу себе позволить это удовольствие. Завести такие порядки зимой – моя самая любимая мечта, для осуществления которой пока не видно ни малейших признаков. Я все живее и живее начинаю разделять стремление гуманистов к «обеспеченному досугу для научных занятий». Уж не признак ли это подкрадывающейся старости?

Сегодня получил корректуру моей лекции о Петрарке⁷⁰. Статья вышла более 2½ печатных. Если она выйдет в июле, пришлю Вам в Самару. Получила ли Авдотья Ивановна № Иллюстрации от 24 июня⁷¹? Жид-редактор (заклячая по имени Фед. Францевич Александров) обещал выслать; но он может и надуть, потому что меня на гонораре обсчитал рублей на 5. Передайте мой поклон Ваше

супруге и барышням. Черкните пару слов, как идет ваше всеобщее лечение и какие планы насчет зимы. Эти вопросы меня очень интересуют. Жена шлет свой поклон.

Искренно весь Ваш М. Корелин.

По Ярославской жел. дор., Мамонтовская платформа.
Дер.Листвяны.

Листвяны. 3-го августа. (1888)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Ход моих занятий, столь успешный в начале лета, в половине июля изменился к худшему. По письму моему от 28 июня (я его отправил по старому адресу и не знаю, получили ли Вы его) Вы заключили, вероятно, что в конце августа я уже могу отдохнуть недельку перед началом занятий; по крайней мере, сам я мечтал об этом, но вышло иначе. Струсивши начавшихся головных болей, я решил отдать некоторое время полнейшему отдыху и поехал по гостям. В течение 10 дней сделал около 1500 верст и вернулся больной, только с нервами; питание на железнодорожных станциях и в провинциальных трактирах заставило обратиться к помощи Рома и, главное, создало невозможное настроение духа. К этому присоединяется отвратительнейшая погода, все лето то ветер, то дождь и слякоть и почти постоянно холода, в результате работа не клеится, хотя времени за книгой приходится проводить очень много; об отдыхе уже не думаю, а хлопочу только о том, чтобы успеть окончить экзамены к началу октября.

В прошлом письме я не успел сообщить Вам несколько мыслей по поводу книги Чичерина. «Собственность и государство» я начал штудировать давно, с прошлой осени, читал внимательно с конспектом и теперь окончил 1-й том. Кроме новых для меня фактов, кроме обстоятельного, критического изложения литературы, в большинстве случаев мне малоизвестной, эта книга снова выдвинула на первый план вопрос, который волновал нас в крайней молодости и которые вместе с зрелостью возраста становятся все более и более мучительными. Мы порешили их с мальчишескою самоуверенностью и легкомыслием одни на первых курсах университета, другие даже в гимназиях и гордо чувствовали себя обладателями самой заправской истины. Критики не было; учителя с испугом видели в вопросах «нежелательное направление», профессора или пугали ученостью и олимпийским спокойствием, не касаясь на лекциях философских основ общественной и личной жизни (боялись мы не единицы на экзаменах, а холодной

насмешки), или, что бывало гораздо чаще, не умели скрыть даже и от нас, что у самих у них нет никакого мировоззрения и что и наука-то представляется им в виде простого агрегата фактов, довольно плохо связанных между собою; литература текущая или не превышала уровня нашего развития, или пускалась в критику только в угоду начальству. Позже занятия научные направили интересы на изучение известной специальности, на разработку частных вопросов; преждевременно сданные в архив вопросы не имели в студенческое время большого практического значения, потому что столкновения с жизнью было мало, отношения к обществу и государству сравнительно просты. Сделавшись полноправными гражданами, мы очутились в курьезном положении: наш философский багаж оказался весьма жалким, а жизненные пути крайне сложны и довольно беспокожны. Выход из этого затруднительного положения приискивал каждый по своим наклонностям: одни, и таких большинство, попытались, отказавшись от признания всякого абсолютного начала, создать себе общественные и нравственные идеалы из разных обрывков религиозных и философских доктрин, другие пустились во все тяжкая от эпикуреизма до мистицизма включительно. Для первых книга Чичерина имеет или может иметь огромное значение. Две первые страницы вступительные весьма верно рисуют настроения таких читателей; автор мог бы прибавить к этому такую же мрачную картину их нравственного состояния, лишенного всякой прочной опоры. Положение, конечно, тягостное, но, по-моему, книга не вполне избавляет от него читателя. Когда-нибудь в другое время я буду просить у Вас позволения подробно изложить перед Вами на этот счет мои недоразумения; кроме Вас, мне не с кем об этом побеседовать: другие из моих знакомых или не понимают книги, или разделяют мои сомнения. Теперь мне хочется отметить два второстепенных недостатка книги: 1) современная молодежь не поймет Чичерина, он и не подозревает, до какой степени одичал его желательный читатель, который и в газете-то только фельетон постигает, а 2) если и поймет, то упрекнет автора за неполное изображение недостатков русской действительности, с которыми он познакомился также личным опытом.

Чупрову написал давно, но ответом не удостоен. Нужно ли в публикации перечислять предметы или, как в прошлом году, ограничиться выражением «по старой программе». Не найдете ли Вы более удобным, чтобы я съездил к Чупрову и до получения от него ответа не упоминал о полит. экон. в объявлении? Иначе может случиться, что Ч(ичерин) обидится и вместо него придется приглашать не преподавателя, а Иванюкова или Гольцева. На эти вопросы мне

очень хотелось бы иметь Ваше положительное решение. С большим наслаждением мечтаю о том времени, когда передам Вам неподобающие мне по чину курсовые права и часть непосильных обязанностей. Жена Вам кланяется; прошу передать наш общий поклон Авдотье Ивановне.

Искренно преданный Вам М. Корелин.

Ваш адрес узнал от Кареева; а Вы в письме ко мне употребили такое выражение «пользуюсь еще остающимся мне авторитетом».

В Москву на старую квартиру переезжаю около 15 августа.

Комлево. 26 декабря. (1888)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Не знаю, поспеет ли мое поздравление к нашему Новому году; положим, Комлево ближе к С(ан) Ремо, чем Москва, но нужно еще ждать okazji, чтобы отправить письмо на почту. Во всяком случае, от души поздравляю Авдотью Ивановну и Вас с хорошим началом года и искренно желаю, чтобы весь он и многие будущие были еще лучше прошлого. Мое главное пожелание – по адресу Вашей супруги: полного и совершенного восстановления здоровья, а для Вас специально я не могу придумать никакого особенного пожелания, потому что, мне кажется, что у Вас есть все, что нужно для счастья. Вот барышням, кроме Сони, от души желаю на Новый год по жениху, особенно Елене Владимировне.

Новостей у нас в Москве не особенно много, и большинство из них не годится для новогоднего поздравления, поэтому сообщу только одну: перед праздниками прислали в Москву академика Бекетова с Любимовым для организации государственных экзаменов, эти *missi domini*⁷² уже собрали несколько раз комиссии из деканов и секретарей, но, кроме разговоров, пока из этого ничего еще не вышло. Вы говорите об облегчениях, сокращениях, переутомлениях – словом, о дальнейшем преуспевании всяческого невежества, благо нашлось удобное знамя гуманности.

Но чувствую, что начинаю сердиться, что в нынешнем письме совсем неуместно. Поэтому же не хочу писать ничего и о себе. Мое комлевское Монрепо с каждым годом рушится, и кругом меня в настоящую минуту исключительно разрушающиеся существа, из которых одни близкие гибнут по природе, другие, тоже близкие, по своей вине. Все это не может хорошо настраивать, особенно когда затрудняешься решить теоретический вопрос, где кончаются права на тебя разных родственных неудачников и где

начинается право равнодушно относиться к их lamentациям. Помочь, конечно, можно; но чего это будет стоить? Однако я никак не могу сегодня попасть в надлежащий тон и потому заканчиваю свое неудачное послание.

Жена кланяется и шлет свое поздравление Вам и Авдотье Ивановне.

Ваш Корелин.

26 января. (1889)

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Я все ждал в ответ на свое письмо из Комлево в С(ан) Ремо, не будет ли от Вас каких-нибудь поручений или вопросов. Но, по-видимому, Вам так хорошо живется с близкими людьми в чужой обстановке, что о Москве и ее интересах и не вспоминается. Впрочем, у нас и интересов-то никаких не имеется. Об организации испытательной комиссии я Вам уже писал в прошлом письме; а на днях будущий председатель сказал нам, что для предстоящего государственного экзамена и печатных программ нужно вычеркнуть лишнее и прибавить необходимое. Дело кончится, кажется, просто – экзамен сведется к нулю, а государственный контроль к косвенному поощрению невежества. Студентами теперь довольны, а потому хотят показать им отеческую любовь. Способ для этого простой и известный – следовать примеру нежной маменьки знаменитого Митрофанушки. Удивительно, как живучи у нас патриархальные традиции. Вот с учителями строго. Между 15 и 23 у нас происходили экзамены, и лекций не было. В результате запрос, почему профессора не читают: Спасибо, субики⁷³ заступились и донесли, что студенты не ходят. Действительно, я видел в толстой книге на столе один профессор записывал: приходил, но нет слушателей, а один раз даже приписал, «кроме студента Егорова» – ишь, благородный свидетель моей аккуратности. Сервилизм и мракобесие, а и ѿ нашего теперешнего настроения. 12 января граф Л. Толстой написал статью в «Русских ведомостях» против обычая справлять университетский праздник⁷⁴ под прикрытием монашеского клобука издевался над учеными и наукой. Вся статья проникнута той мыслью, что 12 января гораздо более развращает массу, чем могут просветить все университетские лекции. Проповедь не подействовала, потому что фельетон и автор хоть Толстой, но Федот да не тот. Впрочем, два профессора соблазнились и пошли в «Московские Ведомости» с повинной...

Хороши у нас нравы? В заключение приятную для Вас новость, если Вы не знаете: Чичерин написал сочинение по химии и естест-

венники до небес ее превозносят, а Менделеев в публичном заседании сравнивал автора не то с Наполеоном, не то с Коперником.

Искренно Ваш Корелин.

Мой глубокий поклон Авдотье Ивановне и барышням. Жена всем кланяется.

2 февраля.

Это послание было уже написано, когда я получил Ваши письма из С. Ремо. Если бы они пришли раньше, то, наверное, несколько мое настроение (так в письме). Правда, Ваше единственное пожелание, к моему крайнему сожалению, в нынешнем году не исполню, но тон Вашего письма, а в особенности письмо Авдотьи Ивановны доставили мне большое удовольствие и заставили меня иначе отнестись к нашим московским происшествиям. Передайте мое большое спасибо Вашей супруге; на ее письмо о пасмурности моего настроения отвечу в непродолжительном времени. Новостей за это время у нас никаких, и все, кажется, обстоит благополучно. До скорого свидания.

Искренно преданный Вам Корелин.

Не найдете ли Вы возможным на обратном пути купить для меня, если это не будет особенно дорого.

Ferrazzi. Bibliografia Voccacesca u Contributo alla Bibl. Voccacesca.

...⁷⁵

Последняя особенно желательна.

Листвяны. 25 июня (1889)

Только вчера получил Ваше письмо, дорогой Владимир Иванович, и оно меня очень огорчило. Когда же это минуют, наконец, лихие болезни Вашу семью, и всем Вам будет вполне воспользоваться домашним покоем и настоящим образом отдохнуть от прошлого труда для будущей работы. Мне не только глубоко и от души жаль бедную Авдотью Ивановну, но и крайне обидно за нее. Недуг за недугом, точно из ящика Пандоры. Хочется думать, что операция на благо, потому что хирургия наименее сомнительный отдых медицинского искусства. Мне кажется, что Вам следует воспользоваться всеми выгодами заграничного пребывания и в случае надобности обратиться к знаменитостям: есть же какое-нибудь фактическое основание у громких медицинских репутаций. Усердно Вас прошу, черкните хоть пару слов в открытом письме, как идет выздоровли-

вание Авдотьи Ивановны и что говорят доктора. До сегодняшнего дня Ваше письмо было единственным черным пятном на моем настроении. Я охотно поверил тем, кто убеждал меня, что я имею нравственное право на отдых нынешним летом⁷⁶, и весь июнь, не говоря уже о мае, широко пользовался этим правом. Гуляю много, занимаюсь мало и притом без тяжелой срочности. Новых курсов не предстоит, срочная работа не висит над головою Дамокловым мечом, нервы в полном спокойствии, потому что будущее представляется ясным и безоблачным. Словом, такого лета, как в нынешнем году, у меня не было с самого окончания курса. Кроме того, и в занятиях я позволяю себе некоторую роскошь, от которой отвык за последние годы, а именно заниматься разными предметами за раз: до обеда Востоком или Римом, после обеда Петраркой или редакцией перевода (что скучно), вечером «Борьбу за польский престол»⁷⁷ читаю или запущенные исторические журналы. Подозреваю, что такая система занятий вредит их быстроте и глубине, хотя в этом и не убежден; но несомненно, что разнообразие в работе не утомляет головы и возбуждает гораздо больше мыслей. Одну из них, навеянную Вашей магистерской диссертацией, хочется сообщить теперь же. Сказать по правде, я принимался за Вашу книгу не без некоторого содрогания: дипломатическая история частного вопроса представлялась мне скучным исследованием хронологии реляций, генеалогии дипломатов, организации дипломатических учреждений – словом, собранием самого «ученого» аппарата, от которого не только летом, но и дождливою осенью тоскливо сжимается сердце. Но кроме приятной неожиданности, Ваша диссертация навела меня на грустные размышления о старых и новых приемах исторического изложения. Почему мы, сравнительно молодые историки, почти совершенно неспособны к исторической живописи? Некоторые из нас даже утверждают, что не только художественное изложение, но даже и литературный язык – признак ненаучной работы. Уже ли наши произведения фатально будут наводить уныние на читателей? Мне кажется, что в нашем нежелании ввести в историю художественный прием изложения, кроме неумения, сказывается еще реакция против рассказчиков, как Маколей и Тьери, и боязнь фантазии, как пособия воспроизведения прошлого. Молодые историки, по-моему, преувеличивают значение критики, забывая, что это не цель исторической науки, а только ее средство. Отсюда происходит и чересчур абстрактное изображение исторического процесса. Историю теперь сводят к экономическим, юридическим и политическим формам и отношениям. Живой человек исчез из новых исторических сочинений, а между тем он могучий фактор исторической жизни. Изучение одних форм и отношений не исчерпывает истории, а воссоздать

живого человека прошлого нельзя без участия художественного творчества...

Одновременно с Вашим письмом получил безграмотное послание из родной Рузы, и оно окончательно испортило мне настроение. Я Вам, кажется, говорил, что отец собирается ко мне на житье; после Рождества этот вопрос, было, затих, а теперь опять обострился и, по-видимому, с осени родитель поселится у меня. Эта перспектива меня крайне огорчает. Во-первых, ладить со стариком, умственные способности которого ослаблены годами и болезнью, дело очень тяжелое; кроме того, на старости ему придется жить в совершенно новых для него условиях, в которых ему все совершенно чуждо, а многое даже непонятно. Он будет страдать от непривычной обстановки, а мне придется сознавать свое бессилие чем-нибудь облегчить его положение. Во-вторых, и себя жаль. Я очень избалован семьей; у меня очень мало домашних забот и почти не бывает семейных огорчений. Я привык дома отдыхать и забывать неприятности, которые встречаются в внешних отношениях; меня пугала мысль даже взять гувернантку-немку для Надюшки, потому что постоянное присутствие чужого человека нарушало бы нашу атмосферу. А теперь предстоит нечто более тяжелое, чем немка или англичанка...

Передайте Авдотье Ивановне мое задушевное желание видеть ее совсем здоровой и поклон барышням. Жена кланяется Вам и Вашей семье.

Искренно Ваш Корелин.

Ваше письмо опоздало вследствие неточности адреса. Следует писать не Пушкино, а Мамонтовская платформа; остальное, как у Вас.

25 июля (1889).

Ваше второе письмо, дорогой Владимир Иванович, еще мрачнее первого. В каждой его строке чувствуется тяжесть Вашего положения и отсутствие радостных перспектив, по крайней мере, на ближайшее будущее. На меня оно произвело вдвойне тяжелое впечатление: не только от души жаль Авдотью Ивановну, Вас и Вашу семью, но и крайне обидно за всех Вас. Ваша общая беда – крайняя несправедливость. Хочется верить, что люди на земле заслуживают свою долю, и когда болезнь или другое несчастье является результатом дурно проведенной жизни, то не оскорбляется, по крайней мере, чувство справедливости. А ведь Вы не заслужили нынешнего лета, это ясно всякому и даже совершенно постороннему и равнодушному наблюдателю, а для тех, кто Вас любит, Ваше горе – жгу-

чая обида. Но утешаюсь тем, что все это временное зло: Авдотья Ивановна поправится, у Вас есть постоянная возможность построить себе шалаш из науки, в который можно укрываться по временам от личных невзгод, а у барышень вся жизнь впереди.

Мое письмо застанет Вас, вероятно, в Баден-Бадене, и если Ваше лето по температуре похоже на наше, то Вам от жары страдать не приходится. У нас конец июля походит на начало октября: хоть ватное пальто надевай. Может быть, это к лучшему, так как вчера было официальное объявление о появлении холеры в Москве. Азиатская гостья, вероятно, у нас погостит, потому что август с его постом, фруктами и овощами хорошее для нее время, а Москва с ее порядками и нравами удобное место. Поэтому торопиться Вам на родину не следует, тем более что официально предписано начать учење не ранее сентября. Я лично не боюсь холеры; но она наводит на печальные размышления не только самим фактом своего губительного существования, но еще больше тем, что вскрывает наше культурное состояние. Вы, вероятно, читали в газетах об астраханских, саратовских и других беспорядках. В них с поразительной ясностью обнаруживается странная, ужасающая дикость народной массы, у которой вместо восхваляемого ангельского терпения и безусловной покорности воли больше обнаруживаются совсем другие инстинкты. Подробности этих свирепых жестокостей переносят в доисторические времена, а их возможность свидетельствует об административной неумелости. Впрочем, нужно отдать справедливость администрации: она быстро уразумела астраханские и саратовские уроки и обнаружила энергию, хотя в весьма самобытных формах. Сделано многое и сделано скоро, так что абсолютизм получал по временам истинно просвещенную окраску: власти не только сами действовали, но и втягивали в деятельность представителей общества. Курьезов было много, но курьезов весьма характерных: современное русское общество настоящий культурно-исторический музей, где в обилии собраны представители всех эпох до каменного века включительно. Эпидемия затронула всех, и всякий начал действовать по-своему, кто следовал последнему слову науки, кто допотопным верованиям, кто строил больницы и платил огромные деньги докторам, а кто разносил эти больницы и избивал врачей...

Если холера в Москве затянется и учење еще отменят, то в сентябре думаю ехать в Комлево к отцу, который снова и хорошо устроился на своем старом пепелище, чему я очень рад и за себя, и за него. Я понимаю то удовольствие ухаживать за отцом, о котором Вы говорите, но у меня дело было бы гораздо сложнее, чем обычно бывает. Разница между моей обстановкой и тою, к которой привык мой отец, слишком велика, чтобы старику можно было сжиться с новым

положением. Отец чувствовал это и ужасно мучался: когда явилась возможность остаться на прежнем месте, он помолодел. Я был у него неделю тому назад и нашел его несравненно свежей, бодрей и веселей, чем на Рождество, и я вполне понимал его настроение.

В заключение позвольте обратиться к Вам за советом или, вернее, за санкцией. Перевод Буассье⁷⁸ почти готов, и я говорил Вам уже, что имею в виду предложить Солдатенкову Дюрьи *Histoire des Romains* (не иллюстрированное издание). Такая работа для нас необходима по материальным соображениям, а для жены еще и по нравственным, так как она хорошо знает, что всякое экономическое облегчение наилучшее подспорье для меня в достижении других и более важных целей. Солдатенков в принципе согласен на перевод; но меня берет раздумье, стоит ли Дюрьи (7 или 8 томов) такой затраты денег, под которую я подведу вполне доверяющего мне капиталиста? Как вы думаете? Черкните мне об этом пару слов и напишите поподробнее, что говорят врачи о здоровье Авдотьи Ивановны.

Жена Вам кланяется, и мы оба желаем Авдотье Ивановне скорого и полного выздоровления.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш М. Корелин.

Москва. 3 сентября. (1889)

Я все ждал, дорогой Владимир Иванович, каких-нибудь известий о здоровье Авдотьи Ивановны, о Вашем житье-бытье, по поводу моего второго письма. Но или Вы не удосужились, или почта сплеховала. Пишу теперь несколько строк на перепутье: переехал с дачи в Москву, в Москве на новую квартиру и уезжаю на неделю к отцу. Вернусь 12 сентября; если что понадобится, пишите по адресу Малая Бронная, д. Гирш, кв. № 22. Мое дело с Duga, о котором я Вам писал прошлый раз, провалилось, и я нахожусь в некотором унынии, неособенно значительном. Новостей никаких в Москве нет; а мысли и чувства существа, только что перебравшегося на новую квартиру и расставившего пять полок книг, находятся в самом хаотическом состоянии. Поэтому заканчиваю письмо просьбою о прощении: я совершил самоуправство над Вашей собственностью, захватив из Вашего сарая 3 полки. Правда, Вы некогда мне сами их предлагали, потому-то я и вспомнил об них в критическую минуту. Впрочем, я их верну Вам по первому требованию и в реставрированном виде.

Надеюсь, до скорого свидания. Черкните хоть пару слов об Авдотье Ивановне, которой прошу передать мой душевный привет.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш Корелин.

1890. 2 октября.

Многоуважаемый Владимир Иванович, в прошлое воскресенье со мной случилась большая неприятность: садясь на извозчика, я поскользнулся, ударился глазом о пролетку, разбил пенсне и очки и поранил оба глаза. Хотя теперь мои дела несколько поправились, тем не менее придется, как Вы видите, пользоваться услугами ...секретаря. Но привык думать о мирском и мне очень бы хотелось знать, достигло ли декана мое прошение факультету. Зайти к Вам завтра вечером я не буду в состоянии, поэтому не черкнете ли Вы мне пару слов о занимающем меня вопросе.

Передайте мой поклон Авдотье Ивановне и барышням.

Искренно Ваш. М. Корелин.

Секретарь просит также передать его скромный поклон Вашему семейству.

Листвяны. 4 июля. (1891)

Пишу Вам, многоуважаемый Владимир Иванович, не потому, что имеются у меня какие-нибудь интересные новости, а с целью разузнать от Вас, как устроилась Ваша семья в Самаре и, главным образом, как чувствует себя Саша. Надеюсь, что сухое и жаркое лето помогло ему поскорей отделаться от плеврита, и теперь, вероятно, он уже и жирку немножко нагулял. У нас в деревне все тихо: никого почти не видно из зимних знакомых и затишье полное. Мои еженедельные экскурсии в Москву также весьма однообразны: убеждаю Романа торопиться с печатанием, но без особенного успеха. Вместе с этим письмом Вы получите только 4 листа моей книги, и более 10–12 листов едва ли будет напечатано за все лето. Работать начал, было, очень усиленно, но стала побаливать голова, и я решился сократить занятия, вследствие чего чувствую себя теперь недурно и толстею. Единственное развлечение, которое наводит на мысли, – посещение французской выставки, да и здесь самое интересное не французская промышленность, а отношение к выставке россиян. Французская дружба в этом своем проявлении очень хорошо подчеркнула нашу политическую беспомощность: к выставке мы относимся с положительным недоумением. Сначала, было, купцы встревожились, но потом успокоились очень скоро, потому что дороговизна всего выставочного только усилило спрос на местные продукты. Затем некоторое беспокойство обнаружили реакционеры, но тоже на весьма короткое время, потому что французы оказались и православными, и безукоризненно благонадежными. Тогда обиделись либералы и радикалы: толстые журналы и quasi-либеральные газеты весьма

мало говорят о выставке и очень плохого мнения о французах. Я все ждал, воспользуется ли кто-нибудь выставкой, чтобы подчеркнуть важность и мощь частной инициативы в культурном обществе и поумерить немножко наш современный ультра национализм. До сих пор незаметно ничего подобного, и понятно почему: нельзя же хвалить выставку, коли ее учредители солидарны с «Московскими ведомостями». А они действительно чересчур солидарны, и это весьма комично сказалось на их национальном празднике. Присутствовать на праздновании 14 июля в Москве, на Ходынском поле, мне показалось чрезвычайно занимательным, и я отправился. Собралась огромная толпа тысяч в 20; можно было счесть такое сборище за политическую демонстрацию, если бы оно имело место не в Москве. Но 99% о Бастилии и не слыхивало; тем удобнее было обнаружить французские симпатии, не касаясь ни одного из всероссийских китов. Французы, однако, удалили всякую национальную окраску из своего праздника и придали ему совершенно эрмитажный характер. В честь годовщины 14 июля были ...⁷⁹ гг. Грачев, Чернавкин и какие-то половые, играли оркестры попури из оперетт и театральные машинист Карл Вальц устроил иллюминацию. Национальный гимн, конечно, отсутствовал; даже в фейерверке не было ни малейшего намека ни на Францию, ни на революцию. Только в ...⁸⁰ кафе, где изображается знаменитое *danse de ventre*⁸¹, пьяные экспоненты напомнили мне один из плохих уголков Парижа. Трудно было отделаться от какого-то стыда и за лакействующих потомков деятелей 89 года и за редкую толпу, тупую и неподвижную. Один только сильно подвыпивший журнальный радикал все искал француза, чтобы сказать ему неприятность за отсутствие Марсельезы. На выставке есть картина, изображающая Францию, которая показывает свои богатства России. Было бы ближе к действительности изобразить изящную красавицу, которая ласкается к грубому, но сильному великану с крепкими кулаками. Это была бы хорошая аллегория «политики интересов». В конце концов, 14 июля обидело во мне и русского патриота, и поклонника французов, которые для меня были наиболее симпатичными из всех культурных народов нашего времени.

Пока до свидания. Жена Вам кланяется, передайте наш общий поклон Авдотье Ивановне и барышням.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш М. Корелин.

Жду обещанного отзыва о моей книге с нетерпением. Мой адрес по Ярославской железной дороге, Мамонтовская платформа, дер. Листвяны, дача Монахова.

Только вчера получил ваше письмо, многоуважаемый Владимир Иванович, хотя оно помечено 13 июля, точно из Африки в Африку, если Вы находите необходимым сравнение Ваших степей с Сахарой. Грустным мне показалось Ваше послание и по тону, и отчасти по содержанию. Я надеялся, что Ваше лето сложится лучше и что Ваши больные скорее реставрируют свои силы. Отрадно, что в здоровье Саши произошел перелом к лучшему: теперь и нервные боли Авдотьи Ивановны прекратятся, потому что они, наверное, психологического происхождения. Напали лихие болезни и на нас. Заполучил я где-то инфлюэнцу, заразил ею Надюшку, а потом заболела и жена. К счастью, болели поочередно, и всякий по-своему. У меня была жесточайшая лихорадка, которая по ночам переходила в мучительный бред; у Надюшки вместе с повышенной температурой был сильный кашель; но она большую часть болезни спала. Больше всего страдала жена: целых двое суток у нее была страшнейшая боль в голове и во всех членах, так что она глаз не смыкала. Теперь мы все выздоровели, но следы болезни чувствуются в дурном настроении духа. Даже Надюшка не прыгает, а ходит, повеся нос, а у меня развилась необычайная апатия. Занятий не бросаю, отношусь к работе, как Саша к кумысу; может быть, с большей аккуратностью, но, наверное, с таким же удовольствием. Поэтому я решил забастовать на неделю и уеду к шурину в Кострому, а жена с дочкой отправятся с Гиршами на Волгу. Авось все реставрируемся.

Посылаю Вам еще 3 листа диссертации, печатание, как видите, идет медленно, и ускорить его нельзя. У Романа мало латинского петита и наборщиков, а работы достаточно; поэтому он гораздо менее дорожит мною, чем я им: для меня существенно важно тратить на корректуру листа средним числом около 3 часов; не более, как в других типографиях, и не давать наборщикам по 3 руб. с листа на чай, как практикуется в других местах. Казенные работы везде исполняются медленно, и с этим приходится мириться. Ваш отзыв о прочитанной части книги меня очень успокоил, потому что по временам мне казалось, что я делаю ненужную работу. Что касается до плана, то он будет вполне ясен только после последней (IV) главы (или после предисловия). Вам я изложу его с самыми откровенными комментариями. Первоначально я имел в виду небольшую историографическую работу: описать источники для Ренессанса, так как они находятся отчасти в рукописях, отчасти в статьях и редких изданиях, и на основании их анализа критически рассмотреть наличную литературу о Возрождении и в особенности проверить ее общие выводы. С этой точки зрения мне казалось и кажется совершенно логичным предпослать анализ источников

критике специальной литературы, так как вторая часть работы основана на первой. Введение, весьма кратенькое по первоначальному плану, имело целью выяснить отношение к Ренессансу и взгляд на него историков разных категорий. Оно было, так сказать, пропилено, которые вводят в работу и доказывают ее *raison d' être*. Затем я видоизменил несколько план и порешил дать в конце книги общий вывод о сущности Возрождения, т.е. о его характерных чертах и о его направлениях, поскольку они обнаружались в XIV и начале XV века. С этой точки зрения и рассматриваю я источники (напр. стр. 280–282) и специальную литературу. Мне хочется соединить в своей книге и историографию Возрождения, и решение основных вопросов его истории. Я не могу, конечно, пускаться в подробности и писать, напр., историю настроения Петрарки или Боккаччо; для этого пришлось бы совершенно изменить план книги и отказаться от историографии; но мне представляется возможным дать такую книгу, которая заключала бы в себе необходимые литературные указания для изучения Ренессанса и в тоже время научно устанавливала бы основные его признаки и главные течения. Справился ли я с этой задачей – другой вопрос. Правда, хронологически я останавливаюсь на перепутье; но моя задача только введение к истории гуманизма в XV веке, которая почти уже написана... Авдотье Ивановне.

Приношу мою благодарность за ее внимание к главе о Петрарке. Передайте ей и барышням поклон от меня и от жены.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш Корелин.

О Виппере в следующем письме.

Листвяны. 9 августа. (1891)

Сейчас получил Ваше письмо, многоуважаемый Владимир Иванович, и отвечаю на него немедленно под свежим впечатлением. Сказать по правде, Ваш лаконический и настоящий совет произвести с книгой столь серьезную операцию, как *amputation captis*⁸², очень меня смутил и даже испугал. Я недоумеваю, что побуждает Вас так советовать мне форсированный марш: имеется ли в виду близкий и опасный неприятель, в которого нужно в сентябре стрелкнуть том, что есть, не дожидаясь резервов, или глава о Петрарке показывает недоброкачественность моих боевых средств. К Вашему приезду Боккаччо, вероятно, будет окончен, и тогда мы переговорим о дальнейшем, теперь же мне показалось крайне нежелательно еще сокращать книгу и вот по каким причинам: 1) На две последние главы я возлагаю особые надежды;

если в двух первых мне не удалось передразнить Wallenbach'a, то третья сообщит хоть новый материал, а четвертая даст кое-какие выводы. 2) Этих выводов я решительно не сумею сделать из двух первых глав, и диссертация будет иметь незаконченный вид, причем огромное введение произведет комическое впечатление. 3) Если содержание книги, а не старинная благосклонность к ее автору заставляет Вас признать ее годной для магистерства даже без Боккаччо, то следует, мне кажется, принять во внимание, что совершенно иные требования предъявляются диссертации, смотря потому, представляется ли она 5 или 10 лет спустя после окончания курса. И для меня самого возможно сравнительное душевное спокойствие только тогда, если я сам поставлю себе за книгу, по крайней мере, 3+, а в том виде, в каком Вы ее проектируете, она и в моих глазах не заслуживает такой оценки. В-четвертых, наконец, что выигрываю я от этих купюр? Два-три месяца времени; но что значит несколько месяцев для человека, опоздавшего на годы? Я не отрицаю возможности, что у Вас есть какие-нибудь соображения, которые в состоянии подорвать всю мою аргументацию; но исполнить это Ваше желание, против обыкновения, мне крайне тяжело, теперь, по крайней мере. Буду ждать с нетерпением Вашего письма или Вашего приезда.

Очень жаль, что Вы так мало сообщаете о своей семье. Здоровье Саши и Авдотьи Ивановны меня очень интересует; хочется знать также, что Вы подделывали летом и насколько подвинули вперед свой публичный курс. У меня по этой части дело идет довольно туго. «Изгнание» меня радует за изгнанных или еще изгоняемых, потому что оно их окончательно реставрирует. Но жаль остальных и себя: без Авдотьи Ивановны в Гагаринском переулке далеко не так уютно и так приветливо (не в обиду будет сказано Вам и барышням). У нас в Листвянах не вполне благополучно: после отъезда жены развилась здесь диссентерия, которая приняла эпидемический характер и преимущественно свирепствовала на детях. Смертность между маленьким дачниками и крестьянскими детьми весьма значительная, так что отсутствие Наденьки дало мне возможность спокойно работать. Но на днях жена возвращается, а эпидемия стихает, но еще не прекратилась, так что я нахожусь в крайнем затруднении: переехать ли в Москву (а этого мне очень не хочется), или рискнуть остаться, что опасно. На днях этот вопрос решу окончательно. Пока до свидания. Спешу отправить письмо; иначе оно пойдет только завтра.

Крепко жму Вашу руку. Мой душевный привет Авдотье Ивановне; поклон барышням и Саше.

Искренно Ваш Корелин.

Если напишите, адресуйте в Москву на прежнюю квартиру (Скатертный пер. Д. Посниковой). На днях пришлю Вам еще 2 или 3 листа книги.

11 июня. (1893)
Дача Штакельберга № 24.

Простите, дорогой Владимир Иванович, что я так замедлил ответом на Ваше письмо. Я получил его перед самым отъездом, а здесь около недели пришлось прожить на бивуаках, не распаковываясь, потому что дача была не отделана. Теперь, прочно усевшись на месте, немедленно принимаюсь за перо, чтобы поздравить Вас с приятной неожиданностью за границей и пересказать Вам московские новости. Ваше письмо доставило мне искреннюю радость, хотя письмо Авдотьи Ивановны написано в другом тоне. Мне хочется более положиться на Ваши впечатления, потому что со стороны виднее, и хочется верить, что с нынешним летом окончатся и Ваши заграничные путешествия. В университете после Вашего отъезда были кое-какие события. Во-первых, Ключевский на последнем факультетском заседании прочитал отзыв о двух сочинениях, написанных на премию Муравьева⁸³ и доставил мне этим большое удовольствие. Разбор, совершенно уничтожающий, написан мастерски и по форме, и по содержанию, и между его строк явно чувствуется, что муравьевские тенденции не получают санкции в Московском университете, пока будут живы в нем старые предания. Другое событие пахнет скандалом: Вы, может быть, помните, что магистранту Васильеву, оставленному при университете Тихонравовым⁸⁴, было разрешено напечатать в «Университетских известиях» собранные им материалы (*Anecdota Byzantina* – **какие-то греческие версии апокрифов**), с предоставлением ему обычных 300 экземпляров. Васильев умер, не успевши напечатать книги, и кто-то, вероятно факультет, поручил докончить печатание Соболевскому⁸⁵, который написал к книге коротенькое предисловие на латинском языке. Правление, вероятно, по ходатайству факультета решило предоставить Соболевскому авторские экземпляры, который и получил их на руки. Между тем оказалось, что Васильев письменно предоставил свои права Тихонравову, и почтенный Н.С. предъявил свое притязание на 300 экземпляров тотчас по выходе книги сначала, по-видимому, частным письмом на имя ректора. Исправляющий должность ректора Некрасов⁸⁶ потребовал объяснения от Соболевского, который написал на его имя длинное, бестактное и обидное для Тихонравова письмо. Некрасов отдал это письмо Н.С., а он ответил формальной бумагой, где требует предварительного ареста на выданные Собо-

левскому экземпляры. Ректор так же бумагой потребовал от Соболевского книгу, и пока дело на этом остановилось. Но это, конечно, только начало эпизода. Зная Н.С., можно, наверное, сказать, что он теперь смакует предстоящий кляузный казус... Что касается до экзаменуемых, то все сомнительные (кроме провалившихся при Вас) прошли. Только один немец (не Фаст, а другой, фамилию которого я позабыл) не явился к нам с Ключевским. В университетской библиотеке из отмеченных вам книг есть только Gumprowiss, Grundriss der Spherologie.

Устроился я здесь пока очень хорошо, погода стоит превосходная и уголок прелестный. Особенно хорошо море, которое в ясные и теплые дни не уступит по прелести Неаполитанскому заливу. К сожалению, пейзаж портят местные бароны, самый плохой вид германской расы. Культурного влияния их на местное население отрицать нельзя, но бедная чухна имела сухих, бессердечных и надменных учителей, которые дрессировали, а не воспитывали, и потому возбуждают против себя только ненависть. Но об этом после. Крепко жму Вашу руку. Жена вам кланяется, и мы оба шлем привет Авдотье Ивановне и барышням.

1 июля. (1894)

Только вчера получил ваше письмо, дорогой Владимир Иванович, и отвечаю почти немедленно, чтобы застать Вас в будущей резиденции румынского короля. Вот уже почти месяц, как я пребываю в благословенной Чухляндии, чувствую себя сравнительно недурно, но работаю очень мало. Сначала все собирался приняться за работу, потом старался справедливо распределить время на все нужные занятия и, наконец, понемногу взялся за дело. Перебрал и пересмотрел написанное о Валле и пришел в некоторое уныние: сделанное не удовлетворяет, а план слишком широк и благодарен. Работа потребует очень много времени, массу работы, приобретет большой объем и тем не менее останется монографией. Кроме Валлы, читаю по XIX веку, штудирую Петrarку – время идет незаметно, но незаметны и результаты.

Интенсивности работы помешала и небольшая экскурсия по Финляндии, на которую я потратил около недели. Поездкой сюда очень доволен: погода была прекрасная и впечатлений новых и интересных много. В двух шагах от Петербурга лежит целая страна, внешне культура которой оставляет позади свою обширную соседку. На мрачных, суровых скалах живет серьезный, пожалуй даже мрачный, народ, но эти бритые, сосредоточенные, флегматические чухны умеют работать и оживлять безжизненный гранит. В деревне некрасивые постройки,

но крепкие лошади и сытый рогатый скот, а Гельсингфорс – по-европейски чистый город. Но упорная борьба с природой, а, может быть, также и расовые особенности помешали развиваться у финнов эстетическому чувству. Финские скалы и озера красивы при весьма своем однообразии; Иматра⁸⁷ производит сильное впечатление; но человек ничего не прибавил к красоте природы. У Гельсингфорса нет физиономии; в его художественной галерее нет ни одной выдающейся картины, а недавно открытый памятник Александру II отличается огромным размером и полным отсутствием художественного вкуса...

Домой вернулся через Ревель, который произвел на меня чрезвычайно грустное впечатление. Внешность города – наглядная его история. На холме остатки крепости, внутри которой Дот и мрачные дома. Там сидит епископ, окруженный баронами, а у подножия холма, к морю расположен купеческий город, с готическими церквями, с характерными домами в старо-немецком вкусе. Настоящий старый немецкий городок, уголок какого-нибудь Ульма или Нюрнберга. Разница в том, что жизнь почти отсутствует, развития нет, нет даже и немецкой чистоты. Предместья в русском духе – та же грязь, то же отсутствие жизни. Очевидно, город не имеет будущего: бароны утратили *raison d' être*, торговля пошла через Ригу и Петербург, и рядом с Дот'ом в центре холма заложили новый собор в Византийско-православном стиле, что испортит даже и наружность города...

Вы спрашиваете, почему Виппер не поехал в Петербург? Наверное, не знаю, потому что видел Виппера в последний раз у Вас накануне Вашего отъезда. Но от одного из его друзей «слева» я слышал, что В(иппер) думает попасть в Москву, так как Виноградов будто бы желает перейти в Петербург на место Васильевского. Не знаю, насколько верно такое предположение, но оно не лишено правдоподобия: с одной стороны такому большому кораблю, как П.Г.⁸⁸, нужно более широкий простор; с другой и Виппер после одной удачи расположен ожидать и другой такой же. *Qvi vivga – verga*⁸⁹.

Пока до свидания. Царский и моя жена Вам кланяются. Передайте от меня и Нади поклон Авдотье Ивановне и барышням.

Крепко жму Вашу руку Ваш М. Корелин.

Марья Семеновна переходит в другую школу и на ее место с 1-го июля будет назначена новая учительница.

19 августа. (1894)

Пишу Вам, дорогой Владимир Иванович, накануне отъезда из Чухляндии на зимнее местожительство. Простите, что не ответил тотчас после получения Вашего письма: помешала отчасти суто-

лока, а главным образом не было подходящего настроения. От Вашего письма грустью веет. Вам опять предстоит одинокая зима в опустелом доме, и, по моему мнению, она должна быть еще более одинокою, чем предыдущая, если Вы не привезете с собой одну из старших дочерей. Я совершенно согласен, что Авдотье Ивановне следует остаться за границей, если возможно полное выздоровление; но мне кажется, что Сою лучше не привозить в Москву, если с ней не поедет которая-нибудь из сестер. Насколько я ее знаю, Вам будет трудно установить такой режим, какой необходим в ее возрасте и при состоянии ее здоровья. Я знаю, что Вам будет очень тяжело остаться на зиму совсем бобылем; но едва ли будут легче при Вашей мнительности ежеминутные опасения за здоровье Сони. Прибавьте к этому некоторое взаимное раздражение при установлении режима, и мне, кажется, Вы согласитесь, что заграничное пребывание предпочтительнее для Сони, чем московское одиночество.

Если можно, захватите с собой книжки Толстого. Я давно собираюсь прочитать в хронологическом порядке его писания, да только очень уж мне противна его философия. По-моему, народничество не главная сторона его воззрений. Он не способен восхвалять всякое народное движение, как истинные народники, прославлявшие даже антихолерные беспорядки, как акт справедливости своего кумира. Он религиозный сектант по существу и сделался таковым вследствие страха к смерти. Вся его философия – оправдание его настроения данной минуты, и потому переполнена она противоречиями. Лучшие стороны его теоретических произведений обуславливаются или проблесками его художественного таланта или отголосками евангелия. Как самостоятельный мыслитель, он самый вредный для нашей культуры человек в настоящее время.

Своим летом я не вполне доволен. В физическом отношении чувствую себя очень хорошо. Купанье действовало превосходно; гулял много и делал очень большие прогулки. Точно так же не было скучно. Компания была большая и оживленная. Кроме Цераских⁹⁰ и Гиршей, у меня прогостил около месяца Лопатин⁹¹; много интересного доставляли беседы с акад. Фаминцыным⁹² (ботаником). Но, во-первых, вся эта дачная суতোлка, правда, мешала скуке, но не доставляла большого удовольствия, и я покидаю Чухляндию без малейшего сожаления, хотя не жду никаких радостей от Москвы. Прежде от такого лета не хотелось бы оторваться и пол зимы вспоминал бы о нем. Очевидно, во мне произошла какая-то перемена; старость что ли приходит. Во-вторых, недоволен летней работой. По количеству часов занимался не меньше прошлогоднего; но в прошлом году были наглядные результаты работы статья о Витторино да Фельтре⁹³ и рефераты для археологического съезда. Нынешним

летом я изменил план занятий: три дня назначил на университетские курсы, два на Валлу и на Петрарку; но по всем частям сделано очень мало. Это тем печальнее, что зимой почти все время уходит на университет. Такие рабочие итоги портят настроение, да и предстоящая зима не улыбается. Побаиваюсь курса по европейской истории, а, кроме того, предстоит сокращение бюджета рублей на 600, что для меня весьма чувствительно. Перепелкина, кажется, прогорать начинает и, возвысивши мне плату в прошлом году, в предстоящем сводит количество моих уроков на *minimum*. Служить вывеской я не желаю, тем более, что остальные историки у нее чрезвычайно плохи, и потому решил уйти. Вероятно, год окончится дефицитом, так как Надюшку нужно продержат дома еще одну зиму, а ее учебе обойдется рублей 400. Впрочем, все это несущественно. Книгу Иванова⁹⁴ получил и прочитал страниц около 100 без малейшего удовольствия, а подчас и злился. Помните, Владимир Иванович, что Вы обещали меня избавить и от этого диспута? Пока до свидания. Мой поклон Вашим; жена кланяется Вам и Вашей семье.

Ваш М. Корелин.

Простите за бумагу: другой нет. Дозволенный цензурой вид Нарвы несколько не похож на действительность.

¹ *Каульбарс Н.В.*, русский военный предствитель в Вене, действовавший в августе–сентябре 1886 г. от имени России на переговорах с правительством болгарских регентов после отречения Александра Баттенберга

² Кареев Н.И. (1850–1931), русский историк, профессор Санкт-Петербургского университета.

³ Валла Лоренцо (1407–1457), итальянский гуманист.

⁴ Мартин V (1368–1431), римский папа.

⁵ Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский гуманист.

⁶ Дечембрио Пиетро Кандидо (1399–1477), итальянский гуманист.

⁷ Троицкий М.М. (1835–1899), философ, профессор Московского университета.

⁸ Без гнева и пристрастия.

⁹ Бекаделли Панормитта Антонио (1394–1447), гуманист, философ, первый президент Неаполитанской академии.

¹⁰ Бьондо Флавио (1392–1463), итальянсукий гуманист историк.

¹¹ Барцицца Гаспарино (1359–1431), итальянский гуманист, педагог.

¹² Поджио-Браччолини (1380–1459), итальянский гуманист, в 1403–1453 – секретарь папской курии.

¹³ Муратори Людовик Антонио (1672–1750), итальянский историк.

¹⁴ Неразборчиво написано.

¹⁵ Неразборчиво написано.

¹⁶ Шверц А.Н. (1848–1915), филолог, профессор Московского университета.

¹⁷ Постановления.

- ¹⁸ Успенский Ф.И. (1845–1928), византинист, основатель и директор русского археологического института в Константинополе.
- ¹⁹ Регель В.А. (1857–1932), византинист, славист, редактор «Византийского временника», основатель «Византийского обозрения».
- ²⁰ Мольтке Х.Г. (1800–1891), начальник прусского Генерального штаба.
- ²¹ «Век» – название газеты.
- ²² Луиза Мишель (1830–1905), французская революционерка, писательница.
- ²³ Неразборчиво написано название театральной постановки.
- ²⁴ Дюма-сын Александр (1824–1895), французский драматург.
- ²⁵ Неразборчиво написано название французских периодических изданий.
- ²⁶ Неразборчиво написано.
- ²⁷ Наоборот.
- ²⁸ Буланже Жорж Эрнест (1837–1891), французский генерал, политический деятель.
- ²⁹ Финансовый фокусник.
- ³⁰ Олар Ф.В.А. (1849–1928), французский историк.
- ³¹ История исполнительной власти во Франции с 10 до 9 термидора.
- ³² Практический курс для подготовки к экзаменам.
- ³³ В 1887 П.Г. Виноградов защитил докторскую диссертацию «Исследования по социальной истории Англии в Средние века».
- ³⁴ Фортунатов С.Ф. (1850–?), историк, ученик В.И. Герье, не сумевший подготовить магистерскую диссертацию.
- ³⁵ Ковалевский М.М. (1851–1916), социолог.
- ³⁶ Финлей Джордж (1799–1875), английский историк.
- ³⁷ Стороженко Н.И. (1836–1906), филолог, профессор Московского университета, крупный специалист по английской литературе эпохи Шекспира.
- ³⁸ Виппер Р.Ю. (1859–1954), русский историк, ученик В.И. Герье.
- ³⁹ Написано неразборчиво.
- ⁴⁰ «Два юбилея в Берлине». Письмо из-за границы // Вестник Европы. 1886. Апр.
- ⁴¹ Ранке Леопольд фон (1795–1886), немецкий историк.
- ⁴² Трейчке Г. фон (1834–1896), немецкий историк.
- ⁴³ Студенческие корпорации в Берлинском университета // Русские ведомости. 1886. 18 февр.; Художницы и работницы в Берлине // Русские ведомости. 1886. 9 апр.
- ⁴⁴ Рамбо А.Н. (1842–1905), французский историк.
- ⁴⁵ Франческо Filelfo или Philelfus (1398–1481), итальянский гуманист.
- ⁴⁶ Тэн И. (1828–1893), французский историк.
- ⁴⁷ Фюстель де Куланж (1830–1889), французский историк.
- ⁴⁸ Токвиль А. (1805–1859), французский историк и государственный деятель.
- ⁴⁹ Гизо Ф. (1787–1874), французский историк и государственный деятель.
- ⁵⁰ Право силы.
- ⁵¹ Германия превыше всего.
- ⁵² Бисмарк О. фон (1815–1898), немецкий государственный деятель.
- ⁵³ Флуранс Л. – французский государственный деятель, в 1886 назначен министром иностранных дел.
- ⁵⁴ Аскаков И.С. (1823–1886), общественный деятель, публицист.
- ⁵⁵ Гоббс Т. (1588–1679), английский философ и литератор.
- ⁵⁶ Школьное свидетельство.
- ⁵⁷ Флоке Ш.Т., французский политический деятель. В 1885–1888 – президент Палаты депутатов.
- ⁵⁸ Написано неразборчиво.
- ⁵⁹ Написано неразборчиво.

- ⁶⁰ Рувье – французский политический деятель, в 1887 – президент Совета министров и министр финансов.
- ⁶¹ То что нам нужно.
- ⁶² *Лаврентьев Л.И.* (?–1914), юрист, писатель.
- ⁶³ *Высотский Н.Н.* – ученик В.И. Герье, служивший в Московском учебном округе.
- ⁶⁴ По всей видимости, имеется в виду великая княгиня Екатерина Михайловна (1827–1894). С 1870 г. – председательница Совета женского патриотического общества в Санкт-Петербурге и попечительница литейной школы при этом обществе. Известна как благотворительница, поборница развития женского образования.
- ⁶⁵ *Луцицкий И.В.* (1845–1918), историк, профессор Киевского университета.
- ⁶⁶ *Осокин Н.А.* (1843–1895), историк профессор.
- ⁶⁷ *Васильевский В.Г.* (1838–1899), византист, профессор Санкт-Петербургского университета.
- ⁶⁸ *Меццерский Н.П.* (1829–1901), князь, в 1874–1880 – попечитель Московского учебного округа.
- ⁶⁹ С 1888 – экстраординарный профессор по кафедре искусства.
- ⁷⁰ *Корлин М.С.* Петрарка, как политик. Вступительная лекция в университете // Русская мысль. 1888. май–август.
- ⁷¹ *Корелин М.С.* Закрытие высших женских курсов профессора В.И. Герье в Москве // Всемирная иллюстрация. 1888. 25 июня.
- ⁷² Посланники господни.
- ⁷³ Субинспектор – чиновник университета, ответственный за поведение студентов.
- ⁷⁴ Речь идет о статье Л.Н. Толстого «Праздник просвещения».
- ⁷⁵ Написано неразборчиво.
- ⁷⁶ Корелину не требовалось работать над составлением курсов, поскольку ВЖК были закрыты.
- ⁷⁷ *Герье В.И.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.
- ⁷⁸ *Буассье М.-Л.-Г.*, французский историк, автор работ по истории Рима.
- ⁷⁹ Написано неразборчиво.
- ⁸⁰ Написано неразборчиво.
- ⁸¹ Танец живота.
- ⁸² Сокращение главы.
- ⁸³ *Муравьев М.Н.* (1796–1866), государственный деятель; завещал Московскому университету деньги на стипендию; получение стипендии было обусловлено целым рядом условий.
- ⁸⁴ *Тихонравов Н.С.* (1832–1893), филолог, профессор Московского университета.
- ⁸⁵ *Соболевский С.И.* (1864–1963), филолог, профессор Московского университета.
- ⁸⁶ *Некрасов П.А.* (1853–1924), математик, в 1893–1898 – ректор Московского университета.
- ⁸⁷ Имеется в виду водопад Иматра на реке Вуокса в Финляндии.
- ⁸⁸ Имеется в виду П.Г. Виноградов.
- ⁸⁹ Кто хочет жить – увидит.
- ⁹⁰ *Цераский В.К.* (1849–1925), астроном наблюдатель Московского университета, в 1891–1916 – директор московской университетской обсерватории.
- ⁹¹ *Лопатин Л.М.* (1855–1920), русский философ.
- ⁹² *Фаминцын А.С.* (1835–1918), ботаник, общественный деятель.
- ⁹³ Педагог из Мантуи, создавший школу – casa giocosа – радостный дом. В принципах устройства школы.
- ⁹⁴ Иванов И.И. (1862–1929), историк, ученик В.И. Герье, в 1895 защитил диссертацию «Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII в.».

«ДЕНИКИН, НЕСОМНЕННО, ЛИБЕРАЛ ПО ПРИРОДЕ»*

(Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина)

Вступительная статья, публикация и примечания *О.В. Будницкого*.

Нам уже приходилось публиковать фрагменты переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина, чрезвычайно ценного источника по истории российской эмиграции, так же как и по истории русской общественной мысли. Поэтому позволим себе отослать читателя к этим публикациям, во вступительных статьях к которым содержится обзор содержания переписки и ее краткий анализ¹. Полагаем также, что Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) не нуждаются в специальном представлении. Об этих видных деятелях российской политики начала XX столетия вышло немало исследований (в том числе в последние годы), так же как статей справочного характера².

Поэтому перейдем сразу к обстоятельствам появления и особенностям публикуемого ниже текста. В фонде Маклакова в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете, так же как в фонде Шульгина в ГАРФ не сохранилась их переписка периода Гражданской войны. Между тем, такая переписка велась, во всяком случае Шульгин информировал Маклакова о событиях, происходивших в стане белых. Об этом упоминает Маклаков в первом же письме Шульгину эмигрантского периода³.

Письма Шульгина – тем более написанные по горячим следам событий – должны были бы представлять чрезвычайный интерес для историков Гражданской войны, ведь их автор находился в самой гуще Белого движения, был одним из его зачинателей и идеологов. Именно Шульгин написал положение об Особом совещании при Главнокомандующем, ставшем фактически правительством генерала А.И. Деникина. Шульгин создал и стал руководителем «частной» разведывательной организации «Азбука», действовавшей параллельно официальным структурам и, по-видимому, более эффективно.

Одно из писем Шульгина (точнее, его копия) Маклакову было обнаружено нами совсем не там, где ему надлежало бы быть, а именно в фонде Гарольда Вильямса, хранящегося в рукописном отделе Британской библиотеки в Лондоне. Впрочем, в том, что копия письма Шульгина оказалась в фонде Вильямса, нет ничего случайного. Гарольд Вильямс, британский журналист новозеландского происхождения и русский патриот, был мужем Ариадны Владимировны Тырковой (1869–1962), видной деятельницы партии кадетов, состоявшей в переписке с Маклаковым⁴. После смерти мужа Тыр-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке

кова-Вильямс передала его архив в Британскую библиотеку. Добавим, что состоит он по большей части из ее собственных бумаг и переписки.

Среди корреспондентов Тырковой-Вильямс был и Маклаков⁵, в то время посол в Париже и один из организаторов и видных деятелей Русского политического совещания в Париже, игравшего роль «суррогата национального представительства» в отсутствие признанного правительства в России.

Тыркова приехала в Великобританию в начале 1918 г. вместе с мужем. Здесь она занялась разъяснением происходящего в России (разумеется, в ее понимании) англичанам. Вместе со всемирно знаменитым русским историком и археологом академиком М.И. Ростовцевым на средства крупного предпринимателя Н.Х. Денисова она организовала в Лондоне Комитет Освобождения России. Комитет издавал листовки, брошюры, рассылал в газеты сведения о России, являлся телеграфным агентством всех белых армий по очереди: адмирала А.В. Колчака, генералов А.И. Деникина, Е.К. Миллера и Н.Н. Юденича. Комитет издавал политические журналы: «Русская Жизнь» (Russian Life) и «Новая Россия» (New Russia).

Заметим, что взгляды Маклакова и Тырковой на происходящее в России, но в особенности на то, какой политической линии должны придерживаться «заграничные русские», заметно расходились. Но, как бы то ни было, Маклаков по возможности снабжал Тыркову сведениями, приходившими из России. В этом контексте понятно, каким образом копия письма Шульгина Маклакову оказалась среди ее бумаг.

На наш взгляд, это письмо, своеобразный «моментальный снимок» положения и настроений на юге России, является ценным источником по истории Гражданской войны, и, несомненно, представляет интерес для биографов Шульгина.

Письмо не датировано, однако установить, когда оно было написано, не представляет особого труда. Несомненно, это период между 8 и 19 февраля 1919 г., т.е. то время, когда Шульгин находился в Одессе и был едва ли не самой крупной фигурой на местной политической сцене. В письме упоминается о закрытии французскими властями газеты «Россия», последовавшей 8 февраля 1919 г. но о Краснове говорится, как о действующем атамане Всевеликого войска Донского. Между тем его отставка последовала 19 февраля 1919 г.

Подлинность текста не вызывает сомнений. Она подтверждается как сопутствующей перепиской, так и сопоставлением с позднейшими текстами Шульгина.

- ¹ «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина). Вступит. ст., публ. и примеч. О.В. Будницкого // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. Ред.-сост. О.В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С. 374–382; Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / Вступит. ст., публ. и примеч. О.В. Будницкого // История и историки 2006: Историографический вестник. М.: Наука, 2007. С. 363, 394.
- ² См.: *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карнович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Новый журнал. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *Он же.* Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *Он же.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. №1(19). С. 42–94; *Он же.* Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; *Он же.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка 1919 – 1951: В 3-х т. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001. С. 16–114; *Он же.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. I. С. 179–240; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; *Заславский Д.О.* Рыцарь черной сотни В.В. Шульгин. Л., 1925; *Его же.* Рыцарь монархии В.В. Шульгин. Л., 1927; *Голостенов М.Е.* Шульгин В.В. // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С.363-365; *Кирьянов Ю.И.* Шульгин В.В. // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 709; *Жуков Д.А.* Шульгин В.В. // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940: Писатели русского зарубежья. М., 1997. С. 459–462; *Репников А.В.* Судьба монархиста в России (страницы политической биографии В.В. Шульгина) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2002. № 3. С. 76–86; В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из Архива ФСБ / Предисл. А.В. Репникова и В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С.64-111; *Репников А.В., Христофоров В.С.* Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире : В 3 ч. Воронеж. 2004. Ч. 1. С. 218–237; Из архивного следственного дела № Р–48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича / Публ. и коммент. А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Воронеж. 2004. Ч. 3. С. 162–182.
- ³ В.А. Маклаков – В.В. Шульгину, 9 февраля 1921г. – Hoover Institution Archives, Vasily Maklakov Collection, Box 13.
- ⁴ О Тырковой существует довольно обширная литература, хотя ее научная биография до сих пор не написана. См. книгу ее сына А.А. Бормана «А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына» (Лувен; Вашингтон, 1964); словарные статьи М.Е. Голостенова в кн.: Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 325, 326; М. Гавлина и И. Нарского в кн.: Политические деятели России: Конец XIX – первая треть XX: Энциклопедия. М., 1996. С. 630, 631; С.А. Коваленко в кн.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940: Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 393–395. См. также *Шелохаев В.В.* Ариадна Владимировна Тыркова: Политический деятель, 1869–1962 // Вопр. истории. 1999. № 11/12. С. 67-81. Перечень публикаций о Тырковой см. также в статье М.Ю. Сорокиной, предваряющей «Петроградский дневник» Тырковой (Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Вып. 2. С. 319, сн. 5); и др.

⁵ О переписке Маклакова и Тырковой см. введение к нашей публикации «Политический роман в письмах»: Из переписки А.В. Тырковой и В.А. Маклакова / Публ. и вступит. ст. О.В. Будницкого, прим. к письмам С.Г. Горайнова // Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн: Гешарим, 2004. С. 302–320.

В.В. Шульгин – В.А. Маклакову, без даты

Дорогой Василий Алексеевич.

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам привет и вместе с тем сообщить Вам кое-что о том, что у нас делается.

Посылаю Вам записку, составленную «Азом» и еще кое-какие материалы¹. От себя добавлю лишь несколько слов.

Союзники. Общее впечатление от англичан – хорошее. Из Добровольческой Армии мне пишут (Степанов²), что «существенный минус перехода штаба Деникина в Севастополь это, что придется иметь дело не с англичанами, а с французами». Англичане, по-видимому, в своей «зоне» действуют устойчиво: сказали, что будут поддерживать Добровольческую Армию и поддерживают. Пуль³ сломил необычайное властолюбие Краснова⁴ и подчинил его Деникину⁵. Но, разумеется, Краснов затаил злобу и от него можно ожидать какого-нибудь фокуса. Ведет он политику крайне правую и, несмотря на это, его поддерживают, поскольку его войска производят хорошее впечатление. Боюсь только, что там много внешности и что Донцы на самом деле гораздо хуже, чем они кажутся. Добровольческую Армию англичане поддерживают добросовестно, в то время как у французов семь пятниц на неделе. Здесь, в Одессе, они, французы, влезли в глупейшую комбинацию с украинцами, которая не дала им ничего в смысле реальной силы, но которая восстановила против них русские круги⁶. Обострение дошло до того, что они закрыли в Одессе газету, которую я издавал, «Россия»⁷. Тушить этот скандал приехал генерал Бертело⁸, который понял, что его командование наделало глупостей и ищет выхода. Вчера он пригласил меня и в общем произвел на меня хорошее впечатление. Прочтите шифрованную телеграмму, которую я послал Драгомирову⁹.

Однако положение у нас далеко не ясно. Согласно распределению с Колчаком¹⁰ Деникин считает, что единственным военным начальником на юге России является он – Деникин. Согласно этому взгляду, по мере освобождения Новороссии от всяких банд – петлюровских и большевистских – должно происходить планомерное рекрутирование Добровольческой, или вернее, Южнорусской Армии. Между тем, французам так напели здешние евреи о непопулярности Добровольческой Армии, что тут усиленно культивируется мысль о

создании какой-то новой армии, которая будет подчинена французам. Эта же мысль, несомненно, бродит в голове Бертело, и должен сознаться, что всякого рода депутации, наши собственные русские депутации, способствуют этим идеям. Разные уездные Кавуры¹¹ мечтают о том, чтобы составить здесь еще одно правительство, но не краевое на правах автономии и подчиненное центральному правительству в лице Деникина, а нечто вроде архангельского образования, которое имело бы дело непосредственно с иностранцами. Старый принцип – разделяй и властвуй – проводится нашими врагами с неослабевающей энергией, и, к сожалению, на эту удочку слишком многие поддаются. Поэтому-то так важно, чтобы состоялось свидание Бертело с Деникиным, о чем мы будем хлопотать всеми средствами.

Чтобы обрисовать в самых общих чертах то, что происходит в России, я бы сказал следующее:

Принцип – Единая Россия – до известной степени приемлется и большевиками, которые недавно выбросили разного рода мазепинцев из Киева. Не думайте, пожалуйста, что мы, киевляне, очень огорчены этим. Наоборот, мы определенно предпочитаем большевиков украинцам, ибо украинцы те же самые большевики, со всеми теми методами управления и террором, но только с бесплатным прибавлением проклятой украинской мовы, от которой делается разлитие желчи у всех, кого не успели перестрелять галицийцы. Поэтому, если нас думают спасать от большевиков при помощи украинцев, то мы категорически отказываемся. Чтобы Вы знали, кто это – мы, сообщаем: мы – самая сильная политическая группа в Киеве, ибо на последних выборах, которые производились (год тому назад) в Учредительное Собрание Украинское, мы в городе Киеве оказались на первом месте. Всего русского населения по переписи 1917 года в Киеве 55%, из которых около 70% шло с нами. Итак, я могу до известной степени говорить от имени «Украинской столицы».

Но я опять съехал на частный вопрос. Я хочу говорить об общем.

Итак, большевики до известной степени тоже идут под лозунгом «Единая Россия». Из-за чего же собственно ведется война между большевиками, с одной стороны, и Деникино-Колчаковским дуумвиратом – с другой стороны? Если вдуматься в этот вопрос, то окажется следующее:

Колчако-Деникинская военная сила стремится превратиться во всероссийскую диктатуру, для того чтобы вызвать свободное волеизъявление русского народа.

Большевики же стремятся к той же цели, т.е. к всероссийской диктатуре ради нее самой: диктатуре для диктатуры.

Это, несомненно, так. Колчака я мало знаю, но Деникин, несомненно, либерал по природе. Вы знаете, что русский либерал с твердой волей и способный отстаивать свои либеральные убеждения силой оружия – это белая ворона в наших условиях, ибо обычно либерализм совпадает с полным отсутствием воли, решимости и твердости. Я знал только одного по существу либерального человека, который вместе с тем был и волевым человеком – это был Столыпин¹². Я думаю, что идеология Деникина близка к Столыпинской с той только разницей, что этот человек гораздо более скромный, менее подготовленный к государственному строительству в крупном масштабе, также как и Столыпин – несокрушимого упрямства в основных вопросах. Многие обвиняют Деникина в слабости: это неверно – нельзя забывать, что он либерал по природе, а потому всякие действия из арсенала диктаторских мер будут им пущены в ход только в случае крайней необходимости. Опыт же показывает, что несмотря на всю его медлительность, он, в конце концов, единственный, кто выживает и неумолимо растет, поглощая остальных. Думаю, что его надо держаться, не мудрствуя лукаво, ибо от добра добра не ищут.

Кажется мне также, что нашим сомневающимся друзьям, представляющим себе, что большевики это демократия, нужно толковать, что если демократия значит большинство, то Деникин сражается именно за то, чтобы выявить свободную волю большинства.

А теперь скажу Вам от себя, что я нимало не сомневаюсь, что через некоторое время воля этого большинства будет определенно монархической, ибо крестьяне, насытившись большевиками, будут требовать только одного – царя.

Но в этом вопросе встречаются невероятные трудности. Царская семья погибла вся, в том числе и наследник. Михаил Александрович¹³ по всем данным тоже погиб, по крайней мере, ни малейшего следа его не удалось найти. Брасова¹⁴ была в Одессе, но она ничего не знает. Так как вслед за Михаилом Александровичем идет Кирилл, то мне кажется единственным выходом было бы при помощи Учредительного или Национального Собрания поставить маленького сына Михаила Александровича, избрав ему соответствующего регента¹⁵.

Но это еще очень отдаленное. Я хочу вернуться на несколько минут к союзникам и сказать, что в общем медленность, с которой они действуют, превосходит всякие ожидания.

Не буду говорить о том, что пока они прислали сюда ничтожные силы. В отношении французов это может быть совершенно правильно, так как у нас нет абсолютно никакой уверенности во француз-

ских войсках. Но кажется, можно было бы поторопиться присылкой всевозможных предметов снаряжения и вооружения, которых у союзников колоссальный и ненужный им запас. Быть может, в самое последнее время что-нибудь и поступило, чего я не знаю, но до 10 января по ст[арому] ст[илю] было получено:

1) Большой пароход с медикаментами.

2) Большой транспорт английских шинелей, которые не выгрузили во избежание скандала: оказалась такая рвань и дрянь, что не решились даже ее показывать.

3) Много винтовок и патронов, а также орудия со снарядами, привезенными из Румынии. Все это наше собственное, остатки Румынского фронта.

4) С того же Румынского фронта привезены были полушубки и сапоги, но их пришлось выбросить, ибо они оказались испорченными.

Вот и все пока. Что касается товаров, за которые можно было бы здесь купить все население с душой и телом, то до сих пор не доставлено ни одного носового платка. Благодаря этому цены, например, в Одессе сумасшедшие. Например, крахмальная рубашка стоит свыше двухсот рублей.

На все наши сетования по поводу товаров отвечают, что нет тоннажа. Может быть это и так, но если судить по некоторым другим признакам, то дело вовсе не в тоннаже, а в том, что на Россию махнули рукой и занимаются другим, более интересным делом.

Вот Вам доказательство: когда нас захватили немцы, мы вдруг почувствовали себя приобщенными к цивилизованному миру: мы стали получать, правда, в немецком освещении, но все же всю ту информацию, которую имела Германия. Были устроены агентства, приезжали журналисты, вообще мы снова вошли в прикосновенность к Европе, несмотря на то что шла война.

Теперь же, когда война кончилась и союзники, победив по всему фронту, будто бы продолжают считать нас жертвою войны и хотя бы нам помочь, оказалось, что никогда мы не были так заброшены и так отрезаны от всего света. Кроме идиотских радио, вечно перевранных, неизвестно какой станцией отправленных, мы не получаем почти ничего и поистине живем в таком царстве, из которого хоть три года скачи, все равно не доскачешь. Это усугубляется тем, что французы ставят неистовые препятствия всем порядочным людям, которые хотели бы проехать за границу. Всякие мерзавцы, конечно, устраиваются всякими темными путями, но если нужно поехать для дела, для России, тогда вырастает стена. Англичане и в этом отношении гораздо более любезны.

Каковы истинные намерения англичан относительно России мы, конечно, не знаем, но пока мы ясно чувствуем умелость англичан обращаться с «дикими народами», чего совершенно не умеют французы.

Простите мне сумбурность этого письма; не имею достаточно времени, чтобы написать коротко и толково.

В. Шульгин

Машинопись. Копия.

British Library, Manuscript Division, H.W. Williams Papers, Add. 54446. Л. 111–115.

¹ «Аз» – псевдоним Анатолия Ивановича Савенко (1874 – после 1920), журналиста, сотрудника шульгинского «Киевлянина». Придерживался право-националистических взглядов, был одним из инициаторов создания, затем одним из руководителей «Клуба русских националистов» в Киеве. Депутат 4-й Государственной думы от Киевской губернии, один из лидеров фракции националистов. В период Первой мировой войны несколько «полевел» и вошел, как и Шульгин, в состав Прогрессивного блока.

Псевдоним «Аз» был присвоен Савенко как члену частной осведомительной организации «Азбука», основанной Шульгиным в марте 1918 г. в Киеве и просуществовавшей до декабря 1919 г. Об «Азбуке» см.: *Kenez Peter. Civil War in South Russia, 1919–1920.* Berkeley, 1977. P. 65–71; К истории осведомительной организации «Азбука» / Публ. В.Г. Бортневского // Русско прошлое. СПб., 1993. Кн. 4. С. 160–193.

Упомянутая Шульгиным Записка «Аза», также как и другие материалы, не сохранились, во всяком случае в фонде В.А. Маклакова в архиве Гуверовского института они отсутствуют.

² Степанов Василий Александрович (1871–1920) – горный инженер; депутат 3-й и 4-й Государственных дум, член ЦК партии кадетов. Один из руководителей Национального центра, член Особого совещания при генерале А.И.Деникине. Сотрудник «Азбуки» (псевдоним – «Слово»), заместитель Шульгина по руководству организацией, некоторое время (декабрь 1918–январь 1919 г.) возглавлял ее.

³ Генерал Ф. Пуль, представитель Великобритании на юге России, сыграл решающую роль в подчинении Краснова Деникину. Краснов под давлением представителей союзников, прежде всего Пуля, был вынужден согласиться на объединение Добровольческой и Донской армий под общим командованием Деникина. Объединенные войска стали называться Вооруженными силами Юга России. Пуль даже предлагал поначалу Деникину «свалить» Краснова, но тот отказался. Впрочем, после признания Красновым главенства Деникина 8 января 1919 г., он оставался атаманом немногим более месяца и 19 февраля был вынужден выйти в отставку.

⁴ Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского. В 1918 г. придерживался германской ориентации и отстаивал значительную степень самостоятельности Дона.

⁵ Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, один из зачинателей Юеолого движения, командующий Добровольческой армией с апреля 1918 г., в декабре 1918 – марте 1920 г. – Главнокомандующий вооруженными силами Юга России. С 1920 г. – в эмиграции.

- ⁶ Командующий союзными войсками на юге России генерал Ф.Д'Ансельм, к возмущению Шульгина, не делал ставку исключительно на Добровольческую армию, и заявил ему в середине января: «Мы должны поддерживать у вас все элементы порядка, а до того, кто за единую Россию, кто против – нам нет дела». Цит. по: *Шульгин В.В.* 1917–1919. Предисл. и публ. Р.Г. Красюкова. Комментар. Б.И. Колоницкого // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 321.
- ⁷ Газета «Россия: одесское издание» выходила с 9/22 января по 25/2 февраля 1919 г. Главным редактором и издателем (совместно с В.Г. Иозефи) был Шульгин, редактором одесского издания – Е.А. Ефимовский (любопытно, что последний, юрист по профессии, считал себя учеником Маклакова). Указание в подзаголовке «одесское издание», несомненно, должно было подчеркивать связь с выходившей в Екатеринодаре с 15 августа по 2 декабря 1918 г. одноименной газетой, основателем и одним из редакторов которой был Шульгин. Впоследствии екатеринодарская газета стала называться «Великая Россия». С августа 1919 г. она издавалась в Ростове-на-Дону, в 1920 г. – в Крыму. Что же касается ее одесской реплики, то она была закрыта по распоряжению французских властей за публикацию резко критических статей о предложении президента США В. Вильсона всем противоборствующим в России силам заключить перемирие и собраться на конференцию на Принцевых островах. Преемницей одесской «России» стала газета «Южная Русь», выходившая с 9/22 февраля по 22 марта/4 апреля 1919 г. под редакцией Ефимовского.
- ⁸ Бертело (Berthelot), Анри (1863–1931), генерал, руководитель французской военной миссии в Румынии в октябре 1916 – марте 1918 г. и в октябре 1918 – мае 1919 г. Реформатор и фактический главнокомандующий румынской армии, в его подчинении находились также французские войска на юге России.
- ⁹ Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1956), генерал от кавалерии; высшая должность в период Первой мировой войны – главнокомандующий армиями Северного фронта. Участвовал в создании Добровольческой армии; в сентябре 1918 – сентябре 1919 – председатель Особого совещания, т.е. фактически глава денкинского правительства. С сентября 1919 г. – главноначальствующий Киевской области и командующий группой войск Киевского направления. После смены Деникина генералом П.Н.Врангелем – генерал для поручений. С 1920 г. – в эмиграции.
- ¹⁰ Колчак Александр Васильевич (1874–1920), вице-адмирал, ученый-гидрограф. В 1916–1917 гг. – командующий Черноморским флотом. С октября 1918 г. – военный и морской министр в правительстве Уфимской Директории. В ноябре 1918 г. в результате военного переворота был объявлен верховным правителем России. В описываемое время еще не был признан верховным правителем руководителями основных антибольшевистских формирований.
- ¹¹ Кавур (Cavour), Камилло Бенсо (1810–1861), лидер движения за объединение Италии, в 1852–1861 (с перерывом в 1859) – премьер-министр Сардинского королевства, вокруг которого стремился объединить страну; глава правительства единого Итальянского королевства (1861).
- ¹² Столыпин Петр Аркадьевич (186–1911), министр внутренних дел (с апреля 1906), одновременно председатель Совета министров (июнь 1906 – сентябрь 1911).
- ¹³ Великий князь Михаил Александрович (1878–1918), младший брат императора Николая II, был убит 13 июня 1918 г. недалеко от Перми местными большевиками. см.: *Мясников Г.И.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова / Публ. Б.И. Беленкина и В. К. Виноградова // Минувшее: Ист. альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 7–191.
- ¹⁴ Брасова Наталья Сергеевна (1880–1952), урожд. Шереметевская, по первому мужу Мамонтова, по второму Вульферт, в третьем браке морганатическая жена

великого князя Михаила Александровича (с 1912), с этого времени графиня Брасова. После революции в эмиграции в Дании, затем в Англии.

- ¹⁵ Кирилл Владимирович, великий князь (1876–1938), внук императора Александра II, старший сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, двоюродный брат императора Николая II, свиты его величества контр-адмирал. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1915 г. командовал гвардейским экипажем. Во время Февральской революции 1917 г. во главе экипажа прибыл в здание Государственной думы и объявил о своей поддержке новой власти. По некоторым свидетельствам Кирилл носил в эти дни красный бант. Воспоминания о поведении потенциального претендента на престол в февральские дни делало его кандидатуру неприемлемой для многих монархистов.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>В.И. Меркулов.</i> Исторические истоки Руси	3
<i>В.В. Фомин.</i> Норманистская версия происхождения имени «Русь» и ее научная несостоятельность.....	11
<i>К.А. Соловьев.</i> Осмысление темы властных отношений в Древней и Средневековой Руси в советской историографии (1920-е–1980-е годы).....	70
<i>Е.П. Титков.</i> Просветительская деятельность епископа Дамаскина: опыт мировоззренческой симфонии.....	89
<i>Л.А. Сидорова.</i> Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX–XX веков	108
<i>А.В. Буганов.</i> Выдающиеся личности российской истории и формирование национального самосознания	120
<i>Н.В. Иллерицкая.</i> Историки России XIX–XX вв. о содержании и эволюции предмета историографии	142
<i>А.В. Сидоров.</i> «Историк-марксист» семьдесят лет назад: смена приоритетов в советской исторической науке.....	165
<i>Н.Ф. Бугай.</i> Проблемы адаптации и интеграции этнических меньшинств России в 1990-е годы – начале XXI века (на примере российских цыган) ...	188
<i>И.И. Бучанов.</i> Современное состояние и задачи исследований по гуситологии – важной отрасли отечественного славяноведения	229

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Ю. Янчаркова (Чехия).</i> Историк искусства Н.Л. Окунев (1885–1949). Жизненный и научный путь	239
	371

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>В.В. Тихонов. Жизнь и научная деятельность Б.И. Сыромятникова</i>	281
--	-----

ВСПОМИНАЯ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ И КОЛЛЕГ

<i>В.В. Трепавлов. Сергей Григорьевич Агаджанов (к 80-летию со дня рождения)</i>	309
--	-----

<i>А.А. Данилов. Юрий Иванович Кораблев</i>	315
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Письма М.С. Корелина В.И. Герье (подг. Д.А. Цыганков)</i>	321
--	-----

<i>«Деникин, несомненно, либерал по природе». (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина) (подг. О.В. Будницкий)</i>	361
--	-----

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
2007

Историографический вестник

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.В. Абрамова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмельникова*
Корректор

Подписано к печати 00.00.2009. Формат 60 × 90^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 00,0 + 1,0 Усл.кр.-отг. 00,0. Уч.-изд.л.00,0
Тираж 000 экз. Тип. зак. 0000

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-036987-0

9 785020 369870